

Эдвард Дасекон 4

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

89

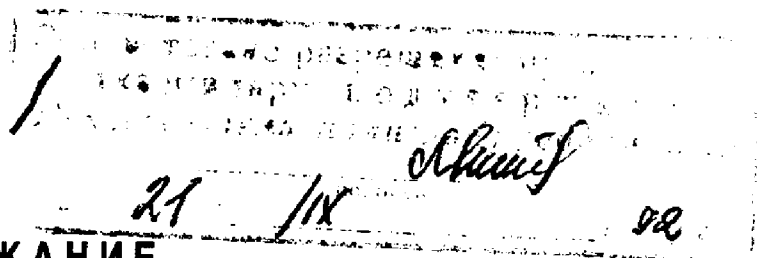
92

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8-9/92

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б)
1937 года 3

СТАТЬИ

Р. У. Дэвис, П. Гатрелл — От царизма к нэпу 30

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Г. А. Дубовицкий — Эндрю Джексон 52

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 69

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты . . . 107

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

В. Н. Булатов — Арктическая комиссия 148

В. Т. Сушко — Зимний дворец до и после 25 октября
1917 года 151

В. С. Чесноков — Подолинские и Бердяевы (родствен-
ные связи) 156

Выходит
с 1926 года

АКЦИОНЕРНОЕ
ОБЩЕСТВО
«ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ГРУППА
„ПРОГРЕСС“»
МОСКВА

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Актуальные теоретические проблемы современной исторической науки 159
- А. Н. Медушевский** — Либерализм как проблема современной западной историографии 167
- Н. А. Хачатурян** — П. Н. Кудрявцев. Лекции. Сочинения. Избранное 178
- М. И. Бацер** — М. А. Барг. Великая Английская революция в портретах ее деятелей 180
- В. Н. Виноградов** — Лотар Галль. Буржуазия в Германии 182
- Ф. Г. Фанин** — Р. Перну. Женщина во времена Крестовых походов 184

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- С. И. Жук** — Одномерна ли история? 186
- Н. Е. Дементьев** — Пора отойти от прежних оценок ленинизма 188
- Возродим русское историческое общество 190

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX века

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

25 февраля 1937 г. Утреннее заседание

М о л о т о в (председательствующий). Заседание пленума объявляю открытым. Слово имеет т. Андреев.

А н д р е е в¹. Товарищи, мы заслушали две довольно пространные речи т. Бухарина и т. Рыкова, прочли довольно пространные письменные объяснения т. Бухарина. Какой же вывод напрашивается в результате всего этого? Мне кажется, что, несмотря на новые показания, которые полностью обличают т. Рыкова и т. Бухарина, несмотря на очные ставки, которые были проведены, они остаются, по-моему, все же на позициях, которые занимали на прошлом пленуме, на позициях отрицания своего участия. Только так можно понять все их объяснения, которые они сделали пленуму Центрального Комитета.

Второй вывод, который напрашивается из этих объяснений, это, по-моему, тот вывод, что т. Бухарин и т. Рыков даже уклоняются от признания самого факта антисоветской деятельности правых элементов, уклоняются от признания этого факта и уклоняются от того, чтобы дать оценку этой антисоветской деятельности правых. Посмотрите документ, который прислал т. Бухарин членам пленума. Есть там хоть какая-нибудь попытка дать оценку всем этим разоблаченным фактам деятельности правых элементов, антисоветской деятельности? Нет, этих попыток нет. Особенно их нет у Бухарина. А между тем, о чем говорят следственные материалы, которые предоставлены всем членам пленума?

Они, мне кажется, прежде всего, окончательно разоблачают правых, разоблачают в том смысле, что никакой — теперь уже ясно, — что никакой разницы между троцкистами и между правыми не было, не существовало этой разницы. Эти следственные материалы со всей очевидностью указывают на то, что в течение нескольких лет правые шли той же дорожкой, как шли троцкисты. Не было между троцкистами и правыми никакой разницы в том, что как троцкисты, так и правые полностью сохранили свои кадры, имели целую систему законспирированных организаций во главе со своим центром и с местными организациями в областях. Нет разницы между троцкистами и правыми и в программных вопросах. Не было этой разницы. Все они сходились на непримиримости к социалистической политике партии и в отношении сельского хозяйства, и в отношении промышленности. Все

Продолжение. См. Вопросы истории, 1992, №№2—6.

они сходились — теперь это ясно — на реставраторской программе и в отношении отказа от социалистической индустриализации, и в отношении роспуска, ликвидации колхозов и совхозов в сельском хозяйстве.

Наиболее яркое выражение эта позиция правых, ничем не отличающаяся от троцкистской, наиболее яркое выражение она получила в известной рютинской платформе 1932 г., а наиболее последовательный прямолинейный ученик т. Бухарина — Слепков прямо формулирует, что нам выгоднее американский путь развития. Какая же, спрашивается, после всего этого разница между троцкистами и правыми? Нет, этой разницы не было.

Не оказывается никакой разницы и в средствах осуществления этой программы. Правые избрали уже давно, начиная с 1929 г., ту же тактику обмана партии путем двурушничества. Это теперь с полной ясностью вскрывают такие показания, как показания Шмидта, Угланова, Радина и всех остальных, что они придерживались той же тактики обмана партии, двурушничества, какой придерживались и троцкисты. Из этих показаний становится ясно, что те неоднократные заявления о признании своей неправоты перед партией, своих ошибок и т. д. были только маневром для того, чтобы сохранить себя в рядах партии. Правые, не имея никакой поддержки в массах, пришли к тем же средствам борьбы, к каким пришли троцкисты, — к террору и вредительству.

Из следственных материалов ясно, что дело не ограничивалось только террористическими настроениями, установками и разговорами, а были и практические шаги: следствием вскрыто существование целого ряда организованных боевых террористических групп — Славинского, Афанасьева, Носова, в Саратове существовала группа, — так что дело было не только в установках и в настроениях. Выслеживались маршруты следования машин членов правительства, как это теперь подтверждено следствием. Дело также не ограничивалось общими установками и в отношении вредительства. Правые, как теперь установлено показаниями, вели вредительскую работу и в промышленности — это показывают Яковлев, Козелев, Шмидт, и в сельском хозяйстве — об этом говорит Зайцев, об этом говорит Головин — о работе правых на Урале, об этом говорит Белобородов — о вредительской работе в сельском хозяйстве в Азово-Черноморском крае.

Установлены факты вредительства и в отношении рабочего снабжения, результатом чего была «волынка», организованная правыми в Вичуге. Установлены вредительские акты правых, по показаниям Котова, и в отношении социального страхования — пособия выдавались не тем, кому нужно, поддерживалась искусственно безработица, фонды транжирились, расходовались, дела запутывались. Это ясно признал Котов. Значит, правые и тут шли общими путями с троцкистами. Общими путями.

Но только ли дело, товарищи, так сказать, в совпадении этой линии и практики правых с троцкистами? Нет. Следственные данные указывают и на организационные связи с троцкистами, на блокирование правых с троцкистами, что правые работали не обособленно, а в контакте с троцкистами, а в некоторых звеньях прямо переплетались и троцкисты и правые, вместе работали, за компанию, «вместях» работали. Об этом говорят очень многие показания, особенно Белобородова. Головин по Уралу в своих показаниях говорит, что правые сплелись в одно целое с троцкистами в террористической работе и во вредительстве.

Все это говорит о том, что логика борьбы правых с партией привела их к тому же, к чему и троцкистов, что правые так же скатились в эту грязную яму предательства, измены, вредительства, террора, что и троцкисты. Отсюда я, товарищи, и хочу сделать вывод, что и борьба с правыми должна быть аналогична борьбе с троцкистами. Вот общий вывод, который напрашивается из того следственного материала, который представлен в распоряжение пленума Центрального Комитета.

Но в каком отношении ко всему этому находится Бухарин и Рыков? Этот конкретный вопрос стоит сейчас на пленуме Центрального Комитета. Я думаю, что период с последнего пленума внес дальнейшую ясность и накопление новых данных о том, что и Бухарин и Рыков не могли не знать, как о том, что делалось в лагере троцкистов и зиновьевцев, так и особенно в рядах своих сторонников.

Прежде всего стоит вопрос о том, что существуют до сих пор известные показания троцкистов и зиновьевцев, спрашивается: эти показания опровергнуты и

Бухариным и Рыковым? Они существуют, эти показания, опровергнуты эти показания или нет о связях троцкистов с правыми, о том, что правые знали, что делается у троцкистов, о том, что троцкисты показывают на существование центра правых? Так вот, первый вопрос, который стоит, это — опровергнуты ли эти показания троцкистов и зиновьевцев? Нет. Несмотря на очные ставки, несмотря на то время, которое было дано, несмотря на выступления, которые тут были, эти показания остаются не опровергнутыми. Они остаются существующим фактом. Больше того, за этот период три члена центра признали эти показания троцкистов и зиновьевцев.

Смотрите, что показывает Угланов, смотрите, что показывает Шмидт, участники центра правых. Они целиком подтверждают то, что показывал Пятаков, то, что показывал Радек, то, что показывал Каменев. Они подтверждают эти показания. Ясно теперь, что и Томский подтверждал эти показания троцкистов о связях с правыми, целиком подтверждал. Он полуподтвердил это своим выступлением на ОГИЗ'е, стенограмма эта существует, а окончательно подтвердил, я считаю, своим выстрелом, окончательно подтвердил эти показания, потому что незачем ему было иначе стреляться.

Три члена правых подтвердили показания троцкистов и зиновьевцев. Вот этот факт, товарищи, существует, от него нельзя уйти всякими оговорочками, нельзя от него уйти. Ясно теперь, что и Рыков, и Бухарин знали, не только знали, а были связаны с троцкистами и зиновьевцами. Были связаны. У Рыкова и Бухарина остается только один до сих пор аргумент, который они употребляли и на прошлом пленуме: «оклеветали». Но, товарищи, этого аргумента теперь недостаточно. Одного этого аргумента недостаточно, просто потому, что известно, что этим аргументом очень широко пользовались троцкисты и зиновьевцы; Пятаков и Радек пользовались этим аргументом, а что потом оказалось?

Известно и другое обстоятельство, что многого троцкисты и зиновьевцы, осужденные не сказали. Это ясно теперь, многое они унесли с собой, теперь раскапывать дополнительно приходится, многого не сказали. Но то, что они сказали, то оказалось правдой. Ни одно показание, которое было дано троцкистами, ни одно показание не оказалось ложью. Все подтвердилось (П о с т ы ш е в. Правильно.) на всех людей, на которых они показывали, оказалось правдой. Вот этот факт тоже существует. И я считаю, что первый вывод, который напрашивается сам собой: показания троцкистов не опровергнуты ни Бухариным, ни Рыковым, а значит, они существуют. Они, эти показания, обвиняют и Бухарина и Рыкова.

Но если здесь употребляют в качестве аргумента «оклеветали», то теперь есть еще более серьезные, более многочисленные показания правых из числа самых близких людей, из числа учеников и Бухарина и Рыкова. Тут уж нельзя отделаться аргументом «оклеветали», нельзя отделаться аргументом, что оговорили. Оговорить можно одному-двум человекам, но когда все показывают, тут уже оговора не может быть. Все показывают — куда ты уйдешь? Все показывают. Во-вторых, какой же, собственно, смысл — вот вам задавали этот вопрос — какой же смысл этим людям оговаривать самих себя? Прежде всего, нет никакого смысла (Ш к и р я т о в. Конечно.), что это, сплошь сумасшедшие люди? Пока что т. Рыков нашел одного сумасшедшего — Нестерова. В отношении остальных он не выдвигает этого. Спрашивается, какое же основание этим людям топить самих себя, показывать на самих себя?

Это первое, на что и т. Бухарин не ответил, когда ему задавали вопрос. И второе — какой смысл топить, оговаривать близким людям, ученикам, помощникам, десятки лет работавшим вместе с Бухариным и Рыковым, какой им смысл оговаривать вас, т. Бухарин и т. Рыков? Никакого смысла нет. Я считаю, что тут может быть только один ответ, что эти люди, которые дали вот эти показания, розданные членам ЦК, эти люди, припертые фактами к стене, не в состоянии уже больше скрывать вашу роль в организации правых. (Ш к и р я т о в. И не все сказали.) Они сказали не все, но они сказали то, что дает нам основание считать вас руководителями правой организации. (Ш к и р я т о в. Правильно.) Таким образом, многочисленные факты встреч, всех этих самых установочных разговоров и связей Рыкова и Бухарина с разоблаченными правыми террористами и вредителями остаются не опровергнутыми ни Рыковым, ни Бухариным. Не опровергнуты, значит, они были. Значит, эти встречи, это руководство было.

Третье обстоятельство, которое нам необходимо иметь при рассмотрении

вопроса, которого отчасти уже касался Микоян, это то, что кое о чем говорят уже и собственные признания Бухарина и Рыкова. Первое — известно, что на прошлом пленуме т. Бухарин категорически отрицал свои встречи с Куликовым после 1929 года. На очной ставке и потом на теперешнем пленуме он уже признает, что в 1932 г. он встречался с Куликовым. Он объясняет это забывчивостью. Нет, т. Бухарин, это не забывчивость. Это значит, что уже припертому к стене нельзя уйти от фактов этой самой встречи. Нельзя. Это объясняется не забывчивостью.

Второй факт. Тов. Бухарин заявил, что он с 1929 г. прекратил всякую борьбу с партией, а теперь, оказывается, выявляется новый период до 1932 г., когда у него оставались известные разногласия в переходный период. (Ш к и р я т о в. Двойственность он сказал.) Чего же, спрашивается, стоят ваши заявления в 1929, 1930 г. о том, что вы полностью порвали с оппозицией и перешли на позиции партии? Этот факт говорит о двурушнической подаче этих самых заявлений. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.)

Третий факт в отношении Бухарина. Он заявил о том, что он порвал с молодыми, со своими учениками, давно их не видел и т. д. А теперь в заявлении что мы читаем? Он говорит: «Я смотрел сквозь пальцы на группировку у молодежи, на разговоры о том, что все же кадры нужно придержать. Я лишь иронизировал по поводу кадришек, думая, что если я займу крутую линию, то от меня все эти люди уйдут». Дело не в забывчивости. Дело в том, что припертый фактами, он вынужден уже кое-что признавать. Вынужден.

Рыков то же самое, будучи припертый фактами, вынужден признать уже кое-что, чего он раньше не признавал. Раньше он отрицал всякие встречи, всякие политические разговоры с правыми террористами и вредителями. А теперь вынужден был признать свою встречу с Радиным и политическую беседу с ним. Факт это или не факт?

Второе признание, которое он вынужден был сделать о том, что они собирались и читали рютинскую платформу. (Р ы к о в. Я это не отрицал.) А мы это помним, что он утверждал, что слышать не слышал и видеть не видал. (Ш к и р я т о в. Верно, на пленуме отрицал.) А теперь смотрите, собирались, читали вместе эту платформу. Я думаю, что теперь на основании данных показаний вообще миф об этой рютинской платформе исчез, он распался, этот миф. (Г о л о с с м е с т а. И о дикой группе). Он больше не существует. Действительные творцы рютинской платформы налицо установлены — это был правый центр в составе Рыкова, Томского, Бухарина, Угланова, Шмидта. Они были настоящими творцами рютинской платформы, а не кто иной, иначе зачем же нужно было прятать факт, что читали рютинскую платформу, обсуждали? Нужно было передать в ЦК о существовании этой платформы. Это сделано не было, это была стратегическая хитрость, назвать эту платформу рютинской, потому что это была стратегическая хитрость, которую теперь полностью раскрывают показания и Угланова и Шмидта.

И вот, разрешите мне, так как это дело очень важное: рютинская платформа, как известно в 1932 г. с полной отчетливостью формулирует и программные и тактические установки правых. Программные в том отношении, что дело надо вести на ликвидацию колхозов, на ликвидацию социалистической индустрии, а тактические, что дело надо вести на то, чтобы убрать нынешнее руководство — ставился вопрос о терроре.

Вот что Шмидт говорит. Так как показание это вам не роздано, не успели еще раздать, то я его поэтому оглашу ввиду особой важности: «Дело было в 1932 году. Было решено, что настал момент подвести итоги всей борьбы предшествующего периода, уяснить для себя и дать ответ нашим единомышленникам на волнующие их вопросы, касающиеся настоящего и будущего. Эти ответы и нашли выражение в этой так называемой рютинской платформе. Вопрос следователя: Почему так называлась? Ответ: По той простой причине, что в составлении этой платформы участники нашей организации Рютин, Галкин и другие играли сравнительно подчиненную роль, это по существу были подставные лица. Действительными же авторами этой платформы были члены центра: Рыков, Бухарин, Томский, Угланов и я — Шмидт». (П о с т ы ш е в. А у них духу не хватает сказать.) Дальше. «Следователь: Вопрос о составлении документа кто формулировал? Шмидт: Были даны программные и тактические установки на одном из совещаний центра в начале 1932 г.

на даче у Томского в Болшеве, в принятии этого решения участвовали: Бухарин, Рыков, Угланов, Томский и я — Шмидт. Здесь были сформулированы основные положения, затем отражены в платформе и поручено по соображениям конспирации через Угланова оформить, это было поручено Рютину. Он должен был оформить в виде проекта. Повторяю, что основные установки для документа были даны на этом совещании членами центра.

В августе 1932 г. в связи с тем, что текст платформы был готов, на даче у Томского собрались: Рыков, Угланов и я — Шмидт. Бухарина, кажется, не было, он в это время был в отпуске. Но независимо от его отсутствия он вместе с остальными членами центра, в том числе со мною, в начале 1932 г. формулировал основные положения содержания платформы. Больше того, осенью 1932 г. Томский сказал, что после возвращения Бухарина в Москву, он, Томский, ознакомил Бухарина с платформой, содержание которой Бухарин одобрил. Само обсуждение текста платформы на августовском совещании я застал уже в конце, т. к. я пришел с опозданием. Из отдельных выступлений я запомнил выступление Рыкова, который считал экономическую часть слабой, а часть, касающуюся террора, написанной хорошо и правильно. Томский говорил, что это можно исправить, главное не в экономической части, а в разделе о терроре, а эта часть изложена правильно, не стоит спорить. Я поддержал Томского, и текст был одобрен. Текст был принесен Углановым и им был унесен. При мне зачитывались пункты и шло обсуждение. Вопрос следователя: Почему платформа получила название рютинской? Ответ: Исключительно по соображениям конспиративным. Было обусловлено, что в случае провала нужно будет изобразить эту платформу как творение локальной группы Рютина—Галкина. Сам Рютин дал на это согласие полностью, чтобы окончательно перестраховать членов центра правых в смысле непричастности к этой платформе. Вы в самой платформе найдете места, слегка лежащие вождям правых». (Ш к и р я т о в. Да, это есть там.)

Так в 1932 г. не были вскрыты действительные авторы этой платформы. Вот, товарищи, вся эта механика, вся стратегия, которую теперь один из членов центра ясно раскрыл. Она теперь ясна полностью, вот правда-матка, от которой уйти никуда нельзя.

Но я хотел сопоставить еще одно немаловажное обстоятельство, общеизвестный факт, это поведение лидеров правых, т. е. Томского, Бухарина, Рыкова, Смирнова, Угланова, Шмидта и всех прочих и остальных правых, их поведение. Товарищи, их поведение, одно то, что надо вспомнить их поведение во время великого перехода, который партия совершала с 1928 по 1937 год. В чем выразилось их участие в этом великом переходе? Ведь одно поведение о многом говорит. (П о с т ы ш е в. О вредительстве.) В стране кипела работа, каждый, кто был сердцем и душою предан партии, он горел на этой работе.

В стране шла коллективизация, ликвидировали кулацкий класс, шла социалистическая индустриализация, стахановское движение, подготовка новой Конституции. А где же были правые? В чем же проявилась их политическая активность, участие во всех этих больших делах, на всем этом большом переходе, который совершала партия? В чем выразилась их роль? (П о с т ы ш е в. В предательстве и вредительстве.) И если сопоставить теперь поведение Сокольников, поведение Серебрякова в этот период, то чем отличается, спрашивается, поведение Томского и Бухарина от этого самого поведения Сокольников и Серебрякова? Ничем, абсолютно ничем. (Г о л о с с м е с т а. Два сапога пара.) Если сравнить, то они целиком тут себя сравнивали. Ясно, нет основания думать, что правым мешали присоединиться к этому великому движению в стране. Ничего подобного. Партия сделала все для того, чтобы дать возможность этих людей сохранить на очень больших постах, дать возможность включиться в это движение.

Нет оснований также думать и о том, что люди перешли в лагерь обывателей, решили отдохнуть от большой политической работы, устали и т. д. Чепуха это все, чепуха! В чем же дело? Дело в том, что люди за собой мосты не сожгли, разоружиться — не разоружились, у них оставалась полностью вера в свою правоту, т. е. в свою реставраторскую программу — именно это их соединило больше с троцкистами, чем с партией, — оставалась общая основа с троцкистами — ненависть к руководству партии и советской власти, сохранились все связи, все окружение. Вот что мешало им слиться с этим движением, которое у нас в стране было, и той рабо-

той, огромной работой партии, работой советской власти. Вот что им мешало включиться в эту самую большую работу.

Теперь в свете этих самых показаний разоблаченной работы правых, теперь совершенно ясна вся подоплека этой политической пассивности, ясна подоплека всего этого дела. Это была не пассивность, это была враждебность, (Б у д е н н ы й. Совершенно правильно.) Это была враждебность, занятая к линии партии, с одной стороны, и, с другой стороны, они были заняты другой работой, совсем другой работой, — вот объяснение этой самой пассивности. (Б у д е н н ы й. Совершенно правильно.) Я еще хотел одно обстоятельство взять к рассмотрению. Немыслимо, по-моему, чтобы Нестеровы, Радины, Цетлины, Ягломы и другие люди, преданные, а мы же знаем многих из них, люди, преданные Томскому, Бухарину по соответствующей линии, преданные от начала до конца, чтобы эти люди пошли по пути троцкистов, неммыслимо, чтобы они самостоятельно пошли по этому пути, неммыслимо, чтобы они пошли по этому пути, если бы Бухарин, Рыков, Томский, Угланов сопротивлялись бы этим людям, их настроениям, — неммыслимо, чтобы пошли. А где же хотя бы один факт, известный ЦК, когда Рыков, Бухарин останавливали бы своих людей, где же хотя один факт, доведенный до Центрального Комитета, что они сопротивлялись этим террористическим, вредительским, антисоветским настроениям — ни одного этого факта нет.

Сомнительно, чтобы все эти кадры правых, теперь схваченные, уличенные на вредительской работе в террористических группах и т. д., сомнительно, чтобы эти самые кадры правых действовали так уверенно и самостоятельно без своих генералов, — я этому не верю, товарищи, как бы тут ни говорил, ни клялся Бухарин и Рыков.

Вот все это сопоставление основных фактов, показаний, их поведения лично меня приводит к твердому убеждению, что Бухарин и Рыков знали о предательской работе троцкистов. (П о с т ы ш е в. Безусловно.) Знали, были с ними связаны. Что Бухарин и Рыков не только знали о деятельности правых элементов, но очень осторожно, очень тонко оставались руководителями этих правых элементов, до последнего времени оставались их руководителями, поддерживали с ними связь, поощряли их в антисоветской деятельности и толкали их на преступления, толкали этих людей на преступления, — в этом я убежден, как бы тут ни отрицали Бухарин и Рыков.

Чего, спрашивается, стоят после всего этого заявления и намеки Бухарина и Рыкова, что не дают, дескать, оправдаться, не верят нашим клятвам и т. д. (Э й х е. Перестали верить, слишком долго верили.) Нет, нет, по отношению к вам партия и Центральный Комитет дали достаточный срок, более чем достаточный срок и средства, чтобы разоружиться и оправдаться.

Никому такие сроки не были предоставлены из оппозиционеров и врагов, партия никому, как вам, таких сроков не предоставляла. Партия сделала максимум того, чтобы вас сохранить в своих рядах, сколько было потрачено усилий, сколько было потрачено терпеливости в отношении к вам со стороны партии и, особенно, я должен сказать, со стороны т. Сталина. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) Да, именно со стороны т. Сталина, который призывал, постоянно предупреждал, когда те или иные товарищи, когда те или иные местные организации ставили вопрос, как говорится, «на попа» в отношении правых и когда поднимался вопрос в ЦК, т. Сталин предостерегал от излишней торопливости, он нас всегда предупреждал. Однако вы злоупотребили этим доверием партии. (Г о л о с с м е с т а. Обнагтели.) Злоупотребили всем этим отношением партии к вам и вместо того, чтобы полностью разоружиться и сжечь за собой мосты, использовали методы двурушничества и обманов партии, вместо того, чтобы помочь партии разоблачить троцкистов, зиновьевцев. (Б у д е н н ы й. И себя.) Правых контрреволюционеров вы прикрывали, были связаны с этими врагами советской власти и партии.

Я спрашиваю товарищей, чего же стоят после этого все эти клятвы, слезы Бухарина, перемешанные с враньем, перемешанные с попыткой продолжать бороться с ЦК голодовкой, угрозой смерти и т. д., чего стоит все это, перемешанное вместе? Ясно, что человеку, людям, у которых совесть чиста, им эти средства не нужны. (Б у д е н н ы й. Правильно.) Все ваше поведение подтверждает, что вы попались с поличным, и куда гораздо честнее было бы притти и сказать ЦК: «Да, мы попались, мы виноваты в том-то и в том-то, судите нас». Куда честнее

было бы такое поведение, чем эти бесконечные выкрутасы. И вы еще имеете смелость требовать от партии к вам доверия, чтобы вам поверили на слово, слишком серьезные уроки партия извлекла из троцкистской, антисоветской работы, из предательства троцкистов, зиновьевцев, правых, леваков, слишком серьезные уроки извлекли мы на всем этом, чтобы дальше верить на слово. Не можем мы на слово вам поверить.

Я кончаю и думаю, что, товарищи, ЦК партии располагает достаточными данными не только к тому, чтобы вывести и Бухарина и Рыкова из состава ЦК и исключить из партии, но и передать дело следственным органам. (Г о л о с а с м е с т . Правильно, вот это правильно.)

М о л о т о в. Слово имеет т. Кабаков.

К а б а к о в. Товарищи, по данному вопросу на пленуме ЦК фактически подводятся итоги деятельности Бухарина и Рыкова. Они члены партии, кандидаты в члены ЦК, крупные политические деятели. Тот и другой в своих речах, Бухарин в своем документе, утверждали, что они убеждены были в правильности политики, были верны линии Центрального Комитета партии, любили т. Кирова. Бухарин говорит о том, что он любил Серго, считает величайшим несчастьем, что ему не удалось поплакать над гробом товарища Орджоникидзе. (Г о л о с с м е с т а. Лицемер!) Эти заявления как будто бы говорят о том, что за этими убеждениями должны проявляться их большевистские дела.

Обсуждая этот вопрос, мы не можем оторваться от того, что прошли две пятилетки, две пятилетки исторических побед социализма. Вопросы социализма во всех уголках страны стали кровным делом рабочих, колхозников, трудящихся масс. Но что можно сказать о деятельности Бухарина и Рыкова? Пусть бы кто-нибудь из беспартийных доложил о такой деятельности на беспартийном собрании рабочих, которые изложили нам Рыков и Бухарин. Как встретили бы такие доклады о своей контрреволюционной деятельности беспартийные рабочие и колхозники? Каждый рабочий, колхозник сказал бы, что такие люди не могут быть гражданами Союза Советских Социалистических Республик. (Б у д е н н ы й. Правильно!) Они за эти десять лет своей деятельности не только дошли до теоретического отрицания большевизма, но от них совершенно отлетел какой бы то ни было революционный дух. У них за эти десять лет выперло наружу их контрреволюционное содержание чистейшей воды буржуазных демократов. (Б у д е н н ы й. Фашисты они.) О чем они нам здесь рассказывали? О своих революционных подвигах? Что можно сказать о их речах? Это сплошной перечень фактов, дат своих разговоров о контрреволюционных делах, свиданий с контрреволюционным охвостом. И вот именно гора контрреволюционных дел, которые они натворили за эти две пятилетки, охватила их, заслонила от них боевые задачи, которыми жила партия в течение двух пятилеток, оторвала их от партийных задач текущего момента. Они не жили партийной жизнью, они стояли в стороне от большой дороги, они включились в контрреволюционную работу против социализма, избрали для себя другую деятельность против партии.

Даже здесь, когда нужно было пленуму Центрального Комитета партии рассказать, почему это произошло, как могло случиться, что члены Центрального Комитета в прошлом, кандидаты в члены ЦК, члены партии очутились в контрреволюционном лагере, возглавили контрреволюционное движение, — как ответили на этот вопрос? Бухарин говорит: «Я должен быть реабилитирован, или сойти со сцены». Так неужели вам еще непонятно, что вы как большевики со сцены сошли давно? (Г о л о с а с м е с т . Правильно!) Кто вам дал право говорить о том, что «свои же будут поносить на основе клеветы»? Кого вы называли из членов ЦК, что они были с вами во всей вашей контрреволюционной работе? Почему и какое вы имеете право так ставить вопрос? «Не могу переносить созданной атмосферы». Разрешите спросить вас, кто создал школу двурушничества в партии? (К а м и н с к и й. Правильно! Здорово сказано!) Эти методы созданы вами для борьбы с большевистской партией Ленина — Сталина. Ваша враждебная партии работа внесла немало дезорганизации.

Мне кажется, вы должны были сказать ЦК, почему вы выбрали путь двурушничества с партией и почему вы должны были вести контрреволюционную дезорганизаторскую работу. Я не говорю о запугивании голодовкой. Бухарин никогда на голодовку не пойдет. (Б у д е н н ы й. Он сказал, что с 12 часов ночи и до утра

голодал, то есть всю ночь голодал. С м е х в з а л е.) Голодающий человек вряд ли по 5 стаканов воды будет пить в течение 50 минут.

Даже здесь, на пленуме ЦК, после того, как их политических преступников диверсантов поймали с поличным, что мы слышали от них? Сплошное резонерство, сплошная клевета, вот видите, как провели следствие, даты не сходятся. Ссылки на то, что они забыли, а их друзья на себя клеветают. Сплошная клевета на НКВД, на Центральный Комитет. Жалобы на то, что довели их до истощения, они невиновны. Все виноваты, а эти два человека Бухарин и Рыков стоят как гвозди в стране 170-миллионного народа и только они двое правы.

По два часа говорили они здесь, и ни один из них не рассказал Центральному Комитету хотя бы об одном факте своей большевистской деятельности, не привели ни одного большевистского дела. Ну, пусть нет у них ни фактов, ни дел. Пусть бы они сказали о каком-нибудь своем большевистском слове. Вовремя сказанное слово — это тоже дело, и большое дело.

Что мы имеем в их деятельности? Первое слово, которое они сказали в первую пятилетку — это была бухаринская платформа. Вот здесь они говорят о том, что они не знали о деятельности троцкистов, они не были с ними связаны. Но свою платформу, это первое слово первой пятилетки Бухарин обсуждал с Пятаковым и Каменевым. Второе слово, которое они сказали — это беседа с Каменевым. И все 10 лет они крепчайшими цепями как кандалники были связаны в своей деятельности с троцкистами. А теперь приходят и жалуются: вышло бы хорошо, говорят, если бы на меня не донес Пятаков. (С м е х в з а л е.) Не попались бы мы, если бы не предал нас Каменев, не оттиснул бы свой разговор в троцкистской листовке. Рыков здесь обижается на то, что Шмидт не соблюдал дисциплины. Если бы все это было, все было бы хорошо.

Неужели Центральный Комитет будет вас здесь разбирать? Все вы одинаковы и все вы одинаковые преступники перед страной социализма. (Г о л о с а с м е с т. Правильно! Б у д е н н ы й. Все фашисты.)

Теперь возьмем ваши дела. Когда коллективизация стала фактом, крестьянские массы по всей стране включились в строительство колхозов. Вы закричали на весь мир: «Мы ошиблись». Но вместо того, чтобы включиться в работу, чем вы занялись? Занялись рютинской платформой, созвали слепковскую конференцию, и Бухарин здесь лжет, что он об этой конференции не знает, он конференцией руководил через Слепкова. Он уехал в отпуск сознательно и так же сознательно не был на пленуме Центрального Комитета. (П о с т ы ш е в. Правильно.) Пленум ЦК окончился 4 октября, он приехал 6-го. Это мировой жулик. (Г у л о д о б р е н и я, с м е х.) Как только острый вопрос, так он в кусты, обязательно куда-нибудь уедет: или в отпуск, или на Памир. (П о с т ы ш е в. Куда-нибудь подальше. Ка г а н о в и ч. Чтобы вызвать было труднее. Б у д е н н ы й. В Эксекуль. П о с т ы ш е в. Организовал конференцию, зарядил и уехал.) Вся практическая работа по сколачиванию контрреволюционных сил проводилась ими в эти годы бешеными темпами. Ну что же можно сказать другое — разве это не предательство революции, разве это не измена их?

Что теперь ясно? Буржуазии выгодно опереться на некоторые остатки враждебных классов в борьбе против социализма. Бухарин и Рыков добровольно взялись выполнить эту историческую роль буржуазных реставраторов, возглавили кулацкое движение, и вот ваша контрреволюционная деятельность теперь во всей красоте предстала на пленуме Центрального Комитета партии. Чрезвычайно красочное изложение ваших «боевых подвигов» можно прочитать в показаниях ваших друзей (П о с т ы ш е в. Правильно.) Угланова, Куликова, Цетлина, Яковенко, Котова, Розита и других.

Что можно говорить о вашей грязной и гнусной работе, чем вы были заняты? Вот Куликов говорит: «Афанасьев, придя ко мне на квартиру, сообщил, что имел свидания с Котовым, который рассказал ему о встрече с Рыковым, о том, что Рыков предлагает Котову приложить все усилия для организации убийства Сталина». Это в 1934 году. Котов сообщил Рыкову, «что в отдельных районах Союза Советских Социалистических Республик недород и ожидается голод». Вот какая радость для вас! На это «Рыков ответил, что при настоящем руководстве произойдут вещи страшнее и тут же добавил: неужели у вас нет решительных людей, которые уберут руководство Сталина?» Вот к каким делам была направлена ваша

воля и ваши силы. Вы творили гнусное контрреволюционное дело. Вам уже давно пора сидеть и отвечать за эти дела на скамье подсудимых.

А вы приходите сюда с тихим голосочком, со слезою, плачет. Посмотрите, вчера вечером Бухарин подавал реплики, так ведь он же пищит, как задавленная мышь. (С м е х.) Изменился и голос, и взгляд у него изменился, как будто бы вылез из пещеры. Посмотрите, члены ЦК, какой это несчастный человек. (П о с т ы ш е в. Они в пещерах и сидели в свое время. Иноки!) Что здесь можно проследить по линии их связи с местными правыми деятелями? Я не знаю, как в других областях, но посмотрите, Рыков имел своего представителя в Свердловской области — Нестерова, Бухарин имел Александрова, Кармалитова, Томский — Козелева и др., каждый своего представителя и каждый имел свою группу. (М о л о т о в. Окружили Кабакова все-таки.) Не только окружили, т. Молотов, но и кое-чему научили. (П о с т ы ш е в. По этому вопросу есть специальный вопрос в повестке дня.)

Подполье было связано со всеми членами центра из области. Вот такая разветвленная форма связи между уральскими правыми и центром строилась, исходя из того, чтобы соблюсти конспирацию. Насколько многогранны были указания в работе местных организаций, можно привести такой пример. Томский давал указания о том, чтобы поддерживать теснейшую связь с троцкистским руководством, о необходимости систематического изучения и правильного использования кадров коренных уральских работников, о максимальном использовании в интересах организации правых имеющихся среди отдельных групп уральских работников местных, староуральских тенденций. Томский подчеркнул: хотя, говорит, развернута работа, но все же это является недостаточным. Дальше продолжайте вербовать. Что делать? Вербовать. Вот Нестерову Рыков говорит: нужно торопиться с практическим осуществлением террористических актов. На местах должны быть созданы террористические группы. И вот, по приезде на место, он связывается с Кармалитовым, Александровым. Нестеров доложил Рыкову, что для совершения террористических актов против т. Сталина и т. Ворошилова подготовлена группа. Спустились ниже, начали вербовать среди институтских работников, завербовали Савина, Шулёпова и т. д.

Вы здесь говорите о том, что ничего мы не имели, ни о каком терроре и не помышляли, но каждая террористическая группа, созданная под вашим руководством, знала и чувствовала ваше повседневное влияние и говорила, что мы готовимся к террору, заняты вредительством, выполняем волю Рыкова, Бухарина, Томского.

Почему вы связались с троцкистами? Вы говорите, что троцкисты заинтересованы создавать миф, что, дескать, с ними идут правые и это им надо больше для авторитета. Верно, вы в этом лагере котируетесь, имеете какую-то цену. Но возьмите любую коммунистическую партию любой страны. Ведь за вас ни одна партия ломаного гроша не даст. (О б щ и й с м е х.) Единственно, где вы имеете цену, это в контрреволюционном лагере. Почему они вас схватили, почему нужен им ваш авторитет? Только потому, что за вами, за вашей спиной кроме контрреволюционных дел, ничего нет. Почему это так? Это произошло только потому, что вся ваша деятельность за эти годы проходила в тесном союзе с троцкистами. Как вы не отмахиваетесь, а в троцкистском центре вы участвовали. Не только знали об их работе, но и принимали активнейшее участие. (М н о г о ч и с л е н н ы е в о з г л о с ы с м е с т. Правильно!) И мне кажется, товарищи, вывод ясен: нужно вывести Бухарина и Рыкова из состава ЦК, из партии исключить и судить так же, как судили троцкистов. (М н о г о ч и с л е н н ы е в о з г л а с ы с м е с т. Правильно, т. Кабаков!).

М о л о т о в. Слово имеет т. Макаров.

М а к а р о в. По докладу т. Ежова я остановлюсь на двух вопросах. Первый вопрос: знали ли вожди правой оппозиции Бухарин, Рыков о существовании троцкистско-зиновьевского центра, о всей предательской деятельности этих бандитов. И второй вопрос: принимали ли сами участие в антипартийной, антисоветской деятельности. Вот два вопроса, на которые, на основании материалов, прошедших перед нами, следует дать ответ.

Материал, доложенный т. Ежовым, характерен тем, что не только множество лиц подтверждает то, что вожди правой оппозиции знали о существовании троц-

кистско-зиновьевского центра, что они сами непосредственно имели соприкосновение, но и принимали участие в этом. Множество лиц, сделавших показания, характерно тем, что эти лица в разных концах нашего Союза по-разному, правда, показывали, но существо у всех остается одно и то же, ответ на эти два вопроса дают положительный, что они знали о существовании троцкистско-зиновьевского центра и что они сами имели прямое отношение ко всей контрреволюционной деятельности, которая проводилась и так называемыми левыми, и правыми, и троцкистско-зиновьевским центром.

В дополнение к тому, что здесь было сообщено из показаний, очная ставка характерна тем, что и Рыков и Бухарин совершенно не отрицают в чем бы то ни было, чтобы она расходилась с теми показаниями, которые были даны свидетелями. Это очень важное обстоятельство. На прошлом пленуме, когда Бухарин и Рыков претендовали на очную ставку, особенно Бухарин, у меня лично сложилось такое впечатление, что в этой очной ставке, очевидно, будут выявлены новые обстоятельства. Что сейчас подтвердила очная ставка? Она подтвердила целиком и полностью то, что до этого свидетели показывали. Это представляет особый интерес. Как дальше Бухарин рассказывает обо всем том, что подтвердилось? Бухарин всю свою аргументацию построил на отрицании свидетельских показаний. Я не знаю, когда он хотел очной ставки, он, очевидно, рассчитывал на возможность некоторых противоречий с тем, что было показано. После того как это не удалось, внимание, с одной стороны, было направлено на отрицание, а с другой стороны — характерно — на некоторое несовпадение дат, — видите ли, дни, недели не совпали. Дело ведь не в этом. Весьма возможно, что эти даты в некоторых отдельных случаях не совпали.

Его коллега — Рыков — занял другую, противоположную позицию — отрицание этих дат — характерно. Из того, что здесь было сказано Бухариным, им самим не отрицается его контрреволюционная деятельность. Но он ее относит к более давнему времени. Относится это к тому времени, когда Центральный Комитет однажды рассматривал и вынес соответствующее решение, то есть вся контрреволюционная деятельность относится якобы к тому времени, когда Центральному Комитету и всей нашей партии было известно, а вот после этого времени якобы он уже ничего не делал. Но у него и тут не совпало по времени примерно на два года. Он заявил, что этот отрезок времени «изживал» все свои контрреволюционные дела. Соответствует ли это действительности? Я думаю, что ни у кого из членов пленума нет ни капли сомнения, что это неверно и не соответствует действительности, так же. Перед этими двумя годами партия обманывалась в отрицании того, что потом было признано самим же Бухариным.

Меня здесь интересует другой вопрос, который относится к обоим вместе. Мыслима ли какая бы то ни было организация, будь то гражданская, будь то военная, будь то производственная, которая бы проводила свою деятельность без определенного командования? Такой анархический способ организации действий мыслится только в довольно далеком прошлом, когда люди действовали без возглавления, каждый в одиночку. Бухарин не отрицает, что им созданная школа воспитана им в известном контрреволюционном духе, но он утверждает только, что это было до определенного времени, а после этого времени он начинает, видите ли, сдерживать учеников, а они рвутся в бой. Я спрашиваю: кто-нибудь этими учениками руководил или они сами каждый по себе действовал? В нашем понимании этому имеется совершенно определенное объяснение — этими учениками кто-то руководил, ими руководил опытный учитель.

В выступлении Бухарина было сообщено, что он все время сдерживал и уговаривал, а ученики все время рвались в бой. Это совершенно неправдоподобно, ни в какой степени не соответствует действительности. Весьма возможно, несколько позднее, в то время, когда отдельные ученики были пойманы с поличным, для того чтобы отступать и умело отступать, надо было отгораживаться от отдельных учеников. Это, очевидно, произошло так. Я склонен думать и уверен в этом, что до последнего времени Бухарин руководил своими учениками. Все дело только в степени активности этого руководства. На известном этапе это происходило очень активно, а по мере ареста контрреволюционеров и вредителей Бухарин начал отступать и, более того, отрекаться от своих учеников. Иначе не могло быть.

Что касается выступления Рыкова, я позволю себе остановиться только на трех вопросах. Его выступление совершенно было иным, в отличие от выступления Бухарина. Он на даты не ссылался. Он это дело построил довольно, я бы сказал, умело. Он отнес это все дело к тому, что прошло много времени, большое количество людей, поэтому люди могли сообщить неправду, прошло 6—8 лет. Эта аргументация не соответствует действительности. Наиболее характерные факты им были обойдены.

Вот возьмем его секретаря Нестерова. Он его изобразил как душевнобольного, поэтому ему, дескать, верить нельзя, мало ли что он наговорит и на себя и на других. Я не знаю, соответствует ли это действительности. По тем показаниям, которые сделаны, он совершенно в добром рассудке и в хорошем состоянии. Очевидно, эта ссылка не соответствует действительности.

Наиболее важный момент в его объяснениях — это о Радине. Получилось такое впечатление, не только впечатление, я думаю, что у всех сложилось такое мнение, что Радин убеждал (я не знаю, когда он вошел в партию) все время Рыкова, чтобы Рыков принял участие в контрреволюционном движении, в организации террористических актов, а Рыков сопротивлялся и не доложил ЦК, не доложил соответствующим органам НКВД. Получается такое впечатление, что Рыков недавно из колхоза вступил в партию, или только что передан из комсомола из какого-нибудь села, стоящего на довольно низком культурном уровне. (К о с и о р. Это оскорбляет комсомол. Г о л о с а с м е с т. Оскорбляет и комсомольцев и колхозников. Ш к и р я т о в. Никакой колхозник так не поступил бы.) Я говорю из такого села... (Ш к и р я т о в. Ни из какого села. К о с и о р. Это изолгавшийся политикан.)

Как можно думать, чтобы Рыков, состоящий в нашей партии десятки лет, Рыков, который стоял на таком ответственнейшем посту, которого мы в свое время считали большим человеком, который был членом Политбюро, как можно думать и верить тому, что Рыков сейчас говорит, что он просто не ориентировался, он не знал, поэтому он молчал. Это неправдоподобно и неискренне. Ни на грош тут искренности нет. Мне лично думается, было бы лучше в этом случае сказать, что он разделял эту точку зрения, он не хотел, чтобы Радин в тот момент арестовали. Все это было бы еще понятно. Видимо, Рыков в то время совершенно разделял целиком и полностью все то, что излагал ему Радин. Ведь иначе же объяснить нельзя, другого объяснения этому нет, потому что, когда старейший член партии узнает о контрреволюционных делах, он должен знать, что надо делать. Таким образом, доводы были настолько неправильные, что они целиком выдают его с головой.

И, наконец, третий момент — это относительно рютинской платформы. Свидетель в этом случае Шмидт, состоящий в этом же центре правых, совершенно ясно рассказал о рютинской платформе — где она писалась и кем писалась. Только лишь теперь, оказывается, Рыков проливает некоторый свет на эту платформу. Он ее до обсуждения ЦК знал, его пригласили на вечер, он не знал, по какому поводу, а на вечере, оказалось, пригласили в комнату и в этой комнате обсуждали, не обсуждали, читали, он говорит. (Ш в е р н и к. Какой-то неизвестный член профсоюза.) Неизвестный член профсоюза. Было количество людей большое, а названо четыре человека, которые арестованы. Это чрезвычайно характерно. Все остальные люди неизвестны. Большое количество людей, а читал неизвестный член профсоюза. (Э й х е. И Рыкову читали платформу.) Товарищи, кто может поверить в правдоподобность этого рассказа? При всем искреннем желании нельзя. Вот я очень внимательно слушал и хотелось верить, что это все случайно произошло. Как же может быть, из большого количества людей, активные ведь люди были приглашены, не простой народ был приглашен. (Э й х е. По объявлению в газете.) Не по объявлению в какой-нибудь газете. Конечно, нет. Был приглашен актив, а, оказывается, Рыков назвал четырех человек, которые сидят, а всех остальных, говорит, не знает. Это неверно, неверно, товарищи.

Мне лично думалось, что Рыкову надо было бы сказать и о тех из участников, кто еще не арестован, чтобы уже рассказать до конца, все равно никто вам не поверит, что вы не знаете, кто там читал и кто присутствовал. Если там было человек 100, 50 или 70, то весьма возможно, что всех вы не знаете, но актив вы знали. (Ч у б а р ь. Даже из любопытства спросил бы, кто это читает? Г о л о с с

м е с т а. Член союза правых. Г о л о с с м е с т а. Из какого-то союза.) Я лично думаю, что никто ни на одну минуту не поверит. Надо бы сказать Рыкову всю правду, кто там был, помочь партии для того, чтобы это дело распутать, чтобы в конце концов узнать о всех остальных.

Вот эти два объяснения, которые давали Бухарин и Рыков, они по своей форме различны. Совершенно с различных концов начинали и по-разному объясняли. У Рыкова более характерно, он подошел с большей глубины. (Г о л о с с м е с т а. Больше хитрости.) Он несколько осудил Бухарина, затем осудил других соучастников. Я думаю, что эта тактика для того, чтобы сказать, что я ни к чему не причастен, что я с вами давно ничего общего не имел, не имею и иметь не буду, это совершенно неверно и абсолютно не соответствует действительности. Осталось очень тяжелое впечатление, когда люди вступали на эти ступеньки, чтобы начать рассказывать, но боялись, очевидно, нарушить установленную дисциплину конспирации.

Я думаю, что те свидетельские показания, которые имеются, они в достаточной мере обличают вас во всех контрреволюционных делах, что вами не только ничего за это трудное время не делалось для партии и для советской власти, вы занимались контрреволюционной работой. Вы организовали неплохой у себя штат по всей стране, во всех местах индустриальных, там, где можно было принести ущерб строительству социализма, вы там имели свои группы, свою периферию и вели контрреволюционную работу. Вы на сегодня ее отрицаете. Впечатление, видите ли, после выступления Бухарина, по его виду, он воспрянул уже духом. (П о с т ы ш е в. Чайку попил.) У него создалось такое впечатление, что ему и на сей раз простят. (Г о л о с с м е с т а. Не выйдет.)

Я думаю, что было бы большой ошибкой, если бы сейчас не принять тех решительных мер к людям, которые на сегодня ничего общего с партией не только не имеют, но и по своему духу, по действиям не отказались от своих прежних позиций, вели, ведут контрреволюционную работу. Эта контрреволюционная работа ничем абсолютно не отличается от той контрреволюционной деятельности зиновьевско-троцкистской банды. Она абсолютно ничем не отличается и разница лишь заключается в том, что те вожди сознались в своей преступной деятельности, а эти сознаются только лишь в части. Причем часть своего сознания они относят к периоду 1930 г., в то время когда вопрос обсуждался якобы уже давно и все это уже перешло в архивную давность.

Нет. Мы видим, что эта контрреволюционная деятельность продолжалась до последнего времени. Она не только покоилась на подрыве нашего социалистического строительства, но она покоилась на том, чтобы обезглавить пролетарскую революцию. Все дело было направлено к тому, чтобы сделать переворот по-своему, уничтожить вождей партии, и в первую очередь т. Сталина. Все свидетельские показания нам это подтверждают. Здесь, когда был задан вопрос Бухарину и Рыкову: ну хорошо, все неправду говорят на вас, а на себя они правду говорят или нет, скажите ваше мнение? Бухарин ответил: я не знаю. (Г о л о с с м е с т а. На сковородке вертелись.) А Рыков говорит: очевидно, неправду. Ну, товарищи, я не знаю, тут либо все эти обвиняемые, арестованные уже с ума сошли, их надо отправлять в такого рода больницу, где лечат людей, либо это соответствует действительности. Первое неправдоподобно, неверно. Люди эти в здравом состоянии и, следовательно, клеветать на себя, для того чтобы их завтра расстреляли, ну, знаете, нужно быть каким-то сверхчеловеком. Нужно просто логически рассуждать.

Если правильно сказал Рыков относительно Бухарина, зачем стращать ЦК, что вы умрете, ну покончили бы с собою. Это правильно. Зачем же показывать людям, чтобы их завтра расстреляли, лучше взяли бы и покончили с собою. Зачем это нужно делать? Разве у кого-либо есть хоть капля веры в то, что они хотят помочь партии! Неверно. Эти люди приперты свидетельскими показаниями к стене, они вынуждены сказать правду. Вот и все, потому что другого ничего здесь нет.

Я лично думаю, товарищи, было бы совершенно безошибочно вынести одно решение. Прежде всего, Бухарина и Рыкова из состава пленума надо отозвать, из рядов партии надо исключить. Речь идет об исключительных преступлениях людей, которых история нашей партии не знала и к этим людям надо отнестись так же, как к врагам народа троцкистско-зиновьевским бандитам. Надо дело передать

дальше следственным властям и судить по всем правилам революционной законности. (Г о л о с а с м е с т. Правильно, правильно.)

М о л о т о в (председательствующий). Слово имеет т. Косарев.

К о с а р е в. Товарищи, в продолжительной контрреволюционной, антисоветской работе группы правых — Бухарина, Томского и Рыкова — против нашей партии, против нашего рабочего класса и крестьянства, против ленинско-сталинского руководства ВКП(б), виднейшее место занимала известная партия, так называемая «бухаринская школа молодых». В эту «школку» входили: Слепков, Марецкий, Астров, Айхенвальд, Цетлин, Сапожников, Кузьмин и целый ряд других лиц и к которым впоследствии примкнули так называемые леваки — Шацкий, Стэн и другие. Эта «школа молодых» была подобрана, организована и воспитана своим идейным организатором и учителем Бухариным.

Само по себе создание такой школы со стороны Бухарина — явление, идущее вразрез большевизму. У нас, у большевиков, есть одна школа борьбы — школа ленинско-сталинской работы, школа марксистско-ленинской теории — это наша партия, это ее сталинское руководство. Иных школ и школок большевикам — верным последователям дела Ленина — Сталина, не нужно и наша партия их не потерпит. Иные школы и школки могут быть созданы только для борьбы против нашей партии, против нашего рабочего класса и крестьянства, против руководства нашей партии. Бухарин создал свою «школу» именно для этой цели, для похода против нашей партии.

После смерти Владимира Ильича Ленина эта «бухаринская школка» молодых, с позволения сказать «разрабатывала» и «углубляла» ленинизм, ленинское наследство нашей партии и вопросы партийной теории. Всей партии известно, что ни одного более или менее ответственного выступления Бухарина не было прежде чем эта, так называемая его школка не обсуждала предстоящего выступления, не вносила в это выступление своих поправок и исправлений, не давала своей соответствующей визы. Бухарин в своих так называемых трудах целиком опирался на эту свою школку, фактически зависел от нее, точно так же, как и эта «школка» вдохновлялась и направлялась своим идейным отцом — Бухариным. В частности, известная работа, подвергшаяся впоследствии большевистской критике как теоретически путанная и не марксистская — речь идет о книге «Теория исторического материализма» — была Бухариным написана при ближайшей помощи Слепкова и Марецкого, о чем он в первом издании и выносит Марецкому и Слепкову соответствующую благодарность как сотворцам этой теоретически путанной и антимарксистской книги.

Был такой период времени (25, 26, 27 годы), когда эта так называемая школка упорно и открыто рекомендовалась Бухариным как школа призванных и бесспорных теоретиков и творцов партийной идеологии. В последующем своем развитии, как видно из материалов следствия, с помощью этого же Бухарина, с его ведома намечала и распределяла соответствующие посты между собой в руководящем аппарате нашей партии. Эта школка на протяжении всего своего существования делала упорные попытки прибрать к своим рукам всю руководящую партийную печать — «Правду», «Комсомольскую правду», журнал «Большевик» и прочие наши руководящие газеты, а также пыталась прибрать к своим рукам все политические учреждения, готовящие высококвалифицированные кадры партийных работников.

Все это происходило с заранее обдуманной целью и под непосредственным руководством Бухарина, Бухарин знал, для чего он создает эту школку. В противовес существовавшему Политбюро ЦК партии, Бухарин из этой школки создал свое непартийное, небольшевистское политическое бюро для борьбы с партией, заседания которого проводились регулярно и на котором предварительно обсуждались все важнейшие вопросы, подлежащие обсуждению ЦК нашей партии.

Интересно посмотреть, что из себя представляет эта так называемая бухаринская «школка» «партийной» молодежи, из кого Бухарин готовил теоретиков партии. С кем он обсуждал важнейшие вопросы, подлежащие обсуждению в ЦК ВКП(б)? Кого он готовил в кадры? Приведем несколько примеров о виднейших членах этой контрреволюционной немарксистской бухаринской школки.

Александр Слепков. Его считают, как и многих из этой школы молодежью, Бухарин называет, партийной молодежью. Многие эти «молодые люди» еще до

прихода в нашу партию успели побывать и в эсерах, побывать и в кадетях. Слепков — выходец из кулацкой семьи, был членом партии кадетов, а до этого эсером. Во время керенщины активно выступал против большевиков, в гражданской войне участия не принимал, не был ни в царской, ни в Красной Армии. С гимназической скамьи пересел в Свердловский университет, с благословения Бухарина был выдвинут в лекторскую группу (повышенный курс при Свердловском университете) — из лекторской группы попал в ИКП. В партийной жизни, даже ИКП, не говоря уже о рабочих организациях, никакого участия не принимал, ни разу не избирался даже в бюро первичной партийной организации. Все его братья оказались контрреволюционерами. Если бы не Октябрьская революция, такой тип, как Александр Слепков был бы наверняка в Союзе русского народа. Именно, товарищи, из таких вербовались душители рабочего класса. (Г о л о с а с м е с т. Верно.) Вот вам один бухаринский кадр. (Г о л о с с м е с т а. Основной. Г о л о с с м е с т а. Кадровик.)

Астров — сын крупного помещика, благодаря своим связям с одним из вредителей, попавших в аппарат Наркомзема, сумел сохранить и закрепить за собой вплоть до 1929 г. поместье — усадьбу своего отца.

Айхенвальд — отец его один из виднейших людей кадетской партии, белый эмигрант, выступавший не раз с гнуснейшими статьями против Советской власти. Сам Айхенвальд поддерживал связь со своим отцом и в письмах к нему неоднократно клеветал на Советскую власть, снабжая отца различными материалами против Советской власти.

Всем небезызвестен тоже бухаринский кадровик Сапожников. Был правым эсером, затем левым эсером, был секретарем ЦК левых эсеров, кончил то ли гимназию, то ли реальное училище, затем учился в университете, после чего пришел в ИКП. В 1919 г. вместе с троцкистом-зиновьевцем Каревым создал свою собственную так называемую партию «революционных коммунистов». Вся партия состояла из 15 человек и он являлся ее генеральным секретарем. (С м е х.) В Красной Армии никогда не был, с рабочими никогда не был связан.

Марецкий — тоже виднейшая личность из этой школки. Школьник, типичный начетчик, в Красной Армии не был, попал в Свердловку, потом подвизался в лекторской группе, затем попал в ИКП. С партийной массой никогда не был связан, с рабочими также.

Впоследствии примкнувший Карев, троцкист-зиновьевец, был правым эсером, потом левым эсером, в армии не был, в гражданской войне участия не принимал, пришел в ИКП, как он сам заявил, с целью обоснования своей старой философии эсеровщины и народничества. (К а м и н с к и й. Кто это?) Карев. Никакой связи с партийными и рабочими массами не имел, в жизни никогда не руководил даже пропагандистским кружком.

И затем Щацкий — человек, который за всю свою небольшую политическую жизнь больше изменял и пакостил партии, чем ей помогал. Сын крупного буржуа, купца первой гильдии, владельца многих магазинов, пришедший в юношеское движение со всеми привычками барина и чуть ли не в сопровождении своей личной гувернантки. (С м е х.)

В Красной Армии никогда не был. В гражданской войне участия не принимал. Никаких связей с рабочим классом не имел. Никогда не вел черновой работы. Отличался исключительной надменностью по отношению к рабоче-крестьянской молодежи, считал себя теоретиком-международником. Вечно лебезил перед Троцким, якшался с Бухариным, вместе с которым протащил в старую программу комсомола троцкистский тезис о том, что «Россия может прийти к социализму лишь через мировую пролетарскую революцию».

Человек, который формально и был в партии, но совершенно чуждый большевизму. Вечно фрондируя перед партийным руководством, назойливо выдвигал свою персону в вожди.

И, наконец, в числе этой, на взгляд Бухарина, славной плеяды находится Ефим Цетлин, из буржуазной семьи. Отец был соучастником одной частной торговой фирмы. Сам Цетлин происходит из Лефортово, мы его хорошо знаем. Был большим поклонником теории Богданова, всюду доказывал правоту этого Богданова. Никогда в жизни не был на практической работе.

Бухарин в своем заявлении в ЦК партии, где он дает объяснение на материалы

следствия, пишет, что Цетлин чуть ли не является одним из организаторов Октябрьского восстания.

Это глубокая ложь, ибо Ефим Цетлин никогда таким не был. В доказательство спросите любого большевика из Лефортовского района и он вам это подтвердит. Он был студентом, причем типичным маменькиным сынком. (С м е х в з а л е.)

Бухарин пишет, что он является старым политкаторжанином, сидел в Германии в тюрьме и т. д. Да, действительно этот факт имел свое место. Кажется в 1923, 1924 г., во время Международного юношеского дня в Берлине за выступление на митинге он был арестован и просидел, примерно, от двух недель до месяца. (Г о л о с с м е с т а. Р о в н о м е с я ц. Б е р и я. Старый каторжанин!) Вот именно. Бухарин это приводит для того, чтобы с лучшей стороны характеризовать эти свои кадры перед партией.

Ну, примерно так же выглядят и многие другие члены так называемой бухаринской школки молодых.

Характерным для всей этой группы так называемой «партийной молодежи» Бухарина является то, что все они являются чуждыми рабочему классу по своей идеологии, и большинство из них — по своему происхождению. Вот что представляют собой бухаринские кадры. Вот что представляет собой среда, которую питал Бухарин и которую он растил и которая в свою очередь вдохновляла Бухарина на борьбу против нашей партии, против партийного руководства и против нашего рабочего класса. Все эти члены бухаринской школки чуждались партийных масс, от них укрывались. Были полностью оторваны от партийной жизни, представляли собой замкнутую, объединенную круговой порукой касту, полностью оторванную от рабочего класса. Все они не проходили школы черновой партийной работы и в наиболее тяжелые для партии и страны годы отсиживались на школьных и университетских скамьях.

Тоже вожди! И не случайно, что эти вундеркинды страшно образованные в марксистском отношении, взращенные Бухариным, выросли в явно фашистских молодчиков. Такой подбор кадров Бухариным был не случаен потому, что Бухарин иных кадров для своей изменнической работы, для своей борьбы с партией, для реставрации капитализма в нашей стране подобрать не мог. Бухарин сам являлся типичнейшим представителем этих реставраторов капитализма и поэтому стал притягательным центром для всей этой подлой фашистской публики. Бухарин, который в 1918 г. грозил арестом Ленину и который выступал против ленинских предложений, блокировался с Троцким, ведя ожесточенную борьбу против Ленина и Сталина в вопросе Брестского мира, этот Бухарин иных кадров подобрать не мог. Мы уж не говорим о том, что такой, по его неоднократной характеристике, талантливейший представитель этой школки молодых, как Колоколкин, является прямым агентом одной из иностранных разведок.

Эта школка молодых, именуемая Бухариным «партийной молодежью», разве что-либо общее имеет с действительной партийной молодежью, с партийным молодняком, воспитываемым в рядах ленинского комсомола и в рядах нашей партии? Действительная партийная молодежь в самые напряженные моменты жизни партии и страны не отсиживалась на школьных и университетских скамьях и не была в кашеварах, а вместе с партией и под ее руководством с детских и юношеских лет шла в ряды армии, шла на гражданские фронты, принимала активное участие в защите республики на самых острых участках гражданской войны. Вместе с партией, под ее руководством, десятки и сотни тысяч партийной молодежи прошли через голод, разруху, через борьбу с бандитизмом, завершили период реконструкции нашей страны и успешно выполнили первую и вторую пятилетку. Недаром такой любовью, такой поддержкой, такой популярностью пользуется партийная, комсомольская молодежь в рядах нашей партии, в нашей стране. Потому что она, эта действительная партийная молодежь, глубоко предана делу рабочего класса, делу Сталина, доказала это своей жизнью, неразрывно связанной с трудящимися массами, и самоотверженно борется, не отступая ни на шаг от ленинской линии нашей партии.

Товарищи, мы заслушали спокойный, я бы сказал, сдержанный доклад т. Ежова о материалах следствия. Все мы после этого терпеливого, всестороннего и объективного следствия ожидали, что Бухарин и Рыков, если у них осталось хоть немного большевизма, признают свои тяжелые преступления против партии. Буха-

рин и Рыков в своих выступлениях вели себя как враги. (Г а м а р н и к. Правильно.) В своих выступлениях они сожгли за собою все мосты, ведущие к ленинско-сталинской партии, [...] как и Троцкий своими речами пытались хлопнуть дверью.

Выступление Бухарина даже нельзя назвать двусмысленным. Это выступление озлобленного врага, который, будучи окружен со всех сторон неопровержимыми фактами своих мерзостных преступлений, идет на все, на последнее, что есть в его распоряжении, то есть на то, чтобы оклеветать следствие и наши следственные органы. Бухарин хочет изобразить дело таким образом, что якобы наш ЦК хочет его невинной крови и что он готов ее отдать. Так может говорить только враг, причем враг пойманный с поличным и не желающий признать своих преступлений.

Особого внимания заслуживают у пленума ЦК письменные объяснения, это ответ Бухарина на предъявленные ему следствием обвинения. Эти объяснения мы не только не можем признать удовлетворительным, нет, товарищи, эти объяснения ложные, жульнические, и поэтому Центральный Комитет нашей партии их во внимание принимать не может.

Эти объяснения Бухарина и последующее его и Рыкова выступление на пленуме есть не что иное, как расширенный перепев белогвардейской фашистской клеветы на нашу партию, на нашу страну и на наши следственные органы. Из всех врагов нашей партии, в своих показаниях, Бухарин и Рыков выглядят мерзкими врагами, но в своих объяснениях, своим поведением, своим недостойным ультиматумом со стороны Бухарина по отношению к ЦК, Бухарин не раскрывает своих ошибок, не признает их, не помогает партии их раскрыть и с ними покончить, а огульно их отрицает, старается их замазать, скрыть и показать себя в положении невинной жертвы.

Только враждебный нам человек может так выступать, как это делали в период следствия и во время пленума Бухарин и Рыков. Ни одного ясного аргумента для своего оправдания, для своей защиты, хотя все возможности и условия Бухарину и Рыкову были предоставлены, они не могли привести кроме одного, что на них клеветают, что Бухарину мстят. Это не аргумент, это не доказательство. Выставляя себя неповинным человеком, разыгрывая из себя невинную жертву, Бухарин, опять-таки, злостно клеветает на партию и на ее руководство.

Нас, членов Центрального Комитета, удивляет короткая память Бухарина и то большое терпение, которое проявляло Политическое Бюро ЦК к Бухарину, Рыкову и Томскому. Всем известно, как партия и лично т. Сталин, вырывая Бухарина из трясины предательства, давали возможность не раз на практической работе исправиться и покончить со своим прошлым. В частности, всем вам известны настроения делегатов XVII съезда нашей партии. Ведь не секрет, что весь съезд был против введения правых, в том числе Бухарина и Рыкова, в состав кандидатов ЦК, был против оставления правых в ЦК и только благодаря вмешательству членов Политбюро и лично т. Сталина XVII съезд партии избрал их в кандидаты ЦК. Бухарину и Рыкову было оказано большое доверие, тем самым им была дана большая возможность исправиться. Всем известно и другое, что Бухарину была предоставлена большая возможность на таком ответственном посту, как редактор «Известий», доказать свою преданность партии и исправить свои преступления перед ней. А что он сделал в «Известиях»? Он превратил редакцию «Известий» в очаг антисоветских контрреволюционных сил. Вот как он воспользовался доверием нашей партии к нему.

Известно и другое, что Центральный Комитет во время августовского процесса, когда были названы фамилии Бухарина и Рыкова в качестве участников контрреволюционной деятельности, ЦК вывел Бухарина и Рыкова из-под политического удара, дабы дать им возможность оправдаться перед партией. А чем Бухарин и Рыков ответили партии на это? Гнусной и непревзойденной клеветой по адресу партийного руководства, о чем явствует письмо Бухарина, адресованное т. Ворошилову.

Наконец, предыдущий пленум Центрального Комитета, видя упорство и нежелание Бухарина и Рыкова признаться в своих ошибках и преступлениях, откладывает, по предложению т. Сталина, обсуждение вопроса о правых, предоставляя возможность Рыкову и Бухарину одуматься и встать на путь признания своих ошибок, на путь ликвидации последствий своих преступлений. Чем же они ответили на это? Они снова ответили клеветническими выпадами против руководства партии, недо-

стойными не только большевиков, но и порядочного гражданина нашего великого Советского Союза. Может быть, Бухарин и Рыков думают, что терпение, обнаруженное Центральным Комитетом нашей партии, выражает слабость нашей партии? Если они думают так, то они глубоко ошибаются. Такое отношение Центрального Комитета к Бухарину и Рыкову было основано на силе партии, было продиктовано тем, чтобы помочь Бухарину и Рыкову выйти из болота предательства, куда они так глубоко залезли.

Членам Центрального Комитета розданы все материалы следствия. Мне кажется, что с правыми пора кончить. Все пути и возможности испробованы, все доказательства налицо, и пленум Центрального Комитета обязан сказать то, что думает каждый сознательный рабочий нашей страны, пленум Центрального Комитета обязан сделать то, чего требует от него партия. Наступило, кажется мне, время, когда Рыкова, Бухарина и других правых пора уже перестать называть товарищами. Люди, которые занесли руку на нашу партию, занесли руку на руководство нашей партии, люди, которые подняли руку на т. Сталина, не могут быть нашими товарищами. Это есть враги, и мы с ними должны поступить так же, как с любым врагом. Нужно исключить Бухарина и Рыкова из состава Центрального Комитета и из партии, немедленно арестовать и вести процесс, как над людьми, ведущими враждебную работу против социалистической страны. (Многочисленные возгласы с мест. Правильно, правильно!)

Каганович (председательствующий). Слово имеет т. Молотов.

Молотов. Товарищи, то, что мы здесь обсуждаем уже второй раз на пленуме ЦК за последние два-три месяца вопрос о Бухарине и Рыкове, является одним из доказательств того величайшего терпения в отношении людей, которые к нашей партии давно уже повернулись боком, вернее, спиной. За все время борьбы против ошибок тт. Бухарина и Рыкова мы помнили об их заслугах, о том, что они имели и хорошие дела в прошлом, и все делали для того, чтобы выправить их линию, выправить их поведение, дать им возможность выйти на общую дорогу. Но если посмотреть на то, как они себя здесь вели и ведут до сих пор, как они здесь выступают, как они относятся к Центральному Комитету партии и ко всей нашей партии, то для каждого из нас, объективно смотрящего на дело, ясно, что это не разоружившиеся враги. (Голоса с мест. Правильно.) Это — люди, которые продолжают атаки на партию и на Центральный Комитет партии.

Конечно, в их положении выступить и развернуть их буржуазную платформу, как она отражена в рютинской платформе, выступить тут и говорить о свержении советской власти, как призывают все их ученики и ближайшие сторонники, которые сдались, которые вынуждены были говорить правду под всякими уликами, которые против них были налицо в наших руках, выйти здесь и заявить, что они за свержение советской власти, за восстановление капитализма, за террор против руководителей партии, выступить с этим и защищать открыто эти вещи никто бы им не дал, и они знают, что не так можно вести теперь в партии борьбу. И они ведут другими средствами ее, считая, что их борьба не окончилась, и минимум, который нужен для врагов нашей партии, это — показать: не сдавайтесь те, которые против партии, держитесь! (Межлаук. Правильно! Голоса с мест. Правильно!) Те, которые еще не сдались, тянитесь, оттягивайте, задерживайте сдачу. Вот их тактика — Бухарина и Рыкова. Это тактика людей, которые говорят: те, которые еще не разоблачены — не раскрывайте себя, те, которые подкапываются и ведут борьбу против партии — ведите ее дальше, мы с вами, мы не сдаемся, мы будем все отрицать. Бухарин и письменно, и здесь на пленуме говорил: будет миллион показаний, а я их не признаю, все, что угодно говорите, я буду все отрицать.

И Рыков, видя, что это уж чересчур безнадежная позиция, держится на этой же позиции, но с оговорочками, кое-что он тут признал, так как будет явно глупо отрицать. В то же время он известные оттенки допускает в отношении Бухарина, чтобы не быть копией его поведения. Но поведение обоих — это есть поведение не только не разоружившихся врагов, которыми они были в течение последних лет, но это поведение людей, продолжающих борьбу против нашей партии, пытающихся удержать свои кадры, кое-кого из колеблющихся смутить, кое на кого повлиять и максимально выдержать линию, которая направлена против ЦК, против советской власти, из того, что они делали за последние годы.

Но, товарищи, мы здесь обсуждаем очень важный вопрос, когда говорим о Бухарине и Рыкове, и вместе с тем мы понимаем, что и Бухарин и Рыков, оба они в их теперешнем виде — это же ничтожество. (Межлаук. Правильно.) То, что они сами могут делать, это только то, что каждый может сделать из-за угла, исподтишка, как двурушник, как человек, который делает что-нибудь, пряча свое лицо. (Голос с места. Трус.) Но надо считаться с тем, что враги у нас есть. Когда дают сигнал: держись, борись, не сдавайся, отказывайся от правды, отказывайся от улик, вертись, крутись — это кое-кого все-таки оставляет на позициях врагов, неразоружившихся. Не только Рыков и Бухарин, у них есть другие люди, они были в нашей партии, они есть и сейчас. Мы не можем на это закрывать глаза. Они апеллируют не только к своим сторонникам в нашей партии, но и к тем, которые вне партии. Они дают им сигнал. Из их политики в настоящее время видно, что Бухарин и Рыков от своих прежних колебаний и от ошибок отошли гораздо дальше, ушли далеко, идут по худшим своим ошибкам, продолжают худшие свои традиции борьбы против партии.

О Бухарине. Что такое Бухарин для нашей партии мы все знаем достаточно хорошо. Мы знаем, что он немало написал статей, немало выступал с докладами, сказал немало речей, но мы знаем, что в течение всего периода, как его партия знает, он время от времени возобновлял борьбу против партии. Во время войны это был человек, который вел открытую борьбу против Ленина по коренным вопросам, об отношении к государству. Я помню в нелегальное время, в 1916 г., письмо Ленина, которое мы читали в Питере, члены бюро ЦК, — не знаю опубликовано ли оно, — где Ленин предупреждал нас о том, что у меня с Бухариным разногласия по вопросу о государстве: он стоит на анархистской позиции разрушения государства и отрицания государства, я стою за то, что государство, как переходная форма борьбы рабочего класса за полное освобождение и за полное торжество коммунизма, необходимо в виде диктатуры пролетариата. Я не сомневаюсь, что это письмо, если оно не опубликовано, оно сохранилось. И Ленин тогда в 1916 г., осенью 1916 г., специально предупреждал об этом русских работников, работавших нелегально. (Сталин. Оно опубликовано, есть статья на этот счет.) Есть статья. А кроме того, есть письмо. Я лично его читал в 1916 г. в конце ноября в Питере в нелегальной обстановке на нелегальной квартире, все, что полагается. Это письмо есть, Надежда Константиновна, очевидно, знает о нем.

Возьмите дальше, последующие события. Бухарин в период Бреста — ярый враг нашей партии, сторонник того, что можно сдать диктатуру рабочего класса, и [он] оказывается, по выражению Ленина, не большевиком, а шляхтичем, т. е. мелкобуржуазным героем, который думает не об интересах партии и революции, а о том, чтобы не отстать от мелкобуржуазных масс, от всей этой левоэсеровской братии, которая была против Бреста. Он с этими левоэсеровскими элементами в одной компании против партии, против советской власти, против Ленина. Мы знаем, что из этого ничего не вышло. И следующий этап — 1920 и 1921 гг., когда, по выражению Ленина, Бухарин «подливает керосин» в дискуссию. (Голос из президиума. Буферный керосин.) Он занимался тем, что разжигал борьбу Троцкого против Ленина, подливал керосин в период, когда Ленин говорил о кризисе в партии, о трудном положении в партии. И он предательскую роль играл в этот период, мы это хорошо знаем.

Прошло еще несколько лет. Ленина уже нет. Мы сплываемся все вокруг т. Сталина. Бухарин как будто вместе с нами. Но оказывается, он собирает свою школку молодежи, всех этих говняков. (Голоса с мест. Правильно. Смех в зале.) Слепкова, чужих людей, собирает их в одну компанию и говорит: «Я лично об этом узнал только в последнее время», а на очной ставке Бухарина с Астровым говорит, оказывается, так, что «я потому проиграл в борьбе против Ленина (Сталин. Хотя я был прав.), хотя я был по существу прав, что у меня не было своих кадров, а у Ленина есть свои кадры». (Голос с места. Вот сволочь.) «По существу, принципиально правда на моей стороне, но я оказался наивным в борьбе с более опытным человеком. Мне надо тоже иметь свои кадры». Вот начало школки.

И мы как будто в одной семье сидим, боремся против Зиновьева и Троцкого, громим троцкистов и зиновьевцев. Правда, получаем от них тоже довольно порядочные удары того времени, исподтишка. Но все же оказывается, Бухарин, нахо-

дьясь в нашей компании, имеет камень за пазухой. Он, видите ли, имеет свои кадры молодежи, организует свои кадры. И не так просто. Он подумал не только о себе, он подумал и кое-что намекнул Томскому. Томский заводит свои кадры. Кое-что Рыкову намекает, Рыков своих людей заводит. Не только в своем секретариате. Каждый знает, что Рыков имел кое-каких людей не только в своем секретариате, а пытался среди хозяйственников всегда иметь своих людей. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Будучи председателем ВСНХ он очень многих знал и он имеет некоторый организационный опыт. Он кое-какие свои кадры подбирал. Но какие кадры? Беспринципные, у которых никакого ленинизма, ничего нет, которые о постах думают очень внимательно и обсуждают, кого назначили правильно, кого неправильно, кого обидели, кого возвысили.

Вот на этих всевозможных вечеринках, снабженных закуской и выпивкой, в компании (Г о л о с а с м е с т. Правильно, правильно.) делаются попытки сложить свои кадры. У Томского та же беспринципность, те же закуски и выпивки, но тоже свои кадры. Один только Бухарин идеологию протаскивает, собирает Астрова, Слепкова, Марецкого, Цетлина, Кузьмина, этого очень важного идеолога. Он теперь говорит, что марксизм никуда не годится, он даст новую идеологию, более важную и прочее. Бухарин пытается обобщить всю эту гниль, которая на беспринципной почве рвет с партией и находит своих идеологов, вождей. Пока еще якобы он в нашей общей среде, в нашей общей основной группе, в общей основной массе в партии, борющейся в тот период против Троцкого, а затем против Троцкого и Зиновьева вместе.

Но дело в том, что надо было найти и некоторые организационные формы для новых настроений и для новых кадров. Оказывается, Бухарин, это Астров показал более подробно, и не только Астров, наметил новый вид партии. Он говорит о том, что не теперешняя ленинская большевистская партия должна быть. Партия должна быть в теперешних условиях основой, организационной рамкой (С т а л и н. Не монолитная.), не монолитная единая, ленинская партия должна быть. Он говорит о партии типа лейбор-партии, рабочей партии Англии, где свободно борются все течения, где ни о каком большевизме речи нет. (С т а л и н. Федерация партий.) Вот т. Сталин точно говорит, именно где речь идет о федерации партий, где социалисты и не социалисты прекрасно уживаются в одной организации. Но партия, которая, конечно, не способна ни на какую пролетарскую диктатуру, да она об этом и думать не может, она этого не хочет.

Он преподавал исподтишка эту мысль, на этом воспитывал свою группу молодежи, что нужно не теперешнего типа монолитную партию иметь, а партию типа лейбористской партии, где свободно борются течения, группы, фракции и где можно действительно красоваться в виде идеолога с любой кучей идей, с любыми сплетениями принципов, где можно всех этих беспринципных — Рыкова, Томского — прекрасно объединить, потому что им тесно в рамках большевистской партии, принципиальной большевистской марксистской партии. Поэтому поиски широкой свободы влияний для всяких течений, партий, эти поиски уже тогда в 1924—25 гг. начали распространяться среди своих учеников, учитывая, кого они объединяют, для чего они объединяют и куда ведут дело. Ясно, что это уже были все предпосылки к отказу от ленинской партии, от ленинизма, от большевистской партии, от диктатуры пролетариата и от советской власти. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) Все основания были такие, которые давали другую обстановку, другой путь, но открыто он тогда об этом не решался говорить. Он больше говорил своим ученикам более преданным, как например, Слепкову, Астрову, Кузьмину, Цетлину.

И вот, товарищи, конечно, счастье наше, что когда была сделана попытка правоуклонистами в лице Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Шмидта открыто влезть на арену, мы были уже достаточно настороже, чтобы немедленно перейти в контрнаступление и разгромить их идеи. Организационно все попытки были направлены, чтобы подвести нашу партию, сломить партию, разрушить ее, сделать из нее другую организацию и направить в другое русло.

Я не буду теперь говорить о том, что такое был правый уклон. Вы все это знаете великолепно. Знаете, что это была линия против социалистической индустриализации, против коллективизации сельского хозяйства, это была линия на буржуазно-демократический уклон, на сдачу позиций социализма в пользу кулака и капитализма. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) На власть буржуазии и на

реставрацию капитализма. Это партией было достаточно разоблачено. И в 1930 г. Бухарин, Рыков, Томский сделали соответствующее заявление о признании своих ошибок. Но теперь, как мы видим, признание этих ошибок было сделано только для прикрытия своей дальнейшей борьбы против партии. Можно, конечно, пытаться теперь опровергать те или иные даты или места: что я ходил не через Спасские ворота, а через Троицкие, не с Котовым, что я не мог проходить через Спасские ворота, что я не пешком, а ехал на автомобиле, не мог вести политические разговоры, которые невозможно было вести при пешем хождении.

Все это для нас не имеет значения. Для нас имеет другое значение. Если мы найдем нужным расследовать это дело, расследуем в полном порядке. Тов. Вышинский примет активное участие, если этого добиваются Бухарин и Рыков. Сейчас идет дело не о расследовании. Как можно отнестись к таким крупным фактам, как многочисленные показания, десятки показаний не только троцкистов, которые были в блоке с правыми, которые делали одно и то же дело, но показания друзей Рыкова, Бухарина, Томского, которые выкладывают наружу то, что они делали за последние годы вместе с Рыковым, Бухариным и другими. Как к этому отнестись? Бухарин пытался доказывать, что то, что касается его лично, неправильно, он не может этого признать, так как он этого не делал.

Но Бухарину трудно было сказать о том, как быть с тем, что показывают люди, эти десятки ближайших его товарищей по правому уклону о самих себе, когда они говорят, что они участвовали в террористической деятельности. А теперь Яковлев, бывший секретарь Хамовнического райкома при Угланове, подробно показывает, как он занимался вредительством на Сталинградском заводе. Когда его перевели в Челябинск, он и там занимался вредительством на стройке, на производстве, на отравлении воды для рабочих и на устройстве эпидемии среди рабочих. Как это понять, что они подробно говорят о том, что уже было после того, когда мы на первом процессе всех 16 террористов расстреляли, когда по второму процессу мы всех вредителей, имевших непосредственное отношение к этому делу, отправили туда же? Как это понять, что они вынуждены об этом говорить на себя, что они действительно занимались и террором, и вредительством? Бухарин говорит, что он этого не знает. Можно понять, что хотят замолить свою вину, что эти люди хотят разоружиться перед партией, помочь партии и указывают даже то, что не вполне точно, и не совсем правильно. Но это те люди, которые уже сами сдались.

Я вам приведу, наконец, показания другие, например, показания Кузьмина из группы Бухарина, Рыкова, Томского. Он говорил и теперь на допросе 21 февраля, что он признает, что действительно Бухарин и он вели такой разговор, что он шел против советской власти, против партии, что за тот период, когда он был в Москве, он встречался с его ближайшими учениками и повторяет буквально то, что говорил Слепков и другие в своих показаниях, что полностью подтвердили Астров, Цетлин, Зайцев и другие из бухаринских молодых, но при этом добавляет: «Я, — говорит, — должен вам сделать следующее заявление. Я являюсь вашим политическим врагом, врагом существующего строя, который вы называете диктатурой пролетариата. Я считаю, что СССР есть всероссийский концлагерь, направленный против революции, т. е. я за восстание, против советской власти, я за свержение существующего строя...» (Г о л о с а с м е с т. Сволочь, стерва!) Он говорит дальше: «Я перед вами не разоружаюсь и капитулировать не намерен». (Г о л о с с м е с т а. Это кто?) Это один из ближайших его учеников — Кузьмин. (Г о л о с а с м е с т. Вот стерва!) Он говорит: «Я заявляю, что я являюсь политическим врагом коммунистической партии, социализма и коммунизма». Это один из ближайших в группе Бухарина. (С т а л и н. Воспитал.)

Вот человек, который вовсе не говорит, что он разоружился. На следствии четыре дня тому назад он говорил: «Я ваш враг, я не разоружаюсь». Так точно заявлял Смилга в своих показаниях: «Я ваш враг, я не разоружаюсь». (Г о л о с с м е с т а. Вот стерва.) Не их ли хочет ободрить Бухарин? (Г о л о с а с м е с т. Именно их.) Если он не знает, что все показывают одно и то же, ну есть отдельные несовпадения в очень маленьких вещах, да и не может быть полного совпадения, потому что одни запомнили одно, другие другое, а было бы лишь основное правильно у всех изложено, а они подтверждают одно и то же. (С т а л и н. Все эти разноречия в рамках признания.) Да, в рамках признания всех остальных фактов, а

на каком же судебном процессе все обвиняемые точь-в-точь показывают? Никогда этого не бывает и быть не может. Но мы говорим не о процессе, а о юридической стороне дела. О чем идет речь? Если все это отрицать, говорить, что я не знаю, как это получается, то это говорил то же самое Радек, когда он заявил в последней речи: «Пока я не выяснил, что я являюсь последним, пока я не выяснил, кто сдался, пока я не установил, кто сдался и кто не сдался, я не признавался. И только когда я узнал, что я являюсь последним, я стал признавать свои преступления».

Это та же тактика, та же тактика врагов, которые не хотят разоружаться, не хотят разоблачаться, не хотят сложить голову, которые не хотят признаться, что «да, я ошибаюсь, я вступил на преступный путь, я разоружаюсь». Нет, эти люди держатся до конца. Это те люди, которые могут своей тактикой воодушевлять только Кузьмина, который входил в группу, который говорит: «Я не сдаюсь, я не разоружаюсь, я против партии, я против вашего социализма и коммунизма, против советской власти». (П о с т ы ш е в. «Я враг ваш».) Да: «Я ваш враг». Этим людям помогает, поддерживает их настроение, толкает их дальше на борьбу Бухарин и Рыков всем своим поведением. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Только такая мысль. Но надо, товарищи, сказать, что как бы они исподтишка ни вертелись, а где-нибудь вылезет что-нибудь явно преступное и политически ясное.

Мы не должны быть такими наивными, что Бухарин ничего против партии за это время не говорил. Неверно это. Не только на узких собраниях у себя, не только при встречах там или тут он говорил против партии. Вот вы возьмите то, что он писал в «Известиях ЦИК» в 1934 г., это было 12 мая 1934 г. и встретило ответные возражения Стецкого и Мехлиса, что дескать нельзя молча пройти мимо статьи Бухарина, напечатанной в «Известиях» от 12 мая 34 г. под заголовком «Экономика Советской страны». Все ее могут прочитать, я не буду прочитывать этой статьи и возражений Стецкого и Мехлиса, я прочитаю другое — замечания т. Сталина по поводу этой полемики между Бухариным и Стецким. Что говорят эти замечания? Эти замечания были разосланы членам Политбюро, а также Бухарину и Стецкому.

Вот какие 4 замечания т. Сталин тогда уже делал по поводу статьи в «Известиях ЦИК» «Экономика Советской страны». Он говорит, рассылая этим членам Политбюро, а также Бухарину и Стецкому этот документ: «Считаю необходимым заметить, что в споре между тт. Бухариным и Стецким прав т. Стецкий, а не т. Бухарин. Первое — нельзя сводить индустриализацию к созданию фондов вообще, как это делает Бухарин, так как такое сведение затушевывает разницу между фондами тяжелой индустрии, которая является ведущей и реорганизующей все народное хозяйство, и фондами других отраслей народного хозяйства, не являющихся ни ведущими, ни реорганизующими для нашей политики. Вся соль именно в этой разнице». (Г а м а р н и к. Правильно, правильно.)

«Второй пункт — нельзя делать даже отдаленного намека на то, что наша тяжелая индустрия развивалась якобы путем некоторого или частичного пожирания легкой индустрии или сельского хозяйства. Нельзя, так как это не соответствует действительности, отдает клеветой и опорочивает политику партии, а такой, правда, отдаленный намек, безусловно имеется в статье т. Бухарина». Открыто ведь он не мог выступить, но намекать и проводить свое он решился в 1934 году. (П о с т ы ш е в. Да, да.) Я опускаю тут дополнительные замечания и даю конец выводов т. Сталина. Цитируя по трем пунктам, хотя я лучше для полноты впечатления прочитаю полностью: «В связи с этим нельзя не отметить, что бывшие правые иногда пытаются свести разницу в установках партии и правых к тому, что партия шла к цели якобы лобовым ударом, а правые шли к той же цели обходным, но менее болезненным путем, что, если бы дали правым возможность, они пришли бы к цели с меньшими жертвами. Нет нужды доказывать, что подобные теории в кавычках не имеют ничего общего с марксизмом. На самом деле, правые шли не к той же цели, а в капкан, поставленный классовым врагом, и если бы рабочие послушались правых, они сидели бы в капкане... (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Мне кажется, что пережитки именно этой контрреволюционной «теории», от которой видимо не освободился еще т. Бухарин, сыграли свою роль в его статье “Экономика Советской страны”». (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Вот вам второе замечание т. Сталина по поводу статьи Бухарина.

Третье замечание: «Нельзя сводить политику коллективизации к понятию аграрной революции, как это делает Бухарин. Нельзя, так как такая «операция»

затушевывает то основное, чем выгодно отличается политика коллективизации от всякой другой аграрной политики в отношении крестьянства. Для нашей партии вся соль именно в этой разнице, т. е. в том, что затушевывает т. Бухарин. Это, конечно, не спор о словах, это вопрос о ясности и определенности формулировки. Большевики сильны тем, что они не пренебрегают требованиями ясности и определенности». И четвертое замечание: «Нельзя говорить о классическом и не классическом нэпе. Нельзя, так как это запутывает вопрос и может запутать людей. Новые слова нужны, но если они вызываются необходимостью, создают ясность, дают явный плюс. Они вредны, если они не вызываются необходимостью и отдают надуманностью. Большевикам не нужна игра в новые слова. И. Сталин». (Г о л о с а м е с т. Правильно.)

Вы видите, что в 1934 г. эта вылазка, которую Бухарин решился сделать не где-нибудь в своей группе среди своих учеников, или у Рыкова на квартире, или при обсуждении проекта рютинской платформы, а в «Известиях ЦИК», редактором которых он был, это вылазка в защиту взглядов правых на 100% только в прикрытой, более осторожной форме. Никто не мог бы допустить более открытой защиты взглядов правых ни в одном из органов нашей партии. Но что нужно кого-то мобилизовывать, подвинчивать, подкручивать, вернуть на борьбу с нашей партией, — для этого Бухарин давал материал. (П о с т ы ш е в. Он же знал, что его люди ищут.) Это для его людей и для тех, которые не совсем ясно представляют политику партии. (С т а л и н. Переключка.) Это мобилизация сил и разъяснение: «Держитесь, мы не сдаемся, мы продолжаем настаивать на наших взглядах в другой форме, не так, как раньше, но мы борьбу ведем». Вот о чем Бухарин говорил. Он не складывал своего оружия.

Мы отнеслись и тогда мягко к этому делу. Дело свелось к тому, что Стецкий написал пару писем по этому поводу и Мехлис одно письмо и дал оценку этому делу т. Сталин, выражая общее мнение Политбюро ЦК партии, и все дело закончилось в стенах ЦК и дальше этого дело не пошло. Обо всем этом знал т. Бухарин. Мы не хотели его окончательно разоблачать. Если бы открыто напечатать об этом в нашей печати, Бухарин не мог бы оставаться на посту редактора «Известий» уже летом 1934 года. Всякое доверие в нашей партии было бы к нему уничтожено.

Возьмем последний период перед процессом троцкистов. Не странно ли вам, что в августе мы ведем большой, громадный политический процесс против троцкистов — террористов, связавшихся с фашистским гестапо, и прочее и так далее, и ни одного слова Бухарина против этого процесса не напечатано? Не странно ли это для литератора такого, как Бухарин? Вы поймите, ни одного слова Бухарина против троцкистов нигде не напечатано, несмотря на разоблачение их. Делал ли он попытки? Делал. Как же может Бухарин устоять и ничего не написать? Он послал одну статейку, другую, но абсолютно негодные, их нельзя печатать, они все фальшивы насквозь. Опытный литератор, он знает, о чем идет речь, он, конечно, повторяет слова. Ведь и Пятаков писал громкие слова, такие, как «обер-бандиты» и т. д. А все основное, существо дела такое, что мы не решились напечатать.

И вот прошло шесть месяцев: август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль — семь месяцев и ни одной строчки Бухарина против троцкистов-террористов, так как фактически он их политически поддерживал в это время. (Г о л о с а м е с т. Правильно!) Я прочитаю вам письмо т. Ворошилову. Вы его все получили. Я прочитаю то, что Бухарин говорит по поводу партии и ее руководства. Процесс уже кончился, он обращается к т. Ворошилову, как к члену Политбюро, одному из руководителей нашей партии. Письмо написано 31 августа 1936 года. «Поставьте честно вопрос, если вы искренне верите, то меня нужно немедленно арестовать и уничтожить, ибо таких негодяев нельзя терпеть... (Г о л о с а м е с т. Это правильно.) Если вы думаете неискренне, а сами меня оставляете на свободе, то вы сами трусы, не заслуживающие уважения». (П о с т ы ш е в. Вот сволочь!)

Идет процесс. Вся эта сволочь троцкисты дают показания, что они занимались террором, что они шли на это, раздевают себя на процессе. Указывают на Бухарина как на участника этих дел. Мы — Центральный Комитет — берем на себя политическую ответственность перед рабочим классом. Думаем: подождем, может быть Бухарин не на 100% виноват, давайте выясним дело. Оставляем его подпись

на газете «Известия». Берем на себя известную моральную ответственность, защищая и оберегая его. А он в это время говорит: либо вы не верите в эти показания, т. е. значит понимает процесс как ложный процесс, либо вы трусы, которые не заслуживают уважения. Это за то, что мы пытаемся его выручить, как-нибудь последними средствами удержать его в глазах рабочих и вообще трудящихся. Это за то, что мы пытаемся его спасти. Бейте нас, ругайте за то, что мы чересчур терпеливы, но мы пытаемся выяснить дело.

Уже на прошлом пленуме мы имели достаточно показаний и опять это дело отложили. Решили дать возможность выпутаться человеку, если он запутался. Если он даже виноват, дадим ему время признать свои ошибки, уйти от этого, раскаяться, покончить с этим. Всех путей искали к этому. А что он говорит? И вы думаете, копии этого письма у Бухарина нет и он его не пустит, когда нужно, в дело? (Б е р и я. Если не пустил уже. С т а л и н. Что ответил Ворошилов?) Ворошилов ответил очень хорошо. Я должен прочитать ответ т. Ворошилова: «Тов. Бухарину, 3 сентября. Возвращаю твое письмо, в котором ты позволил себе гнусные выпады в отношении партийного руководства. Если ты твоим письмом хотел убедить меня в твоей полной невинности, то убедил пока в одном — впредь держаться от тебя подальше, независимо от результатов следствия по твоему делу. А если ты письменно не откажешься от гнусных эпитетов по адресу партийного руководства, буду считать тебя и негодяем». (Г о л о с а с м е с т. Правильно! П о с т ы ш е в. Коротко и ясно.)

Тов. Ворошилов дал должный ответ и никак иначе, как мерзостью и гнусностью такие письма никто из нас, конечно, называть не может. Против троцкистов-террористов ни одной строчки у Бухарина не появилось, а письмо против ЦК у него есть, в котором он поливает нас последними словами. На чьей стороне Бухарин? (Г о л о с а с м е с т. На стороне троцкистов.) Вот те факты, которые говорят сами за себя. Но если бы, товарищи, всего этого не было, всех этих показаний и проч., разве недостаточно одной голодовки? (Г о л о с а с м е с т. Правильно, правильно!) Перед пленумом ЦК написал письмо: я объявляю полную голодовку в знак протеста против клеветников и ввиду созданной атмосферы. Достаточно одного этого факта, который он сам потом должен был признать как антисоветский шаг. (М и к о я н. Правильно!) И как иначе можно это рассматривать.

Но так как он все делает с ужимками, он говорит это только Политбюро. Мы должны были всему пленуму об этом доложить, прочитать, а он говорит только для членов Политбюро. (П о с т ы ш е в. Выходит что он щадит, сволочь.) Щадит. Знает, что Томского карта бита, все поняли значение его самоубийства, над самоубийством Томского никто не сжалился. Видит, что это не подходит, давай новый способ. Он — христосик. Посмотрите на него, как он подергивает голову, а когда забывает, то не подергивает. Когда забывал, тогда не подергивал, все у него было в порядке, а как вспомнит, опять подергивается. (П о с т ы ш е в. Мученик.) «Можно его принести на пленум». Видите, до чего дошел, прийти он не может, а пришел, ничего. Выступал... (Г о л о с с м е с т а. 2 часа говорил.) Пришел, выступал и ругался сколько хотите, ничего себе. (П о с т ы ш е в. Еще членов ЦК баранами называл.)

Два дня прошло, как голодовку объявил, а тут выступает и говорит: 4 дня голодаю. Хоть бы почитал свое письмо. Вот комедиант, актер Бухарин. Мелкий провинциальный актер. Кого он хочет растрогать? Ведь это же мелкий актерский прием. Это комедия голодовки. Да разве так голодают революционеры? Это же контрреволюционер Бухарин. (С т а л и н. Подсчета нет, сколько дней он голодал?) Говорят, он первый день голодал 40 дней и 40 ночей, второй день голодал 40 дней и 40 ночей, и так каждый день голодал 40 дней и 40 ночей. Это же комедия голодовки Бухарина. Мы все страшно перепугались, были в отчаянии. Кончилась голодовка. Он не голодающий, а просто актер, безусловно, небольшой, на смешных ролях, но актер налицо. (С т а л и н. Почему он начал голодовку ночью, в 12 часов?) Я думаю потому, что на ночь не едят: это медициной не рекомендуется.

Товарищи, вся эта голодовка — комический случай в нашей партии. Все после будут говорить: вот комический случай был в партии с голодовкой Бухарина. Вот роль Бухарина, до которой он дополз. Но это не искусство ради искусства, это все для борьбы с нашей партией. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Он мобилизует все, что можно. Тот же Кузьмин говорит о нем — Бухарине: «И правый и левый,

и тот и другой». Кузьмин прав, он знает его хорошо из личных впечатлений. Это действительно такой человек, он против Ленина, но ни одним словом он не возражал против статьи Марецкого, напечатанной в Энциклопедическом словаре, о том, что Бухарин первый разъяснил марксистское учение. Бухарин, а не Ленин. Для разоблачения всей этой беспринципной лжи у Бухарина не нашлось ни одного слова, для разоблачения этой гнусности. Для разоблачения этого беспринципного лакейства, потому что он не наш по идеям, он чужой идейности.

Если он еще мог разыгрывать роль актера, человека, который ведет идейную борьбу, то он не на наших позициях, ведет эту борьбу против наших позиций, против большевизма, против ленинизма, против нас всех, против советской власти. Поэтому он кончает жалким актерским актом. Вот что такое Бухарин, вот что от него осталось. Он надувался, как маленькая лягушка: он и теоретик, он и лидер, он и вождь, а оказался актер на комических ролях. Если такой человек может вылезти из ямы, вылезай, пожалуйста, разоружись, брось эту гнусную борьбу против партии. Ничем ее не прикроешь. А теперь, когда разоблачен перед всей партией, ты будешь в смешном положении, если будешь продолжать эту канитель.

Теперь о Рыкове. Что такое Рыков, мы тоже знаем хорошо. До революции, я должен сказать, — я начинаю с личных воспоминаний, — я его не встречал, но знаю, что был крупный партийный работник, кочевавший, поддерживавший то Ленина, то Троцкого, залезавший в разные щели. (С т а л и н. На пленуме Центрального Комитета в 1910 г. — Крупская об этом должна знать — Каменев, Рыков, Зиновьев в блоке, Ильич в единственном числе. Ильич вынужден был уйти в Лондон, в Британский музей. Тов. Крупская должна это знать. А потом ездил к нему Зиновьев и обратно отдал ему газету, которую он захватил.) Это было в 10 году, а после этого он был в России. Я работал в «Правде» довольно длительный период, Рыков был где-то в ссылке, что-то делал, я не помню, чтобы он поддерживал нас. Какое-то письмо за подписью Власова (это псевдоним Рыкова) было в меньшевистской газете, но ни одного письма Рыкова в «Правде» не было, его заявления о поддержке партии не было.

Начало революции, апрельская партийная конференция. Рыков против Ленина, против социалистической революции. Октябрьская революция — Рыков против Октябрьской революции. Мы разгоняем Учредительное собрание, Рыков против разгона Учредительного собрания. 1920 год, борьба с Троцким в новой стадии. Рыков выдерживает где большинство, где меньшинство, десятым присоединяется, видит, что у Троцкого большинства нет, выждал момент и голосует вместе с Лениным. Потом весь последующий период, правый уклон, где он в лидерах, где достаточно показал себя в полном виде. Потом возьмем позже, он раскаялся, дали ему новую работу. Что он делал в Наркомсвязи? Это один из самых разваленных наркоматов. Ягода говорит, что там начальники и руководители занимались вредительством. Проверим, выясним это дело, но во всяком случае это не работа, а несчастье, то, что Рыков оставил в Наркомсвязи. Ни одного человека не найдется, который бы сказал, что хорошо поставлена работа. Работал из рук вон плохо.

Вот практическая работа, а возьмем политическую сторону дела. Он тоже говорил насчет того, что показания он давал всяческие — это его прием — путал карты. На мертвого все можно говорить — он и враг, и вредитель, и лидер. Тут уж какая совесть и честь. (Б е р и я. А живых сумасшедшими называет.) А живых сумасшедшими называет, своего ближайшего помощника Нестерова, который был 10 лет его первым секретарем и после этого был вместе с ним, который болел известный период, но он показывает и до болезни и после болезни одно и то же. Это надо как-то доказать.

А вот теперь Шмидт показывает, Шмидт — ближайший друг, который лично знал все их делишки, пока был в Москве и в последующий период, как был вне Москвы, был тесно связан и политически поддерживал Рыкова, Томского и Бухарина. Все говорит против Рыкова. Однако он не собирается признать своей вины, своих ошибок. Как он ведет себя? Не буду на деталях дела останавливаться, но возьму один пример. Рыков статей не любит писать, ему статьи писали Нестеров и тот же Радин, которые показывают факты о деятельности Рыкова. А он по другой части больше был в курсе дела. Возьмем такой крупный факт, как рютинская платформа. Это, по-моему, очень крупный факт. (С т а л и н. Это платформа всех троцкистов.) Да, эта платформа всех троцкистов и правых, всех контрреволюцио-

неров. Я прочитаю из этой платформы в доказательство того, что здесь сказал т. Сталин, самые характерные места. Цитирую так называемую рютинскую платформу: «Основной водораздел партии проходит в настоящее время не по линии — за Троцкого или против...» (Ч и т а е т.)

Тут идея блока на сто процентов выражена: наши разногласия с Троцким — второстепенное дело, прежние идейки Бухарина — тоже дело второстепенное, главное — борьба против Сталина, против партии, против диктатуры пролетариата. Эти господа, подписавшиеся под рютинской платформой, они называли себя «союз марксистов-ленинцев». Троцкисты называли себя — «большевики-ленинцы», а эти — «марксисты-ленинцы». Кончается платформа предложениями. Первый пункт они формулируют: «Союз марксистов-ленинцев призывает бороться...» (Ч и т а е т.) Это уже, конечно, оговорочка для души, а главное — свержение диктатуры рабочего класса, которая возглавляется нашей партией. Вот установка: разногласия с Троцким — второстепенное дело, прежние идейки Бухарина не должны повторяться, главное: все, что можно объединить против диктатуры рабочего класса и ВКП(б), главное — насильственное свержение советской власти. Это то, что проходит гвоздем через всю эту платформу. И дальше, конечно, как полагается: «Немедленно за работу! Пора покончить с состоянием растерянности и страха...» (Ч и т а е т.)

Вот вам платформа Рютина. О чем она говорит? Если теперь послушать речи Бухарина и Рыкова, то что получается? Бухарин, видите ли, доказывал: «Вы сравните стиль, это не мой стиль, значит это не я писал». Довольно неловко получается. Возьмем фактическую сторону. В начале июня Политбюро ЦК вынесло постановление назначить пленум ЦК на конец сентября. Есть такое решение. В июле месяце Бухарин пишет заявление об отпуске и уезжает 5 августа. Платформа Рютина написана в июне 1932 года. Тут время было до августа месяца для того, чтобы рассказать, показать, составить, времени достаточно было. Но вот что интересно, один очень важный факт — поведение Рыкова. Большинство из товарищей, присутствующих здесь, присутствовало и на пленуме ЦК в конце сентября — начале октября 1932 г., где оглашалась рютинская платформа, и где об этом говорилось, где принято было решение ЦК, осуждающее эту платформу и требующее разоблачения, исключения из партии и отдачи под суд всех, кто знает даже о факте такой платформы. Вот что интересно, на этом пленуме ЦК, товарищи припомнят, выступал Рыков. (Г о л о с а с м е с т. Выступал.) Он заявил — я помню это великолепно, мы стенограммы не вели, но отказаться тут Рыков не может, потому что большинство товарищей было на этом пленуме, — он говорил: «Это — белогвардейский документ, если бы я только узнал о таком документе, я бы счел своей обязанностью расстрелять того, кто выпустил этот документ». (Э й х е. Он сказал — лично бы привел в НКВД.)

Это вот у нас на глазах было в начале октября, а болшевское заседание, где читалась платформа Рютина, когда было? Он говорит, я точно не помню. Возьмем оба варианта. Допустим, что Рыков читал эту платформу сначала на болшевском совещании, потом был на пленуме ЦК, где он выступал и говорил, что он не знал об этой платформе, как баран на новые ворота глядел, будто бы, оказывается — новый документ, а если бы он знал кого-нибудь, кто участвовал в этом деле, он бы лично в ГПУ притащил. Как это могло быть? Маловероятно, чтобы болшевское совещание было до этого пленума ЦК. Что же, это было после октября месяца? Это не соответствует обстановке. Допустим, что как бы этот документ для Рыкова был новым, особенно после выступления, что он обещал стащить в ГПУ. (Г о л о с с м е с т а. Он сказал, летом было заседание.) Как могло это быть у честного человека? Как можно верить человеку, который перед нами выступал и в октябре 1932 г. и вот теперь, в феврале 1937 г., и врет, открыто врет (Ш у м.), как только может врать. (Э й х е. Как сивый мерин, по-русски говоря. Г о л о с с м е с т а. Да еще слезы льет.) В обоих случаях он врун, он запутался.

А теперь представьте себе положение Бухарина. Бухарин на прошлом пленуме перед всеми нами говорил (есть в стенограмме) — о рютинской платформе не слышал, содержание рютинской платформы не знает, только ему т. Сталин показывал, что вот есть рютинская платформа, я говорит, бегло просмотрел. (Г о л о с с м е с т а. Не читал. М и к о я н. Не интересовался читать.) Но Бухарин был человек довольно (Г о л о с с м е с т а. Скользкий). Вот вы сами определите,

кто он был и кто он есть — трудно определить. 5-го окончился пленум, а 7 октября Бухарин прислал письмо в Политбюро и подписался «с коммунистическим приветом Бухарин». Начинается оно так: «В Политбюро. Приехав 6 октября из отпуска и ознакомившись со слов т. Рыкова в общих чертах с ходом закрытого заседания пленума Центрального Комитета, имею заявить в связи с этим следующее: во-первых, я не могу не протестовать против упоминания моего имени некоторыми товарищами в таком контексте, который бросает на меня хотя бы какую-нибудь тень; во-вторых, само собой разумеется, что мое отношение к контрреволюционному документу и организации, о которой шла речь на пленуме и о существовании которых я впервые узнал из рассказа Рыкова о закрытом заседании, может быть только одно, — я полагаю также, что и простое несообщение о такого рода возмутительных контрреволюционных документах, даже в том случае, если оно субъективно объясняется крайним легкомыслием, есть объективно тягчайшее преступление против партии...» и т. д.

Видите, он записочкой отгородился от этого дела, но Рыков ему излагал документ, был на пленуме, сам выступал, все же знал Бухарин об этой платформе, после этого он не раз с Рыковым встречался — в 1932, 1933 гг., — он признает, что встречался, — и что же, он не знал об этой платформе уже после того, как Рыков читал ее в Болшеве, когда слышал на пленуме ЦК и прочее. А Бухарин выступает перед нами: я не читал, не слышал. (Бухарин. О Болшеве не говорили ни одного слова. Пожалуйста, допросите, абсолютно ничего. Эйхе. Свежо предание, а верится с трудом.) Возьмите речь Бухарина, он в рамках письма старается держаться — он что-то слышал. А потом то, что он знает об этом документе, пытается изобразить только так, что знает об этом документе, только по той записке, которую он видел в руках т. Сталина и не на долгое время получил в Центральном Комитете в свое распоряжение. (Микоян. Разве не странно, что Сталин дал ему эту платформу и член ЦК не интересуется это читать. Значит, раньше он знал. Как же член ЦК и не хочет читать этого документа. Голос с места. Он сам редактировал.) Верить Бухарину охотников тут найдется немного. (Смех.)

Возьмите Рыкова. О Бухарине говорить больше не буду, с Бухариным вопрос более или менее ясен. Рыков — ведь его ложь, вранье, попытка надуть пленум совершенно очевидны, вот даже на этом конкретном ближайшем случае. Вот так обстоит дело в настоящее время.

Бухарин оказался в этот момент ловчее. 1932 год и особенно вторая половина 1932 г. была самой острой с точки зрения попыток отдельных групп вылезти наружу. В этот момент зиновьевцы и троцкисты ищут окончательной связи, уговариваются о терроре. В этот момент в Болшеве у Томского собирается группа, которая обсуждает рютинскую платформу. В это время в Москве в августе или сентябре Слепков собирает конференцию молодых. Бухарин, зная об этих вещах, уезжает куда-то подальше, на Памир, зная об этом документе, в июне 1932 года. Так обстоит дело со всеми этими фактами.

Что же, товарищи, после того, что мы знаем о политической физиономии, и о политической деятельности этих людей, для нас картина совершенно ясна. Эти люди за все последние годы не сделали попыток сблизиться с партией, эти люди продолжали в течение всего этого времени, после формальных заявлений о признании своих ошибок, вести антипартийную работу. (Бухарин. Неверно.) Это минимум того, что мы можем понять. «Неверно», — говорил нам Пятаков, вредитель. «Неверно», — говорили Радек, Лифшиц, Серебряков. Все отрицали, и мы им верили. Не верили, что эти люди могли дойти до такого преступления. И в настоящее время многие люди еще ставят себе вопрос: не может быть, неужели эти люди дошли до такого положения, были же они в нашей партии, были на виднейших постах в нашей партии, знакомы с марксизмом, относились хорошо к рабочему классу, не может быть, чтобы они до этого докатились.

Но, товарищи, мы знаем, что то, что в этом отношении относится к Рыкову, Бухарину и Томскому, полностью относится и к Зиновьеву, Каменеву, Пятакову, Серебрякову. (Голоса с мест. Правильно. Да, да.) Они тоже были и видными деятелями партии и участвовали, работали вместе с Лениным ряд лет. И действительно пользовались большим уважением у трудящихся, пока они были с нашей партией. Финтили, ковыляли, уходили, ударили в спину партии и Ленина,

ударяли в спину и нашего Центрального Комитета и т. Сталина за последние годы. Но все-таки просто люди не могли поверить, что настолько далеко зашло дело.

Значит, товарищи, мы ведем очень большое дело, значит, борьба у нас очень острая, значит, вопрос о борьбе за коммунизм или против коммунизма, это коренной, острейший вопрос нашего времени. (Г о л о с а с м е с т. Да, да.) Значит, вопрос, который мы решаем, это действительно есть-глубочайшей важности вопрос для трудящихся. И, конечно, можно поражаться, можно радоваться успехам, которые мы имеем в нашей стране. Но, товарищи, как ни велики наши успехи в СССР, как ни огромны достижения, которых мы добились за последнее время в нашей стране, есть же социал-демократы, есть же буржуазные демократы, более или менее либерально относящиеся к СССР, которые не хотят идти по нашему пути.

Ведь есть же Америка, где нет пока видных коммунистов, есть Англия, есть Франция, где выросли новые кадры, но там еще острая борьба идет. Все-таки ни один видный социал-демократ окончательно не отказался от борьбы против коммунистической партии. Все-таки в нем социал-демократическая душа и он пока остается самим собою, на других позициях, чем наши. И если от отдельных колебаний люди перешли к целой идеологии, к созданию своих кадров, если их враждебное отношение к политике партии, к ленинизму превратилось из отдельных актов в длительную борьбу, — эти люди конченные. Эти люди отпетые. Эти люди не с пролетариатом, а с буржуазией. Они могут выбирать другой путь. Почему видные социал-демократы не могут пойти по пути коммунизма, хотя они очень видные работники, читали марксизм и видели все успехи, которые мы имеем? (С т а л и н. Записки пишут.) Люди, которые действительно как-будто могли бы этим делом заниматься с большим успехом, но все-таки они не отходят от буржуазии, от капитализма, не рвут потому, что не верят в коммунизм, потому что боятся пролетарской революции, потому что корнями связаны с буржуазией, с буржуазной демократией или с фашизмом, как уже теперь выяснено. (М е ж л а у к. Фашисты, конечно. Г о л о с а с м е с т. Правильно.)

Но если правые и троцкисты теперь говорят нам, не все, а многие: да, мы вредили, мы занимались террором, мы отравляли воду для рабочих, мы травили рабочих газом в цехах, есть такие факты, они теперь говорят об этом, значит — это люди, которые целиком порвали с рабочим классом, с нашей партией, с марксизмом и ленинизмом. Значит, они в другом лагере. Если кто-нибудь из этого лагеря оторвется, найдет в себе силу мужества, вспомнит, что может он еще кое-что для рабочих сделать, мы достаточно терпели и принимали меры для этого. Но уж если вы против партии начали борьбу и перешли на открытый контрреволюционный путь, мы поступим так, как полагается поступать с такими господами. (Г о л о с а с м е с т. Правильно. А п л о д и с м е н т ы.)

Есть предложение объявить перерыв до 6 часов вечера. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.)

(Продолжение следует)

Примечания

1. Выступления Андреева и Молотова печатаются по тексту направленной стенограммы.

От царизма к нэпу

Р. У. Дэвис, П. Гатрелл

От редакции. Профессор центра российских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета Р. У. Дэвис передал в журнал «Вопросы истории» изданную под его редакцией коллективную монографию «От царизма к новой экономической политике. Преемственность и изменения в экономике СССР» («From Tsarism to the New Economic Policy. Continuity and Change in the Economy of the USSR». Macmillan in Association with the Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London. 1990. 417 p.).

Международная рабочая группа, состоящая из исследователей из Великобритании, США, ФРГ, Австралии, предприняла в 1985 г. попытку сравнительно-исторического анализа экономического развития дореволюционной России и Советского государства в первое десятилетие его существования. Главное внимание авторы сосредоточили на проблеме преемственности и прерывности в экономической эволюции России, на вопросе о сущности нэпа, его потенциальных возможностях и том, насколько они были реализованы. В январе 1987 г. члены рабочей группы на конференции в Бирмингеме обсудили выводы, к которым они пришли.

Итоги этой работы и получили отражение в коллективной монографии. Она заслуживает внимания наших читателей. Поэтому редакция решила опубликовать введение Дэвиса к книге, в котором содержится характеристика изученности темы и намечены направления дальнейших исследований, и главу о развитии промышленности, написанную Дэвисом и преподавателем экономической истории Манчестерского университета П. Гатреллом. Материал печатается с сокращениями. Опущен и обширный аппарат, содержащий многочисленные и весьма пространственные примечания, сноски на российские и зарубежные издания, а также многочисленные таблицы.

Введение

Современные историки по-разному оценивают уровни, достигнутые российской экономикой накануне первой мировой войны и в 20-е годы. Достаточно влиятельная группа исследователей утверждает, что перед войной промышленность и сельское хозяйство Российской империи отличались стабильностью и развивались вполне удовлетворительно. Однако другие авторы полагают, что экономический подъем 1910—1913 гг. был явлением временным, и глубоко противоречивое развитие российской экономики влекло ее к очередному и неотвратимому кризису.

Некоторые ученые, признавая благоприятные до 1914 г. тенденции в экономическом развитии России, эволюционировавшей в направлении конституционной или либеральной демократии, делают вывод, что если бы не мировая война и неудачная политика Николая II, не было бы и большевистской революции. Впрочем, есть такие авторы, которые доказывают, что революционный взрыв был неизбежен и война только на время его задержала.

Для того чтобы понять характер советской экономики в 20-х годах и причины, приведшие к краху нэповской смешанной экономической системы, необходимо сопоставить друг с другом до- и послереволюционные периоды. С этой целью в 20-х годах советские статистики попытались сопоставить данные по промышленному производству, но затем эта работа была прервана, а ее результаты опубликованы лишь частично и в искаженном виде. Требуют уточнения и используемые историками статистические данные о занятости. Отсутствуют сведения об изменениях в распределении рабочей силы по профессиям, об образовательном уровне.

Главная задача исследования состоит в том, чтобы привести в определенное соответствие данные по этим двум периодам развития российской экономики. Прежде всего, необходимо определить базовые годы для исчисления достигнутых ею уровней. Удобнее всего было бы сопоставить данные по пиковым для каждого периода годам. Применительно к дореволюционному периоду обычно берется последний предвоенный, 1913, год. Но надо учитывать, что он был исключительно благоприятным для сельского хозяйства, и поэтому предпочтительнее в основу сопоставлений положить (где возможно) средние данные за 1909—1913 годы. Пик производства средств производства приходится на 1916 г. благодаря росту военной промышленности, но его нельзя брать за отправную точку для расчетов по всей промышленности, поскольку объем производства потребительских товаров, и даже в горнодобывающей и металлургической отраслях, с началом войны и вплоть до 1916 г. существенно понизился.

В период нэпа 1926/27 г. — лучший как база для сопоставления экономического развития. Это последний год нэпа, когда отношения между сельским хозяйством и промышленностью осуществлялись в основном через рынок. С начала 1928 г. административное принуждение стало главным орудием в руках государства, стремившегося присвоить произведенную крестьянством продукцию. После 1926/27 г. уже не отмечается рост общего объема сельскохозяйственной продукции. Поскольку по определенным ее видам были значительные колебания в отдельные годы, то в этих случаях представляется более целесообразным использовать средние данные за 1926—1928 годы. А так как промышленное производство продолжало расти и в 1928 г., в основном за счет восстановления промышленности и использования наличного промышленного капитала, то и применительно к этой отрасли народного хозяйства приходится использовать данные и по 1927/28 году.

По оценкам американского ученого П. Грегори, чистый национальный продукт в Российской империи увеличивался с 1909 по 1913 г. ежегодно на 5,1% (около 3,5% в пересчете на душу населения). Валовой объем производства в крупной промышленности за тот же период вырос на 7%, быстро развивались мелкая промышленность и сельскохозяйственное производство. Высокий уровень зернового производства в 1909—1913 гг. в определенной степени зависел от нескольких благоприятных в погодном отношении лет; за период же с 1895 по 1914 г. зерновое производство прирастало примерно на 2,1—2,4% в год (на 0,5—0,8% в пересчете на душу населения). Менее определенные данные имеются по животноводству. По расчетам С. Г. Уиткрофта, между 1900 и 1910 гг. поголовье домашнего скота (в пересчете на душу населения) сокращалось. К сожалению, отсутствуют данные о среднем весе скота в крестьянских хозяйствах.

Экономический подъем способствовал росту пассажирских и грузовых перевозок по железным дорогам. Ежегодный прирост (в условных тонно-километрах) между 1908 и 1913 гг. достигал 6%.

Стремительное падение экономики вследствие мировой войны, революции и гражданской войны связано прежде всего с сокращением численности населения как по причине огромной смертности вследствие боевых операций, эпидемий, так и из-за падения рождаемости, а также эмиграции. К 1923 г. в стране жило 134 млн. человек (в 1914 г. на территории в границах до 1939 г. жило 140 млн. человек и при нормальных условиях воспроизводства населения оно должно было, как считает

Уиткрофт, достигнуть 162 млн. человек). По исчислениям современных советских ученых, преждевременная смерть (от насилий, болезней и голода) постигла 10,5—11,5 млн. человек; 1,5—2 млн. человек эмигрировали, а 14—16 млн. человек так и не появились на свет из-за сокращения рождаемости.

Имеющиеся данные об упадке производства в годы гражданской войны не внушают особого доверия. Считается, что общий объем промышленного производства упал до 30% от уровня 1913 г., а по крупной промышленности еще больше (по чугуну — до 3%), зерновое производство, по некоторым оценкам, сократилось до 44%, продукция животноводства — до 27%. Зимой и весной 1921/1922 г. разразился тяжелейший голод.

Темпы восстановления экономики после 1921 г. оказались гораздо более высокими, чем можно было предполагать. По подсчетам Уиткрофта, чистый годовой объем сельскохозяйственного производства в 1926—1928 гг. был примерно на 3% меньше, чем в 1913 году. С 1913 по 1927 г. население увеличилось на 6,5%, так что объем продукции на душу населения несколько превышал средние показатели 1909—1913 гг. и был на 10% ниже, чем в 1913 году. Изменялась структура сельскохозяйственного производства. В 1926—1928 гг. средние показатели производства мясных и молочных продуктов превышали средние показатели 1909—1913 гг. на 26%, технических культур — на 45%, а картофеля — на 79%. Однако общий объем произведенного зерна, все еще остававшегося важнейшей статьёй в балансе сельскохозяйственного производства, был на 5% (по чистой зерновой продукции — на 22%) меньше средних показателей 1909—1913 годов.

Промышленное производство (о котором подробнее будет сказано ниже), по видимому, достигло довоенного уровня в 1926/27 г. и даже превзошло его в 1928 г. (на сколько — нет точных данных). Сведения по мелким предприятиям отрывочны. К тому же отсутствуют достаточно определенные коэффициенты, необходимые для сопоставления цен. Гатрелл и я считаем, что валовой объем производства в 1928 г. примерно на 20% превышал уровень 1913 г., Грегори же полагает, что правильнее было бы говорить о росте на 5%. Впрочем данные эти не учитывают снижения качества продукции.

Быстрыми темпами восстанавливался объем грузовых перевозок: общий объем грузов, перевезенных по железным дорогам, превысил к 1927 г. уровень 1913 г. на 5%, а если учитывать удлинение перевозок и исчислить последние в тонно-километрах, то более чем на 25%. Впрочем, существенно сократились перевозки по водным путям, так что довоенный уровень грузовых перевозок по железным дорогам и водным путям в совокупности был достигнут только в 1928 г. (172,5 млн. т против 164,9 млн. т в 1913 г.).

Розничная торговля, по советским оценкам, если учитывать стабильные рынки сбыта, составила к 1926 г. 98% от 1913 г., что вполне соответствует имеющимся данным о сельскохозяйственном и промышленном производстве. Впрочем, нет данных по ларькам, торговле с лотков, другим временным торговым точкам, на которые приходилась существенная доля розничной торговли. Иное положение с внешней торговлей. В 1926/27 г. экспорт составил 33%, а импорт 38% от уровня 1913 года. Этот упадок был связан в первую очередь с сокращением зернового экспорта, который даже в лучшие годы нэпа составлял всего лишь четверть довоенного объема. Изменился состав импорта: резко ограничен был ввоз промышленных товаров широкого потребления, а импорт промышленного сырья и оборудования составил в 1927/28 г. 70—75% довоенного уровня.

Советская экономика не нуждалась, как дореволюционная, в поддержании активного баланса в торговле, поскольку произошел резкий спад «невидимых» платежей. После революции были аннулированы все дореволюционные долги, как и все платежи по процентам. К тому же сократились туристские поездки за рубеж. И тем не менее внешнеторговый баланс в 20-х годах был хронически дефицитным. Дореволюционное превышение экспорта над импортом сменилось пассивным торговым балансом (за исключением 1926/27 хоз. года). В 20-е годы образовалась новая, хотя и относительно небольшая внешняя задолженность (около 370 млн. руб. к концу 1927/28 г.).

Выше продукция советской экономики рассматривалась в терминах, относящихся к производственному сектору. Мы пока не можем детально сопоставить национальный продукт по конечному его использованию, поскольку по обоим

сопоставимым периодам нет заслуживающих доверия данных о расходах на потребление, управление и услуги.

Резко сократились расходы на оборону (в текущих ценах они составляли примерно 950 млн. руб. в 1913 г. и около 700 млн. руб. в 1926/27 г.). По советским данным, в 20-е годы они (в реальном выражении) составляли примерно половину от 1913 г., а по подсчетам Наркомфина — только 40,6%.

Весь объем капиталовложений в 1926/27 г. был примерно на 10% ниже, а в 1927/28 г. на 10% выше уровня 1913 г., но инвестиции в жилищное (особенно городское) строительство, транспорт и связь сократились. Вложения же в промышленность и аграрный сектор заметно возросли.

Грегори, рассматривая данные о национальном доходе, приходит к заключению, что в 1928 г. он достиг 93—107% уровня 1913 г., но, учитывая рост населения, национальный доход на душу населения в 1928 г. был на 1,5—14% ниже, чем в 1913 году. Грегори исходит при оценке эффективности сельскохозяйственного производства из данных об урожае в исключительно благоприятном по погодным условиям 1913 году. Уиткрофт, Гатрелл и я предпочитаем брать средние данные за 1909—1913 годы. В этом случае общий объем национального дохода в 1928 г. будет примерно равен довоенному, а в расчете на душу населения — ниже минимального уровня, исчисленного Грегори для 1928 года.

Так или иначе, но участники конференции в Бирмингеме в общем согласны, что официальные советские подсчеты о положении в середине 20-х годов сильно завышены. В 1929 г., по данным Госплана, национальный доход превышал уровень 1913 г. на 5% (в 1927/28 г. — на 13%). По самым свежим данным официальной советской статистики, национальный доход в 1928 г. был на 19% выше, чем в 1913 г. (соответственно вся сельскохозяйственная и промышленная продукция на 24 и 32%). В 1926 г. продукция сельского хозяйства достигла 118%, а промышленности — 98% от уровня 1913 года.

Современные советские реформаторы, при всем различии их мнений, считают 20-е годы лучшим временем в советской истории и всячески подчеркивают успешность нэпа. Советские экономисты, достаточно скептические в отношении других данных, сообщаемых официальной статистикой, не смущаясь приводят цифры из официальных советских справочников, изображающих нэп как политику, почти полностью восстановившую за несколько лет разрушенную экономику. При этом они игнорируют другие подсчеты, относящиеся к ее состоянию в 20-е годы и говорящие о том, что успехи, достигнутые при нэпе, были не столь уж значительными. Некоторые советские экономисты даже говорят о большей эффективности рыночной экономики по сравнению с централизованно-планируемой; они ссылаются при этом на более быстрый рост промышленного производства в 1922—1928 гг., чем в начале 30-х годов, но не упоминают, что 20-е годы были периодом восстановления хозяйства, а не новых капиталовложений.

Тезис, что к 1926 или 1927 г. экономика была полностью восстановлена до уровня 1913 г., сыграл свою роль и в том, что в конце 20-х годов стал преобладать сверхоптимистический подход к народнохозяйственному планированию. Ускоренное развитие промышленного производства в 1927—1930 гг. (более быстрое, чем за пятилетие накануне 1913 г.) советские экономисты связывали исключительно с новыми инвестициями. На самом же деле во многом и притом наиболее существенном оно было связано с возвращением в оборот уже существовавшего промышленного капитала и его более интенсивным использованием.

Исчисления Грегори и других ученых показывают, что разрыв между Россией и другими великими державами по размерам национального дохода на душу населения между 1861 и 1913 гг. увеличивался (этот процесс несколько замедлился после 1885 г.). К 1913 г. российское сельское хозяйство уступало пяти ведущим европейским государствам — и по урожайности, и по продукции в расчете на одного работника, занятого в аграрном секторе, и по его диверсификации. И объем промышленного производства на душу населения, и производительность труда в индустриальном секторе были значительно меньше, чем в Великобритании, Франции, Германии, США. И хотя с 1890 г. шел быстрый рост производства средств производства, тем не менее преобладало все же производство потребительских товаров. В 1913 г. российский национальный доход на душу населения составлял две пятых француз-

ского, треть германского, одну пятую британского и только одну восьмую часть американского национального дохода.

Отрасли российской промышленности сильно различались по своему технологическому уровню. Черная металлургия в 1880—1913 гг. развивалась с помощью иностранного капитала, и здесь имелись многие предприятия, работавшие на современном технологическом уровне, однако и на них производительность труда отставала от индустриально развитых стран. Многие другие отрасли очень отставали по своей технологии. Почти четверть промышленной продукции давали ремесленники. В последние довоенные годы стремительно прогрессировали отрасли, например самолетостроение, но при этом слабо развиты были научно-исследовательские и конструкторские разработки (в отличие, например, от Германии).

В Российской империи накануне первой мировой войны налицо было взаимодействие социально-экономических структур. Около 100 тыс. дворянских семей (всего полмиллиона человек) владели тремя пятыми всей земли, находившейся в частном владении. Часть этой земли арендовали крестьяне. К 1916 г. менее 10% всех посевных площадей обрабатывались непосредственно в имениях (дворянских и недворянских). А в государственном аппарате дворяне занимали главное место. Однако значительная часть промышленного и торгового капитала, накопленного после 1861 г., принадлежала недворянам. Свыше 200 тыс. промышленных и торговых предприятий составляли собственность «буржуазных» владельцев, которые вместе с членами семей насчитывали свыше 2 млн. человек. Общее число лиц, занятых умственным трудом и обслуживающих помещичьи хозяйства, промышленные и торговые предприятия, служащих центральных и местных органов власти, адвокатов, инженеров, офицеров, врачей и учителей превышало 1 млн. человек (130 тыс. из них имели высшее образование). Взятые вместе, дворяне, крупная и средняя буржуазия, специалисты в совокупности со своими семьями образовали в 1913 г. иерархию элиты, в которую входило около 3 млн. человек (из 140 млн. жителей Российской империи).

Подавляющее большинство населения составляли крестьяне. Из 5/6 всего жившего в 1913 г. в сельской местности населения свыше 90% принадлежали к 20 млн. крестьянских дворов, обрабатывавших около 90% всех посевных площадей, в большинстве своем охваченных общинами с присущими им переделами земли и чересполосицей. Свыше 4 млн. крестьян работали вне своих деревень и волостей как сезонные сельскохозяйственные рабочие, а 5 млн. были заняты отхожим промыслом в строительстве, лесоразработках и других занятиях вне аграрной сферы.

В промышленном производстве, строительстве, на железнодорожном и водном транспорте, во внутренней торговле были заняты около десятка миллионов человек (6,4 млн. — наемные рабочие, главным образом в промышленности и железнодорожном транспорте, остальные — мелкие ремесленники, в летнее время занятые в сельском хозяйстве).

После 1861 г. возрастает экономическая активность, связанная с рынком. По подсчетам Госплана, в 1913 г. 22—25% всей сельскохозяйственной продукции было реализовано за пределами сельских районов, еще больше (трудно точно определить, сколько) уходило в другие сельские районы. 25 млн. т, или треть всего (свыше 40% чистого) произведенного зерна, транспортировалось по железной дороге и воде (зерно, перевезенное гужевым транспортом, в данном случае не учитывается). Промышленные товары — большая часть потребительских и некоторые средства производства — также реализовались через рынок. Внутреннюю оптовую торговлю вели в основном влиятельные торговые дома. В розничной торговле важная роль принадлежала крупным и малым магазинам, развивалась сеть потребительских кооперативов. Однако велика была роль палаточников на рынках, ларьков, многочисленных странствующих разносчиков и коробейников.

Таким образом, экономика России накануне первой мировой войны была частично капиталистической, работающей на рынок, но при этом надо иметь в виду, что: 1) значительная часть продовольствия и изделий ремесла потреблялась в самих крестьянских хозяйствах и общинах; 2) государство, оказывавшее сильное влияние на развитие промышленности, выступало как важный покупатель средств производства, некоторых потребительских товаров, особенно для нужд армии и железнодорожного транспорта; 3) таможенные тарифы были направлены на защиту казенной промышленности; 4) в ряде отраслей тяжелой промышленности

синдикаты определяли квоты продаж для входящих в их состав фирм, фиксировали оптовые цены. Налицо была рыночная экономика, регулируемая государством и отмеченная олигополистскими тенденциями.

В середине 20-х годов роль государства в экономике и в регулировании рынка существенно возросла. Значительно расширился государственный сектор. Не только железные дороги, в основном национализированные еще до революции, но почти вся крупная промышленность, банки, большая часть оптовой и свыше 50% «организованной» розничной торговли фактически принадлежали государству. Государственные предприятия (особенно в тяжелой промышленности), формально самофинансирующиеся (на основе «хозрасчета»), во все возрастающей степени, несмотря на сокращение, по сравнению с 1913 г., оборонных расходов, управлялись центром и финансировались через бюджет. К тому же в начале 20-х годов синдикаты контролировали сбыт и оптовые цены не только в ряде отраслей производства средств производства (как это было до войны), но и в легкой промышленности, например текстильной. Государственный бюджет выступал как важнейший инструмент контроля над экономикой. Большинство инвестиций в производство средств производства обеспечивалось за счет бюджетных субсидий и низкопроцентных государственных займов.

Теперь государству принадлежали главные рычаги контроля над экономикой, которыми в 1914 г. оно не располагало. К ним относятся: централизованное фиксирование цен — оптовых и розничных; кратко- и долгосрочные кредиты, предоставляемые на основе поквартального планирования; регулирование заработной платы и широкая шкала норм оплаты труда; государственная монополия внешней торговли, государственный контроль над импортом; годовой государственный план («контрольные цифры»), определявший размеры инвестиций в отдельные отрасли и секторы, источники финансирования (как бюджетные, так и из собственных фондов предприятий).

Но эти формы контроля не были достаточно эффективными. Многие «контрольные цифры» были скорее декларацией о намерениях, а не действительно оперативным планированием. Не удавалось осуществить контроль за заработной платой. На местах нередко осуществлялись капиталовложения, не предусмотренные планом. И все же перечисленные выше формы оказывали заметное влияние на экономические отношения, а контроль над импортом и планы кредитования выявили свою эффективность. И хотя государство сохраняло за собой мощные рычаги влияния на экономику, нэп в основе своей был все же ориентирован на функционирование рыночной экономики, тем более что государственный контроль над мелким производством, работавшим непосредственно на рынок, был малоэффективен.

Свыше 40% «организованной» розничной торговли и почти вся торговля крестьян на базарах были до 1927 г. сосредоточены в частных руках. Так и не удалось в большинстве случаев осуществить здесь контроль над ценами. Крестьянские хозяйства, а теперь их насчитывалось около 25 млн., были заняты в основном удовлетворением собственных нужд или же производством продуктов на рынок, но не на государство. До 1928 г. оно приобретало крестьянскую продукцию по ценам, близким к рыночным. Зарплата и цены на товары в основе своей еще зависели от состояния рыночной экономики. Государство и принадлежащие ему предприятия не осуществляли полного диктата над рынком, но выступали на нем как участники.

В 1913 г. чистые капитальные вложения в промышленность, по подсчету Грегори, достигали более 11% чистого национального дохода, т. е. находились примерно на уровне начала 90-х годов XIX в., довольно высокого для такой страны, как Россия, и являлись весьма существенным фактором экономического роста, особенно отраслей тяжелой промышленности.

Обычно высокие темпы индустриализации объясняют, как А. Гершенкрон и другие ученые, возможностью поддерживать высокий уровень капиталовложений за счет высоких — прямых и косвенных — налогов на крестьян. Участники Бирмингемской встречи полагают, что эта точка зрения требует корректив, поскольку налоговое бремя несло и городское население и может быть в еще большей степени, поскольку являлось главным потребителем товаров, облагаемых косвенными налогами. По подсчетам советского ученого А. Л. Вайнштейна, в совокупности рента и налоги поглощали до 19% чистого крестьянского дохода.

К тому же надо учитывать, что в России сельскохозяйственные цены были ниже цен на промышленные товары, чем на мировых рынках. По советским данным, в 1913 г. мировые цены на сельскохозяйственную продукцию в среднем были на 46% выше, а на промышленные товары — на 39% ниже уровня российских цен. Историки по-разному объясняют это: как следствие «неэквивалентного» обмена, результат влияния таможенных тарифов или же «внеэкономической» эксплуатации крестьянства. Некоторые исследователи полагают, что свою роль сыграли здесь и сравнительно благоприятные условия для сельскохозяйственного производства.

Прямые государственные инвестиции были в 1913 г. сравнительно невелики (примерно 1/7 всех капиталовложений). Тем не менее государственный бюджет играл важную роль в индустриализации страны. И это было связано с ростом государственных расходов (не инвестиций!) на вооруженные силы, железнодорожный транспорт и т. д., что естественно стимулировало промышленный подъем в 1909—1913 годах. Однако пока еще не предпринимались серьезные попытки выяснить размеры этого влияния.

Государство играло важную роль и в стимулировании иностранных капиталовложений. По подсчетам Грегори, чистый приток иностранных инвестиций в 1913 г. составил 578 млн. руб. (до 25% чистых внутренних вложений). Иностранные вложения в 1909—1914 гг. в акционерный капитал (главным образом, в банки и промышленность) составили более трети новых инвестиций. Министерство финансов всячески способствовало ввозу капитала.

Благодаря значительным внешним займам до 45% всего российского национального долга приходилось на за границу. В 1913 г. проценты и другие платежи по долгам достигали 400 млн. руб., что эквивалентно более чем 25% доходов, полученных от экспорта. Вследствие этого чистые иностранные инвестиции не нуждались в каком-либо чистом трансфере ресурсов в российскую экономику. В течение многих десятилетий суммы, выплаченные в счет долга, превосходили чистые зарубежные инвестиции в Российскую империю.

Государственные и иностранные капиталовложения в сумме своей составляли 20—25% всех инвестиций, и именно они обеспечили высокий уровень капиталовложений на протяжении четверти века, предшествовавшего первой мировой войне. И хотя непосредственно накануне войны прямые государственные вложения сократились (по сравнению с 1890 г.), тем не менее государство продолжало выступать как покровитель (а одновременно и потребитель) иностранных инвестиций. Поэтому нельзя согласиться с Гершенкроном, полагающим, будто роль государственных закупок и иностранных капиталовложений сильно приуменьшается. Права О. Крипс, утверждающая, что в 1913 г. существовала реальная потребность в активной роли государственного сектора в экономике. Впрочем, мы еще не располагаем количественными данными о влиянии каждого из этих факторов — рынка и государства — на экономическое развитие страны.

В середине 20-х годов, в отличие от 1913 г. наибольшие инвестиции в неаграрные секторы производились государством. Но это был уже новый механизм непосредственного планирования экономического развития, не имевший еще прецедента в европейской истории. К 1928 г. 30% всех чистых капиталовложений, поступавших в сельское хозяйство, приходятся на социалистический сектор (если же исключить сельское жилое строительство, животноводство, то 41%).

Как повлияло наличие сектора планируемой государством экономики вместе с глубокими социально-экономическими переменами, происшедшими после 1914 г., на фундаментальные сдвиги в распределении инвестиций, ресурсов и доходов между главными секторами народного хозяйства? «Ножницы» между розничными ценами на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию стали еще более тяжелыми для крестьян, чем до войны. Но при этом (о чем свидетельствуют советские подсчеты 20-х годов) заметно уменьшились налоги и рентные платежи. Сократился и объем товарооборота между городом и деревней. М. Харрисон согласен с мнением советского экономиста А. А. Барсова в том, что до первой пятилетки на цели индустриализации из аграрного сектора перекачивалось все-таки меньше средств, чем в 1913 году. Особенно важную роль сыграло сокращение торговли сельскохозяйственной продукцией, повлиявшее на всю российскую экономику, сдерживавшее возможности государственного стимулирования промышленного развития.

Харрисон считает, что необходимо учитывать и такие факторы, как ликвидация крупных помещичьих имений, ориентированных на рынок, сокращение налогов и отмена земельной ренты, благодаря чему крестьяне освободились от необходимости продавать значительную часть производимой ими продукции; наконец, общее ухудшение условий на сельскохозяйственном рынке, из-за чего понижалась заинтересованность крестьян в производстве на продажу. В 20-х годах продажа зерна за пределами сельских местностей резко сократилась и составляла не более 50% от объема 1913 года. Государство покупало зерно по относительно низким ценам (цены на продукцию животноводства были сравнительно высокими). Производство зерна на душу населения так и не достигло довоенного уровня, выявилась тенденция к переходу, частично под влиянием складывавшегося соотношения цен, к более интенсивным и высокодоходным отраслям — животноводству и техническим культурам.

Выше уже поднимался вопрос о стабильности и возможностях экономического роста, заложенных в экономике при царизме и в условиях нэпа. Почему в обоих случаях произошло распадение существовавшего социального порядка? Было ли это связано с экономической нестабильностью, произошло ли в силу полного развала социально-политической структуры, на основе определенного идеологического выбора, или же, наконец, может быть отнесено к историческим случайностям?

При царизме, как считают многие историки, процесс индустриализации, если рассматривать его в плане экономическом, протекал успешно: в стране утвердился современная капиталистическая экономика. Гершенкрон утверждал, что в 1909—1913 гг. государство способствовало утверждению рыночных стимулов промышленного развития, а российский капитал и предприниматели вытесняли иностранные. Американский ученый Дж. Маккой конкретно показал, как росло влияние отечественного капитала. И все же в некоторых отраслях (например, в электромашиностроении) иностранный капитал доминировал и его роль не ослабевала.

Рост производства и темпы технической модернизации накануне первой мировой войны были впечатляющими. И в сельском хозяйстве примерно с 80-х годов XIX в. рост производства обгонял рост народонаселения. К 1914 г. большинство крестьян было охвачено разными формами сельскохозяйственного кредита, торговой кооперацией. Столыпинская реформа, по мнению ряда историков, также способствовала экономическому росту. Американский ученый М. Дохэн утверждает, что политика в области импорта и экспорта была ориентирована на функционирование рыночной экономики.

Впрочем, другие историки не придерживаются столь оптимистического взгляда на дореволюционную экономику Российской империи. Ни один серьезный современный историк не станет настаивать на том, что в ней (в целом) на протяжении 30 довоенных лет не сокращались размеры сельскохозяйственного производства на душу населения, но совершенно очевидно, что, констатируя общий подъем, надо видеть и существенные признаки углубления кризиса в этом секторе.

Во-первых, при росте объема зернового производства на душу населения соответствующие показатели по животноводству сокращались (в 1913 г. сельскохозяйственное производство в России все еще было в основном зерновым). Во-вторых, в ряде регионов кризисные явления имели более общий характер. Как показал Уиткрофт, накануне мировой войны в Центральном промышленном районе, включающем в себя и Центрально-Черноземную область, старейший аграрный регион России, и производство зерна, и поголовье скота в расчете на душу населения было меньшим, чем на рубеже веков, и это не компенсировалось сколько-нибудь заметным промышленным ростом и урбанизацией. В-третьих, как отмечают некоторые авторы, о развивающемся кризисе сельскохозяйственной экономики свидетельствовало углубление дифференциации крестьянства в условиях товарного производства.

В. И. Ленин и советские аграрники-марксисты утверждали, что крестьянские хозяйства во все более возрастающей степени переживают процесс поляризации. А. В. Чаянов, напротив, доказывал отсутствие общей тенденции к углублению дифференциации. Ст. Мерл, признавая, что до революции на селе имела место имущественная дифференциация, вместе с тем считает, что свидетельства ее углубления для последнего десятилетия накануне 1914 г. отсутствуют, за исключением,

пожалуй, степных районов Центрально-Черноземной зоны. На Бирмингемской конференции Харрисон и Гатрелл утверждали, что в Европейской России в 1860—1913 гг. действовала долговременная тенденция к углублению дифференциации за счет неуклонного увеличения численности постоянных сельскохозяйственных наемных рабочих, обгонявшей и темпы роста населения, и темпы роста производства. Однако никто из участников конференции не поддержал ленинский тезис, что к 1913 г. дифференциация крестьянства привела к непримиримому классовому антагонизму в деревне — между деревенскими капиталистами («кулаками»), с одной стороны, и крестьянской беднотой и наемными рабочими — с другой.

Развитие промышленности и сельского хозяйства было сопряжено с серьезными проблемами. Возникают более крупные предприятия, но из-за низкой производительности труда среднее число занятых на них рабочих было гораздо более значительным, чем на Западе. Концентрация масс рабочих при нищенских условиях труда создавала почву для социальных волнений и политической радикализации трудящихся. В том же направлении действовал и гнет администрации, обеспечивавшей надлежащую производительность и дисциплину труда. По мнению Л. Хаимсона, проблема человеческого достоинства работников, подвергавшихся унижениям и оскорблениям со стороны мастеров и управляющих, имела решающее значение.

Для более полной характеристики российской экономики необходимо оценить ее место в системе мирового капитализма. Ленин считал, что Россия была в экономическом отношении наиболее отсталой от великих держав; новейший капитализм переплетался здесь с сетью докапиталистических отношений. Индустриализирующаяся Россия зависела от западноевропейского капитализма, но при этом сама эксплуатировала колонии в Средней Азии. Российский империализм принадлежал, по словам Ленина, к особенно отсталому типу — военно-феодалному. В случае войны слабо развитой российской экономике угрожал развал. Европейский капитализм, с которым была связана российская экономика, был чреват войной.

Западные историки фон Лауэ и Д. Гейер, хотя и не разделяют ленинской убежденности в том, что война возникла как неизбежное следствие развития экономических противоречий между капиталистическими державами, но, как и Ленин, считают, что она была неизбежной, как и участие в ней России, и революция, ею же порожденная. По мнению Д. Ливена, Россия никоим образом не могла примириться с низведением ее до уровня второразрядной державы, неизбежным, если бы она примирилась с германской агрессией.

Точка зрения о неизбежности участия России в войне решительно расходится с мнением Гершенкрона, полагающего, что, исходя из промышленного развития страны, войну, революцию или их угрозу правильнее рассматривать как факторы побочные. Но и Ленин, и фон Лауэ, и Гейер, и Ливен, хотя и с разных позиций, приходили к общему выводу: война и крах царизма были следствием развития всей системы европейского капитализма, а довоенная российская экономика не может быть адекватно проанализирована вне этого контекста.

Существуют очень серьезные расхождения между историками, исследующими проблему социально-политической стабильности России накануне первой мировой войны. Некоторые авторы делают акцент на происходившем в предвоенное десятилетие сближении российских и западноевропейских порядков. С. Бейкер отмечает, что дворянское сословие постепенно приспособлялось к новым условиям и к 1917 г. фактически исчезло, поглощенное новым классом землевладельцев, бюрократии, слоем интеллектуалов-специалистов и бизнесменов. Х. Ситон-Уотсон пишет, что в состав класса бизнесменов вошли по-современному мыслящие промышленники, купцы и банкиры, а также специалисты-интеллектуалы, и этот класс увеличивался, обретая все большее влияние и достоинство. Г. Токмаков считает, что, хотя реформа Столыпина и не была полностью реализована, крестьянская агрикультура совершенствовалась и все намеченное постепенно осуществлялось. Рабочее движение, указывает Гершенкрон, медленно переходило на позиции ревизионизма и тред-юнионизма: во время стачек, число которых нарастало, чаще выдвигались экономические требования. Историки доказывают, что российская политическая система обретала бóльшую стабильность, утверждались определенные демократические формы. Германский историк Л. Шульц утверждал даже, что к

1906 г. российское самодержавие уже преобразовалось в конституционную монархию.

Однако эти оптимистические оценки решительно оспариваются другими авторами. Р. Мэннинг считает, что после 1861 г. традиционное дворянство пребывало в состоянии глубокого кризиса, а после 1906 г. в этом сословии преобладали провинциальные поместные дворяне, саботировавшие столыпинскую реформу и, по сути дела, способствовавшие углублению кризиса, в конце концов уничтожившего старый порядок. А. Рибер указывает на неспособность деловых людей, предпринимателей, оторванных от интеллигенции, сформулировать общую идеологию, обрести ясную цель и создать соответствующую организацию, благодаря чему их общественно-политическая роль была незначительной. Хаимсон отмечает нараставшее недовольство и разочарование в среде городских промышленных рабочих, все более подпадавших под влияние революционеров. Одновременно разворачивался второй процесс поляризации, усиливались расхождения между основной массой выходцев из привилегированных слоев и царизмом. Ряд историков (Д. Аткинсон, Л. Хаимсон, В. Боннелл) подчеркивает, что столыпинская реформа провалилась; она не освободила крестьян от помещичьего гнета, что, собственно, и показали крестьянские выступления в 1905—1907 гг., сопровождавшие эту попытку модернизации самой структуры крестьянства как класса. Затишье 1908—1909 гг. сменилось стремительным ростом крестьянских волнений в 1910—1914 гг., рабочие волнения достигли кульминации в июле 1914 г. в Петербурге.

Большинство современных историков отвергают тезис о стабильности политической системы в России, о более или менее плавном эволюционировании ее накануне первой мировой войны. К 1914 г. настроения разочарования и недовольства получили широкое распространение в привилегированных слоях общества. Царь ограничивает права Думы, происходит целая серия драматических событий: убийство Столыпина, Ленский расстрел, дело Бейлиса, отставка председателя Совета министров В. Н. Коковцова, назначение на этот пост престарелого подхалима И. Л. Горемыкина, возвышение Г. Распутина.

Для политических настроений в среде образованных классов характерна позиция председателя III Государственной думы и лидера октябристов А. И. Гучкова, предупреждавшего еще в ноябре 1913 г., что народ с каждым днем все более теряет веру в правительство, в возможность мирного разрешения углубляющегося кризиса, вероятным исходом которого станет страшная, неминуемая катастрофа.

Говоря о причинах углубления в предвоенные годы политического кризиса, Ситон-Уотсон указывает на недальновидность и упрямство царя (первым среди могильщиков России являлся ее император). Другие историки считают этот взгляд поверхностным, полагая, что решения Николая II выражали настроения определенного социального слоя: по их мнению, политический кризис имел структурный характер, поскольку речь шла об антагонизме между бюрократическим аппаратом и образованными слоями общества и об упрямом сопротивлении каким-либо переменам со стороны не только императора и его ближайшего окружения, но и приверженцев монархии в армии, среди бюрократии и в Совете министров. Марксисты всех направлений также рассматривают политический кризис накануне войны как проявление глубокого конфликта между отжившими политическими структурами царизма и новыми общественными классами, сложившимися в результате полувекового развития промышленности и торговли — промышленными рабочими, частными капиталистами и группами специалистов — работников умственного труда.

Система нэпа еще более углубила противоречия в обществе. По сравнению с тем, что за ним последовало, нэп с его смешанной экономикой был обществом относительно открытым, в определенной степени плюралистическим, допускавшим свободные дискуссии. Но почему эта система была внезапно заменена административно-командной и жестокой сталинской диктатурой? Ключ к ответу на этот вопрос, как и в ходе дебатов о царизме, — в вопросе о стабильности (или нестабильности) самих основ системы, то есть речь идет о том, насколько крах нэпа был обусловлен его внутренними пороками или же обстоятельствами внешними и случайными.

Существующие оценки нэпа как экономической системы можно подразделить на три группы. Первая, которой придерживаются многие западные экономисты, состоит в том, что это была временная и переходная система, так и не сумевшая

обеспечить свободное функционирование рыночных факторов даже в наилучшие — 1925 и 1926 — годы, когда существовала наибольшая свобода для частного сектора. Многие государственные фирмы — могущественные синдикаты были монополистами, централизованный государственный контроль над ценами привел к рacionированию средств производства. Государство командовало распределением инвестиций даже в деталях.

Дохэн доказал, что возникшие после революции экономические институты, политика и идеология решительно повлияли на структуру внешней торговли: сократился зерновой экспорт, имевший принципиальное значение для процветания внешней торговли России. Фиксированные высокие заготовительные цены вели к инфляции и делали экспорт зерна нерентабельным, а если бы они были опущены ниже рыночных, это привело бы к голоду и кризису торговли зерном. Советские руководители и по политическим и по идеологическим мотивам не могли вырваться из цепких объятий этой дилеммы. Они не сумели восстановить размеры зернового экспорта, а это в свою очередь ускорило движение к всеобъемлющему государственному распределению товаров. Гершенкрон считает, что к середине 20-х годов условия возобновления экономического роста выглядели скорее неблагоприятными, а это с неизбежностью привело к принудительной индустриализации средствами экономической диктатуры. Революция, которую он рассматривает как реакционное событие, сделала невозможным становление капиталистической рыночной экономики, блокировала возможности развития демократического капитализма.

Вторая группа историков, среди которых самый видный Э. Карр, считает, что экономическая система нэпа была нестабильной по самой своей природе. Они исходят из того, что вся мировая экономика претерпевает эволюцию от частнособственнического капитализма и свободного рынка к государственному планированию; развитие СССР — пример этой генеральной линии прогресса. Карр исходит из латентной несовместимости принципов нэпа и плановой экономики. Середина 20-х годов, по его мнению, отмечена компромиссами, поисками способов уйти от реальных проблем. Он утверждает, что плановая индустриализация требовала замены индивидуальных крестьянских хозяйств крупным, социалистическим и подчинения рынка плановому началу.

Третья группа историков отвергает обе эти точки зрения. На Бирмингемской конференции Дж. Купер, Харрисон, Уиткрофт и Дэвис доказывали, что к середине 20-х годов советской экономике еще не угрожала тупиковая ситуация. В 1927 г. уровень и тип распределения капиталовложений были достаточны для того, чтобы обеспечить умеренные темпы развития промышленности и сельского хозяйства. Но недостаточно стабильные рыночные отношения (между государством и крестьянином) не позволяли заметно превысить темпы индустриализации, достигнутые накануне первой мировой войны. Нэп не мог обеспечить и те темпы, которые были заданы советским руководством.

Если исходить из того, что крах нэпа не был неизбежным следствием развития экономической ситуации как таковой, то правомерен вопрос: в какой степени этот провал был связан с социальной или политической нестабильностью? И здесь мнения западных историков резко расходятся. Многие считают, что возникновение сталинской диктатуры было предопределено захватом всей полноты власти Лениным и большевиками, за которыми шло меньшинство населения. По мнению Л. Шапиро, сталинский режим был сформирован вопреки воле большинства народа небольшой, крайне непопулярной партией, стремившейся удержать власть в своих руках. Авторы некоторых монографий, опубликованных после 1960 г., утверждают, что победа Сталина означала торжество одной из тенденций, развивавшихся внутри большевизма.

Некоторые авторы связывают победу сталинизма в основном с личностью самого Сталина. Р. Такер с этим же связывает и крушение нэпа. Р. Медведев называл победу Сталина исторической случайностью, которой, однако, благоприятствовали определенные условия. Другие авторы, например М. Левин, обращают внимание на комплекс факторов, обусловивших трансформацию советской системы: самодержавное наследие, насилие, порожденное мировой и гражданской войнами, большевистская идеология и практика, императивы ускоренной индустриализации. Мнение Ст. Коэна, что антибухаринская тенденция имела сильную

поддержку среди тех членов партии, которые настаивали на примате быстрого индустриального роста и планового хозяйства над рыночным равновесием, не учитывает, однако, то, что такие крайности, как политика ликвидации кулачества, сверхоптимистическое планирование, безжалостный террор, должны быть отнесены к проявлениям личной власти Сталина. Коэн утверждает, что в свертывании нэпа важную роль сыграли и исторические силы, и сама личность Сталина.

После 1987 г. дискуссии по указанным проблемам возобновились с новой силой. Однако и в СССР и на Западе настоящие исследования социальной и политической структуры советского общества в 20-е годы только начинаются. Историки еще не оценили относительную значимость факторов, предопределивших крах нэпа, не осуществили детального сравнительно-исторического исследования экономической политики царизма и нэпа.

Пока еще мало внимания уделяется влиянию международного положения Советского Союза на крах нэпа. Усиливающееся отставание от развитых стран по производству на душу населения и в технологическом отношении угрожало ухудшением международного положения СССР, изоляция которого опасно усилилась в 1927 г., что укрепляло позиции тех советских лидеров, которые, будучи озабочены военной слабостью СССР перед лицом враждебного капиталистического мира, настаивали на создании мощной индустриальной экономики, способной производить современное оружие. Это обстоятельство сыграло важную роль в принятии решения об отказе от новой экономической политики.

Экономика промышленности

Между 1904—1908 и 1909—1913 гг. чистые инвестиции в экономику России в целом возросли на 71% (от 1300 млн. до более 2200 млн. руб. в ценах 1913 г.). Но ежегодные колебания по отдельным статьям резко отличаются друг от друга. Война почти совсем остановила приток инвестиций в городское жилищное и сельское хозяйственное строительство. Выпуск сельскохозяйственной техники на крупных предприятиях сократился на 50%, а мелкое производство, по-видимому, так и не смогло компенсировать этот спад. Надежные данные по инвестициям в железнодорожный транспорт отсутствуют. Валовой объем производимого железнодорожного оборудования (в ценах 1913 г.) в 1916 г. в 2 раза превышал уровень 1913 года. Но в 1916 г. это оборудование находилось в таком запущенном состоянии, что размер чистых инвестиций следует признать совершенно недостаточным. Заметно увеличились инвестиции в сферу промышленности в годы войны. По ретроспективной оценке С. Г. Струмилина, основной капитал в крупной промышленности вырос на 19%. Впрочем, возможно, эта оценка преувеличена; более осторожен Н. Я. Воробьев, который, основываясь на материалах промышленной переписи 1918 г., утверждает, что основные фонды возросли на 14,4%. Война, в частности, ускорила развитие станкостроительной промышленности, оснащение которой шло за счет импорта.

По подсчетам Грегори, чистый национальный продукт (ЧНП) России с 1908 по 1913 г. увеличился приблизительно на 31% (т. е. на 5,6% в год), или на 17% в перерасчете на душу населения (на 3,2% ежегодно). Однако имеющиеся данные о производственных циклах говорят, что крупное промышленное и зерновое производство росли намного быстрее. Торговый оборот в основном соответствовал уровню ЧНП. После стремительного падения в 1917—1920 гг., в начале 20-х годов последовало быстрое восстановление ЧНП. По прикидкам Грегори, в 1928 г. национальный доход был все еще на 5—10% ниже 1913 года. Хотя к 1926/27 г. валовая продукция сельского хозяйства превысила, а промышленности почти достигла довоенного уровня, строительная индустрия сильно отставала. Даже по обычно оптимистичным оценкам Госплана стоимость строительных работ в 1926/1927 г. составила (в ценах 1913 г.) лишь 610 млн. руб. по сравнению с 730 млн. руб. в 1913 году. Чистые капитальные инвестиции (включая стоимость нового оборудования, скота и т. д., а также строительных работ) в 1926/27 г. составили (в ценах 1913 г.) 1700 млн. руб. по сравнению с 1890 млн. руб. в 1913 г. (в границах СССР до 1939 г.). К 1927/28 г. чистые инвестиции достигли 2100 млн. руб., превысив таким образом уровень 1913 года.

Несмотря на сокращение общего объема капитальных инвестиций в целом, чистые промышленные инвестиции в 1926/27 г. превышали уровень 1913 г. (420 млн. руб. против 350 млн. в ценах 1913 г.). Таковы были первые плоды плановой индустриализации. Советские промышленные инвестиции почти полностью были основаны на внутренних источниках финансирования, в то время как дореволюционные осуществлялись также и за счет иностранного капитала. Напротив, инвестиции в жилищное строительство резко сократились: по городскому строительству они составили в 1926/27 г. лишь 66 млн. руб. по сравнению с 328 млн. в 1913 году. По транспорту и средствам связи они были также ниже уровня 1913 года. Общая сумма чистых инвестиций в сельское хозяйство превышала уровень 1913 г. приблизительно на 30%. В 1927/28 г. положение резко изменилось: в то время как вложения в отрасли группы А и железнодорожный транспорт резко возросли, чистые инвестиции в сельское хозяйство сократились, но это относится уже к посленэповскому периоду.

В последнее пятилетие перед первой мировой войной ежегодный темп роста производства в крупной промышленности приближался к тому, что имел место в годы подъема в конце XIX века. Стоимость валовой продукции (в ценах 1913 г.) возросла с 4300 млн. руб. в 1908 г. до 6100 млн. руб. в 1913 г., или на 42%. Особенно значителен был, начиная с 1908 г., рост в отраслях группы А. В отраслях группы Б с 1906 по 1913 г. шел медленный, но непрерывный рост (за исключением хлопчатобумажной промышленности). Доля группы А в общем объеме производства увеличилась с 32% в 1908 г. до почти 40% в 1913 году.

Трудно точно оценить объем производства в мелкой промышленности, особенно до 1913 года. Б. А. Гухман считал, что здесь валовой объем производства достигал в 1913 г. более 2 млрд. руб., причем две трети давали сельские ремесленники или кустари, а вся продукция мелких предприятий составляла почти четверть всего объема промышленной продукции. В некоторых отраслях, особенно в пищевой, деревообрабатывающей и текстильной, эта доля была гораздо более значительной. По подсчетам Струмилина, общий объем производства в мелкой индустрии вырос за 1908—1913 гг. на 50% (в текущих ценах). Таким образом, можно утверждать: мелкая промышленность сыграла свою роль в предвоенном подъеме.

В России, как и в других воюющих европейских странах, в годы войны изменилась структура и организация промышленного производства. Объем производства в крупной промышленности достиг пика в 1916 г.: по оценкам, он был на 22% выше, чем в 1913 году. Но если в 1913 г. почти 70% продукции крупной промышленности предназначалось для потребительских целей, то к 1916 г. эта доля сократилась до 58%. На военные нужды шло в 1916 г. 25% продукции (в 1913 г. — 5%).

Гухман утверждал, что стоимость продукции мелкой промышленности сократилась в 1913—1916 гг. почти на 12%. Это значит, что ее доля в общем объеме промышленного производства упала, по-видимому, менее чем на 20%. Доля военного производства в этом секторе может быть оценена лишь косвенным образом, исходя из того, что лишь около 12% нецензурной промышленной продукции использовалось в 1915—1916 гг. на военные нужды.

В 1926/27 г. основу промышленной экономики в России составляли построенные еще до революции фабрики, шахты, железные дороги, магазины и конторы. До 1925 г. новые промышленные инвестиции не предпринимались. В 1917—1926 гг. основной капитал вновь построенных или капитально отремонтированных предприятий составлял менее 10% общего основного капитала. Производство крупной промышленности особенно быстро восстанавливалось в первой половине 20-х годов и уже к 1926/27 г. превысило уровень 1913 г., хотя и не достигло уровня 1916 года. Мелкая промышленность также быстро восстанавливалась. Можно, видимо, считать, что в целом промышленное производство к 1926/27 г. достигло уровня 1913 г., а к 1927/28 г. превысило его. Это относится в первую очередь к группе А, которая в отличие от группы Б получала большие государственные инвестиции. По официальной советской статистике, в 1927 г. производство в группе А на 27,5%, а в группе Б на 2,2% превышало уровень 1913 года.

География промышленного производства в России изменилась между 1913 и серединой 20-х годов незначительно. В 1913 г. Европейская Россия (за исключением Украины) давала 61% всей промышленной продукции, причем промышленность была в основном сосредоточена в северо-западном и центральном промыш-

ленных регионах (вокруг Ленинграда и Москвы), а также в районе технологически отсталого Урала. Доля Украины составляла 21%, Кавказа — 10% (в основном за счет нефти), всех остальных регионов не более 8%. Центральная Азия и Сибирь, несмотря на огромные сырьевые ресурсы, оставались экономически отсталыми.

После первой мировой войны Россия лишилась производственных мощностей Прибалтики и Польши. Между тем первая давала в 1913 г. 20% продукции машиностроения и 44% продукции всей электротехнической промышленности. Потеря Польши ощущалась не так сильно, поскольку польский уголь в основном потреблялся на месте (хотя металлургия играла определенную роль и на русском рынке). В какой-то мере эти потери компенсировались за счет эвакуации в годы войны оборудования и материалов в Россию. Производственные фонды, размещенные на захваченных немцами территориях, составляли 24% от всероссийских, эвакуировано же было около четверти их.

Послевоенной экономике предстояло, таким образом, приспособиться к новым границам. В середине 20-х годов слаборазвитые в промышленном отношении районы так же, как и в 1913 г., не играли значительной роли, а по ряду регионов, особенно Уралу и Сибири, их удельный вес сократился.

Что происходило в производстве средств производства, топливно-энергетической сфере? Рост потребления угля в 1908—1913 гг. на 40% по физическому объему и на 58% в оценочном выражении отражает в основном увеличение спроса со стороны двух главных потребителей — железных дорог и металлургии. Потребности промышленности, размещенной в северо-западном регионе, удовлетворялись за счет импорта британского угля. Предвоенный бум в обрабатывающей промышленности еще больше увеличил зависимость России от этого импорта, который достиг 13% всех внутренних потребностей в угле в 1910 г. (в 1913 г. — 17%). Производство нефти в стоимостном выражении увеличилось между 1908 и 1913 гг. на 80%, хотя физический объем неочищенной нефти увеличился менее чем на 6%. И все-таки российские нефтяные скважины поставляли в 1913 г. не более 20% мировой добычи, по сравнению с 50% в 1901—1902 годах. Технологических усовершенствований в этой области фактически не было. Да и ассортимент был довольно ограничен: большинство фирм специализировалось на мазуте, используемом как топливо для двигателей. Производство электроэнергии в начале XX в. заметно нарастало. Мощности электростанций растут, и число их увеличивается с каждым годом. С 1905 по 1913 г. потребление электричества увеличилось с 482 до 1945 млн. квт/час.

Российская угольная промышленность существовала в основном на базе широкого применения ручного труда. Прирост добычи на 20% между 1913 и 1916 г. был достигнут, главным образом, за счет более интенсивной эксплуатации существующих шахт. Война резко сократила импорт угля. Военные и другие заводы на северо-западе должны были теперь рассчитывать на поставку угля с юга страны, что еще более усиливало напряженность в работе железнодорожного транспорта. Резко увеличилось промышленное потребление нефти и дров. Потребление электричества в связи с войной только промышленностью увеличилось на 27%, но инвестиции в этой сфере не могли дать немедленного эффекта.

К 1926/27 г. производство и угля и нефти превышало уровень 1913 года. Нефтяная промышленность была заметно модернизирована. Себестоимость добычи нефти упала между 1923/24 и 1926/27 г. на 40%. За счет экспорта нефти пополнялся государственный бюджет. Производство электроэнергии с 1913 по 1926/27 г. более чем удвоилось, в соответствии с планом ГОЭЛРО развернулось строительство электростанций.

Рост производства железа и стали между 1908—1913 гг. был связан в основном с технологическими усовершенствованиями. Однако чугуна не хватало. Серьезные изменения произошли в сталелитейной промышленности. По некоторым данным, выход стали на тонну чугуна увеличился на 7% в 1908 и 1912 годах. Ведущие западные исследователи считают, что российская сталелитейная промышленность находилась на мировом уровне. Война прервала эту линию прогрессивного развития.

Производство меди почти удвоилось в 1908—1913 гг., и стали сокращаться импортные поставки (в 1908 г. 22% потребности в меди удовлетворялись за счет импорта, а к 1913 г. — лишь 15%). Во время войны значительно возросли потребности в цветных металлах. Хотя к 1916 г. уже обнаружались признаки истощения наиболее качественных залежей руды, благодаря техническим нововведениям про-

мышленность обеспечивала потребности в меди. В других отраслях цветной металлургии и добыче драгоценных металлов (в первую очередь золота) технология не получила такого развития. По олову, алюминию и никелю Россия полностью зависела от иностранных поставок.

В 1926/27 г. положение в черной и цветной металлургии складывалось не так благоприятно, как в электроэнергетике и топливной промышленности. Черная металлургия сильно пострадала во время гражданской войны: к 1920 г. выработка упала до 3,6% по сравнению с 1913 годом. С 1913 по 1924 г. не было сколько-нибудь существенных капиталовложений. Значительные суммы пошли на ремонт и восстановление производства, однако производство проката в 1926/27 г. достигло 77%, а необработанного чугуна — 70% от уровня 1913 года. Железные дороги и судостроение, два главных потребителя металла, получали его меньше, чем до революции.

Цветная металлургия и производство драгоценных металлов не смогли восстановить довоенный уровень к середине 20-х годов. В результате значительно увеличились импортные поставки меди. Спад в добыче золота нанес сильный удар по советскому экспорту. Летом 1927 г. положение в золотодобывающей промышленности привлекло внимание Сталина и он назначил ее руководителем известного и талантливого специалиста по добыче нефти А. И. Серебровского. Но понадобилось много лет и огромные человеческие жертвы, прежде чем экспорт золота обеспечил достаточный приток иностранной валюты.

Машиностроение в предвоенные годы пережило стадию подъема. В 1913 г. валовой объем его продукции достигал почти 400 млн. руб., т. е. почти на 67% больше, чем в 1908 г. (который был годом депрессии в сфере производства средств производства). В 1912—1913 гг. рост составил 27%. Этот скачок был вызван главным образом волной правительственных заказов (повторялась в известной степени ситуация, сложившаяся в 1890-х годах). Здесь важную роль сыграли военные заказы (особенно для армии в 1910 г. и для флота в 1911 и 1912 гг.). Консорциумы русских и европейских банков с участием крупных иностранных компаний — Викаерса, Шнейдера, Джона Брауна и др. занялись переоборудованием машиностроительных заводов, таких, как Путиловский, Невский и Парвизайнена. После 1911 г. возобновились правительственные заказы на подвижной состав для железных дорог. Производство локомотивов и грузового состава удвоилось.

Продукция сельскохозяйственного машиностроения росла и к 1913 г. достигла 52 млн. рублей. Эта отрасль давала 13% общей стоимости продукции машиностроения в 1913 году. Увеличилось производство уборочной техники и молотилок. Сельскохозяйственные машины приобретались не только помещиками, но и некоторыми крестьянами, которые пользовались кредитом, предоставляемым американской компанией «Интернешенл харвестер», а также содействием сельскохозяйственных кооперативов.

Некоторые отрасли машиностроения были развиты слабо, другие вообще отсутствовали. Электротехническое производство, которое начало быстро развиваться накануне войны, выпускало еще очень простую продукцию. Импорт электротоваров составлял 35%, а высоковольтного оборудования, трансформаторов, электроламп и ламп накаливания — еще больше. Судя по отрывочным сведениям, отечественная промышленность не могла полностью обеспечить потребность в турбинах и насосах, хотя котлы производились в достаточном количестве. 80% паровых двигателей, 75% текстильного оборудования, 70% станков, более половины сельскохозяйственных машин импортировалось.

В годы войны были сделаны существенные капитальные вложения в металлургию и машиностроение: по данным Н. Я. Воробьева, основной капитал этих отраслей с 1914 по 1918 г. увеличился на 33,6%. Многие предприятия были передислоцированы во внутренние регионы. Металлургия и машиностроение работали на войну. По оценкам советских ученых, доля машиностроительной продукции, предназначенной для военных нужд, возросла с 26% в 1913 г. до 65% или 78% в 1916 году. Производство всех видов оружия увеличилось в 6 раз. Выпуск транспортного оборудования удвоился, электрооборудования — более чем утроился. Развиваются авиастроение, автомобильная промышленность, производство оптических устройств, а также другие технически высоко оснащенные отрасли.

В середине 20-х годов объем гражданского машиностроения значительно превзошел довоенный уровень. Валовая продукция увеличилась с 300 млн. руб. в 1913 г.

до 477 млн. руб. в 1926/27 году. Советская промышленность начала производить нефтедобывающее оборудование, турбины и другие машины, которые перед войной почти полностью импортировались. Развертывается производство динамомашин, трансформаторов, телефонов, кабельного оборудования, электроламп и аккумуляторов.

В условиях нэпа переживает подъем производство оборудования для легкой промышленности и села: прядильно-ткацкое оборудование, которое прежде импортировалось из Великобритании, стали изготавливать в Ленинграде. В 1925 г. появились первые советские трактора, а весной 1927 г. принимается решение о строительстве тракторного завода в Сталинграде и завода тяжелого машиностроения в Свердловске. Однако пока почти вся машиностроительная продукция производилась на старых заводах.

К 1926/27 г. оборонная промышленность не могла еще достичь уровня 1913 года. Большая часть мощностей в сфере военного производства была переоборудована на гражданские цели (наиболее известный пример — производство тракторов в оружейных цехах Путиловского завода). Но значительная часть мощностей оставалась неиспользованной. Численность рабочей силы в машиностроительной промышленности (включая и оборонную) сохранялась на уровне 1913 г. в 1925/26 г. и до конца 1930 г. так и не достигла уровня 1916 года.

Довоенное развитие химической промышленности было связано с ростом спроса на ее продукцию и особенно — с правительственными заказами. Особенно быстрый рост приходится на 1908—1913 годы. Две отрасли — производство резины и взрывчатых веществ — оказались особенно динамичными. Галошные предприятия, по свидетельству современников, были великолепно оснащены. Взрывчатые вещества (ВВ) производили в основном три государственных завода. Увеличивается выпуск бездымного пороха (на 80% с 1908 по 1913 г.) и других ВВ (в частности, тротила). Хуже обстояло дело с производством основной для этой отрасли продукции (серной кислоты, едкого натрия и поташа). При весьма высокой стоимости строительства и оборудования современных предприятий и удаленности источников сырья дешевле было импортировать соду из Германии, а серный колчедан — из Португалии и Норвегии.

Во время войны химическая промышленность, как и машиностроение, подверглась серьезной реконструкции. Численность рабочей силы на государственных и частных заводах, производивших ВВ, возросла на 70%. Новые мощности позволяли получать бензол как побочный продукт от производства кокса. Эту работу возглавил В. Н. Ипатьев (1867—1952), который позже работал для советского правительства. В результате выпуск ВВ в 1916 г. в 10 раз превысил уровень 1913 года. Удвоилось производство красителей. Благодаря полному использованию мощностей химической промышленности, реконструированной в годы войны, объем производства в 1926/27 г. на 5% (а по некоторым оценкам — на 8%) превышал уровень 1913 г., хотя показатели 1916 г. так и не были достигнуты. В то же время отмечалось отставание в производстве удобрений и ВВ.

Производство продовольствия, напитков и табачных изделий за 1908—1913 гг. увеличилось (в ценах 1913 г.) примерно на 10% (за это время численность рабочей силы в этих отраслях возросла немногим более чем на 20%). Заметно увеличилось производство табака, крахмала, жиров; медленнее развивалось производство сахара, которое составляло 25% продукции этой группы отраслей в 1913 году. Крупные мукомольни обнаруживали признаки стагнации из-за нерегулярности поставок зерна и неустойчивости сбыта. Доля мелких мукомолов составляла свыше 60%. Во многих районах приоритет принадлежал деревенскому мельнику.

Во время войны крупное производство сахара и муки росло высокими темпами. По некоторым оценкам, с 1913 по 1916 г. производство сахара в физическом выражении увеличилось на 56% (занятость на сахарных заводах возросла на 16%, на мукомольных предприятиях — на 20%).

В 20-х годах решающей проблемой для отраслей группы Б была нехватка сельскохозяйственного сырья, что объяснялось скорее неразвитостью рыночных отношений. По данным ВСНХ, общий объем сельскохозяйственного производства в 1926/27 г. был почти такой же, как в 1913 году. Однако удельный вес продукции, потребляемой в сельском хозяйстве, увеличился с 42,7% до 62,8%, вследствие чего доля сырья для промышленности и экспортных поставок снизилась на 37,5%.

Замедлился подъем экспорта. Поставки в промышленную сферу уменьшились между 1913 и 1926/27 г. по крайней мере на 9%, вследствие чего цензовое производство продовольствия, напитков и табака в 1926/27 г. было меньшим, чем в 1913 г. и вряд ли большим по мелкой промышленности. Однако данные по производству очень ненадежны.

Более достоверны данные о занятости. В цензовой промышленности число занятых в производстве продовольствия, напитков и табака сократилось на 17,4% — с 342,7 тыс. до 283,1 тыс. человек. К этому следует добавить и сокращение продолжительности рабочего дня. В мелкой промышленности общее число занятых в производстве продовольствия и напитков снизилось с 347 тыс. до 259 тыс. (в пересчете на полный рабочий день). По-видимому, официальные цифры завышали размеры восстановления экономики.

До революции текстильная промышленность давала более 26% общего объема производства в крупной промышленности. В 1913 г. около 28% всех рабочих были заняты в этой развивающейся отрасли. Общая стоимость всех произведенных текстильных товаров увеличилась с 1908 по 1913 г. примерно на 57% (в ценах 1913 г.), что превышало темпы роста всей крупной промышленности. Однако не все отрасли развивались одинаково динамично, хлопчатобумажное производство, например, отставало. Текстильные фабрики преобладали среди других крупных промышленных предприятий. Мелкое же производство почти не занималось хлопком и шерстью, играло довольно скромную роль в шелко- и льноткачестве, изготовлении смешанных тканей; заметнее была его роль в производстве изделий из конопли и джута. Сказывалась высокая стоимость машинного оборудования.

До 1913 г. кожевенным производством в основном занимались крупные предприятия, по-видимому технически крайне примитивные, да к тому же зависевшие от импорта. Во время войны это создавало серьезные трудности, тогда на первый план вышли мелкие предприятия, изготовлявшие ботинки, сапоги, седла. Союз земств и городов и другие организации пытались поставить мелких производителей под свой контроль.

Увеличилось на 10 и 30% соответственно производство хлопчатобумажных и льняных тканей, но сократилось, хотя и незначительно, производство шерстяных. Очень тяжелые последствия для этой отрасли имела гражданская война, но к 1926/27 г. текстильная промышленность приблизилась к довоенному уровню. Во время войны и в 20-е годы фабричное производство хлопчатобумажных и шерстяных тканей, рассчитанное на оптовую торговлю, вытесняет домотканую продукцию; после 1914 г. началось фабричное шитье одежды — значительными партиями — для нужд армии.

К 1926/27 г. производство одежды и трикотажа на крупных предприятиях возросло в 8 раз по сравнению с 1913 годом. Но в этих отраслях заняты были пока лишь 41,7 тыс. рабочих, в основном на государственных фабриках. Продолжался рост мелкого производства швейных, трикотажных изделий и головных уборов. К 1928 г. более 60% одежды из шерстяных тканей производилось на цензовых и мелких предприятиях (по хлопчатобумажным изделиям этот показатель равнялся лишь 17%). Обычно же мужские костюмы шились у портных, рубашки и женские платья — дома. Сходное положение было и в производстве кожаной обуви: на фабриках изготовлялось 12% в 1913 г., 19% в 1926/27 г. Это сопровождалось ростом мелкого производства, в то время как в других отраслях развитие фабричного производства сопровождалось упадком ремесла.

Численность рабочей силы в горной и обрабатывающей промышленности между 1908 и 1913 гг. возросла на одну треть. Несколько сократилась продолжительность рабочего дня (общая продолжительность рабочего времени увеличилась примерно на 30%). Но поскольку валовой объем промышленного производства увеличился на 42%, очевидно, что имел место существенный рост производительности труда, который был связан с техническими усовершенствованиями и рационализацией промышленного производства. Трудности возникли, однако, с внедрением стандартизации.

Происходила специализация ряда предприятий. С 1911 г. два машиностроительных завода в Коломне и Сормове осуществляли кооперацию в производстве ряда изделий, два мощных гиганта судостроительной промышленности в южной России начали в 1913 г. совместную работу по конструированию технических деталей

кораблей. Реконструкция началась и в хлопчатобумажной промышленности для того, чтобы компенсировать задержки и нерегулярность поставок сырья, рост цен на пряжу после 1905 года. Интенсификация производства за счет применения новых машин явилась важным фактором роста производительности труда, особенно в машиностроении, где предприниматели стремились компенсировать уступки, вырванные рабочими в 1905 году.

В некоторых отраслях, например, в нефтяной промышленности, производительность труда не увеличилась из-за того, что технические и организационные усовершенствования не внедрялись. Большая часть нефти добывалась не насосами, а желонками. Наиболее доступное — бакинское — месторождение истощалось, и теперь требовалось больше времени для добычи одной тонны нефти (в 1913 г. — 11 часов, в 1903 г. — 9 часов).

С 1913 по 1916 г. выход продукции на одного работника увеличился в целом по крупной промышленности на 5—6%. Но между отдельными отраслями имели место значительные различия. В машиностроении производительность возросла на 32%, в химической промышленности — на 27%. Растет производительность в металлообрабатывающей, текстильной и швейной отраслях, особенно во время войны. В совершенствовании текстильного производства важную роль сыграла деятельность Совета земств и городов. Однако в пищевой, кожевенной, хлопчатобумажной, деревообрабатывающей и горной промышленности, где оборудование и подготовка рабочей силы ухудшались, с 1913 по 1916 г. отмечается спад производительности труда.

Довоенный уровень производства в крупной промышленности был достигнут в середине 20-х годов в основном за счет увеличения численности рабочих и одновременно роста производительности труда. Число рабочих, занятых в ценовой промышленности, возросло с 1913 по 1926/27 г. на 5%, а общее количество отработанных часов сократилось на 10—15%. По официальным, явно завышенным данным, валовое производство увеличилось за тот же период на 5%. И все же, даже допуская, что эти цифры завышены, можно утверждать, что часовая выработка за эти годы возросла примерно на 10%.

Производственный процесс совершенствовался частично за счет дальнейшей концентрации и стандартизации, в меньшей степени — обновления машинного оборудования. Хуже обстояло дело на железнодорожном транспорте, где реорганизация была сопряжена с большими техническими трудностями, а капитальные вложения были не столь щедрыми. Степень концентрации производства неуклонно росла в течение всего периода 1907—1927 годов. Война явно содействовала этому.

Рост производительности труда был сопряжен и с усилением экономического и административного давления на рабочих. Начиная с конца 1924 г. администрация, которую, скрепя сердце, поддерживали профсоюзы, старалась внушить рабочим, что производительность труда необходимо увеличивать быстрее, чем среднюю зарплату; систематически завышались производственные нормы (т. е. фактически снижались расценки за произведенную работу). Эта кампания успешнее шла на производстве, чем на железных дорогах.

* * *

Среди историков-экономистов нет единой точки зрения на основные причины промышленного бума 1908—1913 годов. Некоторые, особенно Гершенкрон, придерживаются мнения, что он был вызван резким увеличением спроса под влиянием столыпинской реформы и тем решительно отличался от бума 1890-х годов, который был связан с правительственными субсидиями. Другие авторы указывают на то, что русская промышленность даже непосредственно перед войной зависела от вмешательства и субсидий правительства. Если Гершенкрон утверждает, что процесс индустриализации, который в 1890-х годах регулировался государством, превратился в 1908—1913 гг. в процесс, регулируемый рынком, то другие специалисты считают, что на протяжении всего периода 1890—1913 гг. роль государства в этом процессе была решающей.

В пользу гипотезы Гершенкрона говорит быстрый рост производства потребительских товаров накануне войны. Валовое крупное производство продовольствия, напитков и табачных изделий увеличилось между 1908 и 1913 гг. на 10%, текстиля на 57% (в ценах 1913 года). Считается также, что быстро расширилась мелкая индустрия.

стрия. Но производство в группе А росло быстрее. Развитие и группы Б и даже еще более быстрое увеличение объема производства в группе А отражали не только рост государственных заказов, но и спрос аграрного сектора, а также отраслей внутри самой промышленной сферы.

В 1908—1926/27 гг., как и на предыдущих стадиях российской индустриализации, включая и 1890-е годы, действовали как рыночные, так и государственные факторы. Нет достаточных оснований утверждать, будто накануне войны роль государства в индустриализации снизилась. Конечно, промышленная депрессия в конце 1890-х годов в значительной степени была связана с сокращением государственных затрат на железнодорожное строительство. Но в период бума 1908—1913 гг. размер государственных заказов снова и быстро вырос. Главную роль сыграли военные расходы, особенно на вооружение, снаряжение, судостроение, выросшие (в целом по бюджету) на 58%; «чрезвычайные» расходы на оборону увеличились с 127 до 326 млн. рублей. После 1911 г. быстро росли также правительственные заказы на подвижной состав для железных дорог. После 1905 г. царское правительство стремилось любыми способами восполнить потери в военно-морском флоте и другой технике, понесенные в войне против Японии, не отстать в гонке вооружений, которую вели европейские державы: разрабатывались программы по воссозданию флота, военных укреплений, arsenалов, стратегических коммуникаций, оружия.

Перевооружение и связанные с ним вопросы были основными в промышленной и фискальной политике. Увеличение ассигнований на финансирование этих программ, в свою очередь, поставило новые проблемы. Бюджет был уже значительно истощен военными расходами и необходимостью выплачивать накопившийся государственный долг (включая и новые займы, сделанные в 1904—1905 гг.). Министерство финансов было убеждено, что новые программы расходов должны финансироваться не за счет займов или выпуска новых банкнот. Нежелание прибегать к займам объяснялось не страхом перед зависимостью от иностранных кредиторов, а скорее приверженностью к финансовой и монетарной ортодоксальности, связанной с присоединением к «золотому стандарту». Россия старалась вести сбалансированную бюджетную политику, накапливать бюджетные доходы.

После 1905 г. царское правительство продолжало стремиться консолидировать существующую фискальную систему, предпочитая не менять ее в каких-либо существенных аспектах. Удельный вес годового дохода, полученного путем прямого налогообложения, составил в 1913 г. 8%, то есть почти столько же, сколько в 1907 году. Налоги на личное потребление вместе с таможенными сборами составляли 47% общего годового дохода 1913 г. (49% в 1907 г., 45% в 1900 г.). Налоги на торговлю и промышленность позволили увеличить годовой доход на 122% за предвоенное десятилетие при общем росте обычного годового дохода на 68%. Это отражало одновременно и рост промышленной активности между 1908 и 1913 гг. и увеличение промышленного налогообложения к 1908 году.

Под давлением протестов против введения подоходного налога и увеличения других прямых налогов Министерство финансов стало искать косвенные источники пополнения бюджета. Министр В. Н. Коковцов обложил пошлинами многие потребительские товары и увеличил акцизные ставки. Государственная монополия на торговлю водкой (в 1895 г. — в четырех областях, а к 1902 г. — во всей империи) давала в 1903 г. более 26% всего годового бюджета. В 1913 г. эта картина практически не изменилась. Официальные данные показывают, что поступления от водочной монополии в 1909—1913 гг. росли быстрее, чем вся приходная часть бюджета в течение декады (79% и 66% соответственно).

Царское правительство в 1908—1913 гг. оказывало сильное влияние на развитие промышленности и по линии тарифов, в первую очередь на импорт. Как отмечают А. Кахан и О. Криси, тарифная политика преследовала цель не только стимулировать промышленный рост, но и по возможности способствовать восстановлению доходов. Правительство защищало интересы и тех отраслей, которые производили полуфабрикаты (железо, сталь, хлопковая пряжа), и тех, что выпускали готовые изделия. Поэтому действительный уровень защиты обрабатывающей промышленности был ниже, чем он мог бы быть. Кроме того, правительство критиковало за то, что оно сохраняло высокие тарифы и после того как та или иная отрасль уже укрепила свое положение на рынке.

Критиковалась тарифная политика и с точки зрения развития отечественного машиностроения. Тариф 1891 г. (обновленный в 1913 г.) соответствовал тому зародышевому состоянию, в котором находилась эта отрасль в 1890-х годах. К 1913 г. машиностроение стремительно развивалось. И это вопреки тому, что оно было относительно слабо защищено от импорта сложного и высококачественного оборудования. Система тарифов поощряла поставщиков ввозить такое оборудование без их наиболее тяжелых компонентов (паровозные двигатели ввозились без маховых колес, станки без станин). Некоторые механизмы ввозились по частям, а в России собирались. Покровительственные тарифы усиливали защиту промышленности.

Царское правительство влияло на уровень деловой активности в этой сфере и следующим образом: оно не прибегало к государственным займам, мешающим частным кредиторам проникать на денежный рынок. Тем показательнее была перемена политики. По оценкам, общая стоимость государственного долга с 1900 по 1908 г. увеличилась с 7 858 млн. руб. до 11 127 млн., или на 42%, что в значительной степени было связано с русско-японской войной. С 1908 по 1914 г. — при Кокорцево долг увеличился менее чем на 15% — до 12 745 млн. рублей.

Однако инвесторы неохотно шли на риск в каких-либо спекулятивных операциях, включая промышленные инвестиции. Уменьшение государственного выпуска ценных бумаг, по-видимому, побуждало искать иные ценные бумаги, обеспеченные устойчивыми процентами. И. Ф. Гиндин полагал, что некоторые фонды могли превращаться в муниципальные займы или в земельные банки с более высокими гарантированными доходами. Но основная масса внутренних сбережений стекалась в крупные коммерческие банки, где они становились доступными для клиентов-промышленников.

Коммерческие банки поощряли инвесторов, готовых приобретать негарантированные промышленные ценные бумаги, особенно открывая специальные счета, по которым предоставлялся кредит и индивидуальным предпринимателям, обеспеченный портфелем акций. Конечно, банки были достаточно осторожны в выборе промышленных компаний, чьи акции они поддерживали. Суммы, вовлекаемые таким образом в оборот, были значительными: общая сумма капиталов, лежащих на этих специальных счетах, увеличившихся в 1912—1913 гг. по стоимости на 56%, достигла 720 млн. рублей.

Таким образом, будучи сдержанным в предоставлении займов, правительство способствовало внутренним выпускам акций, особенно промышленных; их стоимость увеличилась с 1908 по 1914 г. на 51%. М. И. Боголепов, в дальнейшем советник советского правительства, утверждал в 1915 г., что внутренний рынок России, даже в период быстрого промышленного роста, был в состоянии напрячь все свои возможности для того, чтобы удовлетворить нужды национальной экономики. Но так же быстро росли и иностранные инвестиции. Накануне первой мировой войны традиционные для России рычаги индустриализации еще сохраняли свое значение.

Война вызвала структурные изменения в промышленности. К тому же новому революционному правительству достался в наследство непомерно раздутый государственный долг. Появилось много организаций, которые в дальнейшем были приспособлены к диктатуре пролетариата. Специальный Совет государственной обороны, основанный в августе 1915 г., отвечал за распределение военных заказов на государственных оружейных заводах и частных предприятиях. Его работа дополнялась такими специализированными агентствами, как уже упоминавшийся Комитет по металлу. Царское правительство стремилось контролировать расходование продовольственных ресурсов. С ноября 1915 г. специальный Совет по продовольственному снабжению пытался устанавливать максимальные цены на продукты; в 1916 г. был ужесточен контроль над зерновым сбытом. В марте 1917 г. Временное правительство установило монополию на торговлю зерном.

Во время гражданской войны советское правительство использовало и даже укрепило эти органы управления промышленностью и сельским хозяйством. Сюда следует отнести создание в конце 1917 г. ВСНХ. В 1921 г. в условиях нэпа правительственные организации по снабжению зерном были распущены, а роль правительства в управлении промышленностью уменьшилась. Но ВСНХ продолжал работать и был дополнен Госпланом.

После 1921 г. администрация придерживалась несовершенной, но в целом (во всяком случае, в ее центральных звеньях) эффективной системы экономического

планирования. Советское государство также использовало возможности государственного бюджета и покровительственные таможенные тарифы. Но теперь они, в условиях существования сильно расширившегося сектора государственной экономики, были дополнены контролем над финансами, ценами и зарплатой. «Ножницы» цен в 1923 г. побудили принять меры для согласования (ради восстановления баланса между промышленностью и крестьянством) политики цен, кредита и финансов. В последующие четыре года, до окончательного расстройтва баланса в конце 1927 г., экономическая политика была направлена на то, чтобы с помощью «ножниц» между ценами на сельскохозяйственные и промышленные товары полностью выкачать из крестьян все возможные ресурсы и направить их в государственную промышленность.

После успешной валютной реформы 1924 г. государство в течение двух лет старалось поддерживать стабильность валюты и даже повышать ее стоимость. Но для этого необходим был сбалансированный бюджет. С этой целью были восстановлены основные дореволюционные статьи государственных доходов. Наиболее значительные поступления давала монополия на торговлю водкой (во время первой мировой войны был введен сухой закон). Однако государственная продажа водки не достигла довоенного уровня. «Налог на пьянство» как наиболее важный источник дохода — драматический пример торжества соображений экономической целесообразности над социальными принципами.

Были обложены акцизными пошлинами текстиль и другие товары промышленного ширпотреба, которые до революции не облагались. Новым источником дохода стал подоходный налог на частных торговцев и других нэпманов и прямой налог на доходы крестьянства. В середине 20-х годов началось массовое размещение займов среди населения. Но наиболее заметной новацией в бюджете было резкое увеличение доли налогов и других видов обложения на доходы и прибыли государственных промышленных и торговых предприятий.

Между бюджетом и государственной промышленностью существовали достаточно сложные отношения. Начиная с 1922 г. в основных отраслях промышленности были созданы общесоюзные или региональные синдикаты, которые приобрели монопольные или олигополистские полномочия. Во время «ножниц» 1923 г. государственный контроль за ценами оказался достаточно действенным средством по отношению к тяжелой промышленности. Но население, в связи с ростом покупательных возможностей, оказывало давление на розничный рынок потребительских товаров, что вело к взвинчиванию цен вопреки этому контролю. По потребительским товарам цены и прибыли были выше, чем на средства производства.

Хлопчатобумажная промышленность сама обеспечивала свои инвестиционные расходы и даже передавала значительную часть своих доходов в государственный бюджет и в банки. Напротив, инвестиции в производство средств производства, включая электроэнергетику, обеспечивались почти целиком государственным бюджетом и государственными банками. Однако функции государственного бюджета не ограничивались простым переводом доходов из высокоприбыльных в малоприбыльные отрасли. При сокращении бюджетных расходов на оборону и прекращении выплаты государственных долгов и займов, расходы на народное хозяйство резко возросли, особенно в промышленность. Согласно докладу ВСНХ, чистые ассигнования из бюджета и банков в планируемую и подведомственную ему промышленность после вычета пошлин и других платежей в банки составили в 1925/26 г. 193 млн., а в 1926/27 г. 309 млн. рублей.

В середине 20-х годов решающими средствами государственной политики в области промышленности было финансирование и прямой контроль над ее работой. Особенно эффективным стал финансовый контроль над импортом, который осуществляли административные органы. В период нэпа армия, флот, железные дороги и другие организации, финансируемые из государственного бюджета, договаривались о своих промышленных запросах с ВСНХ через Комитет государственных заказов. К 1926 г. утвердилась детально разработанная система согласования между синдикатами, трестами и предприятиями централизованных фондов на черный металл.

Капитальные вложения в 1926/27 г. в основном шли по линии центрального правительства, но после утверждения главных нормативов правительство уже не вмешивалось в это дело. Заказы на капитальное оборудование обычно размеща-

лись непосредственно трестами. Комитет по машиностроению, отвечавший за распределение заказов в этой отрасли, был создан только весной 1927 года. Борьба за эффективное планирование капитальных вложений продолжалась и в 30-е годы.

Строительство номинально контролировалось Строительным комитетом при Совете труда и обороны, а в промышленности — органами ВСНХ, Строительным комитетом и Постоянным совещанием по строительству, которые получали активную поддержку со стороны Центрального комитета профсоюза строительных рабочих. Однако все эти комитеты действовали вразнобой и влияние их было незначительным. Громкие наименования контролирующих органов только подчеркивали бессилие властей. Фактически строительная промышленность оставалась на том же уровне, что и до революции.

* * *

Несмотря на прогресс, достигнутый между 1908 и 1927 г., экономика страны еще очень сильно отставала от индустриальных держав — и по производству и по технологии. Об этом писали и говорили достаточно откровенно. Продолжали преобладать отрасли группы Б. В плане первой пятилетки содержались жалобы на «тяжелое наследство», доставшееся от царизма: огромные диспропорции между отраслями, слабое развитие машиностроения и электромашиностроения, невысокий уровень выплавки железа и стали, почти полное отсутствие химической промышленности.

На душу населения в Советском Союзе производилось меньше потребительских товаров и средств производства, чем в любой из великих держав (так, бумаги в 1926/27 г. выпускалось лишь 14% по сравнению с Германией и лишь 6% — по сравнению США). Национальный доход СССР в 1927 г. не превышал дохода США в 1880 году. Низкой была энерговооруженность советской экономики. Общее потребление энергии на душу населения, включая человеческую и животную мускульную силу, так же, как и энергию, получаемую за счет угля и других видов топлива, достигало лишь 41% от уровня Германии и 13% — США. Две трети механической энергии получалось за счет людской и животной силы. СССР в этом отношении отставал от Италии и Японии, опережая лишь азиатские государства.

Производительность труда была намного ниже, чем в развитых странах, как из-за плохой организации производства, несовершенства орудий труда, так и слабой энерговооруженности, которая, по советским оценкам, достигала 3,3 млн. л. с. в сравнении с 15,8 млн. л. с. в Великобритании и 52,5 млн. л. с. в США. Впрочем, черная металлургия, текстильная и некоторые предприятия машиностроительной промышленности использовали уже более современное оборудование и технологию, чем в 1913 году. На одного фабрично-заводского рабочего приходилось в Советском Союзе 1,4, а в Великобритании — 2, в Германии — 2,1 и США — 4,3 л. с. Отставал уровень квалификации рабочих, не хватало технических кадров.

По оценкам советских ученых, средний промышленный рабочий в СССР производил в 1926/27 г. лишь половину того, что британский, и только одну седьмую по сравнению с американцем. Велики были различия между отраслями. Выпуск продукции в тоннах на одного рабочего в 1928/29 г. составил по сравнению с США 14,9% в сахарной промышленности, 17,2% в черной металлургии, 28,6% в хлопчатобумажном производстве и неочищенной нефти до 84%.

К 1926/27 г. во Франции, Германии и в Советском Союзе промышленное производство приблизительно восстановило довоенный уровень. Особенно впечатляющими были достижения советской экономики, намного больше пострадавшей, чем в других воюющих странах. Но производство в США и других промышленных странах мало пострадало от войны. Вследствие этого, доля СССР в мировом промышленном производстве сократилась. Отрезанный в 1917—1923 гг. от прогресса в мировой технологии и неспособный на крупные инвестиции, Советский Союз медленно продвигался вперед. Особенно велико было отставание в новых, высокотехнологических отраслях — тракторостроении, транспортном машиностроении, оптическом производстве и станкостроении. Отставание советской от западной промышленности в середине 20-х годов оставалось на уровне 1913 г., а в области технологии даже увеличилось. Вместе с тем уже тогда темпы роста промышленности были в СССР выше и устойчивее, чем в капиталистических странах.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Эндрю Джексон

Г. А. Дубовицкий

Эндрю Джексон — один из самых почитаемых в истории США президентов. Период с конца 1820-х до конца 1840-х годов называют «джексоновской демократией» или даже «эрой Джексона»¹. Крупнейший его биограф, автор многих трудов о нем, Р. Ремини, причину его популярности видит в глубокой противоречивости личности Джексона: он был талантливым полководцем, но пренебрегал военной теорией, будучи по природе открытым и откровенным, порою шокировал людей своими поступками, испытывал пиетет перед законностью, но сам нередко игнорировал ее, в его демократической натуре вдруг появлялись аристократические привычки, он был, по мнению Ремини, весьма воинственным и одновременно святым².

Современники отмечали прежде всего темперамент Джексона, хотя близко знавшие его были уверены, что бурное проявление им своих эмоций являлось во многом игрой, помогавшей ему выйти из сложных ситуаций. В этом человеке соединились воздействие нравов провинции со здравым смыслом и осторожностью, ирландская кровь и смягчающее влияние набожной жены.

В появлении семьи Джексон в Новом Свете не было ничего необычного. Его родители Эндрю и Элизабет Джексон, выходцы из Ольстера, устав от трудностей жизни бедных арендаторов, решились наконец, как и многие их соотечественники, перебраться в Америку и в 1765 г. вместе с двумя маленькими сыновьями оказались за океаном. Двигаясь в общем потоке переселенцев из Пенсильвании в Каролину, они остановились в местечке Воксхоу — в 160 милях северо-западнее Чарлстона, где заняли около 200 акров земли рядом со своими родственниками. Эндрю Джексон-отец в течение двух лет пытался создать ферму, но в январе 1767 г. неожиданно умер, а через два месяца, в марте, Элизабет родила сына, названного ею в честь мужа.

12 лет Эндрю-младший вместе с матерью прожил в семье родственников, предоставленный сам себе и ощущая неловкость своего положения. Он посещал несколько классов: его мать жаждала видеть сына священником, и Эндрю, казалось, давал повод для таких надежд, но в то же время родственников пугало рано проявившееся буйство его натуры. Эндрю быстро завоевал в общине репутацию «буйного, упрямого и неугомонного подростка»³. Местный учитель обучил его письму, чтению, счету и пытался даже увлечь Эндрю «мертвыми» языками —

Дубовицкий Геннадий Александрович — кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного университета.

латинским и греческим. (Джексон потом иногда употреблял некоторые хрестоматийные латинские выражения.) С детства он был равнодушен к книгам. Всю жизнь писал с ошибками, но стиль его был однако очень ярким, выразительным и образным.

Существенную роль в воспитании Эндрю сыграла его мать, женщина с сильным характером. Именно она заложила в нем ненависть к англичанам своими рассказами о их жестоком обращении с ирландцами в Ольстере. Неудивительно, что старший из сыновей, когда началась война за независимость, записался добровольцем в полк; вскоре он погиб. В 1780 г. дом Джексонов был превращен в лазарет, а Эндрю со вторым братом участвовал в нескольких экспедициях как связной. Они испытали все ужасы войны, и это навсегда осталось в памяти Джексона. По доносу соседа-лоялиста он вместе с братом оказался в плену. У него остался шрам на голове от удара шпагой. От грозившей смерти их спасла мать, обменяв на нескольких английских солдат, находившихся в ее лазарете. Брат, не выдержав тягот пленения, умер, едва вернувшись домой, а жизнь Эндрю в течение нескольких месяцев находилась в опасности. Как только он встал на ноги, Элизабет отправилась в Чарлстон ухаживать в тюрьмах за пленниками-патриотами и вскоре умерла там от холеры. Так в 1781 г. 14-летний Эндрю стал сиротой.

Американская революция оставила мучительный след в жизни Джексона: в ней были моменты, когда он чувствовал себя патриотом и героем, но в основном Эндрю испытывал лишения и страдания, никогда не забывая, какую цену он заплатил за свободу. Условия формирования личности Джексона сказались на всей его деятельности и помогают понять его действия как генерала, дипломата, партийного лидера, наконец, президента страны. Они же — в известном смысле — ключ к пониманию эволюции страны, ее развития от революционных времен до середины XIX века. Район Южной Каролины был весьма типичным для страны в течение всего этого времени. В нем сталкивались различные потоки переселенцев, в том числе массы беспокойных ирландцев и шотландцев, там преобладали сила, а не право, подозрительность к чужакам и страх перед индейцами. В годы революции район стал местом острых столкновений. Рождавшиеся в такой среде воинствующий индивидуализм, экспансивность, недостаток культуры свойственны были и Джексону как человеку «границы» и во многом всему американскому обществу, находившемуся в переходном периоде.

После смерти матери Джексон некоторое время оставался в доме родственников, вызывая их недовольство своим образом жизни. Он быстро потратил сумму, полученную в наследство из Ирландии, пытался учительствовать. Надолго это не могло его увлечь, и в декабре 1784 г., собрав свои небольшие средства, Джексон отправился за 75 миль в Сэлисбери (Сев. Каролина) изучать право. Он был молод и предприимчив и, поступив в контору к адвокату С. Маккею, два года усердно переписывал бумаги, бегал по поручениям, убирал комнаты конторы, словом, не отказывался ни от какой работы ради допуска к адвокатуре. В вечернее время он предавался забавам и развлечениям, и жители городка впоследствии вспоминали его как «самого шумного, вечно куда-то несущегося, самого активного участника всех азартных игр, скачек, как самого беспокойного человека, который когда-либо жил в Сэлисбери»⁴. Очевидно, в местной школе танцев Джексон приобрел первые светские манеры, которые потом все подмечали у него. Он привлекал к себе внимание и внешне: прямой, высокий — 186 см, с длинным и худым лицом; густые рыжие волосы спадали на лоб, прикрывая шрам; глубокие голубые глаза в гневе зажигались огромной силой.

В сентябре 1787 г., успешно сдав экзамен, Джексон получил доступ к работе в судах низшей инстанции. Адвокатских дел у 20-летнего юноши было мало. Помог случай. Избранный членом Верховного суда Сев. Каролины сокурсник Джексона по школе С. Маккея Дж. Макнери предложил ему в начале 1788 г. место окружного прокурора в самых западных диких районах штата. Весной Дж. Макнери, Э. Джексон и три других молодых и энергичных адвоката отправились в Нэшвилл, полные надежд. Нэшвилл конца 80-х годов представлял собой отдаленный, изолированный бездорожным анклав, в котором имелись суд, пара лавок и таверна, винокурня, несколько десятков простых домов. Джексон сразу окунулся в бесчисленное количество дел — главным образом по должникам, по составлению контрактов и проверке прав на земельные участки.

В последующие десять лет он много разъезжал по огромному району, не забы-

вая при этом закладывая основы своего материального благополучия. Из-за нехватки денег на Западе Джексон принимал гонорары земельными участками. Как писал один из хорошо знавших его по Нэшвиллу, «секрет его процветания был достаточно прост: Джексон приобретал большие участки земли, когда они могли быть куплены за лошадь или корову, и дожидался, пока поток иммигрантов не поднимал их значительно в цене»⁵. Он умел ладить с богатыми кредиторами и быстро сблизился с господствовавшей на этой территории политической кликой, поднявшись благодаря ей на несколько ступенек в судебной иерархии.

Расчетливым, хотя драматичным и скандальным оказалось его бракосочетание в 1792 г. с Рэчел Донелсон. Семья Донелсонов была одной из самых богатых в Нэшвилле. Злые языки потом в президентских кампаниях 1824 и 1828 гг. не упускали случая обвинить его в безнравственном поведении, напоминая о некоторых, казалось бы, сомнительных сторонах заключения брака с Рэчел. На самом деле это был спокойный и счастливый брак, в котором любовь с годами только углублялась. Рэчел оказалась отличной хозяйкой и именно она являлась настоящим «бизнесменом» в семье. В 1795 г. Джексон купил большую плантацию в 12 милях от Нэшвилла, заложив основу своего известного имения «Эрмитаж»⁶.

Когда в 1796 г. штат Теннесси вступал в Союз, Джексон был уже крупным землевладельцем, безусловно, относился к верхушке нового штата и, естественно, уча-

ствовав наряду с другими 54 делегатами в конституционном конвенте штата в январе 1796 года. Хотя он не принимал активного участия в разработке первой конституции Теннесси, традиция считает, что он дал название штату (по имени чирокского вождя — Тиннас). С именем Джексона связано в американской истории так много легенд, что непросто поверить в эту версию. Политические взгляды молодого политика были в это время неопределенными, он интуитивно держался среднего пути, предпочитая голосовать, как большинство. В том же 1796 г. Джексон совершил настоящий скачок в политике: он стал депутатом от Теннесси на единственное место в палате представителей конгресса США. При этом сыграли роль не его взгляды, а то, что он был «человеком» всемогущего тогда губернатора штата У. Блаунта. Через год Джексон стал сенатором.

Пребывание в конгрессе США для новичка Джексона было хорошей школой, но одновременно мучительным и тяжелым делом. Утонченный в манерах А. Галлатин позднее оставил описание Джексона при первой встрече с ним в конгрессе: «Это был высокий, худой и простовато выглядящий персонаж с длинными локонами волос, свисавшими на лицо, в странном наряде, с манерами и поведением, выдававшими в нем грубоватого дикаря из глубинки»⁷. При всем явном преувеличении эта характеристика выдает ту атмосферу, в которой приходилось находиться столь легковозбудимой натуре, как Джексон. В прессе Теннесси он выглядел вполне прилично: Джексон, как и многие представители Запада, преклонялся перед правами штатов и их самостоятельностью, настороженно относился к сильному центральному правительству, рассчитывая на помощь федеральных властей только в одном вопросе — защите границы от индейцев.

Весной 1798 г. Джексон ушел в отставку. К этому его толкали и личные финансовые проблемы. Еще в 1795 г. он совершил крупную и крайне неудачную финансовую сделку, грозившую ему тюремным заключением. И чтобы расплатиться с долгами по обязательствам, он нуждался в более солидных доходах, чем оклад конгрессмена. Выплата долговых обязательств затянулась почти на десять лет, навсегда породив у него подозрительность к сомнительным и рискованным финансовым операциям. Положение активного предпринимателя и земельного спекулянта не раз ставило Джексона в двусмысленное положение: он страшился авантюрных банковских сделок и одновременно не мог не обращаться за помощью к банкам.

Вернувшись в Теннесси, Джексон занял место члена Верховного суда штата с доходом в 600 долл. в год. Как отмечал один из коллег Джексона, заседания, которые он проводил, были «короткими, процедурно не точными, иногда просто безграмотными, но в целом справедливыми по вердикту»⁸. Джексон за годы пребывания на этой должности (до 1804 г.) уладил личные финансовые дела и значительно расширил деловые связи со многими видными людьми штата. Он рано оценил преимущества политика в стремлении занять значительное место в обществе. Политика выступала в его представлении как ведущий инструмент стабилизации и упорядочения общества, пресечения анархии и прочих бедствий, столь памятных ему по трагическим дням его жизни.

В первом десятилетии XIX в. главным в жизни Джексона было умножение своего состояния, забота о разраставшемся имении и семейные дела. Но желание утвердить себя в более заметной должности не покидало его в это время. В 1802 г. он, почти не знакомый с военным делом, с третьей попытки при прямой поддержке своего товарища по первым дням в Нэшвилле, а теперь губернатора штата Э. Роуна получил должность генерал-майора милиции Теннесси. Полускандалное избрание Джексона привело его к дуэли с соперником по выборам — известным местным героем войны за независимость. Дуэль превратилась в фарс. (Джексон несколько раз в жизни дрался на дуэлях, пожалуй, всегда излишне легко бросая вызов. Наиболее знаменитая — дуэль в 1806 г. с лучшим стрелком Теннесси 27-летним денди Ч. Дикинсоном с расстояния в 7,5 метров, когда Джексона спас широкий плащ, скрывший его худую фигуру. Дикинсон был убит, причем Джексон проявил к памяти противника небывалую нетерпимость. Дикинсон выступал в его глазах как угроза миру ценностей Джексона, как символ стихии эгоистичной и агрессивной культуры нового поколения.)

В период президентства Т. Джефферсона Джексон предпринял еще одну попытку политического возвышения: в 1804 г. он предложил главе страны свою кандидатуру на пост губернатора территории Нового Орлеана, знакомой ему по

судебно-адвокатской деятельности. Примечательны методы, которыми Джексон пользовался: он избрал путь закулисного лоббирования, подготовил рекомендательные письма от видных политиков и т. п. По характеристике Р. Ремини, «Джексон относился к числу политиков, которые были не настолько глупы, чтобы доверить судьбу своей карьеры в ненадежные руки масс избирателей»⁹. Сдержанное отношение Джексона к третьему президенту вызывалось не только безразличием последнего к его просьбе, но и приверженностью Джексона к более ортодоксальным и консервативным взглядам на права штатов. Находясь ближе к таким деятелям, как Дж. Рэндолф (Вирджиния) и Н. Мэкон (Сев. Каролина), критиковавшим Джефферсона за уступки федералистам, Джексон предпочитал традиционный партикуляризм штатов.

И все же большую часть времени тогда отнимали у Джексона его частные дела: огромное хозяйство, заботы по «Эрмитажу», прием гостей. «Его дом был открыт для всех, — писал молодой офицер милиции, — являлся прибежищем для друзей и знакомых, всех путешественников, посещавших штат»¹⁰. Джексоны жили в «Эрмитаже» относительно спокойно, владели 640 акрами земли, одной из немногих в Теннесси механической прядильней, держали большое число рабов, выращивали самые разнообразные культуры, но больше всего — хлопок и пшеницу, разводили породистых лошадей, что было давней страстью Джексона, одно время даже имели крупный магазин. Эта в целом безмятежная и благоустроенная жизнь прервалась летом 1812 г. неожиданными вестями о начале новой войны с Англией.

Хотя Англия захватывала американские корабли, вмешивалась в ход внешней торговли США и поощряла индейские набеги, не менее важной причиной войны был рано проявившийся американский экспансионизм. «Ястребы» в конгрессе и вне его стен — Дж. Кэлхун, Г. Клей, Р. Джонсон (Кентукки), П. Портер (Нью-Йорк), Ф. Гранди (Теннесси) и другие — принадлежали к поколению, лишенному славы участников войны за независимость, и жаждали утвердить себя, создав американскую империю, включив в нее Канаду на севере и испанскую Флориду на юге. Джексон относился к этому поколению. В 1812 г. ему было 45 лет. К началу англо-американской войны 1812—1814 гг. его военный опыт равнялся нулю, но именно Джексону суждено было одержать самую крупную победу над англичанами в истории США.

Джексон сразу предложил через губернатора Теннесси свои услуги военному министру, гарантировав набор 25 тыс. добровольцев. Его обращение просто игнорировали, и только после того, как в администрации осознали возможность нападения англичан с юга на Новый Орлеан, милиции Теннесси было приказано двигаться на помощь генералу Уилкинсону. Зимой и весной 1813 г. состоялся первый в жизни Джексона военный поход. Как и во всех кампаниях здесь проявились своенравие Джексона, его неукротимая воля, абсолютная решимость одержать победу. Порою он ставил сверхчеловеческие задачи перед своими людьми, но и самоотверженно заботился о них.

Поход первой половины 1813 г. был крайне тяжелым, и главное — напрасным. Пройдя огромное расстояние, Джексон получил приказ распустить людей. Он был взбешен: 500 миль от базы, без жалованья, транспорта, при постоянных неудачах на фронтах — и домой! И, отреагировав в своем стиле и достаточно эмоционально («идиоты из Вашингтона!»), усмотрел козни лично против него и в нарушение приказа решил вести людей обратно в Нэшвилл, даже «если бы ему пришлось тащить каждого солдата на своей спине»¹¹.

Репутация боевого генерала и истинного защитника интересов Запада Джексон приобрел в 1813—1814 гг. в походах против индейцев-криков. Крики, ведомые отважным Текумсе, собирались из северных и южных племен воссоздать на территории Миссисипи огромную конфедерацию и отбросить белых через горы к морю. Изгоняемые со своих земель и провоцируемые белыми, они осенью 1813 г. совершили несколько нападений в Алабаме на поселения и форты, а в одном из них устроили настоящую резню, убив более 400 человек. Весть о ней моментально пронеслась по всему Западу, рождая ненависть и жажду мщения. Легислатура Теннесси объявила о наборе добровольцев, а во главе их поставила Джексона. Не оправившись полностью после очередной дуэли, Джексон выступил в поход в октябре 1813 года. Он гнал людей в Алабаму, не жалея ни себя, ни солдат, а вступив в нее, безжалостно уничтожал индейские поселки и отряды криков.

В конце марта 1814 г. Джексон одержал победу над основными силами криков, уничтожив при этом свыше 750 человек¹². В войне с криками он выступил еще в одном качестве — в роли дипломата на переговорах с индейцами, если можно вообще назвать это дипломатией. С благословения правительства он собрал в одном из фортов вождей криков на совет об условиях мира и навязал им унижительные требования. Договор открыл огромные, вчера еще индейские земли, для заселения. Джексон стал героем на Юге и Западе. Но восьмимесячная кампания против криков оказалась разрушительной для его здоровья. Малярийный климат, отсутствие хорошей еды и пренебрежительное отношение к себе вызвали дизентерию в тяжелой форме.

Военно-тактическое искусство Джексона развивалось быстро: он с самого начала полагался на решительные, энергичные действия, ценил подготовительную работу, быстрые передвижения и разведку, доверие солдат и офицеров. В основе этих приоритетов лежали не академические военные знания, которых у него просто не было, а природный здравый смысл, трезвый расчет, интуиция и хорошее знание жизни на Западе. Правда, одно дело — разгонять на границе племена индейцев, и другое — противостоять регулярным английским войскам. Сам Джексон, ни минуты не колеблясь и не обращая внимания на слабость и болезни, после подписания договора с криками двинулся навстречу англичанам к Новому Орлеану.

Оборона города была чрезвычайно сложной. Джексон провел большие инженерные работы, укрепил свои силы за счет привлечения свободных негров Нового Орлеана, нашел общий язык с пиратами-бизнесменами местной гавани, нейтрализовал испанских и французских жителей города. Не все, однако, было учтено и сделано правильно. Джексон не угадал основного направления наступления англичан, которыми командовал Эд. Пейкнхэм, имевший опыт сражений против Наполеона в Европе, дав ему возможность подойти слишком близко к городу. Победа при Новом Орлеане была достигнута частично за счет неудачных попыток англичан скоординировать в болотистой и островной местности свои атаки, умения Джексона направить мощнейший огонь на редуты Пейкнхэма, отличной стрельбы американцев и маскировки батарей, наконец, просто везения.

Сражения происходили с 23 декабря по 19 января 1815 года. В Генте 24 декабря США и Англия уже подписали мир, о нем до середины февраля в Америке не было известно. 4 февраля весть о победе под Новым Орлеаном достигла погруженного в мрачное уныние Вашингтона: город восторженно встретил ее, а 13 февраля пришла не менее удивительная весть — о мире в Генте. В общественном сознании успех в войне отныне навсегда ассоциировался с именем Джексона — он превратился в национального героя. В одной из ролей Джексона была действительно решающей: его успехи на юге определили направление последующей американской экспансии, и прежде всего в сторону испанской Флориды.

Личная переписка Джексона хорошо демонстрирует сильный душевный разлад и внутреннюю конфликтность его личности. Даже в победе он не мог быть спокоен за свою репутацию. Он чувствовал необходимость постоянно утверждать себя, не останавливаясь в борьбе со своими реальными и надуманными врагами. Солдаты Джексона прозвали своего командира «старый орешник» за его твердость, мужество, силу и хладнокровие. Но за этими качествами Джексона скрывалась глубокая неуверенность, восходившая к воспитанию, полученному в провинции, к событиям, сделавшим его становление таким трудным и болезненным.

После возвращения в апреле 1815 г. в «Эрмитаж» Джексон, назначенный командующим всеми южными частями страны, получил возможность соединить военное управление с делами на плантации и приятной жизнью сельского джентльмена. 2400 долл. в год генеральского оклада и 1652 долл. на управленческие расходы вполне могли позволить это. Его штаб жил практически вместе с ним. После окончания войны с Англией единственно реальной заботой командующего являлась индейская проблема. В обязанности Джексона, в частности, входило выполнение ст. IX договора в Генте о возвращении индейцам имущества, отнятого у них до 1811 года. Генерал просто игнорировал ее. Сложнее обстояло дело с испанской Флоридой. Война с Англией продемонстрировала слабость южной границы США. Испания хотя и была тогда формально нейтральной, но некоторыми действиями во Флориде выражала сочувствие англичанам и враждебно настроенным индейцам. Если администрация Дж. Мэдисона осторожно вела себя по отношению к Испании,

то Джексон, как и многие экспансионисты, весьма вольно трактовал права американцев.

Поток белых переселенцев во Флориду постоянно нарастал. Там появлялись компании земельных спекулянтов из США. Одну из них сформировали люди из Теннесси, близкие Джексону. Положение драматизировалось тем, что семинолы и остатки криков с территории Флориды совершали набеги на Джорджию. Президент Дж. Монро добивался покупки Флориды у Испании — давняя амбициозная мечта трех последних президентов виргинской династии. Зыбкая атмосфера на границе с Флоридой, флибустьерские экспедиции американцев и подозрительная деятельность там английских миссионеров — все это толкало Джексона к действиям. Поэтому, когда военный министр Кэлхун после очередного рейда семинолов из Флориды в Джорджию отдал в декабре 1817 г. приказ покончить с ними, Джексон оказался перед соблазном развязать этот индейско-флоридский узел раз и навсегда. В декабре он отправил Монро письмо с предложением захватить Флориду за 60 дней. Неизвестно, дал ли президент тайную санкцию на эту операцию, но все свершилось быстро и энергично. Джексон лихо промчался через границу, взял несколько фортов, спустил там испанский флаг, казнил двух англичан, обвиненных в провоцировании семинолов, и к весне 1818 г. покончил с индейцами. Испанские губернатор, чиновники и солдаты бежали в Гавану.

Джексон вернулся в Нэшвилл со славой. Иной была реакция в Вашингтоне. Администрация столкнулась с серьезной дипломатической проблемой. Действия Джексона во Флориде явились фактически необъявленной войной с Испанией. Кэлхун как военный министр был поставлен в двусмысленное положение, к тому же он был недоволен обращением Джексона через голову к президенту. Г. Клей возглавил в конгрессе силы, выступавшие за публичное осуждение действий Джексона. В целом Монро имел больше забот с Испанией, чем со своим народом, и ситуация была урегулирована государственным секретарем Дж. К. Адамсом: по договору 22 июня 1819 г. Флорида была куплена за 5 млн. долларов.

Захват Флориды по сути дела предопределил и решение судьбы индейских племен, живших восточнее Миссисипи. Основа действий была заложена Джексонном: через систему унижительных и кабальных договоров индейцы были выселены дальше на запад. Так было в 1813 г. с криками, в 1817 г. — с чироками и в 1820 г. — с семинолами. Джексон руководствовался практикой взаимоотношений индейцев и белых поселенцев и здравым смыслом, как ему казалось. Уже к 20-м годам XIX в. вполне сложились основы той индейской политики, которую он проводил, став президентом страны. Джексон полагал, что «постоянный рост и продвижение белого населения неизбежно подталкивают индейцев к одному из двух путей: либо они становятся трудолюбивыми гражданами, подчиняясь законам штатов и в результате ассимилируясь, либо удаляются туда, где они могли бы сохранить свои древние обычаи, не бросая их ради цивилизованного общества»¹³.

Сталкиваясь с индейцами многие годы и считая себя знатоком Запада, Джексон пришел к выводу, что «удаление» — единственное средство, выгодное и белым и индейцам. Он искренне заботился об объединении и безопасности американского народа, но во имя этого готов был пожертвовать жизнью и собственностью индейцев. Он не был ярким расистом в отношении их, но его расистские порою высказывания помогали камуфлировать социальный эгоизм и агрессивный экспансионизм немалой части белых американцев. Говоря словами Р. Ремини, «без Эндрю Джексона или кого-либо еще с его темпераментом, талантом и решимостью скачок американцев через континент тогда был бы мало возможен, если вообще осуществим»¹⁴.

В 1821 г. Джексон ушел в отставку с поста командующего и принял предложение Монро стать губернатором присоединенной Флориды: то ли ради оправдания всех своих предыдущих действий в отношении этой территории, то ли видя в новой должности путь вверх. «Флоридский эпизод» в жизни Джексона не был удачным, и он быстро осознал свою ошибку. Прежде всего, ему досталось тяжелое дело приема власти и имущества у испанцев, налаживания административного деления и организации выборов. Джексон действовал чрезвычайно авторитарно, вызывая массу протестов. Дж. К. Адамс потом писал, что он боялся прибытия очередной почты из Флориды. Губернатору были даны чрезвычайные полномочия, но реальная его власть строго ограничена. Джексон не мог смириться с тем, что его лишили

права патронажа. Монро опасался самостоятельности Джексона, тем более, что он пытался наделить правом голоса всех, включая свободных негров и даже индейцев. В целом историки признают существенным вклад Джексона в «американизацию» Флориды.

Осенью 1821 г. раздраженный на Вашингтон Джексон запросил отставку, которая была принята. В возрасте 55 лет усталым и больным он вернулся в «Эрмитаж». С 1821 г. до конца жизни он почти ежедневно испытывал физическую боль: его мучили две пули в теле, одна из которых давала абсцесс, кашель, малярия, дизентерия и другие недуги. Весной 1822 г. его здоровье ухудшилось и Джексон был на пороге смерти. О политике не приходилось думать. Однако вскоре выяснилось, что он покинул болота Флориды всего лишь ради того, чтобы заменить их на «болота» Вашингтона.

Выздоровление шло медленно. Джексон находился под неустанным вниманием и заботой Рэчел, рядом с которой он всегда терял весь свой гнев и смягчался. В двухэтажном просторном доме кроме близких постоянно было много людей. В этой атмосфере покоя и радушия Джексон в 1822—1823 гг. внимательно наблюдал за обстановкой в стране: она рождала новые мысли, надежды и тревоги. Его беспокоило многое: бурное и неуправляемое развитие экономики, растущий беспорядок в обществе, усиление власти правительства, всеобщая коррупция в политике. В то же время, он не мог не замечать активности масс, жаждавших большего равенства и увеличения своего влияния в обществе. В результате постепенно оформлялась система его политических взглядов: в ней смешивались старые республиканские идеи об исконных правах штатов, нарождавшиеся идеи экономического либерализма, наконец, призывы к демократизации в сфере политики. Давняя подозрительность «грубоватого дикаря из глубинки» к Вашингтону представала теперь как неукротимое желание покончить с источником всех бед — вашингтонской кликой с ее главным орудием — продажным кокусом — закрытым партийным собранием конгрессменов.

В 1823 г. сначала легислатура Теннесси, а затем других штатов, особенно на Юге и Западе, выдвинули его кандидатуру в президенты. Страна сильно изменилась в 20-е годы XIX в.: выросло новое поколение, видевшее в Джексоне символ своих амбиций и надежд. Огромные массы буржуазных предпринимателей, мелких собственников видели в его жизни и достижениях свою судьбу. Но для избрания Джексона одной его популярности было мало: необходима была организация и рутинная работа на местах. Ее возглавила «хунта» в Нэшвилле — группа самых доверенных лиц Джексона — Дж. Итон, Дж. Овертон, Ф. Гранди, У. Льюис и некоторые другие. Все это были «верхи» местного общества: плантаторы, банкиры, ведущие журналисты. Понимая трудности выхода по сути дела новичка Джексона на такой уровень политической борьбы, «хунта» вела кампанию и на «малом» фронте — за кресло сенатора от Теннесси.

В 1823 г. «хунта» выпустила с последующим переизданием в 1824 г. известный памфлет «Письма из Вайоминга» (11 писем). Авторы сумели использовать главное в сознании людей — их страх, что «нация погрузилась в интриги и плохо управляется, добродетель и моральные устои революции поколеблены», и проводили простую мысль: только через избрание Джексона и возвращение к революционным принципам страна может восстановить свои силы¹⁵. Это оживление идеологии буржуазного республиканизма с его концепцией борьбы, свободы и власти очерчивало идеологические контуры набиравшего силу движения Джексона.

Избранный в сенат, Джексон появился там в декабре 1823 г., когда в кулуарах велись разговоры в основном о выборах президента. Он не играл существенной роли в законодательном процессе, но своим благородством, осанкой и терпимостью к мнению других удивил и убедил многих в конгрессе, что он мало похож на того дикаря, о котором в свое время говорил Галлатин. По мере приближения дня голосования его шансы росли.

Президентские выборы 1824 г. отличались обилием кандидатов, сохранившей ролью кокусов и сложными интригами, закончившимися в результате «сделкой» Адамса с Клеем. Для массового избирателя причиной поражения Джексона была представлена эта «коррумпированная сделка» — крик о ней не прекращался в течение всех последующих четырех лет. Реально же оценив ситуацию, «хунта» вместе с Джексоном энергично взялась за формирование новой мощной

коалиции. Президентская кампания Джексона 1828 года началась в 1824 году.

После того как легислатура Теннесси в октябре 1825 г. выдвинула его вновь, Джексон, проведя в сенате всего две сессии, покинул его и, вернувшись в родной штат, возглавил центральный комитет в Нэшвилле — расширенный вариант «хунты». Комитет установил связи с подобными организациями в других штатах, помог учредить несколько газет и наладил устойчивые связи с Вашингтоном. Но самое главное — комитет сразу стал ориентироваться на создание союза местных политических клик из различных регионов страны. С учетом демократизации избирательного права стратегия включала также формирование разветвленной организационной структуры коалиции. Складывание новой партии было длительным процессом, и к 1828 г. она была далека от идейного и организационного единства.

Идеологически движение Джексона представлялось не просто крестовым походом за восстановление народного правления и выкорчевывание коррупции, но и как возрождение борьбы между аграрно-демократическим, подлинно джефферсоновским путем развития США и узкогрупповым торгово-промышленным вариантом, исходившим в свое время от А. Гамильтона и федералистов. Открытое и смелое послание нового президента Адамса в декабре 1825 г. в духе «американской системы» способствовало этому идеологическому и политическому размежеванию. Особенно была встревожена политическая группировка из «имперского» штата Нью-Йорк во главе с М. Ван-Бюреном, близкая массам новых предпринимателей и не чуждая риторики эгалитаризма. На Юге к Джексону тяготели защитники традиционных прав штатов во главе с Кэлхуном.

Концепция союза политических фракций получила развитие на многих встречах и обсуждениях лидеров. Согласованы были идеи сплочения фракций вокруг Джексона как военного героя и жертвы «коррупцированной сделки» 1824 г., а также комбинированных действий на принципе партийной альтернативности, на чем особенно настаивал Ван-Бюрен. Сам Джексон определенно не высказывался по большинству вопросов дня: очень осторожно по тарифам и проблеме федерального финансирования «внутренних улучшений», по банкам и банкнотам звучали весьма глухие намеки на критику, и лишь в двух вопросах его позиция была ясна с самого начала. Широким слоям населения imponировали твердость Джексона в изгнании индейцев за Миссисипи и его решимость основательно перетрясти государственный аппарат, очистив его от коррупцированных элементов. При всей осторожности Джексона местным политическим кликам, заправлявшим делами в штатах, к выборам 1828 г. практически было ясно, к чему он клонит.

Сама кампания этого года представляла собой классическое предвыборное шоу со всеми его негативными чертами. Джексон понимал роль рядовых избирателей, поэтому акцент был сделан на широкомасштабную риторику и многочисленные массовые мероприятия. Стороны словно соревновались в изобличении пороков друг друга. Для Джексона выборы в личном плане завершились трагедией: опубликование в прессе слухов, порочивших честь Рэчел, перемывание обстоятельств их брака в 1792 г. послужили толчком к сердечному приступу и ее смерти в декабре 1828 года. Джексон был потрясен. Он и раньше рассматривал критику в свой адрес как личный выпад; с потерей жены эта склонность превратилась в манию.

Выборы 1828 г. принесли Джексону убедительную победу. Он стал первым президентом с Запада, и в глазах основных масс американцев, отдавших за него голоса, положил конец контролю за правительством со стороны плантаторской и торговой аристократии Вирджинии и Новой Англии: началась эра «народного» президента.

Инаугурация Джексона — одна из легенд американской истории. Люди со всех концов страны собрались у Капитолия, чтобы быть свидетелями «триумфа великого принципа самоуправления». «Они преодолевали 500 миль, — писал Д. Вебстер, — чтобы увидеть генерала Джексона, и, похоже, действительно думали, что страна спасена от какой-то ужасной опасности»¹⁶. Речь президента была короткой, неясной и не содержала ничего конкретного. Толпа от восторга едва не разрушила садик у Белого дома и, по отзывам очевидцев, грозила раздавить Джексона. Такая инаугурация в глазах одних — ужасное начало деятельности новой администрации, по мнению других — свидетельство подлинной демократии.

Кабинет Джексона оказался одним из самых слабых в XIX веке. Из крупных

фигур в него вошли Ван-Бюрен как государственный секретарь и Кэлхун в качестве вице-президента. В основном члены кабинета подбирались по принципу личной близости к Джексону и представляли не искусных администраторов, а руководителей его кампании, друзей и преданных журналистов. С самого начала заметным являлось «западное ядро» в кабинете. Верный себе, Джексон энергично взялся с таким кабинетом проводить обещанные реформы. Весной 1829 г. в послании конгрессу, в указаниях главам департаментов они приобрели вполне четкие очертания: строжайшая экономия расходов правительства, выплата государственного долга, умеренные тарифы, распределение по штатам доходов от продажи общественных земель, изменение структуры Банка США, урегулирование отношений с Англией и Францией, конституционная поправка по выборам президента и вице-президента в сторону их демократизации, но главное — смена чиновников и «чистка» аппарата.

Но реформы пришлось отложить. Хрупкая и аморфная коалиция Джексона после выборов вошла в стадию реорганизации: вскоре обнаружились ее внутренние противоречия, несовпадение интересов местных политических клик, взаимная подозрительность их лидеров. Этот типично переходный период в политической борьбе — в данном случае от «элитной» политики к «массовой» во имя демократизации капитализма — был полон кризисов разного масштаба, захватывавших администрацию, конгресс, нарождавшиеся партии. В первый срок президентства Джексона наиболее крупным по своим последствиям являлся кабинетный кризис, продолжавшийся до лета 1831 года. Он завершился отставкой всей администрации и формированием ее нового состава, более способного к осуществлению реформистских начинаний президента.

Современники быстро уловили, что в основе кризиса — конфликт между Ван-Бюреном и Кэлхуном относительно контроля над администрацией. Реально столкновение носило еще более фундаментальный характер и касалось общей направленности преобразований в стране — либо на основе баланса интересов различных слоев и регионов при общей демократизации, что объективно отстаивала группировка Ван-Бюрена, либо во имя торжества аграрно-плантаторских целей развития общества и при обслуживающих функциях торговли, финансов и промышленности, о чем мечтали многие южане, и Кэлхун в частности. Отсюда вырастали разночтения в трактовках некоторых конституционных вопросов, и прежде всего о правах федерального правительства и властей штатов. Внешне кризис свелся к обструкции, устроенной большей частью кабинета и Вашингтонского общества семье военного министра Итона, являвшегося ближайшим сподвижником Джексона. Итон женился незадолго до выборов на очаровательной, но с сомнительной репутацией женщине. Первой со светским демаршем выступила чета Кэлхунов. Из всех близких Джексону людей только Ван-Бюрен проявил лояльность по отношению к Итону. Его роль в этом конфликте, по-видимому, была ключевой. По инициативе Ван-Бюрена кабинет был распущен и Итон ушел в отставку.

Джексон в 1829—1831 гг. не часто созывал кабинет, предпочитая ограничиваться узкой группой неформальных советников и тем самым рождая миф об «узурпации власти». Летом 1831 г. он наконец решился на роспуск кабинета, шаг совершенно необычный и не встречавшийся прежде в истории страны и поэтому воспринятый современниками как полный крах правительства. В окружении Джексона появились иные люди, в основном из Теннесси — А. Кендалл, Ф. Блэр и Э. Донелсон, помогавшие ему в составлении речей. Блэра пригласили из Теннесси в Вашингтон редактировать с декабря 1830 г. газету «The Globe», ставшую официозом администрации вместо «Telegraph», издававшейся Д. Грином, близким по своим взглядам Кэлхуну. Эти и другие лица составили «кухонный кабинет» Джексона. Он не отличался стабильностью и в целом его ни в коем случае нельзя считать своеобразной «диктатурой за троном». В управлении правительством, распределении должностей и руководстве демократической партией ему принадлежала вспомогательная, совещательная роль.

Как в прежние годы военной карьеры, Джексон вникал во все детали: прислушиваясь к советам, он утверждал принятые решения как свои. После него в 1836 г. осталась сеть советников и консультантов, включавшая кабинетных чинов, издателей, членов конгресса, политических лидеров и просто друзей из различных частей страны. Джексон был создателем, центром и движущей силой этой системы. Он не только посвящал долгие часы выработке «принципов» деятельности глав департа-

ментов, но и регулярно встречался с каждым из них, обсуждая дела их ведомств: особенно волновало Джексона состояние финансов.

Пока не были урегулированы проблемы кабинета и отношений с фракциями конгресса о проведении реформ не приходилось думать. На первый план выступили задачи обновления государственного аппарата и негативная, контролирующая функция исполнительной власти. Хотя Джексон настойчиво декларировал «чистку» аппарата, результаты в этом деле были весьма скромными. За первые 18 месяцев он сумел сместить только 919 человек из 10 093, а за все 8 лет своего президентства — лишь 9% всего состава, то есть не больше, чем предыдущие администрации¹⁷. Это выглядит как естественное убытие по старости, в связи со смертью и увольнением за некомпетентность.

Его приверженность к «чистке», больше декларативная, чем по существу, порою приводила к конфузным ситуациям, как, например, когда он вопреки советам Ван-Бюрена назначил на должность главного контролера нью-йоркской таможни С. Свартваута, человека с криминальными наклонностями. Кампания «чистки» аппарата принесла недобрую славу президенту не столько из-за случаев вроде дела Свартваута, сколько из-за ее очевидного партийного характера, из-за того, что Джексон не сумел отмежеваться от людей вроде сенатора У. Марси (Нью-Йорк), исповедовавшего принцип «партии принадлежит все». В целом же обновление аппарата чиновников было шагом к демократизации правительства. Оно позволяло быстро реагировать на изменения требований масс избирателей.

Что касается контролирующих функций президента, то наиболее крупный эпизод в этом плане на первых порах — вето Джексона на билль по Мейсвилской дороге, ясно показавшее своеобразие трактовки им американского федерализма. Весной 1830 г. в конгрессе обсуждался законопроект о расходовании федеральных средств на строительство дороги между Мейсвиллом и Лексингтоном в Кентукки. Начатая еще в 1811 г. в Мэриленде дорога продвигалась все дальше на запад, и участок, о котором шла речь в 1830 г., целиком находился на территории одного штата. Джексон, внимательно следивший за ходом дебатов в конгрессе, 27 мая 1830 г. наложил вето на принятый палатами законопроект. Его аргументы имели в основном конституционный характер.

В обоснование законности «сокращения расходов и экономии в правительстве» Джексон ссылаясь на отсутствие в конституции положения, разрешающего федеральной власти участвовать в субсидировании проектов местного масштаба и быть членом кампании, учрежденной штатной легислатурой. «Противное, — разъяснял Джексон, — приведет к системе подкупа и подрыву честности властей и более того, окажется вредоносным и опасным для свободы и нравственных устоев народа»¹⁸. Президент не отвергал использования федеральных средств в тех очевидных случаях, которые касались реализации общенациональных целей, например, укрепления обороны страны. Во всех же локальных проектах Джексон демонстрировал твердость.

Волна отказов президента на принятые конгрессом билли по «внутренним улучшениям» обрушилась на крупный бизнес весной 1830 года. Впервые в американской истории Джексон прибег к «карманному вето» — затягивал вынесение своего решения до закрытия сессии и тем самым «топил» билль вообще. Объективно подобное отношение исполнительной власти к «внутренним улучшениям» содействовало демократизации капитала, а в идеологическом смысле — укрепляло иллюзии масс в отношении равенства возможностей в предпринимательстве, хотя реально вовсе не лишало крупный бизнес выгод «свободной конкуренции». Эпоха Джексона — время интенсивного «внутреннего строительства» и накопления больших капиталов в результате многочисленных проектов самого различного масштаба.

Философия экономического либерализма, преклонение перед традиционными ценностями американского индивидуализма и правами штатов, борьба с личными врагами определили реакцию Джексона на деятельность Банка США, судьба которого так волновала различные политические силы в обществе. Многие «национальные республиканцы», и особенно Клей, видели в нем основной инструмент форсирования экономического прогресса на базе союза федеральной государственности с бизнесом. Демократизация в экономике и политике имела в их конструкциях подчиненный характер и рассматривалась ими как результат этого процесса, а не

его исходная предпосылка. В начале 30-х годов среди лидеров «национальных республиканцев» в конгрессе постепенно вызревала идея уже на выборах 1832 г. поставить вопрос о Банке в качестве главного пункта кампании, хотя срок его хартии истекал только в 1836 году. В основе подобной тактики лежала уверенность в том, что Джексон не утвердит билль о ее продлении и тем самым в значительной степени растеряет шансы на переизбрание. 6 января 1832 г. соответствующий законопроект появился в конгрессе.

Начало 1832 г. принесло Джексону массу волнений. Сильные боли в руке от находившейся там уже 20 лет пули наконец вынудили его согласиться на операцию. Она была сделана без анестезии. Едва он оправился, последовал новый удар, воспринятый им как личный выпад: сенат 25 января не утвердил Ван-Бюрена на пост посла в Англии. Президент усмотрел в этом руку Кэлхуна и Клея. Задолго до конвента демократов 1832 г. Джексон выбрал Ван-Бюрена своим напарником в предстоящей кампании. Фактически майский конвент партии решал один вопрос — утверждение кандидатуры вице-президента. Строго говоря, он даже не избрал Джексона, а просто «согласился» с решениями многих конвентов штатов. Не была принята программа или какая-либо декларация принципов.

Но самым тревожным для Джексона был ход обсуждения в конгрессе и в прессе банковского вопроса. Как и во многих предыдущих своих битвах он персонифицировал силы зла. В данном случае коррумпирующее влияние Банка на общество олицетворял в его сознании глава этого финансового гиганта Н. Биддл. Последний представлял достойным соперником Джексона. Даже Адамс с его суперкритическим подходом к людям очень высоко отзывался о способностях, многообразных талантах, рафинированной культуре Биддла. В июне-июле билль о продлении полномочий Банка после 1836 г. успешно преодолел обе палаты и был представлен президенту. 10 июля Джексон ответил своим знаменитым вето. Послание президента — один из самых сильных и вместе с тем противоречивых документов подобного рода в истории США. В нем не проводился анализ экономической ценности Банка, зато достаточно было эгалитаристской риторики в духе концепции равенства возможностей и борьбы с привилегиями в обществе. Одновременно послание являло собой серьезный конституционный документ¹⁹.

Джексон взял на себя смелость трактовать конституционное право США в пользу президентской власти. Это хорошо просматривалось по трем позициям. Во-первых, он отверг, ссылаясь на независимость президента от решений Верховного суда, версию сторонников Банка о его конституционности, утвержденной ранее высшей судебной инстанцией в одном из дел, и декларировал право исполнительной власти самой выносить вердикт о судьбе Банка. Во-вторых, Джексон расширенно толковал свои законодательные полномочия. Все девять вето до него выносились президентами в ситуациях, когда билль прямо нарушал конституцию. Джексон полагал возможным аннулировать законопроекты по любым другим причинам, которые глава исполнительной власти сочтет важными. В-третьих, поколения американцев выросли в неприязни к сильному правительству и свое представительство они традиционно ассоциировали с конгрессом как выборным органом. Джексон в послании исходил из того, что представительские функции в равной мере принадлежат и президенту, гаранту свобод граждан.

Критики из рядов набравшей силу оппозиции, защищая корпоративные интересы конгресса, упрекали Джексона в узурпации власти в стране, говоря, что суть теперь не в том, что «конгресс собирается сделать, а в том, что позволит президент»²⁰. Современники — представители обеих сторон — в острой полемике явно переоценивали значимость этой борьбы президента с Банком для экономического развития страны. Естественно, Джексон не помышлял об искоренении банков в обществе, как порою утверждали его горячие критики. Речь шла лишь об известной демократизации кредитной системы страны и приближении ее к нуждам предпринимателей.

Историки обычно в прошлом лишали Джексона достоинств мыслителя и политика-стратега и объясняли его поведение ссылками на личные качества этого человека: характер, темперамент, иллюзии и предубеждения. Только в немногих работах президент предстает как человек с собственным видением мира, способный в борьбе утвердить свои принципы. Для понимания политического мышления Джек-

сона важным является его отношение к «коррупцированной сделке» 1824 года. Оно породило буржуазно-демократическую концепцию «правления большинства» как условия торжества прав граждан и экономического прогресса. Эта концепция прозвучала уже в первом послании Джексона как президента и повторялась при каждой возможности. Он исходил из того, что все должностные лица в государстве — выборные или назначенные — подведомственны контролю народа. Инструментами его, в представлении Джексона, являлись частая смена чиновников, прямые выборы президента раз в шесть лет на один срок, а также сенаторов.

Демократизм президента — в том, что, признавая неизбежность конфликтов в обществе и порою прямо говоря о классовой борьбе, он в этом конфликте интересов сделал выбор в пользу широких масс предпринимателей, мелких собственников. Однажды Джексон суммарно сам очертил эти линии размежевания в обществе и свою позицию. «Если достойные йоменри Теннесси, — писал он, — спросили бы кандидатов по некоторым основополагающим вопросам, они бы без труда поняли различия между демократами и вигами, нуллификаторами и скрытыми федералистами. Им следовало бы поинтересоваться, против ли национального банка эти кандидаты, поддерживают ли они узкое толкование федеральной и штатных конституций, смену чиновников, республиканский принцип, что народ — носитель суверенной власти, а чиновники — лишь его представители, а также то, что он имеет право отдавать распоряжения этим представителям, а те обязаны либо подчиниться либо уйти в отставку»²¹.

Поскольку вопрос о Банке благодаря усилиям «национальных республиканцев» являлся центральным на выборах 1832 г., его судьба решалась тогда действительно массами избирателей. Джексон держался в стороне от кампании. Победа ковалась его «лейтенантами» А. Кэндаллом, Ф. Блэром, Л. Льюисом, Э. Донелсоном и прочими из его маленькой «армии» политиков по всей стране. Реально всем руководил Кэндалл, заботившийся об организации, газетах, памфлетных материалах, мероприятиях-шоу и прочих атрибутах работы с массами. Новые методы были велением времени. Развертывание промышленности, быстрый экономический рост начала 30-х годов XIX в., революция на транспорте, повышенная миграционная активность и социальная мобильность, одержимость людей в бизнесе, в преуспевании — все это формировало новые контуры американского общества, подталкивавшие политиков к иному стилю деятельности. Джексон символизировал в глазах многих эту динамичную и переменчивую жизнь. К 1832 г. он был уже не просто «герой Нового Орлеана», а в большей степени выступал как «человек от народа».

С Банком ситуация прояснилась и все теперь зависело от мнения избирателей, сама кампания по переизбранию находилась в умелых руках «кухонного кабинета». Летом 1832 г. Джексона всерьез беспокоил лишь один вопрос — отношение к только что принятому высокому тарифу со стороны южан и прежде всего Южной Каролины. Президент с тревогой наблюдал за действиями нуллификаторов штата, объявивших не действующими на своей территории федеральные законы, напряженностью, складывавшейся в таких городах, как Чарлстон, где толпы вооруженных людей грозили любыми способами отстоять вольности Юга. Хотя Джексон не верил первоначально, что события приобретут ожесточенный характер и придется использовать силу, он все же предпринял некоторые превентивные полувоенные меры. Ситуация в штате к ноябрю заметно ухудшилась. В эти дни нового надвигавшегося кризиса стали известны результаты президентских выборов — Джексон одержал более чем убедительную победу над Клеем: за него проголосовало 55% избирателей (37% — за Клея) и 219 выборщиков (49 — за Клея).

Президент полагал, что решение проблемы нуллификации возможно при твердости со стороны центральных властей, благоразумии населения и официальных лиц Южной Каролины и снижении тарифных ставок как уступки южанам. Такова официальная схема, и Джексон не давал публично проявиться ярости и гневу, сквозившим в его частной переписке. 10 декабря с помощью государственного секретаря, тонкого знатока права, Эд. Ливингстона он представил стране «Прокламацию» — смелое и прямое заявление его взглядов на кризисную ситуацию. Это — один из самых значительных документов в американской истории, обычно сравниваемый с инаугурационной речью А. Линкольна. «Прокламация» содержала в себе точность и искусство юридических выражений, чтобы сделать конституционные аргументы

впечатляющими и убедительными, и одновременно сохраняла страстность языка Джексона, что придавало ей особый дух и жизненную силу.

Начало «Прокламации» сразу выражало суть позиции президента: «Я считаю, — писал Джексон, — что право аннулировать закон Соединенных Штатов, заявленное каким-то одним штатом, несовместимо с существованием Союза, противоречит букве конституции, не вытекает из ее духа, не согласуется ни с одним принципом, на которых она основывается, и подрывает самую великую цель ее принятия»²². Джексон при написании «Прокламации» выступил как вполне самостоятельный мыслитель, не просто изложивший ту или иную распространенную в обществе систему взглядов на конституцию, но и развивший конституционное право в вопросе об истоках единства и целостности страны. Если большой знаток конституции Д. Вебстер не шел дальше эмоционального заявления, что единство — это благословение для народа, то Джексон категорически утверждал историческое единство колоний с самого начала — в борьбе за существование и против английской королевской власти. Широкое историческое толкование «Соединенных Штатов» проистекало у Джексона, конечно, не из отличного знания истории, а базировалось скорее на здравом смысле и понимании того, что если именно народ многими десятилетиями создавал единый союз, то ему и принадлежит право изменять или распускать союз штатов. Осмысление в демократическом духе истории становления американской государственности ставит Джексона в ряд самых крупных политиков США за все годы существования страны.

Джексон понимал необходимость наряду с декларациями и призывами конкретных действий. Он проявлял сдержанность, но не прекращал военных приготовлений и попыток через конгресс снизить таможенные пошлины. В целях обоснования программы военных мероприятий — весьма умеренных по характеру и масштабам — и получения у конгресса необходимых сумм Джексон передал 16 января в высший законодательный орган «военный билль», тут же названный в Каролине «кровавым». В нем кроме конкретики конфликта, предостережений президента и перечня необходимых мобилизационных мероприятий есть ряд принципиально новых конституционных положений²³. Джексон решительно изъясил право на выход из состава союза из числа традиционных ценностей американского бытия, — то, что длительное время рассматривалось поколениями американцев как составная часть прав штатов и как в конечном счете инструмент по защите их индивидуальных свобод. Президент нарушил святость прошлого и в другом вопросе — о характере и функциях федеральной исполнительной власти. Традиционный буржуазный республиканизм «отцов-основателей» гарантом свобод граждан полагал сильные штаты как противовес центральной администрации. Подобная идеология к середине 30-х годов XIX в. уже не вполне соответствовала новому состоянию общества с его рождающейся промышленной культурой и набиравшими силу демократическими процессами. В представлении президента защита свобод граждан требовала сильной центральной исполнительной власти, избираемой на широкой демократической основе. Джексон таким образом усилил в буржуазном республиканизме его демократические черты.

Что касается плана снижения тарифных ставок, то здесь президента формально ждал меньший успех: конгресс забаллотировал организованный им законопроект о сокращении в срочном порядке ставок в среднем на 25%. Произошло это в результате закулисных маневров Клея, Кэлхуна и многих лидеров «национальных республиканцев». В итоге был принят компромиссный тариф Клея, устроивший большую часть южан. Но по существу Джексон одержал победу в главном: «военный билль» и компромиссный тариф 1833 г. прошли в паре, к чему стремился президент. Подобная тактика, центристская по своей сути, больше соответствовала его статусу президента и гаранта целостности страны, чем та или иная крайность, — «военный билль» против полуфритредерского тарифа, — которых придерживались разные стороны в конституционно-политическом кризисе 1832—1833 годов. Джексону принадлежала главная заслуга в его разрешении и тем самым укреплении единства страны в тот период.

6 мая 1833 г. Джексон находился на Потомаке, на борту парохода. Рейс был обычным, и кроме Джексона и некоторых членов кабинета на пароходе находилось немало пассажиров. На стоянке в Александрии в каюту президента ворвался Р. Рэндолф, лейтенант флота, уволенный по специальному распоряжению прези-

дента в отставку за воровство, и набросился за него с кулаками. Прибежавшие на шум друзья лейтенанта вытащили его на берег, и он скрылся. Джексон отделался ушибами, но был сильно раздосадован, что не успел дать должного отпора. Правда, он же позднее высказался против осуждения Рэндолфа. Этот эпизод — первое в истории США нападение на главу государства. То, что это произошло по отношению к Джексону, вряд ли можно считать случайным: очень необычной была сама личность президента, но изменились и нравы, обычаи, поведение людей.

Джексон положил начало другой традиции. Летом 1833 г. он предпринял попытку обширного турне по Новой Англии с участием в многочисленных и массовых мероприятиях. До него только Дж. Вашингтон и Дж. Монро практиковали подобные поездки, но они имели более официальный характер, а сами президенты представляли в общении с простыми людьми как живые монументы. Джексон преследовал цель сплотить американцев, сильно растревоженных нуллификацией, поднять их патриотический дух путем естественного общения с главой страны. Однако поездку, начавшуюся 6 июня, пришлось прервать уже 24-го: напряженный график путешествия, невероятная усталость обострили старые болезни Джексона. Не добравшись до Мэна, Вермонта и верхних графств Нью-Йорка и едва держась на ногах, он вернулся в Вашингтон. Но политические цели поездки в известной степени были достигнуты.

Осенью 1834 г. среди прочих неотложных дел в Вашингтоне Джексона ожидала проблема судьбы федеральных средств в Банке, вставшая, естественно, после вето на продление его полномочий. Идея администрации заключалась в постепенном изъятии этих средств и их последующем размещении в нескольких частных банках различных штатов. По поручению президента Кэндалл летом совершил непростую поездку в Бостон, Балтимор, Филадельфию и Нью-Йорк в поисках банков, лояльных к демократам и не опасавшихся финансовых репрессий со стороны Биддла. Противники окрестили их «банками-любимчиками». По закону изъятие мог осуществить только секретарь финансов, в данном случае Р. Дьюэн, который отказался это сделать, уверенный в неизбежности финансового хаоса. Джексон столкнулся с очередной конституционной проблемой, неизвестной прежде никому из руководителей страны: вправе ли он уволить секретаря, утвержденного конгрессом, и без его желания? Президент без долгих раздумий просто уведомил последнего об отказе от его услуг, перевел Р. Тейни с должности генерального прокурора в секретари финансов и тот несколькими приказами передал к концу 1833 г. все федеральные средства в два десятка «банков-любимчиков».

Джексон действовал поспешно и не всегда продуманно. Недостаточно разбираясь в финансовых вопросах и не понимая всей глубины связей Банка с экономикой страны, он поступал скорее как политик, чем экономист. Поэтому он явно игнорировал возможность серьезных ответных действий Биддла. Банк зимой 1833—1834 гг. значительно сократил кредитование, ограничил все свои финансовые операции и вызвал тогда своеобразную мини-депрессию, породившую растерянность и недовольство среди крупного бизнеса. Но и как политик Джексон кое-что терял в результате этой поспешности. Даже демократы, поддерживавшие его прежде в критике Банка, беспокоились, как бы потрясение финансовой системы не сказалось на общем ходе преобразований в обществе.

Обычным было обвинение Джексона в тирании. Именно во время паники весной 1834 г. медленно набиравшая силу оппозиция идеологически оформилась как партия вигов. Но огромная политическая активность в стране в это время, настоящий культ политики открыли большие возможности и перед Джексонем. С помощью огромного пропагандистского аппарата во главе с «The Washington Globe» и опираясь на массовую поддержку электората, он путем борьбы с Банком укрепил к середине 30-х годов XIX в. свой авторитет как глава государства и лидер демократической партии. Во многом в результате этой борьбы в США произошло усиление президентской власти, возникла новая двухпартийная система и получили развитие демократические традиции времен войны за независимость.

Внешняя политика по ее целям и методам ведения также включалась Джексонем в сферу реформ. В ней склонность к экспансионизму и миссионерству переплеталась со стремлением укрепить национальный авторитет страны, расширить ее международные связи и утвердить ее международные права. На внешней политике правительства как и на всем другом лежала печать личности Джексона: это была

его политика, хотя ею формально руководили другие люди — Ван-Бюрен, Ливингстон и Маклейн. Разрыв с прошлым администрации Адамса ознаменовался восстановлением торговых отношений США с британской Вест-Индией и общим улучшением связей с Англией. Это — основной внешнеполитический успех первого президентства Джексона. Уже тогда проявилась особенность его метода: он всегда начинал с миролюбивых жестов, с попыток примирения и сглаживания имеющихся противоречий, а в случае неудачи — обращался нередко к угрозе и весьма рискованным шагам.

К концу президентства Джексона США имели коммерческие договоры с Турцией, Россией, Марокко, Великобританией, Мексикой, Колумбией, Чили, Венесуэлой, Федерацией Перу — Боливия, Сиамом и Мускатом на Дальнем Востоке. В целом главным итогом внешней политики Джексона стало то, что аристократическая Европа, отбросив прежнее презрительное отношение к американскому опыту, признала права США как свободного и независимого государства.

Одним из немногочисленных поражений президента Джексона было то, что он не сумел добиться включения Техаса в состав США. Он считал крупнейшей ошибкой Адамса как государственного секретаря в администрации Монро, отказ в 1819 г. по договору с Испанией от Техаса как части Луизианы в обмен на другие территориальные приобретения и признание его мексиканским владением. После получения Мексикой независимости предпринималось несколько попыток «реаннексировать» Техас, но они всякий раз заканчивались неудачей из-за противодействия Мексики и прямолинейной тактики американцев. Сам Джексон сделал неудачный выбор, отправив на переговоры в Мексику сомнительно действовавшего там полковника Э. Батлера. Мексиканцы обвиняли правительство США в поощрении эмиграции, организации флибустьерских экспедиций, нарушениях границы и прочих грехах.

Из числа американцев-иммигрантов в Техасе возникла военная партия во главе с С. Хьюстоном. В октябре 1835 г. эта партия начала войну за независимость с Мексикой, а в марте 1836 г. провозгласила создание Техасской республики. Администрация Джексона старалась сохранить внешне нейтралитет, хотя это ей мало удавалось. К лету 1836 г. отношения с Мексикой дошли до опасной точки: техасцы настаивали на включении республики в состав США, а Джексон, которому оставалось совсем немного до истечения срока его полномочий, медлил и не решался что-то предпринять. Его смущало многое: и действия аболиционистов, представлявших вопрос о Техасе делом рук рабовладельцев и тем самым угрожавших единству страны и избранию в 1836 г. Ван-Бюрена, и тревога по поводу возможной войны с Мексикой, которая неизбежно в глазах других стран будет агрессивной со стороны США. Аннексия Техаса так и осталась нереализованной мечтой Джексона-президента.

В ноябре 1836 г. наступило резкое ухудшение его здоровья и до марта 1837 г. Джексон практически не покидал свои покои в Белом доме. После инаугурации Ван-Бюрена и двухнедельного путешествия домой, сопряженного с многочисленными встречами, Джексон вернулся в «Эрмитаж» разбитым. После новых осложнений в январе и марте 1838 г. он, казалось, потерял возможность широкого общения и участия в политической жизни. В июне этого года Джексон официально присоединился к пресвитерианской церкви и остаток жизни вел себя как истинно верующий: ежедневно читал Библию и регулярно посещал церковь. За 9 лет жизни после ухода в отставку Джексон старался не порывать связей с людьми в Вашингтоне, он давал рекомендации новому президенту, конгрессменам, Блэру как издателю «The Globe» и иногда подавал из своего угла рычащий голос.

Джексон был замечен в преддверии и во время выборов 1844 года. Сенатор-экспансионист Р. Уолкер написал бывшему президенту конфиденциальное письмо с призывом совершить «венчающий его акт» — помочь в пропаганде аннексии Техаса. Он не устоял и обрушил поток писем на Хьюстона, друзей, политиков и конгрессменов. Джексона разочаровала позиция Ван-Бюрена, высказывавшегося против аннексии, и он предугадал итоги конвента демократов летом 1844 г., выдвинувшего «темную лошадку» Дж. Полка. Джексон активно включился в кампанию за его поддержку. Усилия, которые он приложил ради аннексии Техаса и избрания Дж. Полка, были огромны, но и цена оказалась чрезмерной. После ноября 1844 г. Джексон уже не мог покидать свою комнату: его мучили лихорадка, простуды и

сильные боли в боку. Весной 1845 г. состояние его здоровья катастрофически ухудшилось, хотя он сумел принять Дж. Полка и даже дал ему советы по составу кабинета. У него опухли руки и ноги, но он продолжал диктовать каждый день и живо интересовался делами на плантации. 8 июня 1845 г. он умер.

Итоги президентства Джексона для своего времени были впечатляющи: он укрепил исполнительную власть, содействовал образованию демократической партии, провел ряд демократических по характеру реформ, пресек крайности партикуляризма штатов и защитил единство страны, выплатил государственный долг США, покончил с Банком-гигантом, способствуя тем самым демократизации капитала, урегулировал на компромиссной основе тарифный вопрос, изгнав индейцев с их земель, освободил для заселения и освоения огромную территорию, наконец, утвердил международные права Соединенных Штатов. Образ Джексона практически одинаково привлекателен как для либералов, так и консерваторов всех последующих поколений. Это объясняется сложным переходным характером эпохи, противоречивостью личности самого Джексона, тем, что он и те люди, которые разрабатывали и осуществляли его и от его имени проводимые реформы, пытались совместить в своей практике прежние буржуазно-демократические ценности эпохи войны за независимость с потребностями нового, более зрелого капиталистического общества, с новой промышленной культурой. Джексон являлся символом изменений и воплощением традиций одновременно.

Примечания

1. В советской историографии о «джексоновской демократии» в последнее десятилетие писали Н. Н. Болховитинов и Н. Х. Романова (БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М. 1980; РОМАНОВА Н. Х. Реформы Э. Джексона. М. 1988).
2. REMINI R. Andrew Jackson. N. Y. 1966, p. 14; e j u s d. Andrew Jackson and the Bank War. N. Y. 1967; e j u s d. Andrew Jackson and the Course of American Democracy, 1833—1845. N. Y. 1984; e j u s d. Andrew Jackson and the Course of American Empire, 1767—1821. N. Y. 1977; e j u s d. Andrew Jackson and the Course of American Freedom, 1822—1832. N. Y. 1981; e j u s d. The Election of Andrew Jackson. Philadelphia. 1963; e j u s d. The Life of Andrew Jackson. N. Y. 1988.
3. PARTON J. Life of Andrew Jackson. Vol. 1—3. N. Y. 1867. Vol. 1, p. 65.
4. Ibid., pp. 104—105.
5. REMINI R. Andrew Jackson, p. 34.
6. В 1835 г. после пожара дом был перестроен и в этом виде сохранился до настоящего времени.
7. Цит. по: PARTON J. Op. cit., p. 196.
8. REMINI R. Andrew Jackson, p. 39.
9. Ibid., p. 44.
10. BENTON T. H. Thirty Year's View. Vol. 1—2. N. Y. 1854. Vol. 1, p. 736.
11. Correspondence of Andrew Jackson. Vol. 1—7. Washington. 1926—1935. Vol. 1, pp. 273—276, 299; PARTON J. Op. cit., pp. 368, 372.
12. Если в 1814 г. правительство наградило его званием генерала армии и должностью командующего огромным 7-м округом, включавшим в себя Теннесси, Луизиану и Миссисипи, то в 1828 г. во время выборов Джексона клеймили за те же деяния как убийцу и кровожадного тирана.
13. REMINI R. The Life of Andrew Jackson, p. 114.
14. Ibid., p. 128.
15. См. Letters of Wyomings to the People of the US on the Presidential Election and in Favour of Andrew Jackson. Philadelphia. 1824.
16. The Private Correspondence of Daniel Webster. Vol. 1—2. Boston. 1856. Vol. 1, p. 470.
17. REMINI R. Andrew Jackson, p. 110.
18. A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1897. Vol. 1—10. Washington. 1900. Vol. 2, pp. 1046—1056.
19. Ibid., pp. 1139—1154.
20. National Intelligencer, 1834, November 22.
21. Цит. по: REMINI R. The Life of Andrew Jackson, p. 305.
22. См. A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, Vol. 2, p. 1203.
23. Ibid., pp. 1183—1195.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

На Женевской встрече лидеров четырех держав

После второй мировой войны у нас очень обострились отношения с Великобританией. Обострение произошло в результате политики, провозглашенной Черчиллем. Черчилль выдвинул лозунг окружения Советского Союза. Он в своей речи, произнесенной в Фултоне, призвал капиталистические страны сорганизоваться, чтобы противостоять угрозе со стороны СССР. Хотя в Англии правительство было лейбористским, оно проводило недружественную политику в отношении Советского Союза. Наши торговые связи почти не развивались. Нельзя сказать, что они были в замороженном состоянии. Но английское правительство не способствовало тому, чтобы эти связи находились на должном уровне.

После смерти Сталина к нам приезжали лейбористы, и мы с ними установили некоторый контакт. Но к этому времени их сменили у власти консерваторы, чье правительство возглавил Иден. К Идену у нас было хорошее отношение, мы считали его прогрессивным среди консерваторов человеком. У нас остались хорошие воспоминания и о позиции, которую занимал Иден перед войной: он являлся тогда в течение ряда лет министром иностранных дел и, по нашим сведениям, стоял на позиции заключения договора с Советским Союзом против гитлеровской Германии. Когда Болдуин повел резко антисоветскую линию, подталкивавшую Гитлера против Советского Союза, Иден вышел в отставку. Это благоприятствовало нашему хорошему отношению к Идену и позволяло нам надеяться, что удастся как-то улучшить отношения между Советским Союзом и Великобританией.

Идея Женевской встречи принадлежала, по-моему, Черчиллю. Он считал, что надо установить контакты с новым руководством СССР, чтобы не опоздать. Черчилль полагал, что следует воспользоваться смертью Сталина. Новое руководство СССР пока еще не окрепло, и с ним можно будет договориться: «нажать» на него с тем, чтобы вынудить его к соглашению на определенных условиях. В зарубежной печати стало появляться много материалов о том, что руководителям четырех великих держав необходимо встретиться. Мы тоже стояли за такую встречу. Как потом оказалось, мы тогда несколько преувеличивали возможность достижения взаимопонимания, считая, что после такой кровопролитной войны, которую мы провели вместе со своими союзниками против Германии, мы сумеем договориться на разумных началах.

Что считали мы за разумное начало? Искренне поддерживать мир и не вмеша-

ваться во внутренние дела других государств. Мирное сосуществование было основой нашей политики. Но западные деятели стояли на другой позиции: они хотели, а это естественно, оттеснить нас и содействовать тому, чтобы страны, освобожденные Красной Армией, развивались на капиталистической основе. Это касалось, главным образом, Румынии, Польши и Венгрии. Больше всего они надеялись как-то вырвать, как они выражались, из советского блока Польшу. Имелись и другие вопросы политического характера, которые беспокоили Запад, например, о Ближнем Востоке, в том числе о Египте и Сирии. В этих странах увеличивалась тяга к социализму, резко падало традиционное влияние Англии и Франции. Последние хотели спасти его и как-то договориться с ближневосточными странами на своих условиях, без учета роли Советского Союза и других социалистических стран.

Через дипломатические каналы мы навели контакты, провели консультации, договорились о дате встречи (июль 1955 г.) и избрали местом встречи Женеву. Председателем Совета Министров СССР к тому времени стал Булганин. Я сказал бы, что подготовка Женевской встречи имела некоторое значение для освобождения Маленкова с поста Председателя Совета Министров. С деловыми качествами Маленкова мы ближе познакомились, когда умер Сталин. Маленков оказался человеком, совершенно безынициативным и в этом смысле даже опасным. Я помню, как мы об этом говорили с Молотовым: как быть? Намечается встреча глав правительств, а это значит, что должен будет поехать на нее Маленков. Но как Маленков будет проводить нашу линию? Он слишком слабovolен, способен поддаваться чужому влиянию. Не только нажиму, а просто влиянию других. Не случайно он попал в лапы к Берии. Берия был умнее Маленкова, хитрый и волевой человек. Поэтому он и прибрал его к рукам. Мы вынуждены были заменить Маленкова. Имелись к тому и другие причины, но сейчас я их не касаюсь. Для бесед в Женеве требовался крепкий человек. Выдвинули Булганина. Правда, потом выяснилось, что Булганин в вопросах международной политики тоже не смог проявить должного понимания и оказался человеком, не способным к дипломатическим переговорам.

Стали формировать состав делегации, которая должна была выехать в Женеву. Конечно, прежде всего должен был поехать Булганин как глава правительства. Ведь это была встреча глав правительств. Главой государства и правительства в США был президент Эйзенхауэр. Другие западные лидеры были главами правительств. Премьером Великобритании являлся Иден, Францию представлял премьер-министр Эдгар Фор. Когда мы обсуждали в Президиуме ЦК партии состав делегации, то решили, что в Женеву должен поехать и Молотов как министр иностранных дел. И в других делегациях премьеров сопровождали министры иностранных дел. Это нормально.

Во время обсуждения состава делегации некоторые члены Президиума ЦК высказались в том духе, что надо и меня включить в этот состав. Я возражал, считая, что такой шаг трудно будет понять нашим партнерам: ведь я не занимал государственного поста, а представлял лишь нашу партию. Однако Молотов в свою очередь возразил, что это — наше дело, кого включить в число лиц, сопровождающих Председателя Совета Министров СССР. «Кроме того, — сказал он, — ты являешься членом Президиума Верховного Совета СССР и, стало быть, поедешь не как секретарь Центрального Комитета партии, а именно как член Президиума верховного органа власти Советского Союза».

Не знаю, правильно или неправильно мы поступили. Сейчас поздно судить об этом. Я же не скрою, что мне хотелось участвовать в данной встрече, познакомиться с представителями США, Англии и Франции, немного приобщиться к международной политике на высшем уровне. Потом мы узнали, что Эйзенхауэр включил в состав сопровождавших его лиц военного министра США. Тогда я предложил: давайте и мы включим в состав нашей делегации министра обороны. Министром обороны тогда у нас был Жуков. Я имел к сему такие соображения: Жуков во время войны поддерживал очень хорошие отношения с Эйзенхауэром, а это могло способствовать лучшим контактам нашей делегации с представителями США. Да и личные контакты Жукова с Эйзенхауэром могли быть полезны для нас. Так мы и сделали.

Приехали в Женеву. Самое прибытие нас на ее аэродром выглядело не совсем выгодным для нас. Делегации США, Англии и Франции прилетели на четырехмо-

торных самолетах. И это выглядело внушительно. Мы же прилетели скромно, на двухмоторном Ил-14. Это, если можно так выразиться, несколько принижало солидность нашей делегации, ибо наш самолет не свидетельствовал о высоком уровне развития советской авиационной техники. Западные лидеры тут явно подавляли нас, особенно США: Эйзенхауэр прилетел туда на великолепном четырехмоторном самолете. Прибытие каждой делегации сопровождалось обычной церемонией: выстраивался почетный караул, который маршировал перед главой делегации после того, как тот обходил это подразделение и здоровался с ним. Для нас в то время это было еще непривычным.

Когда Эйзенхауэр, проделав все процедуры, сел в автомашину, чтобы поехать в свою резиденцию (а делегации размещались в специальных особняках, нанятых посольствами), то за его машиной побежала пешая охрана. Для нас это тоже выглядело необычно, несколько театрально. Мы не понимали, зачем все это? Ведь трудно совместить ход машины с бегом человека. Потом, когда мы как-то прибыли в Вашингтон и я ехал вместе с Эйзенхауэром, то увидел, что такая же практика имела место и в Вашингтоне. Там тоже здоровенные ребята из личной охраны Эйзенхауэра бежали за машиной какое-то расстояние, пока машина набирала скорость.

Вот еще один смешной эпизод, связанный с нашим прибытием в Женеву. Когда мы приземлились, нас отвели на отведенное нам место, и Булганин зачитал заранее заготовленное заявление. Потом (или же до того) Булганин должен был, как и другие главы правительств, принять парад и пройти вдоль шеренги выстроившегося воинского подразделения, чтобы поздороваться с ним. И в тот момент, когда Булганину нужно было вместе с представителем правительства Швейцарии пройти вдоль строя почетного караула, вдруг перед самым моим носом выросла спина протоколиста правительства Швейцарии. Я хотел его отстранить, но потом понял, что он сделал это умышленно, получив директиву лишить меня возможности пойти вместе с Булганиным. Швейцарцы, видимо, думали, что принимать рапорт почетного караула станет не один Булганин и что я последую за ним. Так как я занимал тогда пост секретаря ЦК КПСС, то с их точки зрения было недопустимо, чтобы я участвовал в официальной процедуре. Поэтому они столь грубо заслонили меня спиной человека, который занимался протоколом приема делегации. Однако их усилия были напрасными, потому что у нас не возникало мысли, что кто-то кроме Булганина станет участвовать в этой процедуре. Швейцарцы же, видимо, имели свое суждение и предусмотрели, как этого не допустить.

Познакомились мы с Эйзенхауэром. Правда, мы с ним еще раньше встречались, когда после войны он приезжал в Москву. Лично я с ним познакомился на трибуне Мавзолея Ленина во время Парада Победы. Но там было иное знакомство: и я, и он находились на другом уровне. Теперь же мы официально представляли свою страну, как и Эйзенхауэр — свою.

Мы узнали, что его сопровождает Рокфеллер. Нам не совсем было понятно, какую цель преследовал Эйзенхауэр, когда брал Рокфеллера советником? Ведь какие тогда перед нами стояли вопросы? Главный вопрос — улучшение наших отношений, обеспечение мира. Кроме того, мы хотели как-то договориться насчет возможности получения кредита у Запада для ликвидации последствий кровопролитной войны и того разорения, которое нам она принесла. Мы считали (еще в первые дни после окончания войны нам делали намеки), что США нам могли бы дать в кредит что-то около 6 млрд. долларов. Такая цифра фигурировала тогда, как я слышал это от Сталина. Конечно, мы хотели получить такой заем. Правда, теперь у нас давно уже завелась тяжба с американцами по вопросу наших платежей за их поставки по ленд-лизу. Мы отказывались платить, заявляя, что заплатили достаточную цену, проливая в войне кровь нашего народа. Однако во время переговоров в Женеве мы согласились выплатить часть той суммы, которую с нас требовали американцы, как условие предоставления нам нового кредита в размере 6 млрд. долларов и на длительный срок. Мы считали, что на таких условиях можем отдать платежи за ленд-лиз американцам.

Встречи и беседы у нас состоялись довольно хорошие, но дело все же никак не двигалось. Да оно и не могло двигаться, потому что встреча глав правительств четырех великих держав — это была затея Черчилля с целью лишь прощупать нас. Он исходил из того, что у нас после смерти Сталина к руководству пришли новые

люди, видимо, как он считал, недостаточно компетентные в вопросах международной политики, еще не окрепшие. Вот он и решил, что следует прощупать нас, оказать на нас давление и добиться уступок, нужных империалистическим державам. Так себя и повели представители Англии, Америки и Франции. Они стремились нажать на новое руководство Советского Союза, чтобы вырвать необходимые им гарантии.

Чего же они добивались? Какие главные цели ставили? Основной проблемой явился вопрос об объединении Германии. Они стремились вытеснить социалистические начала с территории Германской Демократической Республики и решить по-своему вопрос объединения двух германских государств, то есть на основе ликвидации зачатков социализма, которые стали возникать в Германской Демократической Республике. Они хотели иметь единую капиталистическую Германию и, конечно, в составе НАТО. Мы же преследовали другие цели: хотели заключения мирного договора с Германией, признания существования двух германских государств и предоставления возможности каждому из них развиваться на основе, которую выберут себе народы каждой из двух немецких республик.

Фактически мы стремились добиться обеспечения невмешательства во внутренние дела ГДР со стороны западных держав и подписания мирного договора именно на этой основе. Только так можно было создать условия для мирного сосуществования. Самым главным стал вопрос обеспечения мира. Но наши партнеры были далеки от того, чтобы пойти на те мероприятия, которые мы предлагали. Они поставили условия, с которым мы не могли согласиться. Поэтому Женевская встреча была обречена на провал. Буквально так и формулировались результаты встречи: провал. По деловому содержанию документов, которые были приняты, она фактически оказалась безрезультатной.

Однако встречу нельзя все же назвать бесполезной. Польза от нее была. После официальных заседаний, как это принято согласно международным правилам вежливости, каждая делегация в определенный вечер приглашала другую делегацию на обед или ужин. Там продолжался обмен мнениями уже после официальных переговоров. На пленарных заседаниях делегаций четырех держав тоже шел обмен мнениями, и каждая делегация высказывала свою точку зрения. А во время обедов та или другая делегация прощупывала гостей по всем вопросам, которые ее интересовали.

Более хорошие отношения у нас сложились с французской делегацией. Эдгар Фор — человек очень обтекаемый, если так можно выразиться, умеющий расположить к себе. С ним приятно было беседовать. Во время беседы мы не раз шутили. Я, помню, стал называть его Эдгаром Ивановичем. Он понимал шутки и сам отвечал на них. Однако французская делегация не занимала тогда ведущего положения, я бы сказал даже — должного положения, которое Франция должна была в принципе занимать. Во Франции очень часто менялись правительства, поэтому ее политика была неустойчивой. Из-за этого тогда не устанавливалось серьезного отношения к позиции Франции. Если бы правительство Фора укрепилось, то могли бы появиться надежды на улучшение наших отношений и на развитие торговли. Большого вряд ли можно было ожидать в ту пору.

Теперь — Соединенные Штаты. Беседы с делегацией США и их президентом тоже носили довольно дружеский характер и проходили в нормальных условиях. Однако нормальные условия не означают того, что они шли на уступки. США не могли в то время пойти на уступки. Ведь тогда, в частности, еще был жив Даллес, который и определял международную политику США, а вовсе не президент Эйзенхауэр. Хочу рассказать о такой картине, которую я наблюдал на пленарном заседании. Поочередно председательствовали главы делегаций. Когда председательствовал Эйзенхауэр, Даллес сидел справа от него, а я сидел слева от главы нашей делегации Булганина. Таким образом, я оказался рядом с Даллесом, отделенный только переводчиком.

Я наблюдал поразительную картину, производшую на меня сильное впечатление. Даллес карандашом что-то писал по ходу совещания в своем блокноте, вырывал листки и складывал их под правую руку президента. Эйзенхауэр же по ходу заседания брал эти листки и зачитывал их. Не то, что он, прочитавши их, сделал для себя какие-то выводы и излагал свою позицию. Нет, он добросовестно, как школьник, зачитывал записки Даллеса. Мне трудно сказать, буквально ли он зачи-

тывал их или же что-то добавлял от себя. Но сложилось впечатление, что он зачитывал их дословно. И мне было жаль его: нельзя так вести себя перед всеми делегациями. Президент США терял свое лицо. Складывалось впечатление, что он смотрит на совещание глазами своего государственного секретаря. Так оно и было.

Жуков встречался с Эйзенхауэром на правах старого знакомого. Мы думали, что он чего-то сможет добиться, убедив делегацию США занять более благоприятную позицию в смысле смягчения военной напряженности и создания условий для мирного сосуществования. Делегация США имела, конечно, все основания для лидерства, потому что США — ведущая среди капиталистических стран держава. Ни Франция, ни Англия не могли определять западную политику. Но на пути к смягчению напряженности находился Даллес. Он, как цепной пес, восседал возле Эйзенхауэра, направляя его действия. Это был ярый антикоммунист, агрессивный человек, который не мог согласиться на мирное сосуществование с Советским Союзом. Поэтому ни беседы, которые мы вели во время обеда в честь Эйзенхауэра, ни встречи и беседы один на один Жукова с Эйзенхауэром никаких результатов не дали. Не было ничего, кроме любезностей. Эйзенхауэр подарил Жукову спиннинг, передавал привет его дочерям и жене. Никаких политических переговоров он сам лично не захотел вести.

Во время перерывов между заседаниями, когда выдавалось свободное время, наша делегация ездила на открытой машине, осматривая город. Мы раскатывали по набережной Женевского озера и в пригороды Женевы. Нам удивлялись, что мы столь вольно себя ведем, не опасаясь, что могут иметь место какие-то террористические нападения. Проявлений какой-либо враждебности со стороны зевак, которых было не так и много, я не замечал. Народ с любопытством смотрел, что это, мол, за люди: оказывается, они внешне выглядят, как все другие. Замечалось любопытство, но не враждебность. Хотя и выражений какой-либо особой симпатии в отношении нашей делегации тоже не было. Видимо, публика Женевы привыкла ко всевозможным иностранным делегациям и довольно спокойно относилась к тому, что приехала очередная делегация, проходят очередные международные встречи. Поэтому и наше пребывание там не вызвало ажиотажа. Да, собственно говоря, мы ничего такого и не ожидали.

Когда мы собрались на первую встречу, Эйзенхауэр предложил: «Давайте установим такой порядок, что после каждого заседания будем приходить в буфет и здесь выпивать по рюмочке мартини, чтобы смыть осадок от наших споров». Так мы и делали. Как только кончалось заседание, все шли к буфету и наливали себе по маленькой рюмочке. Конечно, при этом шутили, а затем расходились. Эйзенхауэра обычно сопровождали Даллес и Рокфеллер. Помню, он представил нам последнего: «Вот, господин Хрущев, Рокфеллер». Внешность этого банкира на меня тогда не произвела особого впечатления. Одевался он демократично и не был похож на тот образ миллионера, который я себе раньше создал. Посмотрел я и говорю: «Так это и есть тот самый господин Рокфеллер?» Подошел к нему и взял его кулаками под бока. Он принял шутку и ответил тем же со своей стороны. После этого отношения между нами сложились непринужденные.

Достаточно интересные беседы за обедом проходили с делегацией Великобритании, лично с Иденом. Его сопровождал министр иностранных дел Селвин Ллойд. Беседы с ним велись не на дружеской основе, но все же в теплой атмосфере. Иден — человек очень симпатичный, располагающий к себе. Политик он был опытный, сам лично направлял линию своего правительства и консервативной партии, не то, что Эйзенхауэр. На наших встречах Иден демонстрировал британский лоск и вежливость, во всем проявлялись его деликатность и демократичность.

Итак, совещание продолжалось, но вопросы по сути не решались. Нам противостояли три делегации, которые занимали единую позицию, противоположную нашей. Положение отнюдь не менялось от того, что Иден лишь более мягко формулировал ту же политическую линию, которую проводили США и Франция. За обедом Иден нас спросил: «Как бы вы отнеслись, если мы пригласим вас официально прибыть с визитом в Великобританию? Это было бы полезно для обоих наших государств». Мы ответили, что это будет, конечно, полезно и мы охотно примем такое предложение, если оно поступит. Может быть, мы ответили не в таких категоричных выражениях, как я это сейчас говорю, но все же почти договорились о том, что Лондон пришлет приглашение и что это приглашение о посеще-

нии нашей делегацией Великобритании будет принято. А все остальные беседы были похожи одна на другую, тянулся обед за обедом. То были беседы, которые просто занимали время, но по существу не разрешали вопросов, для решения которых мы там собрались.

Когда я потом встретился с господином Неру (по-моему, это было в США, когда я возглавлял советскую делегацию на Генеральной Ассамблее ООН), он, как всегда улыбаясь, с таким мягким выражением лица, располагающим к себе, спросил: «Господин Хрущев, меня интересует, как Вы беседовали с Даллесом?» Я-то понимал, что его интересовало. Он знал нашу бескомпромиссную позицию в отношении политики, которую проводил Даллес, и знал также даллесовскую политику, абсолютно бескомпромиссную в отношении Советского государства. Отвечаю: «Да, мы встречались с ним во время обеда у Эйзенхауэра. Там мы встречались в неофициальной обстановке, причем Эйзенхауэр посадил нас рядом». «Ну, и что же?» «Разговаривали о том, какое блюдо кому нравится, сравнивая те, которые мы только что откушали. Вот, собственно, и весь предмет разговора. Не более того».

Даллес — человек, сухой по характеру. В разговорах за обедом он проявлял большую сдержанность и не был словоохотлив, как французы или даже англичане. В этом смысле Эдгар Фор проявлял гораздо большее гостеприимство и любезность. Когда мы беседовали с ним за обедом, он усиленно приглашал нас вечерком съездить из Женевы во Францию в какое-то место, которое славилось особенно хорошим вином. Он хотел угостить нас этим вином. Мы отвечали, что согласны с его приглашением, благодарны ему и готовы поехать. Конечно, всерьез мы и не собирались ехать. Думаю, что Фор тоже полагал, что мы не поедем. Это было просто проявлением вежливости. Он хорошо знал, что мы не поставим его в условия, когда он должен будет нас принимать там, где это не предусмотрено протоколом.

Когда мы стали готовить итоговый документ, выявилась непримиримость наших позиций. Насчет Германии мы искали какой-то компромисс, чтобы можно было принять общий текст от имени четырех держав. Формулировки там содержались такие, которые давали возможность толковать его каждой делегации по-своему. Беседовали четыре делегации, но сторон-то было две: Советский Союз и страны капиталистического мира. Чтобы не вводить общественность в заблуждение, мы подготовили наше заявление и сейчас же после подписания совместного документа устроили пресс-конференцию, на которой зачитали это особое заявление, как мы понимаем принятую в Женеве декларацию. В результате остались на старых позициях и та, и другая сторона.

Не хочу сейчас говорить, как конкретно формулировались вопросы, обсуждавшиеся на той встрече. Я рассказываю только по памяти, не пользуясь специальной литературой. К тому же сейчас это уже пройденный этап политической борьбы. Я хотел рассказать здесь лишь о характере, о духе нашей встречи, которая была все-таки полезной. Капиталистические страны прощупывали нас и, видимо, определили, что с нами вряд ли имеет смысл разговаривать по принципиальным вопросам с позиции силы. Не знаю, тогда ли они окончательно уверились в этом. Но, во всяком случае, они почувствовали, что мы не поддадимся. Мы продемонстрировали миру, что стремимся к мирному сосуществованию, однако без таких уступок, которые свидетельствовали бы, что нас можно вытеснить с наших позиций путем запугивания. Мы же тоже почувствовали, что, хотя честно и искренне высказали свое стремление к мирному сосуществованию, заявив, что не преследуем никаких завоевательных целей, в чем обвиняла нас печать капиталистического мира, все равно мы не сумеем убедить западные страны пойти на улучшение наших отношений.

Мы тогда считали, что на первых порах хорошо было бы договориться о расширении торговых отношений. Особенно хотели мы торговать с США. К тому времени они приняли закон, ограничивающий торговлю с Советским Союзом. Хотели мы расширить торговлю также с Францией и Англией. Однако, как я уже говорил, вопросом вопросов оставалась проблема Германии. Здесь, как мы считали, возникали точки соприкосновения, от которых зависело, поднимется ли политическая температура до критического градуса или же удержится нормальной: не холодной и не горячей, а теплой, которая взаимно бы согревала нас и создавала благоприятные условия для мирного сосуществования двух систем, капиталистической и социалистической.

Мы добивались мирного сосуществования на государственной основе. Вопросы

идеологии и философии мы тут всегда выделяли и открыто заявляли, что мирное сосуществование социалистической и капиталистической идеологии невозможно, что они несовместимы, пока каждая сторона остается на своих принципиальных позициях, с которых нельзя сходить. Тут надо вести борьбу до конца, и каждому здравомыслящему человеку ясно, что идеологические вопросы могут решаться только в борьбе и будут решены лишь в результате чьей-то победы. Если мы являемся коммунистами, марксистами, ленинцами, то верили и верим, что победа останется за новым, прогрессивным строем, за марксизмом-ленинизмом. А раз так, то какой же может быть разговор о мирном сосуществовании с капиталистической идеологией?

Вот так прошло наше совещание в Женеве. Мы вернулись оттуда, не добившись желаемых результатов. Но это будет не совсем точно. Все-таки результат имелся: мы как-то нарушили изоляцию, которая существовала раньше вокруг нас. Это выразилось хотя бы в том, что Англия пригласила нас в гости, и мы это приглашение приняли. По тому времени это являлось хоть каким-то прорывом фронта.

Когда закончились встречи и делегации стали разъезжаться (не помню сейчас, в каком порядке они отбывали из Женевы), мы заранее условились, что, возвращаясь на Родину, заедем в Берлин, где проведем консультации и сделаем совместное с правительством ГДР заявление. Так мы и поступили.

Прибыли мы в Берлин. Там нас встретили с большими почестями. Толпы народа вышли встречать нас и встречали очень хорошо. Я потом много раз бывал в Берлине, но мне особенно запомнилась та, первая встреча. Это, кажется, был мой первый визит туда в официальном положении. Я побывал в Берлине в 1945 г., после подписания Потсдамского соглашения, но тогда я ездил инкогнито, как частное лицо, желая познакомиться с городским хозяйством Берлина. А теперь мы официально представляли Советский Союз, поэтому встреча была организована довольно шумная и пышная.

Меня она поразила. Я-то думал, что после кровопролитной войны и взаимного истребления, которое война принесла немецкому народу и народам Советского Союза, вряд ли можно ожидать какой-то теплоты при встрече. Даже полагал, что могут быть какие-то проявления враждебности. Конечно, на некоторых лицах были заметны довольно кислые мины. Но таких людей встретилось немного. В большинстве своем люди, которые встречали нас, были настроены дружелюбно и вели себя довольно активно. Как я считал, это свидетельствовало о том, что немцы насытились войной и искренне хотят строить с нами дружеские отношения. Переговоры, которые мы имели с руководством ГДР, были хорошими, велись в должном духе. Принятые документы соответствовали пожеланиям обеих сторон. Эти документы были опубликованы.

Мы пошли на такой шаг для того, чтобы правильно сориентировать общественное мнение. Ведь декларация, подписанная четырьмя делегациями в Женеве, по некоторым пунктам давала возможность разного толкования. Мы толковали их по-своему, другая сторона — тоже по-своему. Только в результате такого компромисса мы вообще сумели подписать документ, ибо не хотели разъехаться безрезультатно. Но мы и не хотели, чтобы эти пункты толковались как наша уступка принципиального характера: сделали на этот счет публичное заявление в Женеве и повторили его в двустороннем заявлении, подписанном представителями СССР и ГДР.

Так закончился наш первый выезд в качестве руководителей Страны Советов за границу. Мы встретились с главами буржуазных правительств, себя показали и на них посмотрели. Я бы сказал, что здесь мы держали в какой-то степени экзамен, можем ли мы достойно представлять свою страну, не поддаваться запугиванию и не проявлять излишних надежд, а трезво подойти к оценке сложившейся обстановки. Говорю это к тому, что Сталин все время, до самой смерти, когда раздражался, повторял: «Вот умру, передуют вас, как куропаток, империалистические державы. Не сумеете вы отстоять Советское государство». Этим он нас всегда попрекал, а мы отмалчивались, потому что было бесполезно вступать с ним в спор. Да он и сам не требовал от нас каких-то контрзаявлений. Теперь же нам было интересно побывать за границей, встретиться с представителями буржуазных стран и прощупать их.

Нам это нужно было и потому, что мы считали, что Сталин не всегда трезво

подходил к оценке международного положения, преувеличивая роль наших Вооруженных Сил. Он считал, что мы, запугивая империалистов, тем самым сохраняем зыбкий мир. Он каждый час ждал новой войны, вокруг Москвы все время находилась наготове зенитная артиллерия. Сталин оценивал послевоенное международное положение неправильно, полагая, что империалистические державы нападут на Советский Союз, хотя на самом деле такой ситуации тогда не существовало. Видимо, он сам себя запугал возможностью нападения на СССР и считал, что после его смерти мы не сможем организовать оборону, что нас сомнут капиталистические державы.

Наша поездка в Женеву еще раз убедила нас в том, что никакой предвоенной ситуации в то время не существовало, а наши вероятные противники боялись нас так же, как мы их. Поэтому они тоже бряцали оружием, старались нажать на нас, пойти на выгодное для них соглашение. С другой стороны, они тоже знали границу, которую им не следует переступать, и вели себя осмотрительно, считаясь с нашим сопротивлением и видя, что путем силы, путем вымогательства они не смогут получить то, чего бы хотели. Они поняли, что надо строить отношения с нами на другой основе. Вот почему та поездка была полезной, хотя реально ничего нам не дала. Взаимное прощупывание при встречах тоже имело свои положительные результаты, хотя бы и в том смысле, что за рубежом увидели, что мы достойно представляем свою страну и готовы защищать завоевания революции, защищать соглашения, заключенные в результате разгрома Германии, так что вырвать то, чего они хотели, и поправить Потсдамское соглашение в пользу Запада им не удастся.

Визит в Великобританию

Много места занял у меня рассказ о поездке в Женеву на встречу лидеров четырех держав. Но это была для меня лишь подготовка к изложению моих впечатлений о поездке в Лондон. Мы должны были прибыть в Англию, как мы условились с ее правительством, в конце апреля 1956 года. Договорились, что прибудем к ним на военном корабле, на крейсере. Мы хотели прибыть на крейсере потому, что считали, что мы тогда попадем в какой-то портовый город и займем там как бы свою временную опорную базу. С другой стороны, из Портсмута, куда мы причалили, мы должны были ехать поездом до Лондона и таким образом больше увидим.

В состав делегации входили Булганин и я. Хотя Булганин в то время был Председателем Совета Министров СССР, я был включен в делегацию потому, что у меня лучше складывались отношения в ходе Женевской встречи с Иденом. Когда мы там беседовали, то он больше адресовался ко мне, я же отвечал ему от имени всей советской делегации на те вопросы, которые он ставил. Мы решили также включить в состав нашей делегации академика Курчатова. Это очень интересный человек, и не только как ученый. Как человек он был весьма приятным и остроумным собеседником. Через него мы хотели войти в контакт с учеными Великобритании и достигли этой цели. Он ездил в английские научные учреждения, и это шло на пользу установлению новых контактов.

Когда мы отправлялись, посольство Великобритании в Москве предложило нам захватить с собою британского военного атташе. Мы согласились. Правда, кое у кого появились возражения: мы поплывем на военном корабле, корабль был новый, военный атташе, безусловно, заинтересуется им и сможет открыть какие-то наши военно-технические секреты. Такое суждение, конечно, было глупостью, навеянной нравами сталинских времен. Итак, мы взяли его с собою. Этот военный атташе носил звание полковника. Очень симпатичный человек, сейчас не помню его фамилии. Держался он просто и хорошо. Когда мы находились уже в море, то в день моего рождения, 17 апреля, решили устроить небольшой торжественный обед. А обедали мы всегда всей делегацией. Решили пригласить на обед и военного атташе. За обедом, тем более в день рождения, естественно, имелась выпивка. А военный атташе, видимо, обладая вкусом, хорошо разбирался в спиртных напитках. Он основательно выпил, да так, что ему потом было уже не до осмотра корабля. Он еле добрался до своей каюты и проспал путевой день крепким сном.

Об этом я вспомнил позднее, когда беседовал с Иденом. Иден-то умеет шутить

и спрашивает меня: «Ну, как там, господин Хрущев, наш военный атташе? Как он себя вел на корабле?» Я отвечал: «Хорошо себя вел. Достоинно представлял Великобританию». «А как он шпионил? Все он осматрел?» «У, невозможный человек! В такие щели залезал, в которые невозможно пролезть насекомому. Всюду лазил и все увидел». Иден смеялся. Я не знаю, знал ли он о том, что атташе сильно опьянел. Может быть, тот сам доложил по начальству. У военных это бывает. Во всяком случае, Иден спросил меня о нем.

Встретили нас, когда мы прибыли в Портсмут, с положенными воинскими почестями. Мы прибыли на военном корабле, в таком случае положен салют. Сейчас же мы пересели с корабля на поезд и на нем отправились далее. Все это было для нас необыкновенным. Я, собственно говоря, впервые, если не считать поездки в Женеву, официально выехал за границу. Но в Женеву мы прилетели на самолете и оттуда улетели самолетом, а сюда мы прибыли на корабле, с корабля ехали поездом и больше увидели в пути. Когда мы ехали поездом, на меня произвели большое впечатление строения, которые мы видели в пути. Я обратил внимание на то, что это были в своем большинстве небольшие домики из красного кирпича. И в Лондоне, куда мы прибыли, я тоже видел такие. Конечно, не в центре города. Потом, когда мы ездили по Великобритании, нас везде «преследовали» эти типичные строения. Почему же мне в память врезались они? То были домики моего детства.

Я жил мальчишкой в Донбассе, где отец работал на шахте. Юзовский металлургический завод принадлежал англичанину Юзу. Все домики, которые строил Юз для технического персонала, квалифицированных рабочих и мастеров, были как раз такими, какие я увидел теперь в Великобритании. Когда я ходил на базар в Юзовку, то у нас бытовало такое выражение. «Как мы сегодня пойдем? Дорожкой вдоль английских красных домов?» Думаю, что и сейчас эти красные дома остались там и стоят на дороге из Юзовки (ныне Донецк) в Мариуполь. Как и в Великобритании, они заросли зеленым плющом. Летом видны были только окна, а все стены покрывала зелень плюща. Вот первое яркое впечатление, которое я приобрел после прибытия в Великобританию.

В Лондоне, на вокзале Ватерлоо, нас встретили Иден и другие члены британского кабинета. Уже не помню, кто именно. После обычной церемонии встречи мы отправились в свою резиденцию, которую нам отвели в гостинице. Гостиница была хорошая, услуги — замечательные. Все это было для нас внове. Ведь мы никогда так близко не общались ранее с иностранцами. Когда мы подъехали к гостинице, длинный хвост машин перед нами и за нами не поместился у подъезда и остановился на каком-то расстоянии от него. Поэтому мы вышли из машин и пошли к гостинице пешком. Лондонцы знали о нашем приезде из сообщений печати. Собрался народ, останавливались прохожие, появились, конечно, и мальчишки. Особый интерес проявили они к академику Курчатову: показывали на него пальцами, смеялись, прыгали, как это делают мальчишки всех стран и народов. Потом, когда мы пришли в гостиницу, Курчатов хохотал: «Смотрите-ка, какое впечатление произвела на них моя борода!» Действительно, все показывали на его бороду. Об этом даже в печати написали. Англичан я тоже встречал бородатых, но у него была особой формы борода, с проседью, не густая, но довольно представительная.

Начались беседы с правительством Великобритании. С нами вели переговоры в основном Иден, Ллойд и, кажется, Макмиллан. Собственно, эти беседы были переливанием из пустого в порожнее, потому что наши позиции были выявлены еще при встрече в Женеве, так что нового эти беседы ничего не вносили. Просто мы как бы перебрасывали шары, перекачивали их друг к другу. Главным образом, вопросы вращались вокруг того же: Германия в целом и ГДР, разоружение, мирное сосуществование. Эти вопросы очень важны. Но мы видели, что Запад не готов к их решению. Западные страны заигрывали с нами, чтобы несколько приласкать нас, мягко погладить, дабы расположить к себе и вынудить нас пойти на сговор. Сговор в том смысле, что следует договориться обо всем на их позициях. Мы, конечно, не могли пойти на это. Так что надежд на достижение какой-то договоренности не возникло.

Чем была интересна нам эта встреча? Происходила в ходе личного знакомства конкретизация политических позиций. Их тоже, видимо, это интересовало. Кроме того, Великобритания в то время больше других западных стран хотела иметь какую-то договоренность с СССР, чтобы исключить возможность военного столк-

новения. К тому же она стремилась не допустить проникновения нашего влияния и на Запад и, особенно, на Ближний Восток, прежде всего в Египет, Йемен, некоторые другие ближневосточные районы. И англичане подняли вопрос о том, что следует договориться, чтобы мы не продавали оружие африканским странам. Мы согласились с этим в принципе и сказали, что согласны подписать такой договор, но при условии, если англичане тоже дадут обязательство не продавать и не передавать оружия этим странам. Только при этом условии, на основе взаимности, мы могли найти какое-то решение. Если же англичане не могут дать таких заверений, то мы останемся при своем мнении и никаких обязательств на себя взять тоже не сможем.

Иден, как я уже говорил, — человек, весьма располагающий к себе. Своим тактом и мягкостью он приглашает собеседника к непринужденной беседе, к доверию. Мы особенно ценили Идена за его позицию перед войной, которую он занял, когда входил в правительство Болдуина. Он занимал тогда правильную позицию, мы это помнили, и это располагало нас к нему. Наступил воскресный день, и Иден пригласил нас на дачу. Я употребил русское название, а у них это — загородный дом премьера в Чеккерсе. Мне рассказывали тогда его историю: какой-то капиталист подарил правительству загородную виллу для премьер-министра Великобритании, и потом все премьеры, независимо от партийной принадлежности, пользовались этим домом.

Мы приняли приглашение. Иден заранее сказал, что на встрече за городом будут присутствовать некоторые члены его кабинета. Когда мы с Булганиным приехали туда, там уже были Иден с женой, Макмиллан, министр иностранных дел Ллойд и (забыл его фамилию) один очень влиятельный консерватор. Его прочили в будущем в премьер-министры или министры иностранных дел. Он действительно стал министром иностранных дел и в этом качестве приезжал позднее в Советский Союз. Мы располагали информацией, что этот человек негативно настроен к СССР, антикоммунист, и не только потому, что является членом консервативной партии. Даже среди консерваторов он был сверхконсерватором. Однако при наших встречах и беседах, которые мы там имели, он этого не показал, вообще внешне не проявлял своей агрессивности, хотя мы чувствовали, что он питает к нам неприязнь как к представителям Советского Союза.

Дом, который занимал Иден, выглядел непрезентабельно: это особняк из красного кирпича, очень старый, обветшалый и неприглядный. Забор тоже из красного кирпича, старый и закопченный. Одним словом, не очень-то привлекательное строение. Загородная резиденция находится не очень далеко от Лондона, но местность вокруг была красивая: луг, вдали лесок. Мы с Булганиным вдвоем перед обедом ходили гулять и далеко прошли по дорожке. Окружающая природа напоминает природу наших Орловской и Курской областей, и пейзаж такой же. Около дома посажено много цветов. Дома англичане отапливают каминами, а в каминах сжигают антрацитовый уголь. Поэтому дома внутри тоже припудрены копотью. Когда горит антрацит (а я знал по Донбассу, что в нем содержится изрядное количество серы), чувствуется неприятный запах, испытываешь некое удушье.

За обедом садилась за стол и хозяйка. Мы вели там беглую беседу, поднимая разные вопросы. Они спрашивали, а мы отвечали, потом мы задавали вопросы. Ничего особенно примечательного в этих беседах тоже не было. Посольство информировало нас, что жена Идена — это племянница Черчилля. Она, видимо, унаследовала некоторые качества своего предка в питейных делах, умеет выпить. Но я бы не сказал, что мы заметили, будто она злоупотребляет этим. Выпивали там все, а она в компании тоже не отказывалась.

Когда мы вели политические беседы, то основательно опирались на нашу боевую мощь. Мы к тому времени уже имели современную бомбардировочную авиацию. У нас были бомбардировщики Ту-16 и производились в большом количестве реактивные бомбардировщики Ил-28. Это очень хорошие самолеты фронтового действия. Вооружение наше, как мы считали, было хорошим. Пополнился у нас и флот. Мы построили несколько новых крейсеров и эсминцев, немало подводных лодок. Правда, по сравнению с Западом у нас их было недостаточное количество. Межконтинентальных ракет тогда мы еще вообще не имели, но ракет с радиусом действия 500—1000 км у нас было достаточное количество. Поэтому Англию мы могли как бы припугнуть, ведь мы ее доставали ракетами. Она находилась на рас-

стоянии, достигаемом для наших ракет, и мы ощутило давали понять, что располагаем средствами, которые могут нанести большой урон противнику, если он вздумает напасть на нас. Эти ракеты могли полететь не только на Великобританию, не говоря уже о Западной Германии и Франции, но и на другие европейские страны, которые входили в НАТО. Они тоже были под возможным ударом. Это, видимо, беспокоило собеседников.

Я рассказываю здесь это к тому, что за обедом к нам обратилась с вопросом жена Идена: «Какие у вас ракеты и далеко они могут летать?» Я ей ответил: «Да, далеко. Наши ракеты не только могут достать Британские острова, но и полетят дальше». Она прикусила язык. Это вышло с моей стороны несколько грубовато и могло быть расценено как некая угроза. Во всяком случае, мы-то преследовали и такую цель. Угрожать особенно не собирались, но хотели показать, что приехали не как просители, а что мы сильная страна. Следовательно, с нами надо договариваться, а ультиматум нам предъявлять нельзя, невозможно разговаривать с нами языком ультиматума.

Иден сказал, что наутро нас приглашают посетить высшие учебные заведения, кажется, в Кембридже не то в Оксфорде, а уж оттуда приехать в Чеккерс. С нами туда поехал Ллойд. Он заехал за нами. Курчатова там не было с нами, зато со мною и Булганиным туда поехал Громыко. В дороге Ллойд вел себя очень любезно, шутил. Мы сидели втроем в машине. Он обратился ко мне: «Ко мне прилетела и на ухо прошептала птичка, что вы продаете оружие Йемену». Я ему ответил: «Тут разные птички летают и разное шепчут. Ко мне тоже подлетела птичка и прошептала, что вы продаете оружие Египту, Ираку (а тогда в Ираке было реакционное правительство), всем вообще продаете оружие, кто только хочет купить его у вас. А если не хочет, то птичка шепчет, что вы его навязываете. Так что птички бывают разные». Он продолжал: «Верно, птички бывают разные, и нам они шепчут, и вам шепчут». Я сказал: «Вот пусть бы они нашептали, чтобы мы взяли взаимное обязательство никому не продавать оружия. Это было бы полезно для дела мира».

СССР действительно вел такие переговоры с Йеменом. Кажется, эти переговоры закончились тем, что мы согласились поставить ему некоторое количество оружия. Тогда к нам приезжал наследный принц королевства Йемен эль-Бадр, который позднее стал королем и воевал с республиканским правительством. Но ранее он представлял прогрессивную силу, потому что готовился отвоевать у англичан Аден, а мы были заинтересованы в том, чтобы Йемен стал полностью независимым государством. Английская разведка информировала правильно: птичка верно пошептала правительству Великобритании на ухо, что мы продаем Йемену оружие, это было правдой.

Итак, приехали мы в колледж, заведение для избранных учащихся, видимо, состоятельных студентов. Проректор водил нас по нему, показывая аудитории этого учебного заведения, большой двор. Зашли мы в какую-то дверь и увидели вдруг размалеванный портрет этого самого проректора. Он глянул лишь и сказал довольно спокойно: «Студенты любят посмеяться над нашим братом», — и прошел мимо, а потом рассказывал о всяческих студенческих проделках, которые там себе позволяют; ничего не поделаешь, молодежь, как молодежь, от нее всего можно ожидать. Студенты же проявляли к нам некоторый интерес, но, я бы сказал, вялый. Публика это была не пролетарская, там воспитывали людей консервативного склада и для правительственных ведомств. Поэтому на какое-то ее понимание или сочувствие мы не могли рассчитывать.

Из этого учебного заведения мы поехали в Чеккерс. Я уже описывал, как провели мы обед. Иден пригласил нас заночевать, и мы переночевали в Чеккерсе, но все другие, кроме Идена, уехали оттуда. Внутреннее расположение комнат было таким: два этажа с консолями, внизу бильярдная, столовая, различные службы, наверху спальни. Нам показали, где разместится Булганин и где буду я. Нас с ним разместили по углам дома. Я плохо сориентировался, наутро поднялся рано, весь дом еще спал, делать мне было нечего, я оделся и решил пойти к Булганину, но спутал расположение комнат и подошел к какой-то двери, думая, что это дверь в его комнату. Постучал. Надо же представить мой страх и удивление, когда в ответ раздался женский голос. Я буквально убежал и только тут понял, что мне надо было пройти немного дальше. Кто мне ответил, я так и не узнал. Думаю, что был голос жены Идена. Я никому ничего не сказал, хотя подумал, что она предположила, что

это стучал кто-то из нас: я или Булганин. Я, правда, все рассказал Булганину, мы посмеялись, но решили не объяснять хозяевам, кто же постучал в дверь комнаты госпожи Иден.

Было условлено, что на следующий день мы поедем с визитом к королеве Елизавете. Расстояние было близким. Мы быстро собрались, а собираться нам было легко, и заранее предупредили, что никаких особых одежд, положенных по такому случаю, мы не имеем и не станем их приобретать. Если угодно королеве принять нас, то в таком костюме, в каком мы беседуем и с вами; если же нет, то это ее дело. У нас существовало предвзятое отношение к подобным церемониям, и мы не хотели облачаться, как это было положено, во фрак, цилиндр и прочие атрибуты, которые принято надевать в таких случаях на Западе.

Как-то Микоян поехал в качестве нашего представителя в Пакистан, а потом мы видели киножурнал, где был снят его прием. Там мы увидели Анастаса Ивановича в хвостатом фраке, цилиндре и долго смеялись над ним. Он отшучивался. Среди нас Анастас Иванович выделялся тем, что ему как старому «европейцу» не чужда этикетная форма, которая положена дипломатам, когда они посещают особо важных персон за границей.

Когда мы приехали в королевский дворец, там было очень много народа. То были экскурсанты. На улице тепло, апрель — лучшее время года в Англии, как нам разъяснил Иден, идет мало дождей, все в зелени, прекрасная пора. Публика осматривала достопримечательности дворца, а там было на что посмотреть. Когда мы вошли во дворец, навстречу нам вышла королева с мужем и двумя детьми. Мы представились. Одета она была очень просто, в неяркой расцветки платье. В Москве на улице Горького можно встретить летом молодую женщину в таком же одеянии, в каком к нам вышла королева. Она представила нам своего мужа, потом повела нас по дворцу и стала знакомить с его достопримечательностями. Оказалась в роли экскурсовода. Мы походили там немного, а она все показывала, потом пригласила нас на стакан чаю. Зашли в какой-то зал, нас пригласили к столу.

Мы сидели, беседовали о том, о сем, как получается всегда, когда нет конкретной темы для разговора. Ее супруг проявил интерес к Ленинграду: «Говорят, это очень интересный город». Мы согласились, сказав, что вообще гордимся этим городом. Он добавил, что никогда в нем не был, но мечтает побывать. Мы ответили, что в современных условиях эта мечта легко может быть претворена в жизнь: достаточно выразить желание, и Вы получите от нас соответствующее приглашение. Приглашение будет таким, какого Вы захотите: или на правительственном уровне, или от военного командования. Вы сможете познакомиться и с Ленинградом, и с Балтийским флотом, вообще со всем, что Вас будет интересовать. Он поблагодарил нас и сказал, что воспользуется нашей любезностью, если ему представится такая возможность. На этом наша беседа закончилась. Правда, королева проявила еще интерес к нашему новому самолету.

Тогда начались первые полеты самолета Ту-104. Этот самолет прилетал в Лондон, привозил нам свежую почту. Конечно, мы организовали это умышленно, чтобы показать англичанам, что имеем хороший пассажирский самолет с реактивными двигателями. Это был первый в мире реактивный пассажирский самолет, и мы хотели, чтобы там на него посмотрели, хотя бы в воздухе. Оказывается, наш самолет заходил на посадку как раз неподалеку от королевского дворца. Королева сказала: «Я видела ваш самолет, замечательный самолет, он несколько раз пролетал тут мимо». Мы стали рассказывать ей про самолет, какой он хороший, современный, лучший в мире, а другие страны пока такого самолета не имеют. Потом поблагодарили королеву, попрощались и вернулись к Идену, а там продолжали прежние беседы.

Не помню, приезжали ли туда именно в тот день члены кабинета, которые присутствовали еще при первой беседе. Мы рассказали Идену, как нас приняла королева. Совпало с тем, о чем он нас предупреждал: что она простая женщина, умная и хорошо себя держит. «Вам будет приятно с ней встретиться», — говорил он. Так оно и оказалось. Я сказал бы, что она не проявила никакой королевской чопорности, когда встретилась с нами. Ее внешность, ее поведение не требовали от нас, чтобы мы «трепетали», как это бывает в романах, когда описывают встречи с королевами. Елизавета II — обычная женщина, жена своего мужа и мать своих детей. Такой она представилась нам, и такое у нас осталось впечатление. Голос у

нее мягкий, спокойный, не претендующий ни на что особенное. Вопросы она ставила такие же, которые задает при встрече с советскими людьми любая иностранка.

Между прочим, мне запомнился разговор о королеве с какой-то англичанкой, случившийся тогда же, когда мы находились в Англии. Она спросила: «Вы встречались с королевой Елизаветой?» «Да, встречались». «Ну, и как она вам понравилась?» Мы сообщили о своем впечатлении. И тут англичанка добавила печальным голосом: «Жалко мне ее, несчастная женщина». «Почему вы ее жалеете?» «Ну, знаете, молодая женщина хотела бы пожить, как требуется в ее возрасте. А она как королева лишена обычных радостей, живет под стеклянным колпаком, всегда находится под взглядами людей. Это очень тяжелая жизнь и тяжелые обязанности. Поэтому я ей сочувствую». Мне понравилось, как эта женщина по-человечески подошла к оценке своей королевы. Да, прав был Некрасов, когда писал в поэме «Кому на Руси жить хорошо», перебирая всех тех, с кем встречались его ходоки: и попу по-своему плохо, и царю нелегко. Вот и Елизавете II, оказывается, жилось нелегко.

Когда составлялась программа нашего пребывания в Великобритании, Иден предложил нам встретиться с первым лордом Адмиралтейства. «Там, — сказал он, — будут военные, но главным образом моряки». Он нас с ними предварительно познакомил. Приглашал нас морской министр, первый лорд Адмиралтейства. Главкомандующий военно-морскими силами адмирал Маунтбэттен от встречи с нами всячески уклонялся. Он состоял в каком-то родстве с российской царской фамилией и считал нас (а ведь это правильно) наследниками тех большевиков, которые убили его родственников на Урале в 1918 году. Условились, когда встреча состоится. Пришел назначенный день, и мы с Булганиным поехали туда.

Я все время говорю «с Булганиным», потому что главой правительства был Булганин, я же являлся членом делегации. Но так уж сложилось, без каких-либо моих поползновений, что вести все переговоры и давать ответы на вопросы, которые задавались английской стороной, приходилось главным образом мне. Пожалуй, даже исключительно мне. И не потому, что я хотел этого. Нет, я понимал свое положение и стремился к тому, чтобы на вопросы, как и положено, отвечал глава правительства. Однако Булганин сам сказал мне, что хотел бы, чтобы отвечал я. Имели место случаи, когда задавался вопрос, а я поворачивал голову к Булганину, показывая, что ожидаю его ответа. Он тут же сам обращался ко мне: «Отвечай ты!» И я отвечал.

Чтобы не возникло какого-либо неудобства и чтобы не дать повода английской стороне для каких-либо домыслов, я отвечал после паузы, которую всегда делал, чтобы Булганин имел возможность, если захочет, ответить, включиться в разговор. Как правило, он меня толкал в бок, показывал глазами или прямо говорил: «Ответит Хрущев». Хочу, чтобы меня правильно поняли. У меня даже произошел на эту тему неприятный разговор, когда мы вернулись. О всех беседах, которые состоялись, потом составлялся отчет, и мы посылали его в Москву, на протяжении всего моего пребывания в Англии аккуратно информируя Президиум ЦК КПСС о ходе нашего пребывания там, о беседах, о вопросах, которые ставились, и о том, как мы на них отвечали. Поэтому наше руководство видело из отчетов, что главным образом даю ответы я. И мне было неприятно, что, когда мы приехали, Молотов спросил: «Почему все время отвечал ты?» Я почувствовал какое-то его недовольство тем, что, мол, я подавлял главу правительства и делегации. Пришлось сказать: «Товарищи, прошу выяснить у самого Булганина, почему так получилось. Не мог же я входить в препирательства с ним, когда надо было отвечать, а Булганин мне заявляет: «Ты отвечай!» Что я мог ему заявить: нет, по положению ты должен отвечать? Выглядело бы глупо перед иностранцами показать себя в таком виде. Булганин сам уступал свою роль мне без всяких моих поползновений к тому».

Не буду сейчас играть в скромность. Ведь потом выяснилось, что Булганин, правильно понимая свои возможности, на ряд вопросов не смог бы ответить так, как нужно было. Он человек обтекаемый. Это ярко проявилось, в частности, когда лейбористы устроили обед в нашу честь. Там он сам отвечал на вопросы, которые ставили лейбористы, и отвечал по-обывательски. И мне пришлось вмешаться и высказать свою точку зрения. У нас возникло политическое обострение, и мы про-

сто ушли с этого обеда, полностью разругавшись с лейбористским руководством. Это — лирическое отступление, но я считаю, что об этом необходимо сказать.

Итак, поехали мы на прием к морякам. Там собралось много народа в большом зале с длинным столом. Зал несколько мрачный, как это принято у англичан, с приглушенным светом. Полумрак. Выпивали, держали речи. Не помню, о чем там говорили англичане. Главным образом, выступал один и тот же адмирал, нам надо было отвечать. Булганин опять сказал: «Выступай ты». И я выступил. Это была как бы вольная встреча, с вольным выступлением. Я избрал такую тему, чтобы шире обрисовать нашу страну и ее возможности, то есть пойти, грубо говоря, в наступление на англичан. Поставил перед ними такой вопрос:

«Господа, вы представляете Великобританию. Ваша страна владычица морей, но в прошлом. Сейчас нужно реально смотреть на вещи. Все изменилось, другая техника, иное положение морского флота. Раньше он был плавающей артиллерией, и она наводила страх, прокладывая путь морской пехоте. Сейчас, когда имеются самолеты-ракетоносцы и ракеты, которые можно запускать на цель на большом расстоянии, недостижимом для артиллерии кораблей, сложилось новое положение. Можно сказать, что сейчас линкоры и крейсера — это плавающие гробы, они морально устарели. Вот мы прибыли к вам на крейсере. Это современный крейсер, хороший корабль, я слышал такую его оценку от ваших специалистов. Хотя они высоко оценили наш крейсер, мы можем его продать, потому что он устарел, и его вооружение тоже устарело. В будущей войне не крейсера будут решать главные военные вопросы, и даже не бомбардировочная авиация. Она тоже стареет, хотя еще не устарела так, как морской флот, но тоже стареет. Теперь выходит на арену как главное оружие на море подводный флот, а в воздухе — ракеты, которые наносят удар по целям на большом расстоянии, а в будущем — на неограниченном расстоянии».

Ставились различные вопросы, давались ответы, но разговор вращался в основном все время вокруг вопроса о флоте. Мы хотели подчеркнуть падение военных возможностей в отношении воздействия на нас со стороны британского флота и прямо об этом сказали их морякам. Это не были какие-то агрессивные речи с угрозами, все говорилось как бы со смешком. Они тоже подшучивали, иронизировали. Сейчас уже не помню, как это преподносилось, но в целом беседа была довольно откровенная и непринужденная, никого ни к чему не обязывающая. То были не переговоры, а обмен мнениями за столом, за бокалом виски. Говорили о современном положении в мире, о будущих войнах, о том, какое оружие займет какое положение.

Морской лорд, наш хозяин, оказался человеком, понимающим шутки, и я не чувствовал, что наши высказывания о морском флоте его как-то покоробили и что он был ими недоволен. Если бы мы это почувствовали, то сразу бы прекратили такой разговор, ибо совершенно не хотели создавать неприятного положения для хозяина, который нас принимал. Расстались мы по-дружески. А на завтра опять встретились с Иденом. Иден, как всегда, с улыбкой говорит: «Как вам наши моряки? Какое они произвели на вас впечатление?» Я отвечаю: «У вас хорошие моряки, они известны всему миру». «А как прошла беседа?» И, улыбаясь, смотрит на меня. «О беседе, я вижу, вы все уже знаете, раз улыбаетесь». «Да, — отвечает он, — я знаю. Мне докладывали о ваших высказываниях». «И как вы их расцениваете?» «Я с вами согласен. Но как премьер-министр не могу говорить об этом со своими военными. У нас-то нет реально другого вооружения, кроме надводного флота и бомбардировщиков. Это наше основное средство ведения войны. Я не могу убивать в них веру в наше оружие». «Да, я вас понимаю, но мы честно изложили свою точку зрения».

Потом мое выступление нашло большой отклик в мировой печати. Особенно остро реагировали США на точку зрения, которая была высказана мною на этом обеде в Гринвичском военно-морском колледже. Они стали опровергать меня: нет, военно-морской флот не отжил и все еще является грозной силой в современной войне, как и бомбардировщики. Спустя какое-то количество лет не только в ходе бесед, но и в печати американские журналисты признали, что бомбардировщики отживают свой век, а главное оружие сейчас — ракеты. И если мы, американцы, раньше занимали другую позицию, споря с Хрущевым, и отстаивали свою точку зрения, то это вызывалось повседневной необходимостью, поскольку у русских

ракеты появились раньше, чем в США, чья оборона тогда базировалась на военно-морском флоте и бомбардировочной авиации.

Это верно. Я тоже понимал, что они не могли согласиться с нами, ведь их военные базы, которые окружали Советский Союз, были насыщены бомбардировочной авиацией, а ракетных войск у них еще не имелось. У нас их тоже было еще мало, но все же они были. Своими ракетами мы могли довольно основательно расправиться с близлежащими вероятными противниками, если бы нам навязали войну. Правда, США для нас были тогда почти недосыгаемы, потому что межконтинентальные ракеты у нас только появлялись. Речь идет о ракете «Восток», хотя она, по сути дела, не военное оружие, а средство для полетов в космос, для исследовательских полетов. Тут она показала себя, хотя и для военных целей мы приготовили несколько штук. Позднее, когда появились другие ракеты, мы от нее отказались, она уже не годилась. Для обороны мы создали другие ракеты и в нужном количестве, а теперь их имеем не только в нужном, а даже в сверхнужном количестве, которое показало и свои отрицательные стороны, потому что зря высасывает деньги из бюджета и истощает наши финансовые возможности. Но это уже другой вопрос.

Согласно утвержденной программе, мы разъезжали по Англии. Первым делом отправились в Бирмингэм, крупный промышленный центр. Нас там встретили тоже любезно. По этому городу мы ездили с мэром, он возил нас на своей машине марки «роллс-ройс». Эта машина еще и сейчас считается наилучшей. Ее не производят на поток: англичане ее выпускают и продают только по заказу. Роскошная машина, много стекла, с прекрасным обзором. Когда мы ехали, я спросил: «Господин мэр, много ли таких правительственных машин в вашем городе?» Он ответил: «Только у меня, больше ни у кого нет». «Почему?» «О, это очень дорогая машина. Было бы расточительно, если бы и другие стали обзаводиться ими. Поэтому из официальных лиц здесь только я имею ее. Частные лица тоже имеют «роллс-ройсы» лишь в ограниченном количестве».

Программа пребывания в Англии была довольно насыщенной. Нас загрузили до невозможности, и мы с раннего утра до позднего вечера мотались по стране на автомашинах или на самолете. Это нас затрудняло, и я стал выражать недовольство. Нам надо было еще съездить в какой-то английский город, а потом мы должны были отправиться в Шотландию. И при очередной встрече с Иденом я сказал: «Господин Иден, меня уже ноги не держат, я не могу так дальше. Вы нас эксплуатируете, и я устал и никуда больше не поеду. На завтра я объявляю забастовку и останусь в Лондоне, в гостинице». Он смеется: «Господин Хрущев, я Вас прошу, просто умоляю, давайте условимся так, Вы можете никуда не ездить, но в Шотландию, очень прошу Вас, Вам надо поехать. Вы знаете, что такое Шотландия? Если Вы не поедете туда, то Шотландия поднимет бунт и выйдет из состава Содружества. Это же шотландцы! Вы не знаете, какие они националисты, они мне покоя не дадут. Я прошу Вас!» Мы с Булганиным переглянулись (а он тоже был такого мнения, что не стоит больше ездить) и сказали: «Ну, хорошо, поедем в Шотландию».

Полетели мы туда. Нам интересно было посмотреть на нее, но это получился мимолетный кавалерийский наскок. И в результате очень мало у нас осталось впечатлений, тем более что англичане все предусмотрели: никакого контакта с народом, встреча только с теми, с кем надо, то есть с теми, кто должен встречать и провожать. Больше никого. По улицам мы не ходили, посещения предприятий предусмотрено тоже не было. Таким образом, мы там побывали, но людей наблюдали только из автомашины. Да и то лишь тех, кто ходил по улице. Больше никаких встреч у нас не состоялось, кроме официальных, предусмотренных протоколом.

Прилетели в Эдинбург. Нас предупредили, что в Шотландии всегда идет дождь. Действительно, Шотландия встретила нас мелким, морозящим дождем. В нашу честь был выстроен почетный караул, промаршировал со своей музыкой. И шотландская музыка, и шотландская военная форма крайне оригинальны. До того я практически не видел шотландцев в их клетчатых юбочках, беретах и с волынками. Раньше я лишь однажды видел их и слышал их музыку: в 1946 г., когда ездил в Берлин, а потом в Вену. В Вене я и видел, как шагала какая-то шотландская воинская часть в своих национальных одеяниях и с шотландскими музыкальными инструментами. Но там я наблюдал их буквально несколько мгновений. А теперь нас усадили

под брезент, войска маршировали мимо нас, и мы могли наблюдать их с близкого расстояния.

Потом в Эдинбургском королевском замке был дан обед в нашу честь. Нам сказали, что обед — от имени королевы Елизаветы, потому что она королева не только Великобритании, но и Шотландии. Принимал нас как бы ее наместник, он-то и устраивал обед от имени королевы. Были расставлены маленькие столики, нас посадили порознь, я оказался вместе с какими-то шотландцами. Булганина тоже посадили за отдельный стол, так что с их стороны обедали с нами разные люди. Это было правильно, так можно больше охватить и не мешать друг другу в ходе беседы. А может быть, они преследовали другие цели? Больше будет с нашей стороны всяких высказываний, больше можно будет из нас выудить. Впрочем, не думаю, что там преследовались какие-то цели такого характера. Ведь в подобных случаях обычно ничего, кроме текущих разговоров, которые ничего не дают ни той, ни другой стороне, не случается. Иное дело, когда налицо хорошие отношения. Тогда происходят и деловые разговоры. А у нас тогда возникли лишь первые контакты. Каждая сторона прощупывала другую. Поэтому ожидать, что кто-то что-то скажет, тем более за официальным обедом, да еще в Шотландии, было невероятно.

Помещение, где состоялся обед, это, как нам объяснили, дворец королевы Шотландии Марии Стюарт. Нам показали слепок с ее головы. Шотландцы очень почтительно высказывались об этой королеве, о своем прошлом в ее время. Они, видимо, весьма чтят и свое прошлое, и достоинства королевы Марии Стюарт. Показали нам местную крепость. В ней расположен музей, и нам продемонстрировали исторические реликвии Шотландии.

Когда мы собирались ехать в Англию, то условились, что я возьму с собой моего сына Сергея. Он тогда был еще студентом. Мне он рассказывал, что там его тоже усадили за отдельный столик, а с ним сидели пожилая переводчица и еще одна англичанка. Переводчица внушала ему, что рядом сидит принцесса, но видела, что ее слова никакого особого впечатления на него не производят, и вновь начинала акцентировать разговор на том, что это не простой человек, что с вами за одним столом обедает принцесса! Сын, рассказывая мне об этом, смеялся: «Так я и не проникся каким-то особым чувством, что за одним столом со мной находится не обыкновенный человек, а принцесса». Видимо, переводчица говорила это ему с определенной интонацией в голосе, отдавая должное уважение и высказывая преклонение перед той принцессой. Такие традиции еще существуют в Англии, и я думаю, что это было не какое-то заготовленное театральное представление. Действительно, та женщина была ошарашена, что она, простая переводчица, сидит за одним столом с принцессой, а молодой человек из России ничего не понимает и на него слово «принцесса» не производит никакого впечатления.

В нашей программе было предусмотрено посещение крупного атомного научного центра в Харуэлле. Нас принимал там один из ведущих атомщиков Великобритании, сейчас забыл его фамилию. Потом он приезжал к нам и был гостем Курчатова. Курчатову было очень интересно заглянуть к нему. Они друг о друге знали, но личного контакта у них, по-моему, прежде не было. Показали нам все учреждение, показали и лаборатории. Об их работе рассказывал именно этот ученый, тема рассказа была очень сложной, интересной в деталях лишь для Курчатова, хотя для него вряд ли имелось что-то новое в том, о чем рассказал их ученый. Интерес заключался в другом: установить контакты. Надо подойти к этому событию с позиций того времени. Мы поехали за границу, взяли с собой ученого-атомщика, прибыли в научный центр, осмотрели его. Это значит, что мы должны ответить взаимностью, пригласить к нам английского ученого и показать ему наши атомные центры. Для нас это был тогда почти непреодолимый шаг: сколько десятилетий мы воспитывались в том духе, что империалисты — наши враги, все они подсматривают, подглядывают, а сами ничего не показывают. Вот они глянут, все увидят, узнают, да еще наших людей завербуют и внедрятся к нам!

Конечно, в этом много правильного. Но доводить дело до абсурда, запугать самих себя и абсолютно потерять веру в свой народ, который борется за построение коммунизма, имеет свое самолюбие, свою национальную гордость и собственное достоинство, недопустимо. Сталин же в это не верил. У него была лишь вера полицейского характера: держать и не пущать, ты никуда ни шагу, и к тебе никто. Поэтому считалось, что обмен опытом — воровство. Правда, воруют все. Другие

страны тоже воруют, если не могут купить лицензию и предоставляется возможность украсть. Я говорю не в порядке осуждения такого метода контактов. Но лучше поддерживать контакты на основе обмена лицензиями. Это проще и полезнее воровства. Иной раз, когда покупают ворованное, то не всегда приобретают то, что нужно. Подчас вор бывает довольно условным и продает секреты по заданию своей разведки.

Знаю случай, когда Гречко еще командовал нашими войсками в Восточной Германии, мы купили в Западной Германии американскую ракету. Когда ее привезли и дали нашим ученым на исследование, то оказалось, что налицо самая настоящая липа. Американец, с которым мы поддерживали контакт, был разведчиком и разгадал нашего человека, понял, что перед ним агент, и подсунил ему «ракету».

Иден, устраивая нам обед в его резиденции на Даунинг-стрит, заранее предупредил, что на обеде будет Черчилль. Там присутствовало ограниченное число лиц: Иден, Черчилль, Макмиллан, Ллойд и тот консерватор, фамилию которого я забыл и о котором нам все время говорили, что он настроен крайне антисоветски. Мы с ним вновь встречались, когда он приезжал в Советский Союз. Этот человек оказался ничем не хуже других консерваторов, а относился к нам соответственно своим убеждениям, своим взглядам на коммунизм и Советскую страну. Не хуже, да и не лучше других. Сейчас он умер, но тогда он был надеждой консерваторов. Считалось, что он может стать в дальнейшем премьером.

Зашли мы в кабинет Идена, небольшой зал. На стене я увидел портрет царя Николая II. Я пристально глядел на него, и все, конечно, заметили, что я обратил внимание на портрет. Говорю: «Удивительное сходство с нашим бывшим царем Николаем II». Иден ответил мне, что это один из английских королей, двоюродный брат Николая, поэтому они очень похожи друг на друга. Больше я не стал проявлять любопытства, ведь это могло быть им неприятно, потому что его двоюродный брат был убит в Екатеринбурге. Они тоже не возвращались к этому разговору.

Рассадили нас по положенным местам за обеденным столом. Я оказался рядом с Черчиллем. Он был уже стар. Рядом со мной сидел грузный дряхлый старик. Мы перебрасывались отдельными, ничего не значащими фразами, ели. Нам подали устриц, и он спросил меня: «Вы когда-нибудь ели устриц?» «Нет, господин Черчилль». «Вы последите, как я буду их есть. Я их очень люблю». «Хорошо, буду учиться». Начал он есть устриц, а я за ним проделывал все, что видел, использовал лимон. Он проглотил своих устриц, я тоже. И он спросил: «Как понравилось?» «Совсем не понравилось». «Ну, это без привычки». «Понимаю, что без привычки, но не понравилось». Других разговоров с Черчиллем у меня не было, если не считать того, что он затронул вопрос о Сталине. О нем он отозвался хорошо: «Я с уважением относился к господину Сталину во время войны».

Говорил он и о процессах в нашей стране в связи с осуждением культа личности. Сказал, что мы смелые люди, если решились на такой шаг. «Это большая ломка в сознании людей, а люди обычно очень консервативны. Чтобы не обжечься, все это надо проводить очень осторожно и постепенно, а не вдруг». Я согласился с ним. Видимо, Черчилль так осторожно вел себя с нами потому, что не хотел создавать видимость, что он продолжает руководить правительством и вмешиваться в его дела. Раз Иден премьер-министр, то все деловые вопросы должны обсуждаться с ним. Второй раз я встретил Черчилля в парламенте. Не встретил, а увидел его. В программе нашего пребывания значилось, что мы будем присутствовать на заседании парламента в качестве гостей. На хоры, где поставлены скамьи для публики, могут заходить все желающие, не мешая работе парламента. К нам был прикреплен молодой по возрасту консерватор, очень хорошо говоривший по-русски. Он демонстрировал нам свое глубокое знание русского языка, хорошо выражаясь словами ломовых извозчиков. При этом довольно хорошо выговаривал наши слова, и у него имелся довольно большой набор выражений такого характера. Этим он, видимо, демонстрировал нам и знание русского языка, и свою простоту. Мы же ему никаких замечаний, конечно, не сделали.

Он привел нас в парламент, мы сели на скамью и наблюдали, как ведутся прения. Не помню сейчас, какой затрагивался вопрос. Черчилля не было сначала на том заседании, только потом он появился. Наш сопровождающий, который выполнял роль гида, сказал: «Смотрите, вон Черчилль». В парламенте у каждого имеется определенное место, и Черчилль уселся на свое место. Гид предупредил: «Он не

более пяти — десяти минут сможет так просидеть, а потом сейчас же уснет». Действительно, Черчилль вскоре откинул голову на бок, и видно было, как он спокойно спал на заседании парламента.

Наш крейсер стоял в Портсмуте. Мы сказали командиру крейсера, чтобы он лучше организовал охрану и делал все, что положено в таких случаях. Вдруг нам докладывают, что какой-то человек появился из-под воды у борта крейсера. Когда наши матросы его заметили, он скрылся под воду, и больше его не видели. Мы заявили нашим хозяевам, что наши матросы наблюдали такое явление, и спросили, как это надо понимать. Не помню, какое было дано объяснение. Но мы не придали значения этому случаю, хотя не исключали, что пловцы могут прикрепить к крейсеру магнитные мины, а это может дорого нам обойтись. Так объяснили событие наши люди, которые занимались военными делами. Поэтому мы подумали о возвращении домой самолетом. Но Ту-104 только еще проходил испытания и был небезопасен, а лететь на Ил-14 после фурора, который произвел Ту-104, нам казалось неприличным.

Я не верил в возможность какой-либо провокации. Взорвать крейсер с главой чужого правительства — это ведь война! Англичане никогда такого не допустят. И мы решили возвращаться домой на крейсере. В печати много сообщали об этом случае. Оказывается, это был какой-то особый их разведчик-водолаз в звании, кажется, майора. Он погиб, и в печати много писали о том, что мы его, видимо, захватили в плен и увезли в Москву. Потом было объявлено, что обнаружили его труп. Мы так точно и не знаем, кто там был. Но что это был разведчик, у нас не имелось сомнений. Его появление наша разведка объясняла тем, что англичан, возможно, интересовали винты крейсера и формы некоторых деталей корпуса корабля, которые определяют его скорость. Мы не придали особого значения этому инциденту, хотя и говорили о том, что они нас позвали в гости, а сами шарят по карманам. Да, разведка занималась своим делом. Их интересовало, что представляет собой наш корабль, и они не удовлетворились тем, что увидел военный атташе, который находился на корабле. Его действий мы не ограничивали, и он мог ходить, куда хотел. Кое-куда он ходил, но проявлял немного интереса: видимо, не желал, чтобы мы заподозрили, что он занимается шпионажем.

В Англии перелетали мы из города в город на английском самолете. У них имелся четырехмоторный самолет фирмы «Бристоль», типа нашего будущего Ил-18. Тогда у нас Ил-18 еще не было, а летали двухмоторные самолеты, хорошие, с турбовинтовыми двигателями. Их самолет по тому времени был более современным, и я с Булганиным обменивался мнениями: не прощупать ли англичан, не продадут ли они нам такой самолет? Мы в ходе разговоров забрасывали такую «удочку», но нам ответили, как обычно отвечают в таких случаях, что надо вести переговоры с фирмой. Мы поручили установить контакт с фирмой и провести переговоры, но это ни к чему не привело. Видимо, фирма «Бристоль» продала бы нам такие самолеты, если бы была уверена, что мы купим не пару штук, а целую серию и поставим их у себя на авиалинию. Однако они знали, что мы купим лишь один или два самолета как образцы, потому что Антонов и Ильюшин уже строили к тому времени свои похожие самолеты. Таким образом, перспективы для фирмы, что она может получить серьезного покупателя, не существовало. А продать самолет как образец фирма, безусловно, не хотела, чтобы не выдать своих секретов.

Во время нашего пребывания в Лондоне с нами установили контакт и лейбористы. Тогда их возглавлял Гейтскелл, человек довольно консервативный, антисоветских настроений и озлобленный. Левое крыло лейбористской партии тогда возглавлял Бивен. Его я хорошо знал. Я с ним потом встречался в Москве. Он действительно выделялся среди лейбористов, разыгрывал из себя левого, и его речи по содержанию отличались от обычных: он критиковал лейбористскую партию, причем резко. Сам он был весь седой, хотя еще не старый, так что седина у него какая-то не возрастная. Он познакомил нас со своей женой, тоже седой, хотя и не старой женщиной, и тоже активным политическим деятелем лейбористской партии.

Бивен производил на нас очень хорошее впечатление. Потом, после смерти Гейтскелла, он возглавлял лейбористскую партию. Как лидер, несмотря на свои заявления, он вовсе не проводил политики, чем-то отличающейся от политики Гейтскелла. Этому у него не получилось. Такова английская оппозиция: критикует

тех, кто стоит у власти, а внутри партии критикует лидеров, но лишь пока критик не возглавит партию. Так случилось и с Бивеном. Позднее к руководству лейбористской партией пришел Вильсон. Он тоже считался нашим другом и стоял в оппозиции к руководству. Он часто заявлял, что если бы был у власти, то совсем по другому курсу повел бы английскую политику. И вот теперь сколько уж лет он у власти, а курс все тот же, который проводили консерваторы, а также Гейтскелл и Бивен.

Лейбористы предложили нам встретиться и поужинать (или, как у них называется, пообедать вечером). По нашему, русскому, обычаю, это уже ужин. Мы согласились, хотя ничего путного не ожидали от них. Они были даже более озлоблены против нас, чем консерваторы. Собрались мы в парламенте. Там у них есть что-то вроде ресторана, какой-то харчевни, большой такой зал. Там-то они и предложили устроить встречу. На этой встрече были Гейтскелл, Браун, другие лидеры лейбористской партии. Браун тогда претендовал на лидерство и иной раз пытался задавать тон всей партии. Он относился к нам очень враждебно. Расселись мы по местам. Уже стояли бокалы с неизменным английским виски. Гейтскелл предложил тост за здоровье королевы. Оказывается, у них не бывает ни одного общественного обеда, чтобы не выпить за королеву. Не знаю, как поступают у них коммунисты. Думаю, что не пьют. Ну, что же, за королеву, так за королеву! Мы поддержали их и выпили за ее здоровье. Потом выпили соответственно за нашу делегацию, за наше и за их здоровье. Начался разговор. У меня сейчас выветрились из головы его подробности, но напряжение было очень большим.

Если сравнить с тем, как мы встречались с консерваторами, то там не было такого напряжения. Видимо, это объяснялось тем, что мы находились на слишком противоположных полюсах: консерваторы представляли крупный капитал, а мы — рабочий класс и Коммунистическую партию. Значит, у нас могли быть контакты только на деловой государственной взаимовыгодной основе, и они к нам никаких других претензий не могли предъявить. И мы, конечно, никаких особых надежд не питали. Иное дело, когда мы встретились с лейбористами. Они-то считают, что у них рабочая партия; что они защищают интересы рабочего класса. Мы, конечно, за ними этого не признавали и не признаем. Поэтому сразу возникла напряженность. Гейтскелл, правда, еще проявлял какую-то тактичность. Причиной же конфликта послужило следующее.

Они заранее сговорились, и во время своего выступления Гейтскелл, вытащив какую-то бумагу, сказал, что тут список социал-демократов, которые арестованы и сидят в тюрьмах в Польше, Чехословакии, других странах Восточной Европы. Он попросил нас посодействовать тому, чтобы их выпустили на свободу. Булганин вначале хотел было взять у него список и стал говорить, что мы изучим этот вопрос. Но тут я подтолкнул его и шепнул, что его втягивают в провокацию. Ведь мы не могли обсуждать такой вопрос даже по соображениям формы. Получится вмешательство в дела других государств. Так мы им и ответили и взамен посоветовали обратиться к правительствам соответствующих стран.

Тут вдруг вмешался Браун. Он начал задавать провокационные вопросы, которыми вызывал нас просто на скандал. Взяв слово, он произнес речь, в которой критиковал наши внутренние порядки. Это было недопустимо: мы являемся у них гостями, а они выступают с критикой нашей политики. Взял слово Булганин для ответного выступления. Он отвечал по-обывательски, и мне его просто невозможно было слушать. Он обошел критические замечания в наш адрес и предложил какой-то обычный тост за счастье и здоровье присутствующих. Обыденная речь, которая уместна в питейных делах, когда встречаются друзья-товарищи и желают друг другу процветания. А с той стороны была произнесена политическая, задиристая речь.

Я не вытерпел и, когда Булганин закончил, попросил: «Разрешите мне выступить». Они согласились. И я напал на этого Брауна. Говорю: «Господин Браун, я расцениваю Ваше выступление как провокацию». Назвал все своими именами и начал его тоже критиковать: «Вы нас пригласили на обед. Но если Вы хотите вести разговор, оскорбительный для нас, то нам ничего не остается делать, как поблагодарить Вас за приглашение и уйти». Сразу возникло большое обострение. Вышло так, что на этом обед закончился, и мы демонстративно ушли.

Назавтра, когда мы встретились с Иденом, он опять улыбался в свои усики:

«Ну, как у вас вчера прошел вечер с лейбористами?» Он-то все уже знал, ему было доложено. Я тоже улыбнулся: «Да, знаете, не совсем...» «А я говорил вам, что с консерваторами у вас скорее может установиться контакт, чем с лейбористами. Это же невозможные люди!» Он как консерватор воспользовался этим конфликтом и начал хвалить своих. Тут мы тоже стали шутить: «Да, вот, мы сравниваем. Выбираем, в какую партию вступить, в лейбористскую или в консервативную». «Предлагаю в консервативную». «Подумаем, может быть, действительно пойдём к консерваторам».

На следующий день мы должны были находиться на заседании в палате лордов. Там оказались и лейбористы, в том числе те, которые присутствовали на вчерашнем ужине. Они стали подходить к нам, здороваться. Среди них был один, который производил более порядочное впечатление, не помню сейчас его фамилии, уже пожилой человек. Он судил более здраво о наших делах, хотя, конечно, не был сторонником Советского Союза, но хотел улучшения отношений между нашими государствами и установления контактов лейбористской партии с нами. Я не говорю, что именно с Коммунистической партией, хотя, когда лейбористы приезжали в Москву, велись переговоры нашего ЦК с ними. Однако эти встречи тоже ничего хорошего не принесли.

У меня было плохое настроение, я был огорчен поведением лейбористов при нашей встрече. Браун тоже там оказался. Подходит он ко мне и сразу подает руку. Я глянул на него и говорю: «Господин Браун, я Вам руки не подам. После вчерашнего не могу!» Он протягивает руку, опять к себе, дернул туда-сюда раза два, смотрит на меня. Я не пошевелился. «Не подадите?» «Не подам». Опустил он руку, и мы разошлись. Другие лейбористы видели, как я дал отпор Брауну, и когда подходили ко мне, то очень осторожно здоровались, протягивая руку медленно, чтобы определить, подам я им руку или нет. Я подавал руку всем, и мы здоровались, хотя я и высказывал им свое недовольство.

Они прислали своего представителя и попросили принять их делегацию, которая хочет объясниться по поводу вчерашнего инцидента. Делегация будет состоять из трех человек. Пришел тот, о котором я говорил выше, и еще двое, не помню, кто. Они извинились за Брауна, сказали, что он позволил грубость, что они этого не хотели, а Браун сделал такой выпад от себя лично. Они же сожалеют, что так получилось. Тем самым вопрос был исчерпан.

Из-за чего конкретно возник конфликт, я уже сказал. Собственно говоря, по всем вопросам международного характера и рабочего движения у нас имелись противоположные позиции. Поэтому по любому вопросу, за какой ни взяться, если пожелать, можно было создать конфликт. Здесь особой мудрости не надо. Видимо, Браун был человеком очень антисоветски настроенным и решил использовать нашу встречу, чтобы подсолить наши отношения, отравить их. И он достиг своей цели. Так первый наш контакт с лейбористами потерпел крах. Консерваторы же были очень довольны и теперь проявляли еще больше любезности в отношении нас, всячески нас заверяли, что они с нами хотят и дальше улучшать отношения.

В тот день на меня очень сильное, причем, комедийное, впечатление произвел председатель палаты лордов. Я уже был знаком с ним раньше. Он встретил нас в палате лордов перед заседанием в каком-то красном сюртуке, хламиде и в огромном парике, показал место, где он сидит во время заседания. Там лежал мешок с овечьей шерстью. Все это выглядело так театрально, что на меня произвело впечатление чего-то очень несерьезного. Я удивился, как это такие серьезные люди могут так кукольно обставлять свое заседание и рядиться в одежды балаганного типа. Ну, это традиции, я понимаю, я читал об этом, но когда увидел сам, то все невольно вызывало улыбку. Я не мог даже представить себе, что серьезные люди могут одеваться, вести заседание и представляться иностранной делегации в таком виде. Показали нам англичане и свои исторические места. В Лондоне — крепость Тауэр, с местом казней. Они рассказали историю этого кровавого места, где совершались казни королями, и самих королей тоже казнили. Посмотрели мы смену караула, английскую экзотику. Солдаты в красных мундирах, в высоких шапках из медвежьей шкуры, мохнатых. Довольно театрально зрелище. Но эта церемония производит хорошее впечатление. Также ведь история. Я с удовольствием смотрел, как англичане отдают дань своей истории. Говорят, что туристы обязательно приходят наблюдать смену караула как занятную процедуру.

Естественно, в процессе переговоров пригласили мы Идена приехать с ответным визитом в Советский Союз. Он приглашение принял, поблагодарил, и думаю, что искренне хотел приехать. Иден бывал в нашей стране не раз еще до войны, когда работал в министерстве иностранных дел. Тогда он занимал особую позицию в вопросах сближения с Советским Союзом и объединения усилий против нарастающей угрозы войны со стороны фашистской Германии. Несколько раз бывал он у нас и во время войны. Так что он знал Москву, был знаком с нашими условиями жизни и традициями. Но тут уже возникла другая основа. Он возглавлял правительство, а мы хотели через такие контакты с ним улучшить наши отношения. Старались прежде всего создать условия для расширения торговли между нашими государствами. Это было бы полезно для нашей страны, да и не меньше пользы было бы для Великобритании. Других каких-то надежд на расширение и укрепление контактов у нас не имелось. Новые вопросы еще не созрели.

Иден так и не приехал к нам. Мы ведь были в Англии в 1956 г., сразу после XX съезда КПСС. Потом произошли события в Польше, в Венгрии. А самое главное, Англия, Франция и Израиль напали на Египет. Мы стали на его сторону, наши отношения резко обострились. Мы их не только критиковали, но и предприняли шаги по дипломатической линии, оказали давление на Англию, Францию и Израиль. Война была прекращена через 22 часа после того, как мы направили послания Идену, Ги Молле и Бен-Гуриону. Война прекратилась, но полемика в печати накалилась до крайности. Тут уже не было Идену никакой возможности приехать к нам. Более подробно я расскажу об этом, когда буду говорить о событиях в Венгрии и Суэцком кризисе.

Добавлю здесь лишь об эпизоде с одним левым английским лейбористом. Забыл его фамилию. Он умер года три тому назад. Я с ним был хорошо знаком. Это был хороший наш друг, по национальности финн. Он настолько был предан Советскому Союзу, что лейбористы исключили его из своей партии. Он хотел приехать к нам. Сталин, уже больной, вдруг выдумал, что это агент, чужой разведчик (а он служил во время войны в войсковой разведке). Да тот и не отрицал, что служил во время войны разведчиком. Так ему и не дали визу на въезд в Советский Союз, хотя он в то время выступал за нас. Я потом встречался с ним, и он мне говорил: «Товарищ Хрущев, меня неправильно поняли, я всегда был вашим другом. Так поступать нельзя, я и умру вашим другом».

Об Албании

Хочу теперь остановиться на наших отношениях с албанским правительством и с Албанской партией труда. Во времена Сталина у нас не существовало никаких трений в отношениях между Советским Союзом и Албанией, между нашей компартией и Партией труда. Они были такими, какими и должны быть между социалистическими странами. СССР все делал для того, чтобы помочь Албанскому государству окрепнуть после разгрома гитлеровских полчищ и изгнания итальянских вооруженных сил с его территории. Албанский народ объединил тогда свои усилия с югославами, и они вели совместную борьбу против общего врага — гитлеровской Германии и фашистской Италии. Как мне рассказывал товарищ Тито, Коммунистическая партия Югославии оказывала большую помощь албанскому народу в организации борьбы против фашистов. Это естественно, потому что Коммунистическая партия Югославии была лучше организована и имела более богатые революционные традиции. Коммунистическая партия Албании, как она тогда называлась, была слабее и нуждалась в поддержке, которую ей и оказывали югославские товарищи. Тито рассказывал, как он посылал своего соратника Вукмановича в Албанию, где тот занимался организацией Партии труда.

Когда еще имели место самые хорошие отношения между Советским Союзом и Югославией, а Тито у Сталина пользовался абсолютным доверием, помню, как при мне Сталин продиктовал телеграмму Тито, где говорилось, что дальнейшие взаимоотношения с Албанией должны исходить из того, что Албания будет входить в состав Балканской федерации. Такая телеграмма была послана. Конечно, в Албании об этом ничего не знали. Сталин вынашивал идею создания Балканской федерации и часто высказывался на эту тему в нашем кругу. Для будущего прави-

тельства Балканской федерации даже начали строить дворец около Белграда. Когда я был в Югославии, то видел это место. Там возвели довольно много железобетонных конструкций, но потом все забросили. Включение Албании в состав Югославского государства не противоречило бы идее Сталина о создании федерации балканских стран. Когда же прервались дружеские отношения с Югославией и Сталин возненавидел Тито, идея Балканской федерации была похоронена.

Я не все знал о том, что послужило поводом к ухудшению отношений между Югославией и Советским Союзом, но кое-что мне было известно. Сталин рассылал нам некоторые телеграммы, получаемые от советского посла в Югославии. В этих телеграммах наш посол рисовал в националистическом свете деятельность Тито и все делал для того, чтобы показать, что это не дружеская страна, что Компартия Югославии под руководством Тито ведет подрывную работу против нашей коммунистической партии. В чем конкретно посол обвинял югославов, я сейчас не помню. Тогда я работал на Украине и мало занимался международными вопросами, потому что был как бы изолирован в этих делах и не получал соответствующих документов. Хотя я являлся членом ЦК Политбюро ВКП(б), документов, которые должны были бы мне присылаться, не поступало. Тут господствовал Сталин. Он скажет — всем разослать, тогда и пошлют, а если не скажет, то ничего и никому не рассылали.

После смерти Сталина нам остались в наследство наихудшие отношения с Югославией. Мы стали думать, как этот вопрос решить. И я сказал бы, что в этом вопросе именно я проявил инициативу. Почему? Я всегда восторгался деятельностью югославских партизан. Югославские партизаны в борьбе с фашизмом проявили себя едва ли не лучше всех других. Это общеизвестно и должно быть общепризнано. Они создали армию, которая имела свое централизованное командование и вела успешную борьбу с немцами, освободила довольно значительные территории, на которых был создан партизанский край. Кроме того, еще до войны я слышал о деятельности Тито. Это был коммунист, хорошо известный в Коминтерне. Как бывший военнослужащий австро-венгерской армии он попал в русский плен и прошел свою первую политическую школу во время Октябрьской революции. Вследствие этого я и питал к нему симпатии, хотя лично с ним мало встречался.

Встречался же я с Тито тоже у Сталина. Я находился как-то в Москве, когда Сталин сказал, что приедет югославская делегация. Сказал он это с симпатией и с радостным ожиданием: вот они приедут! Но я не дождался приезда этой делегации и вернулся в Киев. Потом Сталин мне позвонил и сказал, что Тито будет возвращаться домой проездом через Киев, и попросил: «Вы там поухаживайте за Тито и другими товарищами. Они хорошие друзья». Я так и сделал. Приехали Тито, Кардель, Джилас и другие. Мы сделали все, что было нужно: показали им город, его окрестности, поехали в колхозы, были в театре, проводили беседы. Беседовали мы, конечно, о жизни Украины, о деятельности Центрального Комитета КП(б)У, а других вопросов не касались.

Мы жили тогда идеей, что когда будут возникать новые социалистические страны, то одновременно должно оформляться какое-то их руководство не только по политическим и партийным вопросам, но и по вопросам экономики: что-то вроде международных Советов рабочих депутатов для всемирного союза таких республик. На этом мы все были воспитаны. Поэтому мы с такой любовью и доверием относились к каждому народу, вступившему на путь строительства социализма, тем более к их коммунистическим партиям. Каждому народу мы делали то же, что и себе, считая, что в объединении всех наших материально-технических, научных и партийных кадров заключена наша сила в борьбе против мирового капитализма. Я считал, что это является свидетельством хорошего внутреннего содержания людей, которые стояли на коммунистических позициях.

Когда же произошел разрыв, все сразу переменялось. Сталин готовил чуть ли не нападение на Югославию. Помню, однажды мне доложили, что производится секретная отправка большого количества людей на Балканы из Одессы. Их отправляли каким-то кораблем, наверное, в Болгарию. Люди, которые были причастны к организации их отправки, докладывали мне, что образованы какие-то воинские соединения, и хотя те уезжают в гражданских костюмах, но в чемоданах у них лежат военная форма и оружие. Мне сообщили, что готовится некий удар по Югославии. Почему он не состоялся, не могу сказать. Более того, от самого-то Ста-

лина я вообще не слышал об этом, а докладывали мне исполнители его воли, которые занимались организацией отправки и посадкой тех людей на корабли. Настроение у них было агрессивное: «Дадут им наши! Вот они уже отправляются и вскоре начнут действовать». В их словах не было никакого сожаления о происходящем.

Почему я сейчас заостряю внимание на Югославии, хотя собрался говорить об Албании? Потому что эти вопросы взаимосвязаны. Почему именно я проявил интерес к улучшению отношений с Югославией, а не кто-либо другой? Человеку, немного смыслящему политически и знающему те времена, это должно быть ясно. Когда у нас ухудшились отношения с Югославией, я находился на Украине и, хотя входил в руководящее ядро ВКП(б), был свободен от всей этой югославской «скверны». Не могли же проявить такую инициативу Молотов, Сулов, Ворошилов и другие? Они в то время слишком близки были к Сталину. Я бы сказал тут, не столько близки к Сталину, сколько близко около Сталина: вся антиюгославская политика, которую вел Сталин, проходила через их руки, и они были непосредственными ее исполнителями, особенно Молотов. Молотов в этих вопросах являлся правой рукой Сталина.

Эти люди были приучены Сталиным мыслить с позиций великодержавного шовинизма и подходили с этой меркой ко всем коммунистическим партиям, в том числе, конечно, и к югославской. Поэтому они не понимали необходимости улучшения наших отношений и ликвидации конфликта с Югославией, они вообще не хотели поднимать этот вопрос. Когда же я поднял его, то больше всего понимания и поддержки встретил со стороны Анастаса Ивановича Микояна. Он считал, что надо предпринять такие шаги. Молотов, Ворошилов, Сулов не соглашались со мной. Им застилал глаза туман: как это мы, великая страна, победившая гитлеровскую Германию, пойдем на поклон к какой-то Югославии?

К тому времени уже сами наши брехуны, соврав однажды и много раз повторяя потом свою ложь, начали верить в собственную выдумку, что Югославия — капиталистическое государство, у которого нет ничего социалистического; что она стала на позицию предательства социализма и связана с империализмом. Интересно, что такой же аргументацией пользуется сейчас Китай, критикуя нашу страну. В Пекине заявляют, что Советский Союз заключил тайный союз с империалистами США, и тому подобные прочие глупости. К сожалению, подобные же вещи 20 лет назад и мы говорили о Югославии. Все это выдумал Сталин, а журналисты подхватили. Было испорчено много бумаги и чернил. На всех нас давил груз прошлого, и не так-то легко было пойти тогда сразу на новый шаг.

Поэтому я предложил: «Товарищи, давайте создадим комиссию из ученых и поручим ей изучить, какого типа сейчас Югославское государство — капиталистическое или социалистическое? Если капиталистическое, то какие элементы свидетельствуют, что это именно не социалистическое государство?» Не припоминаю сейчас всех, кто входил в ту комиссию, но хорошо помню, что в нее входил главный редактор «Правды» Шепилов. Комиссия вынуждена была признать, что Югославию никак нельзя считать капиталистическим государством и что в государственном устройстве Югославии присутствуют все элементы социалистического уклада: нет частной собственности на средства производства, нет частной собственности на банки, все это принадлежит народу. Торговля в основном тоже находится в руках государства. Не решена была только проблема сельского хозяйства: колхозов там почти не существовало, и господствовали единоличные хозяйства. Однако такое положение имелось и в других странах, которые встали на путь строительства социализма, так что Югославия в этом отношении почти ничем не выделялась среди таких стран, как Румыния, Венгрия, Болгария, Чехословакия, Польша. Я уж не говорю о Германской Демократической Республике.

А из всех стран, которые встали на путь строительства социализма, наиболее визгливую антиюгославскую политику проводила Албания. В известное время это нравилось в СССР и поощрялось. Но когда мы решились предпринять шаги к нормализации советско-югославских отношений, чтобы самим проложить первыми путь к сплочению, к консолидации революционных сил, нам уже вредила такая албанская позиция. Перед тем, как предпринять конкретные шаги по нормализации советско-югославских отношений, мы посоветовались с братскими коммунистическими партиями. Не помню сейчас, кто и как реагировал, но большинство согласилось с нами. А мы добивались этого очень настойчиво. Исключение соста-

вила Албания. Руководители Албанского государства и Партии труда очень плохо встретили наши предложения и стали доказывать, что югославы — безнадежные люди, что они не коммунисты. Все это высказывалось со злобным присвистом. Особенно возмущался Энвер Ходжа. У него резкий характер, и когда он говорит о том, что ему не нравится, у него лицо просто передергивается и он чуть ли не скрежетает зубами.

Мы же спокойно доказывали, что надо с пониманием и мудростью относиться к тому, как складываются международные отношения; что нормализация будет полезна и Албании, и Югославии, и всему социалистическому лагерю. Зачем нам такое разобщение? Надо иметь в виду, что в Югославии живет много албанцев, и хотя социалистические страны тоже подтасовывают иной раз статистические данные, когда это выгодно, но Тито потом говорил мне, что в Югославии албанцев больше, чем в самой Албании. Я в этом ничего плохого, собственно, и не вижу, особенно при наличии дружбы между государствами. Албания была вынуждена согласиться с нами, но не потому, что мы их убедили, а потому, что другого выхода у нее не было.

Советская делегация поехала в Югославию (о чем я буду говорить особо), и мы нормализовали наши отношения. Правда, и после нормализации они протекали неровно: были объятия, было и охлаждение. Но, во всяком случае, того, что случилось при Сталине, больше не повторялось. Мы стремились к укреплению наших добрых отношений и делали шаги, способствующие объединению наших усилий как в политике, так и в экономике. Это вызвало еще большее негодование у Албании. В те времена мы относились к этому как бы с позиции старшего товарища: ну, что делать, если они не понимают? Подрастут и поймут, ничего тревожного здесь, собственно говоря, нет. И мы разъясняли нашу позицию, чтобы албанцы поняли нас как можно лучше.

С Албанией же мы строили не просто братские отношения. Ведь братские отношения — это отношения на равной ноге. А здесь с точки зрения оказания помощи возникли отношения старшего к младшему. Мы очень много средств затрачивали на содействие Албании. Другим странам мы оказывали помощь в порядке предоставления льготных кредитов, а Албании шла помощь на другой основе, главным образом путем дарственных. Албанскую армию мы вообще целиком взяли на свое содержание: давали ей обмундирование, питание, боеприпасы, вооружение, и все это бесплатно.

Почему? К тому имелись свои причины, и любой здравомыслящий человек, который разбирается в обстановке, в которой мы тогда жили, поймет и найдет полное оправдание таким нашим действиям. Надо иметь в виду, что в то время уже был создан Североатлантический пакт. А Албания занимала хорошее стратегическое положение на Средиземном море, и ее мы рассматривали как базу социалистических стран на этом море. Поэтому вставала дилемма: иметь ли нам там, грубо говоря, свои войска или же создать в Албании собственную сильную армию? Естественно, Албания могла содержать лишь небольшое количество войск, и они не производили бы никакого впечатления на противника. Собственного вооружения она практически не производила, видимо, только винтовки. Поэтому мы решили помочь материально созданию по возможности многочисленной албанской армии, но, конечно, не настолько, чтобы это было обременительно для экономики Албании. Это должна была быть армия, которая могла бы производить грозное впечатление, будучи вооружена современными боевыми средствами. Поэтому она получила танки, артиллерию, новое стрелковое вооружение. Я уж не говорю об обмундировании и питании. Если бы Албания из своего бюджета выделяла средства на обеспечение армии, то у нее бы не осталось денег на другие нужды: развитие экономики, индустриализацию страны, на социалистическую перестройку. И мы с пониманием относились к нуждам Албании.

Когда после войны стали вновь обостряться отношения СССР с капиталистическими странами, мы уже не исключали возможности военного конфликта. Со своих позиций Албания серьезно угрожала бы действиям натовского военного блока на Средиземном море. Поэтому мы договорились тогда с албанцами о том, чтобы завести у них и подводный флот. Мы так делали в интересах всех социалистических стран. Было решено разместить там 12 подводных лодок. Знаете, довольно крепкий кулак — 12 подлодок в Средиземном море. С таким кулаком

наши противники вынуждены были считаться. Эти подводные лодки мы тоже хотели передать Албании. Наши моряки выехали к ним со всеми надводными и ремонтными средствами, должны были обучить и, по мере создания албанских команд для подводных лодок, передавать им эти подлодки. Данный шаг свидетельствует о том, с каким доверием и, я бы сказал, с какой любовью относились мы к албанским друзьям. Албанские делегации приезжали к нам несколько раз во главе с Энвером Ходжей и Мехметом Шеху. Между нами сложились наилучшие отношения, я не говорю уже о простом албанском народе.

Албанцы много раз просили нас прислать к ним делегацию от нашей партии и правительства на высшем уровне. Было решено, что я возглавлю такую делегацию. И мы отправились в Албанию. Перед тем, как выехать, мы проинформировали албанских друзей, что не хотели бы, чтобы в нашем присутствии публично велась какая-либо критика Югославии и ее руководства. В то время Албания сохраняла очень обостренные отношения с Югославией и вела с ней словесную дуэль в печати. Я считал, что это наносило вред. Поэтому мы посоветовались между собой и сообщили Энверу Ходже, что не хотели бы, чтобы во время пребывания нашей делегации в Албании продолжался этот спор в печати между Албанией и Югославией. Мы предупреждали, чтобы нас не втягивали в такую дискуссию и на митингах. Мы вообще не хотели, чтобы на митингах албанские товарищи поднимали этот вопрос и тем самым вынуждали нас как-то реагировать. Естественно, мы не могли поддерживать такую дуэль, да еще на высшем уровне представителей двух стран. Это никак бы не послужило шагом к улучшению наших отношений с Югославией и могло быть воспринято как объявление идеологической и политической войны между нашими народами, между нашими государствами. Мы же не хотели этого и попросили албанцев учесть наши пожелания.

Во время нашего визита на митингах и других собраниях албанцы воздерживались от критики Югославии. Но заметно было, как это им трудно дается. В беседах же закрытого характера албанцы убеждали нас, что с югославами не может быть примирения, что югославы не коммунисты, а такие-сякие и прочие. Мы с ними не могли согласиться, хотя и не все поддерживали из того, что происходило в Югославии. Мы даже высказывали такое мнение публично, но у себя дома, и не хотели делать это в Албании. Согласиться же, что они не коммунисты, что Югославия не социалистическая страна, мы вообще не могли. То был уже пройденный этап в нашем миропонимании. По конкретным вопросам мы еще перебрасывались иногда перебранкой, но считали, что в своей основе они коммунисты, хотя и по-своему трактуют отдельные теоретические и практические положения.

Во время нашего пребывания в Албании албанцы вели себя как друзья, и между нами не возникало никаких шероховатостей. О Югославии они на митингах, как я уже отметил, ничего не говорили и, таким образом, не ставили нас в положение людей, которые должны либо отмалчиваться, либо вступать с ними в спор. А мы не хотели ни того, ни другого. Мы провели там несколько дней, побывали в их столице Тиране и в других городах, в селах, в портах. Везде встречали невероятно радужное отношение к Советскому Союзу, к нашему народу, к нашей партии как со стороны трудящихся Албании, так и со стороны Ходжи и Шеху. Я не видел никаких грозowych туч или, как говорят украинцы, никакой хмары, которая заслоняла бы солнце дружбы, под которым мы хотели наслаждаться жизнью и строить дальше братские отношения между Советским Союзом и Албанией. Между нами не возникало противоречий.

Если говорить о нас, то нам особенно не на что было претендовать: Албания слишком бедна, и у них не имелось ничего, что могло бы интересовать нас в смысле ресурсов. Наши экономические отношения строились исключительно в интересах Албании. Даже то мизерное количество нефти, которое Албания стала добывать с нашей помощью, мы же у нее и покупали. Ее нефть настолько низкого качества, что ее невозможно сбывать на капиталистическом рынке, и мы вынуждены были получать эту нефть в счет оплаты наших поставок и придумывать, как ее использовать в нашем хозяйстве. Мы это делали, потому что если бы мы ее не взяли, то никто бы ее не купил. А это значило отказаться от добычи нефти в Албании. Затем мы дали албанцам тракторы. Территория у них небольшая, пахотных земель немного. Но мы хотели помочь перестроить албанское хозяйство на современном уровне, сделать из Албании как бы жемчужину, которая притягивала бы к ней

мусульманский мир, особенно Ближний Восток и Африку, притягивала бы к коммунизму. Вот, собственно, каковы были наши намерения и какую политику мы там проводили.

Мы предложили Албании построить мощную радиостанцию, что преследовало пропагандистские цели. Эту радиостанцию мы хотели использовать в целях пропаганды наших идей, нашей политики, политики всех коммунистических партий, наших общих целей в борьбе за социализм и коммунизм. Мы строили также большой морской порт в Албании. Одним словом, давали все, в чем нуждалась Албания, и все делали для того, чтобы сделать ее достойным партнером в социалистическом содружестве, чтобы Албания стала наглядным примером для стран, освобождающихся от колониального гнета, и демонстрировала преимущества социалистической системы.

Беседы с албанскими лидерами проходили в дружеской атмосфере. Я уж не говорю о встречах с народом. Народ выражал большие чувства дружбы и благодарности к нашей делегации и через нас к Советскому Союзу, к нашей политике. Народ правильно оценивал нашу помощь, а она была заметна везде и всюду. Все новое, что там было сделано, осуществлялось с нашей помощью, по нашим кредитам, нашими специалистами и рабочими. Это всем было видно, и народ очень высоко ценил эту помощь и наше дружеское отношение к его нуждам. Албания — маленькая страна. Но ее маленький народ живет в интересном географическом месте, где переплетаются различные противоречия Европы, и противников у него много.

В беседах, которые мы вели, албанцы часто поднимали вопрос о греках. У них имелись какие-то территориальные споры, сейчас не помню, в чем они конкретно выражались. При желании всегда можно найти способ поддерживать отношения с соседом в состоянии спора, потому что ни одна граница не проходит так, чтобы она всех удовлетворяла, и кто-то всегда имеет возможность претендовать на ее исправление. Руководствуясь разумом, надо контролировать эти желания, подавлять их, относиться серьезно и с пониманием к своим соседям, создавать условия жизни в дружбе и мире с ними. Это возможно только при взаимном стремлении. Если такого взаимного стремления нет и одна страна хочет, а другая этого не хочет и не признает существующих границ, то, как бы ни хотелось жить в дружбе и мире, этого, к сожалению, не получается.

На албанских границах было спокойно. Албано-югославская граница не вызывала у нас никакой тревоги. Мы верили, что югославы ничего не замышляют против албанцев. Не знаю, насколько искренни были албанцы. Но мне казалось, что они с пониманием относятся к пограничному вопросу, хотя граница с Югославией их и не устраивала. В беседах они говорили, что очень много албанцев живет на территории Югославского государства. Но это были как бы исторические рассказы, без всяких претензий и намеков, что они что-то замышляют и хотят, чтобы мы поддержали их. Такого разговора албанцы не поднимали, хотя и не были удовлетворены. Они считали, что албанцы в Югославии страдают, что их там угнетают. Эти внутренние вопросы касались только Албании и Югославии. Югославы полагают, что албанцы в Югославии пользуются всеми правами ее народов. Думаю, что так оно и есть.

Другой эпизод, связанный с границей. Не помню, в каком году министр иностранных дел или другой общественный деятель Греции приезжал в Советский Союз. Я его тоже принимал. Албанцы — очень мнительные люди. У них сложилось впечатление, что мы ведем с греками переговоры об изменении греко-албанской границы в пользу Греции. Конечно, такого вопроса не поднимал никакой грек, и вполне разумно, потому что мы стояли на позициях защиты интересов Албании. Надо же вообразить себе, будто мы могли вести какие-то переговоры с греками, которые нанесли бы территориальный ущерб Албании! Глупость, просто недомыслие, плод больного воображения! Но, к сожалению, такие мысли албанцы высказывали кому-то из наших людей. А когда потом между нами обострились отношения, то они уже официально и вполне прямо говорили, что мы сговаривались с греками отторгнуть от Албании какие-то территории в пользу Греции. Бред сумасшедшего! Как отторгнуть? Если бы даже греки высказывали такие претензии и какой-то сумасшедший на нашем месте согласился с ними, то подобные вопросы ведь не решаются без войны. А кто бы стал воевать? Что, мы воевали бы за греков

с Албанией? Просто бред! Но этот бред, к сожалению, высказывался албанцами.

Конечно, во время нашего визита эти вопросы еще не возникали. Их просто как бы не было. Одним словом, пребывание нашей делегации в Албании проходило приятно. Беседы, которые мы вели, были исключительно дружескими, и мы вернулись домой в хорошем настроении и с хорошим мнением об их достижениях. Успехи у албанцев взаправду были большие. Мы этому радовались: маленький народ энергично перестраивал свое хозяйство, хотя очень, очень бедно выглядели албанские крестьяне. Бедность, примитивность царили там везде. Но это не вина албанского народа и не вина Албанской партии труда. Так сложилось исторически, и надо было много потрудиться, чтобы изжить нищету и поднять жизненный уровень народа. Мы как раз стояли на этих позициях и оказывали всемерную помощь Албании.

На XX съезде КПСС мы доложили о тех извращениях, злоупотреблениях и несправедливых казнях, которые были совершены Сталиным. Мы, естественно, искренне стояли на позициях демократизации нашей жизни, хотя и не все стояли, как потом выяснилось. Некоторые хотели повернуть колесо истории вспять, притормозить разоблачение Сталина. Тут я говорю о многих товарищах, с которыми находился в одном коллективе. Но мы взяли путь на демократизацию общественной жизни Советского Союза. Многие другие коммунистические партии подражали нам. Кто-то искренне разделял нашу точку зрения, кое-кто соглашался под давлением общественности, как партийной, так и беспартийной. Шел процесс демократизации общественной жизни.

Все эти проблемы бурно обсуждались на партийных собраниях в странах Восточной Европы. В Албании же дело приняло особый оборот. Мне рассказывали тогда наши сотрудники посольства в Тиране, что очень страстно проходило собрание партийного актива Тираны. Это собрание тянулось несколько дней, и Энвер Ходжа удержался буквально на волоске. Его резко критиковали и даже ставили вопрос о том, чтобы заменить Ходжу, Шеху, Бекира Балуку, всю эту тройку. Не помню, кто еще подвергся критике из партийных руководящих кадров на партактиве в Тиране. А обращаю внимание на этот факт потому, что он имел, видимо, решающее значение для дальнейшего развития отношений между Коммунистической партией Советского Союза и Албанской партией труда, между нашими государствами.

Все-таки Ходжа выплыл. И он, и Шеху, и Балуку остались в руководстве. Но это происшествие смертельно напугало их. Кроме того, они были вообще потрясены. Они-то считали себя вождями, непререкаемыми авторитетами. И как это люди посмели возвысить голос на активе и потрясти их авторитет? И не то, что потрясли, а буквально чуть ли не стряхнули их с руководящих постов. Когда Мао Цзэдун стал проводить антисоветскую политику, линию, направленную на разрыв с Коммунистической партией Советского Союза, то не надо быть, как говорится, умным, чтобы понять, что его союзницей в этой политике могла стать Албания. Мао пригласил в Китай делегацию Албанской партии труда. Ее возглавил Мехмет Шеху. Я уже попутно говорил об этом и буду, видимо, повторяться, но ничего не поделаешь, потому что наша деятельность переплеталась.

В свое время мы сами критиковали югославов, наделяли их нехорошими эпитетами, что они, дескать, ревизионисты, отступники от марксистско-ленинской теории и прочее. Я сейчас не буду вдаваться в разбор этих вопросов, это для меня уже пройденный этап. Потом развивались между нами разные отношения, случались и обострения. В целом же в нашем отношении к Югославии победила дружба, и к концу моей деятельности у меня установились наилучшие отношения с товарищем Тито и другими деятелями Компартии Югославии. Я относился к ним с большим уважением. Но китайцы решили использовать нашу критику Югославии, а потом наше примирение, которое переросло в дружбу между нашими партиями и между руководством Советского Союза и Югославии. Китайцы ловко поддержали албанскую критику Югославии как борьбу с ревизионистами, борьбу с Тито в качестве носителя всяких антисоциалистических и антикоммунистических бацилл, с которым не может быть никакой дружбы.

Эти семена упали на подготовленную почву. Тут и не потребовалось особых усилий со стороны китайцев, потому что албанцы сами искали, кто бы их поддержал. Китай — огромная страна с большим населением и с большим будущим. Им,

как говорится, и карты в руки, рассуждали албанские руководители; тут-то они и возьмут реванш. Но они, полагаю, недалекие и ограниченные люди. Только поэтому они стали политику определять арифметикой. Не требовалось особых знаний математики, достаточно было иметь представление о четырех арифметических действиях, чтобы определить, какое население у Китая и какое — у других социалистических стран. Все социалистические страны не имели в совокупности столько народу, сколько один Китай. Следовательно, он пуп Земли. Так, видимо, определили свою линию Ходжа и Шеху. Они полностью объединились с Китаем в борьбе против Советского Союза, против Коммунистической партии Советского Союза.

Вот в связи с этим я и обращаю внимание на то, что партийный актив Тираны, где решалась судьба Ходжи, выступил тогда против него. Албанские лидеры восприняли охотно антисоветскую политику, которую провозгласил Мао. Им не надо было навязывать ее, они сами были подготовлены к ней не хуже, чем китайцы, исходя из опасной ситуации, которая сложилась для них после XX съезда КПСС. Они понимали, в чем заключалась суть осуждения культа личности, осуждения единовластия, осуждения антидемократических норм жизни и в партии, и в стране. Это напугало албанских лидеров, да и не только их.

Некоторые другие тоже встревожились: демократия, конечно, хороша, но в демократических условиях удержаться у власти, не оглядываясь на народ и не прислушиваясь к тем, кем руководишь, трудная задача. Тут требуется большой ум, требуется умение понимать задачи, которые стоят перед страной, умение слушать тех, кем ты руководишь. Надо всегда чувствовать свою зависимость от масс: ты находишься в руководстве, но не потому, что хочешь руководить. Надо, чтобы ты понимал, что можешь руководить лишь при условии, что этого хотят те, которыми ты руководишь. А это возможно только при одном условии: что руководитель будет плоть от плоти и кровь от крови своего народа, своей партии, станет исходить из интересов народа, а не личных, эгоистических, тщеславных устремлений, обладает нужными знаниями, скромностью и умением жить в коллективе, вести работу, которая соответствовала бы тому общественному и политическому положению, которое ты занимаешь волею партии. Ты не над партией! Нет, ты слуга партии и можешь оставаться на этом посту, только пока партия поддерживает тебя и довольна тобой, твоей деятельностью.

Все это не соответствовало практической деятельности Ходжи, Шеху и Балуку. Когда между нами обострились отношения и переросли потом во враждебные, к нам приходили некоторые албанские товарищи и буквально лили слезы, рассказывали, какое положение возникло в их стране и к чему сейчас они отброшены. Мне рассказывал Тито, что прежде первым секретарем Компартии Албании был очень хороший товарищ. Югославы его знали и поддерживали. Сам он из рабочих. Собственно говоря, это он был организатором Коммунистической партии Албании. Но Ходжа, Балуку и Шеху устроили против него заговор. Рассказывали, что Шеху лично задушил этого человека. Вскоре нам стали известны и другие жуткие случаи: кого там задушили, кого как-то иначе тайно убили. У них сложилась такая система: если кто-нибудь проштрафился, а это определяли Ходжа, Шеху и Балуку, то они втроем выносили приговор. Достаточно было им троим согласиться, что сей человек вреден, и они находили способ, как тайно его уничтожить. Этот человек быстро исчезал.

Все это было очень похоже на систему, которую ввел Сталин. Он тоже так делал через Берию и через других подобных лиц. Таким способом и было уничтожено Сталиным много достойных людей. Вот какое положение сложилось в Албании. Вызывалось оно боязнью демократизации страны, боязнью общественной и партийной жизни. А этот путь я считаю неизбежным. Именно из-за этого у нас произошел разрыв. Как развивался этот разрыв по этапам? Прежде всего, мы узнали, что албанцы ведут с китайцами переговоры, направленные против КПСС и других братских партий. Иных фактов у нас раньше не было.

В то время из Китая ехала через Советский Союз албанская делегация. В наш ЦК пришла одна албанка, честнейший человек. Думаю, что сейчас они задушили ее, беднягу. Гестапо ее не задушило, а свои «братья» справились и задушили за то, что она как искренний коммунист пришла к нам в ЦК и рассказала, о чем китайцы беседовали с албанцами и как албанцы соглашались с китайцами. Мы же по наивности своей, как только узнали об этом, побежали к Шеху, который лежал тогда у

нас в больнице, все ему рассказали и спросили, как это могло случиться, что в Китае велась такая беседа? Шеху буквально вскочил с больничной постели и сейчас же улетел в Албанию.

Окончательный разрыв оформился, когда в Бухаресте проходил очередной съезд Румынской коммунистической партии. Мы решили собраться там и обменяться мнениями по международным вопросам, включая вопросы отношений между коммунистическими партиями и более конкретно складывающиеся между другими компартиями и Компартией Китая. Я говорю здесь не только о КПСС и КПК. Нет, этот вопрос касался и других братских партий. Когда мы собрались, то совершенно неожиданно для меня албанцы открыто выступили против нас и в поддержку Китая. Не помню сейчас фамилии представителя Албанской партии труда на съезде в Бухаресте. Но я его спросил: «В чем дело?» Он ответил: «Товарищ Хрущев, я сам ничего не понимаю. Но я получил директиву поддерживать китайцев». Мы думали, что еще не все потеряно, и хотели сделать все, чтобы восстановить наши дружеские отношения с албанцами. Однако, несмотря на наши усилия, это ни к чему не привело.

А когда в 1960 г. в Кремле собрались на международное совещание все коммунистические и другие братские партии, Ходжа выступил с антисоветской обвинительной речью. Он показывал клыки больше, чем сами китайцы. Тогда очень хорошо выступила Долорес Ибаррури, старейший революционер, человек, преданнейший коммунистическому движению. Она сказала: «Как это так? Выступление Ходжи подобно тому, как пёс, которому подают хлеб, бросается и кусает руку подающего». Это было очень метко сказано. Так что конфликт с Албанией произошел по сугубо принципиальным вопросам.

Албанские лидеры с их методами тайных и явных убийств создали партию, которая держится сплоченно лишь на страхе. Они не смогли принять решений XX съезда КПСС. Поэтому в борьбе против Коммунистической партии Советского Союза они, как и китайцы, подняли на щит имя Сталина. Сталин — вот идеал! Сталин — это марксист, это ленинец, а все остальные — ревизионисты. То есть ревизионист тот, кто высказывается против тайных и явных убийств, тот, кто выступает за демократизацию жизни партии и страны. Албанским лидерам оказалось не по пути с такими людьми. Это, конечно, истинная трагедия албанского народа. Никто, никакой здравомыслящий человек не мог предположить, что такое руководство сумеет пользоваться доверием и уважением своего народа, своей партии. Они же оказались вынужденными терпеть. Ведь никуда не денешься! Точно так же было у нас при Сталине: Сталин вел истребление руководящих кадров партии, это стоило нам тысяч голов честных людей, а все кричали: «Да здравствует Сталин! Сталин — лучший друг народа, Сталин — отец народа!»

Ходжу, видимо, пока так не называют: он еще молод по возрасту, но он хочет этого. По его пониманию, этого можно добиться, только держа партию и народ в страхе, подчинив его себе путем угроз и насилий. Такую же политику проводит Мао. Сейчас иной раз включишь радио и слушаешь. Вот говорит Китай, а вот говорит Тирана. Языки разные, но суть одна. Их лидеры исходят из одной концепции, что народ — навоз, а вожди — гении. Поэтому у них не вожди для народа, а наоборот, народ для вождей. Еще когда я встречался и беседовал с Мао во времена наших самых лучших отношений, то во многом никак не мог его понять. Тогда я относил его позицию к каким-то особенностям китайского мышления, к историческим особенностям китайской нации. Схемы одних его рассуждений были для меня слишком упрощенными, в другой же раз он пускался в очень сложные рассуждения. Я уже упоминал как-то о лозунге «Пусть расцветают сто цветов», то есть пусть развиваются все направления культуры. Теперь каждому ясно, что это была провокация. Этот лозунг был выброшен для того, чтобы вызвать людей на откровение, а потом расправиться с теми «цветами», которые неуютны по запаху или по цвету.

Или же другой лозунг, который был тоже высказан Мао и подхвачен Ходжей: «Не бояться империализма, империализм — это бумажный тигр», то есть тигр, который не опасен. Нам это было непонятно. Такой лозунг был выдвинут еще тогда, когда у нас сохранялись хорошие отношения. Мы не могли в ту пору пренебрегать этим лозунгом, должны были считаться с ним, потому что его выдвинул наш друг Мао, вождь китайского народа. С лозунгом «бумажный тигр» носились долгое время, но сейчас они что-то затихли и не повторяют его. Не знаю, отбросили его

или же, используя, перешли к другим лозунгам. Это же невероятно: американский империализм — бумажный тигр? Ведь тигр — довольно опасный хищник, а США — это не бумажка.

Когда я уже находился в отставке, то слышал раз по радио об интервью, которое дал Чэнь И какому-то американскому писателю. Тот поставил вопрос прямо: мол, основываясь на высказываниях Мао, США считают, что вы хотите развязать войну. Правда ли это? Чэнь И ответил: «Нет, мы не хотим войны и будем воевать только в случае, если состоится прямое нападение на территорию Китайской Народной Республики». Это меня тогда просто резануло. Ведь это был недвусмысленный призыв к американскому империализму о нападении на Северный Вьетнам. Так и получилось: американцы правильно поняли Мао и развязали войну с Северным Вьетнамом. Китай же не вмешался в эту войну, его солдаты не защищали Вьетнам. Хотя и «бумажный тигр», но они знали, что такой тигр может схватить за горло. Подобное провокационное заявление ободрило американских агрессоров и подтолкнуло их к прямому нападению на Северный Вьетнам.

Такой же позиции придерживался Ходжа. Собственно, что еще можно тут сказать об Албании? Когда сегодня говоришь — Албания, нельзя не говорить о Китае. Политика Албании — это отражение политики, которую ведет на Западе Китай. Или возьмем еще один лозунг Мао: «Ветер с Востока побеждает ветер с Запада». Казалось бы, сугубо климатическое или географическое понятие. Но он запугивал всех Китаем: ведь восточные ветры могут дуть с большой силой.

Расскажу и еще об одном эпизоде нашего конфликта с Албанией. Как я уже говорил, мы дали ей 12 подводных лодок. Когда же отношения обострились, мы решили вернуть себе все подводные лодки и то сопутствующее оборудование, которое им давалось. Албанцы воспротивились этому. На трех, кажется, подводных лодках команды были уже полностью албанскими, на одной или двух — смешанными. Нам удалось вывести девять не то восемь подводных лодок, а три или четыре остались у Албании, мы не смогли их вывести. Но мы ожидали даже агрессивных акций со стороны албанцев и когда выводили подводные лодки, то наши военные корабли, не помню сколько, маячили у берегов Албании на случай чего-либо. Если бы албанские власти силой стали удерживать наши подводные лодки, то корабли должны были припугнуть их.

Тут, собственно, наметился уже полный разрыв с Албанией. Не знаю, выиграли ли от этого албанцы. Думаю, что проиграли: мы прекратили оказывать им помощь, все оборвали. Мне неизвестно, какие трудности создались тогда в Албании, но слухи у нас шли такие, что китайцы решили взять помощь им на себя. Они потом оказывали помощь, но я не знаю, в тех ли размерах, как мы. Думаю, что вряд ли, потому что в самом Китае сложились в то время очень тяжелые условия. Правда, удельный вес потребностей Албании по сравнению с китайскими очень небольшой, так что китайцы могли что-то сделать. Сейчас я не сумею даже приблизительно определить количественно, потому что наше посольство в Албании было изолировано, и албанцы перестали к нам туда приходить. Ведь таких людей уничтожали. А мы лишились возможности получать какую-либо информацию.

Ну, и как быть дальше? Считаю, что надо приложить все усилия к тому, чтобы конфликт, в котором сейчас находятся КПСС и другие коммунистические партии с китайской, сужался и рассасывался. Следует добиться такого положения, чтобы коммунистическое движение стало монолитным и единым. Это должно быть поставлено главной целью. Надо все сделать для того, чтобы смягчить наши отношения и затем превратить их в дружеские. Это будет в интересах народов Советского Союза, в интересах всех миролюбивых народов, в интересах китайского народа, в интересах борьбы за мир, за мирное сосуществование. Китайские лидеры много раз поносили Советский Союз, КПСС за лозунг мирного сосуществования. Однако, когда буржуазные журналисты прижимали Мао вопросами, он сам повторял, что Китай тоже стоит на позициях мирного сосуществования. Бандунгская декларация была принята с участием Китая, а она свидетельствует о том, что автор этой декларации стоял на позициях мирного сосуществования. Но китайцев не всегда поймешь. Как говорится, не попадешь в него толкачом в ступе: то они высказываются за мирное сосуществование, то против. Албания же пока плетется в хвосте у Китая.

Шестидневная война на Ближнем Востоке

С арабскими странами мне пришлось «возиться» очень много, особенно после 1956 г., когда мы спасли Египет во время Суэцкого кризиса. Это очень важный район мира, и мы ему уделяли большое внимание. Но многие руководители арабских стран — люди молодые, неопытные, не прошедшие серьезную школу политической борьбы. Поэтому они часто совершают грубейшие ошибки, попадают в неприятное положение, а потом сами не знают, как из него выкрутиться. Взять хотя бы объединение Сирии с Египтом, образование Объединенной Арабской Республики. Это была явная ошибка. Когда Насер приезжал к нам, я с ним беседовал по этому вопросу целый день. Мы высказывались против такого объединения, и он прилетел сюда побеседовать со мной. Я же ему прямо сказал: «Мы против этого». Он говорит: «Сирия сама проявила соответствующий интерес». Я добавил: «Это кончится для вас плохо». Но он никак не мог понять, почему.

Что же я ему сказал? «Вы поймите, сирийские арабы воспитаны на французской культуре, их строй более демократичен и они более обеспечены, жизненный уровень у них несравненно выше, чем в Египте. Сирийцы привыкли к демократическим условиям жизни, у них имеется много партий, там легальная компартия, там социалисты. Это настоящая классическая буржуазная страна с нормальным парламентом. В парламенте они выражают доверие или недоверие правительству и меняют его. У них сложились буржуазные традиции. В Египте ничего этого нет. Египет пока что — бедная страна, с низкой обеспеченностью жизни народа. Никакого настоящего парламента у вас не было и пока нет. Никаких разных партий у вас тоже фактически нет, и вы не думаете их заводить. Сейчас сирийцы проявляют интерес к объединению, но почему? Они напуганы коммунистической партией, ее силой и хотят вашими руками задушить демократию. Однако это временное явление. Вот когда вы поживете вместе и когда сирийцы почувствуют, что такое ваш режим, они восстанут против вас, они не смогут смириться с египетскими порядками». «Ну, знаете...» «Что же, я только предупреждаю, что Сирия уйдет от вас или сбросит ваш режим».

Так потом и вышло. Два года они прожили вместе, а затем Амера арестовали домашним арестом и выслали из Сирии к чертовой матери. Свидетелем нашей беседы был египетский посол в СССР Галев, умный человек. Когда получился провал, он сам говорил мне: «У меня все записано, все так получилось, как Вы предупреждали». А теперь — так называемая шестидневная война. Тоже ошибка, и грубейшая. Арабы давно хотят уничтожить Израиль. Это в какой-то степени понятно, их согнали с собственной земли. Подобные действия всегда возбуждают ненависть между народами. Не хочу касаться моральной стороны дела. Но уж если воевать, то подготовься и действуй наверняка. А так осрамиться — уму непостижимо! Теперь-то арабы везде кричат о своем миролюбии, что они жертвы. Я не имею возможности пользоваться другой информацией, кроме радио и газет, но и из них видно, как реально развивались события.

Приезжает военная делегация ОАР в Москву: «Шу-шу, ша-ша, шо-шо». Сговорились. Уезжают. Отбывает затем наша военная делегация в Египет: «То-то, та-та». Тоже уезжает. Прибывает к нам сирийская правительственная и военная делегация. Разговаривают, поднимают тосты. Уезжают. По каким вопросам говорили? Ясно. А теперь обвиняют Израиль: «Вот он, сукин сын, такой-сякой». Как же он это сделал? Египет потребовал от ООН, чтобы она вывела свои войска, которые разделяли египтян и израильтян. Кто требовал? Насер. У Тан удовлетворил его просьбу. Для чего обычно удаляются нейтральные войска? Чтобы они не помешали начать войну. Кто этого требовал? Насер. Следовательно, кто захотел начать войну? Насер. Он закрывает Акабский залив, где ходили израильские суда. Зачем? Для конфликта. Значит, у него все вроде было готово.

Потом начинают рассказывать сказки, что там их офицеры к бабам ходили и поэтому их армию застали врасплох. Все офицеры ходят к бабам во всех странах, и нельзя на это списывать поражение. Не в этом дело! Это басня для несведущих людей, хотя она имеет тысячелетнюю давность. Да, военные оторваны от дома, от женщин, и что ты ни делай, они все равно будут бегать на сторону. Как-то у нас во время войны Сталин сказал: «Давайте мобилизовывать девушек, столовые организуем для офицеров, и прочее».

Сказал не случайно. Это ведь почти то же, что американцы сейчас под другим видом организуют для себя в Южном Вьетнаме. И не в этом главное. Это мелочь, и я не хочу на нее отвлекаться.

Тут вопросы бытовые, отношения между мужем и женой, а не между государствами. Но туда ездили наши инструктора, обучали их. Арабские офицеры у нас в военных академиях тоже обучались, мы их готовили. А потом объясняют: «Все в отпуск уехали». Это же объяснение для дураков. Как так? Если я потребовал удаления войск ООН, закрыл залив, веду кампанию в печати для подготовки к войне — и я же отпущу своих офицеров, летчиков и танкистов в отпуск? Никакой идиот этого не сделает. А почему их разбили? Потому, что они просрали, и другого аргумента тут нет. А теперь валят на то, что в отпуск уехал какой-то офицер или расстройство желудка было у него.

Главная причина победы Израиля заключается в том, что он имеет более высокую культуру, лучшую дисциплину в армии, его офицеры обладают боевым опытом и отлично подготовлены. Ведь там собрались очень хорошие специалисты из многих стран. Я, например, высоко оцениваю их генерала Даяна как военного. Молодец! Я в шутку говорил, что если бы был премьером, а он находился в Советском Союзе, то я бы его сразу назначил нашим министром обороны. Он этого достоин. Евреи — нация, рассеянная по всему миру. Поэтому и получилось, что их офицеры лучше обучены, и солдаты тоже лучше обучены, и танкисты, и летчики. А фанатизм? Ну, это не главное. Фанатизм бывает разный. Если фанатику спустить штаны и несколько раз выпороть, то этот фанатик будет бежать без оглядки, чтобы его в третий раз не выпороли. Дело в том, что израильтяне просто лучше организованы, лучше владеют оружием и более сознательно его используют.

Но я считаю, что война обернется в конце концов против Израиля. Я в этом не сомневаюсь. Ведь шведы били Петра под Нарвой, а чем кончилось? Так что Израиль, хоть и не знаю, когда, но будет разбит, я в этом не сомневаюсь. Понимают ли это в самом Израиле? Нет, не понимают. Они опьянены победой, их военные передачи агрессивны, вызывающи. Самое лучшее, самое разумное было бы Израилю, разбив арабов, сейчас же отвести свои войска на исходные позиции. Они поразили бы весь мир и завоевали бы, уж не знаю, сколько симпатий.

Вот я — тот человек, который жестоко критикует Сталина. Но я вам скажу, что Сталин был умнейший человек. Мы начали войну с финнами в 1939 году. Официально пишут, что финны на нас напали. Да финнам это и не снилось! Мы на них напали, я это точно знаю. Мы хотели тогда, чтобы Финляндия стала советской. Но когда финны дали нам по морде, и крепко дали, Сталин пошел на мир. Карельский перешеек мы взяли, и он сразу же подписал договор. Финны отвоевали свою независимость упорной борьбой, и Сталин тоже не стал упорствовать. А когда финны во время войны с Германией двинулись с Гитлером против нас, Сталин все-таки опять пошел потом на мирный договор с ними, хотя обстановка была такая: еще немножко повоевать, и можно было всю Финляндию завоевать. Но он не пошел на это. Почему? Считаю, что в этом проявилась разумность Сталина. Он хотел этим актом положить начало разложению германской коалиции: раз русские не захотели завоевать Финляндию, то они не захотят, стало быть, завоевывать Венгрию, Румынию и другие союзные Германии страны. Это толкало союзников Гитлера на мир с нами. Так оно и получилось. Вышли из войны Болгария, Румыния, Венгрия.

Вот этого-то Израиль и не понимает. Сегодня ты стоишь на берегу Суэцкого канала, а завтра потеряешь Тель-Авив. Вот в чем дело! Сейчас Объединенные Нации записали решение, что Израиль должен освободить захваченные территории. Но не освобождает, тянет, пятое, десятое. Ну, что арабам делать? Арабам придется опять готовиться к войне. Если бы я возглавлял какое-то арабское государство и получил оружие, то потом, может быть, за три дня расколотил Израиль. Это вполне возможно. Ведь если выйти на старые границы, которые существовали до шестидневной войны, то оттуда хороший бегун побежит с утра, а обедать будет в Тель-Авиве. Эта страна простреливается из конца в конец. Это ведь не Советский Союз. Немцы шли, шли, до Сталинграда дошли, а там еще надо идти сколько-то тысяч километров. А в Израиле? На велосипеде человек утром с одной границы выедет, а к вечеру приедет на другую.

Задают вопрос, будем ли мы содействовать арабам, если они захотят уничтожить Израиль? Теперь арабы прошли школу войны. Напомню о таком разговоре.

Когда-то Молотов рассказывал мне об этом, а потом и Черчилль напоминал. Когда во время войны Молотов в первый раз прилетел в Лондон, его принимал Черчилль. А Черчилль — и умница, и большой нахал. Он и говорит: «Господин Молотов, вот на этом месте где Вы сидите, я в 1918 г. принимал Савинкова, беседовал с ним об организации нашего десанта в Архангельске. В общем-то вы мне сейчас должны за это сказать спасибо. Я обучил вас воевать. Мы организовали интервенцию, но вы неплохо воевали и выбросили нас вон, а теперь хорошо воюете. Это — моя школа».

Арабы тоже прошли такую школу. Все-таки, нельзя забывать, что Израиль живет в окружении мусульманского мира, который весь симпатизирует арабам. Евреев там горсточка. Поэтому я считаю, что Израиль не имеет перспектив удерживать завоеванные территории. А он пытается их удержать, цепляется за Синайский полуостров. Полуостров, видимо, представляет большую ценность, там есть газ и нефть и, видимо, будет еще больше. Раньше эти пустыни не представляли ценности, раз там ничего не росло, а теперь их недра дороже растительного мира. Однако, несмотря на ценность недр Синая, политика проводится сейчас Израилем неразумная. Победа вскружила ему голову, и поэтому он не может трезво оценить свое положение в мире. Очень опасная ситуация. Сейчас самое разумное — вывести войска в обмен на признание арабами Израильского государства. Упорство Израиля обернется против него самого. Это уже не от ума, а от глупости.

Что арабам делать при этом? Собираться с силами, как в свое время сделал Петр I, и сделать Полтаву. Говорят, что арабы — это не русские. Но тогда и русские были не шведами. Шведская армия тогда была лучшей в Европе, а Петр ее разбил, хотя не существовало более хорошей армии, чем шведская. И все же эта армия была разбита «лапотниками». Надо иметь в виду, что за арабов стоит Советский Союз. Значит, у них наша техника, наши советники, им доступны наши школы. А арабы ведь не глупее евреев. Все люди имеют равные возможности, надо только умело их использовать. Сегодня евреи более развиты, но это вопрос времени. Если взять первые годы нашей революции, то у нас в составе партийного актива евреи тогда имели очень высокий процент. И это было вполне понятно, потому что они были более грамотные люди. Теперь же этого нет. Почему? Русские подтянулись. Ничто не вечно под луной!

Хо Ши Мин

Из всех людей, кого я встречал за время своей политической деятельности, Хо Ши Мин произвел на меня особое впечатление. Говорят, что жили святые апостолы. Хо Ши Мин и похож на этих святых апостолов. Только он был апостолом революции. Впервые я встретился с ним еще при жизни Сталина. Тогда он прилетел к нам прямо из джунглей, и Сталин беседовал с ним в нашем присутствии. Я не буду перечислять всех, кто там присутствовал, а хотел бы сказать лишь о своем впечатлении. Его взгляд светился какой-то искренностью и чистотой. Это была искренность неподкупного коммуниста, идейно преданного своему делу. Это был воистину святой человек.

Он рассказывал нам, как пробирался через джунгли и сколько дней шел пешком, пока вышел на китайскую границу, откуда перебрался в Советский Союз. Когда он рассказывал о борьбе, ведшейся под его руководством во Вьетнаме, то во время беседы он смотрел какими-то особенными глазами на Сталина и на всех советских руководителей, которые присутствовали там. Я бы сказал, что в его взгляде была даже какая-то детская наивность. Он подкупал своей искренностью, честностью, убежденностью в правоте коммунистического дела. Каждое его слово подчеркивало, что коммунисты являются братьями по классу и, следовательно, разговор между ними должен быть самым искренним и самым честным.

Хо Ши Мин поставил вопросы оказания материальной помощи вьетнамцам вооружением. Он был благодарен за все, что можно будет получить от Советского Союза для борьбы, которую проводил Вьетнам с французскими оккупантами. Мне он очень понравился. Поэтому меня сильно обижала та характеристика, которую дал ему Сталин после беседы. Мы не обменивались мнениями, но я видел, что и другие чувствуют то же самое и не согласны со Сталиным, с его высказываниями. А тот издевательски говорил о Хо Ши Мине и употреблял всякие обидные, оскор-

бительные слова. В его речах не чувствовалось искренности, нам же хотелось, чтобы она была проявлена Сталиным как вождем мирового коммунистического движения по отношению к такому коммунисту, как Хо Ши Мин, который в тяжелейших условиях сумел организовать коммунистическое движение в своей стране, поднял народ на восстание и вот уже сколько лет успешно борется за освобождение Родины. Перед этим человеком можно было благоговеть, выразить ему признательность за его беззаветное служение коммунистическому делу, которому он отдавал все свои силы и возможности.

Во время одной из бесед Хо достал из портфеля советский журнал (кажется, «СССР на стройке») и попросил Сталина расписаться в нем. Во Франции гоняются за автографами, Хо тоже не был свободен от этого. Да ему, конечно, было соблазнительно приехать во Вьетнам и показать автограф Сталина. Не знаю, что случилось. Видимо, проявилась та же болезнь Сталина — его недоверчивость, мнительность. Он дал потом задание чекистам изъять этот журнал: дескать, он проявил неосторожность и расписался на обложке. Никаких трудов это не стоило — перевернуть все вверх дном в помещении, где жил Хо, и вернуть журнал. Потом Сталин шутил: «Вот, мол, он хватится, а журнала нет». Уж не знаю, сказал ли кому-либо Хо о том, что пропал журнал, или не сказал. Но я представлял себе, с каким чувством он открыл чемодан, а в нем не оказалось столь драгоценного для него журнала. Можно себе представить, каким ядом это влилось в душу такого искреннего человека, каким был товарищ Хо.

Во время того визита было принято решение о признании нами Демократической Республики Вьетнам. Позднее Сталин часто возвращался к этому вопросу и сожалел: «Поторопились, не надо было их признавать, рано мы их признали». Это свидетельствовало о том, что Сталин не верил в возможность победы движения, которое было поднято товарищем Хо во Вьетнаме. Но дело было сделано, и обвинять некого. Помню еще такой досадный случай. Хо очень хотел, чтобы было официально объявлено о его прибытии в Москву. Он сказал об этом Сталину. Я при этом не присутствовал, а только слышал о том со слов Сталина. Сталин говорил нам потом, что Хо хотел, чтобы он был принят официально в качестве представителя Вьетнама. «Но я ему ответил, что упущен момент. Вы уже находитесь в Москве, прибыли сюда инкогнито, как объявлять?» На это Хо ответил: «Давайте сделаем так. Дайте мне самолет, я поднимусь в воздух, будет проведена соответствующая подготовка, а когда я приземлюсь, мне будет устроена встреча, соответствующая рангу главы государства». Сталин хохотал, издеваясь: «Ишь, чего захотел, чего захотел...» Да, Сталин не верил в возможность победы партизан во Вьетнаме.

Как-то уже после своего отъезда Хо письменно обратился к нам с просьбой, чтобы ему прислали хинин, потому что его народ очень страдает от малярии. У нас было организовано производство хинина в промышленных масштабах. Сталин расщедрился и говорит: «Послать ему полтонны». Полтонны? И это — людям, которые своими телами устлали землю в борьбе против иностранных захватчиков? Мы переглядывались и возмущались: «Как не стыдно проявлять такую даже не жадность, а уж и не знаем, что...» Видимо, Сталин не понимал, чего стоят полтонны хинина в сравнении с тем, что платит Хо в борьбе за общее коммунистическое дело.

Впоследствии я много раз встречался с товарищем Хо. Говоря о нем, хотел бы вспомнить нашу работу в период подготовки Женевского совещания по Вьетнаму. В тот период у нас существовали самые лучшие отношения с Вьетнамом и такие же хорошие отношения с Коммунистической партией Китая. На подготовительном совещании в Москве Китай был представлен Чжоу Эньлаем, а Вьетнам — президентом Хо Ши Мином и премьер-министром Фам Ван Донгом. Мы сообща отрабатывали нашу позицию для Женевского совещания и разбирались в обстановке, которая сложилась во Вьетнаме. Положение было очень тяжелым, освободительное движение находилось на грани краха, партизаны нуждались в соглашении с нами, чтобы сохранить те завоевания, которых добился вьетнамский народ в борьбе против оккупантов. Сайгон был пока в руках французов, и на него не претендовали. Многие другие города и провинции, занятые французами, тоже сохранялись за ними. Если взять карту, на которой было бы отражено наше требование номер один, то она запестрела бы островками внутри Северного Вьетнама, где находились французские оккупанты.

После одного из совещаний в Екатерининском зале Кремля подошел ко мне Чжоу, взял меня за пуговицу, отвел в угол и говорит: «Товарищ Хо сказал мне, что положение у них безнадежное. И если они не добьются прекращения огня в ближайшее время, то не смогут противостоять французским войскам. Поэтому они решили отходить к китайской границе с тем, чтобы Китай двинул свои войска, как он сделал раньше в Северной Корее, и помог вьетнамскому народу выбить французов из Вьетнама». Затем Чжоу добавил, что они не смогут сделать это, так как потеряли в Корее много людей, и эта война дорого им стоила. Поэтому ввязаться сейчас в новую войну они не в состоянии и согласиться с просьбой Хо не могут. Тут я обратился с просьбой к товарищу Чжоу: «Борьба идет очень жестокая, вьетнамцы хорошо дерутся, французы несут большие потери. Поэтому не надо говорить Хо Ши Мину, что вы не окажете им помощи, если они будут отходить под ударами французов к вашей границе. Пусть это станет священной ложью. Пусть вьетнамцы верят, что им помогут, это будет каким-то дополнительным источником сопротивления вьетнамских партизан французским оккупантам». Чжоу согласился не говорить товарищу Хо, что Китай не вступит в войну с французами на вьетнамской территории.

Свершилось буквально чудо. Когда делегации приехали в Женеву, вьетнамские партизаны одержали крупнейшую победу и заняли крепость Дьен Бьен Фу. На первом же заседании Мендес-Франс, который тогда возглавлял французское правительство, предложил разграничить силы Франции и Вьетнама по 17-й параллели. Признаться, когда нам сообщили эту новость из Женевы, мы ахнули от удовольствия, мы такого не ожидали. Это был максимум, на который мы претендовали. И мы дали указания нашим представителям в Женеве потребовать перенести демаркационную линию южнее, на 15-ю параллель, но предупредили, что это — для торга, а принять надо будет предложение Мендес-Франса и, таким образом, закрепить завоевания коммунистов Вьетнама. Соответствующий договор был подписан.

Нужно отдать должное Мендес-Франсу. Он трезво и правильно оценил ситуацию, которая сложилась. У партизан во Вьетнаме имелись свои трудности. Но не меньше трудностей было и у французской армии. Это оказалось разумным шагом, который положил конец войне французов во Вьетнаме. Франция вышла из войны и эвакуировала свои войска. Все было бы хорошо, если бы выполнялись Женевские соглашения. Через два года должны были пройти всеобщие выборы во Вьетнаме, и мы не сомневались, что Хо Ши Мин, то есть коммунисты и все прогрессивные силы страны одержат победу. Но тут опять появился зловещий Даллес, и США навязали Вьетнаму новую кровопролитную войну, которая продолжается до сих пор. Об этом я не буду сейчас говорить, потому что все это освещается в печати. Политическим деятелям хорошо известна эта история. Однако в связи с тяжелым для меня сообщением о смерти подлинного коммуниста, видного деятеля международного коммунистического движения товарища Хо Ши Мина хотел бы рассказать о сложном положении Вьетнама в связи с его конфликтом с Китаем.

Помню, когда проходило Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве в 1960 г., Китай был представлен там Лю Шаоци. Китайцы выступили против нас. Особенно оголтело вел себя Энвер Ходжа как агент Мао. После его выступления говорила товарищ Ибаррури, с возмущением отозвавшаяся о Ходже. На завершающей стадии совещания был отработан совместный документ, проводилось его согласование по отдельным пунктам. Китайцы отказались подписать декларацию. Всё согласовали, но по одному пункту китайцы заупрямились, а мы тоже не могли пойти им навстречу, потому что вопрос был принципиального характера. Тогда подошел ко мне Хо и говорит: «Товарищ Хрущев, надо уступить им». «Как уступить? Это же вопрос принципиальный». «Товарищ Хрущев, Китай — большая страна, там большая коммунистическая партия, надо им уступить, нельзя допустить раскола. Надо, чтобы китайцы вместе со всеми подписали документ, который будет иметь большое международное значение». Я говорю: «Товарищ Хо Ши Мин, наша делегация и наша партия все силы прилагают к тому, чтобы сохранить единство в коммунистическом движении и правильно оценивают значение Коммунистической партии Китая. Мы сделаем все, чтобы Китай остался вместе с братскими компартиями. Но Вы поймите, что мы не можем в принципиальных вопросах согласиться с позицией, которую занимают китайцы: она противоречит коммунистическому миропониманию. А если вспоминать, что Китай — большая

страна, а КПК — большая партия, то можно сказать, что и мы тоже не маленькая страна и у нас не маленькая коммунистическая партия. Кроме того, все коммунистические партии равны, должны пользоваться равными правами и равными возможностями. Наши устремления должны быть подчинены одной цели, победе коммунистического движения». Он согласился с таким доводом, но сказал: «Для нас это вдвойне трудно; ведь мы с китайцами соседи». И от меня он, видимо, пошел к китайцам. После длительных переговоров наших представителей с китайцами мы все же нашли общую формулу, и Китай согласился подписать документ.

Поэтому я был очень огорчен, когда позднее китайцы пошли на открытый разрыв с Коммунистической партией Советского Союза и другими братскими партиями. Китай имеет сильное влияние во Вьетнаме. Там налицо большая прослойка китайского населения. Даже ключевые позиции в руководстве Компартии Вьетнама занимали прокитайские люди. Поэтому они повели там работу против Советского Союза, против нашей политики в то самое время, когда мы делали все, чтобы помочь Вьетнаму. А прокитайские элементы во Вьетнаме делали все, чтобы поссорить нас, оттолкнуть Вьетнам от Советского Союза и рассорить наши партии.

После того как Пекин фактически порвал с нами всякие деловые и политические отношения и делал все, что только было в его силах, против нас, он стал навязывать свою точку зрения и Вьетнаму. К сожалению, Вьетнамская партия трудящихся пошла на поводу у Китая. Это нам очень обидно. Мы искренне ничего не жалели, оказывая помощь Вьетнаму, а Вьетнам потом делал все в угоду Китаю против нас и против интересов самого себя. Почему сейчас я вспомнил об этих горьких пилюлях прошлого? Из сообщений в печати (а других сведений я не имею) можно сделать вывод, что все идет хорошо: приезжают делегации вьетнамского народа и Вьетнамской партии трудящихся, делегации наших журналистов ездят во Вьетнам, освещают борьбу вьетнамского народа, показывают ее по телевизору и в кино. Но кое-какие сведения, которые доходят до меня, гласят, что в сущности не все обстоит так гладко, как это рекламируется в печати, по радио и телевидению.

Говорят, что вьетнамцы проявляют незаслуженную сдержанность в отношении к советским людям. И это — несмотря на признание всей мировой печатью, всеми врагами коммунизма, что Вьетнам оказывает сопротивление американцам главным образом потому, что опирается на помощь со стороны Советского Союза. Следовательно, существуют еще во Вьетнаме и во Вьетнамской партии трудящихся, в ее руководстве и правительстве какие-то прокитайские силы. Внешне между нами развиваются дружеские отношения и взаимопонимание. Но не является ли это данью, которая, может быть, даже по совету Китая отдается вьетнамским руководством с тем, чтобы не лишиться помощи Советского Союза?

Я допускаю такую возможность, хотя хотелось бы, чтобы этого не было. Хотелось бы верить в иное, но думаю, что Китай из своих лап не выпустит Вьетнам, а прокитайские силы там всегда были очень большие. В то время, когда я занимал место в руководстве Коммунистической партии Советского Союза и в правительстве, основным сторонником Китая называли Генерального секретаря ЦК Вьетнамской партии трудящихся. Доклады, которые мы получали и от посла и от людей, которые выезжали во Вьетнам, позволяли сделать вывод, что фактически Хо Ши Мина отстранили от руководства, ссылаясь на то, что он стар. Его обвинили в том, что он питает особое отношение к Советскому Союзу, не может реально разобраться в ситуации, которая сложилась сейчас, недооценивает роль Китая. Одним словом, я уже тогда, обладая такой информацией, понимал, что товарищ Хо фактически не принимает участия в решении важнейших вопросов коммунистического движения во Вьетнаме.

Сейчас, с его смертью, эти бациллы могут ожить с новой силой. Это было бы плохим памятником Хо Ши Мину. Сколько сил он затратил, сколько вложил ума в дело революции, в укрепление дружбы с Советским Союзом. Сейчас еще, конечно, до победы там не так близко, но все-таки свет победы над американским империализмом уже брезжит, уже виден. Поэтому надо не ослаблять усилий и мобилизовать все на завершение борьбы вьетнамского народа. А ведь это борьба не только вьетнамского народа. Вьетнамцы проливают кровь и жертвуют собой в интересах мирового коммунистического движения. Будет ли проявлено достаточное понимание нас руководителями Вьетнама, которые остались там после смерти Хо Ши Мина, покажет время. Сейчас, когда разгорелась жесточайшая борьба между Вьет-

намом и американскими агрессорами, даже эти прокитайские элементы поняли необходимость дружбы с Советским Союзом, и верность позиции Хо Ши Мина обозначилась лучше. Если после его смерти опять там будет проводиться линия, как в те времена, о которых я говорил, то будет нанесен большой ущерб коммунистическому движению и, в первую голову, непоправимый ущерб самим коммунистам Вьетнама, вьетнамскому народу в его борьбе за независимость и социализм во Вьетнаме.

После смерти Хо Ши Мина много было произнесено речей и еще больше написано статей о нем в газетах и журналах. Видимо, и дальше будут писать о Хо Ши Мине люди разных политических направлений, разного миропонимания, разных взглядов. Я же хочу сейчас поделиться впечатлениями о прочитанном и услышанном, попытаться высказать некоторые соображения относительно перспектив развития взаимоотношений между Вьетнамом и Советским Союзом. Какие это будут отношения? Как станут строиться отношения не только с капиталистическими странами, но и с теми коммунистическими партиями, которые разошлись взглядами с Мао? Какие возникнут отношения руководства Вьетнамской партии трудящихся и вьетнамского народа с Китаем? Это сейчас многих волнует. Вряд ли кто сумеет предсказать, как начнут развиваться события. Какие-то их проблески заметны, но надо быть осторожным, потому что все течет, все меняется. Были же когда-то безупречные отношения у Советского Союза с Китайской Народной Республикой, были хорошие отношения и с самим Мао. А теперь все изменилось. То же — и с Вьетнамом. Наши отношения были хорошими, и если они потом ухудшились, то это была вина не Коммунистической партии Советского Союза, а, как я считаю, результат влияния Мао.

Основной документ, который дает возможность прогнозировать, гадать о будущем, — так называемое Завещание Хо Ши Мина. Я прочел его дважды. Я даже принуждал себя внимательно прочесть, чтобы правильно разобраться и понять, как будут развиваться отношения между Советским Союзом и Вьетнамом. Так называемое Завещание не вселяет в меня хороших перспектив. Не знаю, насколько точен документ, названный Завещанием. Если это подлинное Завещание, то насколько полностью оно опубликовано и не подверглось ли редактированию или даже исправлению после смерти Хо? Это покрыто мраком неизвестности. Почему во мне закрались сомнения? Зная товарища Хо и его отношение к Советскому Союзу, я удивлен, что он в своем Завещании даже не назвал нашу страну. У него нет там слов «Советский Союз», нет слов «Коммунистическая партия Советского Союза». Он абстрактно обращается к народам, к компартиям, призывает всех к единству. Но Хо был умным человеком и понимал, что такое отвлеченное обращение без адреса не способствует объединению и сплочению компартий. Это не в его духе. Поэтому думаю, что, когда этот документ составлялся, на Хо оказывали давление. Не говорю, что стояли над его душой. Нет, он учитывал обстановку, которая сложилась. Следовательно, этот документ не столько сориентирован на будущее, сколько на настоящее.

Когда у нас испортились отношения с Китаем, Вьетнам сперва колебался. Но Хо занимал дружескую позицию в отношении нашей компартии и нашего народа. Однако в результате линии, которую начал проводить их Генсек, произошло отстранение Хо Ши Мина от руководства, и я убежден, что его положение в политическом руководстве потом не восстановилось. Все дальнейшее время Хо Ши Мин оставался как бы иконой компартии, а народ в своем большинстве не знал об истинном положении вещей. Если принять эту гипотезу, то станет понятным содержание Завещания. Оно составлено в прокитайском духе, хотя там Китай и не назван. Достаточно было не назвать Советский Союз, не говорить о тех симпатиях, которые питали и питают народы Советского Союза к героической борьбе вьетнамского народа.

В Завещании ничего не говорится и о той огромной бескорыстной помощи, которую оказывает Советский Союз Вьетнаму. А ведь эта помощь — решающая, потому что в условиях современной войны, которую ведет Вьетнам с таким богатым и сильным агрессивным государством, каким являются США, невозможно бороться без нашей помощи. Получить более или менее равнозначное американскому вооружение можно, только опираясь на Советский Союз. Правильно сделали вьетнамцы, когда перестроили свою политику. Я говорю «перестроили». Да,

они ее не изменили, но перестроили, учитывая необходимость продолжения войны. Чтобы добиться победы, надо иметь соответствующее вооружение, а это вооружение они получают только от Советского Союза. Китай это дать им сегодня не может.

Если с учетом этих обстоятельств вновь проанализировать Завещание, то оно соответствует положению «Богу молись, но и черта не гневи». Поэтому я считаю, что оно составлено в прокитайском духе. Может быть, под влиянием Чжоу Эньлая немедленно после смерти Хо Ши Мина этот документ подвергся редактированию и опубликован не подлинник, а выдержки из него? В политике известны, к сожалению, такие случаи. Речь их Генсека, которую я внимательно прочел, тоже построена в духе Завещания. Это еще больше подтверждает мою догадку. Все направлено на то, чтобы не лишиться материальной помощи со стороны Советского Союза и других коммунистических партий. Но, получая ее, не противоречить Китаю. Китай понимает сейчас необходимость для Вьетнама проводить политику дружбы со всеми братскими народами. В острейшей борьбе, которая там сейчас ведется, нет другого выхода. Но нужно иметь в виду, а я абсолютно в этом убежден, что такая политика проводится больше в интересах Китая, чем самого Вьетнама.

Как же дальше будут развиваться наши отношения? Повторяю, очень трудно сейчас сказать определенно. Все меняется. Однако можно предвидеть, что, пока продолжается война Вьетнама с США, будет проводиться политика, которая проводилась и при жизни Хо Ши Мина. Но, зная, что вьетнамский Генсек до мозга костей прокитайский человек, я не думаю, что он сможет повернуться на 180 градусов и стать просоветским человеком. В отношении него это исключено. Следовательно, он будет прикрываться маской дружбы. Но надо помнить, что дружба вынуждена сложившимися обстоятельствами. Как только война закончится и американцы будут выброшены из Вьетнама (а я желаю, чтобы как можно скорее наступил этот день), будет сброшена и маска, и их Генсек опять предстанет перед Компартией Советского Союза в прокитайском обличье.

Полагаю, что нам придется перетерпеть очень горькие явления, которые будут проявлены в отношении нашего народа и нашей партии. Вьетнам поставит в отношениях с Советским Союзом такие же условия, как и Китай, то есть изгонит наших людей за исключением небольшого числа лиц. Видимо, сейчас сохранился какой-то наш дипломатический штат в Пекине. Так будет и с Ханоем. Хочу, чтобы этого не случилось, но не хочу и проявить слепоту. Я видел и знаю их политику. Со смертью Хо Ши Мина там развязаны руки для проведения антисоветской политики. Высказывая свои мысли, желаю добрым словом еще раз помянуть своего друга и товарища по борьбе за коммунистическое дело, апостола коммунистического движения, незабвенного и дорогого друга товарища Хо Ши Мина.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том третий. Белое движение и борьба Добровольческой армии.
Май — октябрь 1918 года

Г л а в а XI. *Германофильство Правого центра и Милюкова. Группа Шульгина. Взаимоотношения Добровольческой армии с политическими организациями и союзниками. Роль офицерства*

Сношения Правого центра с немцами после раскола его продолжались, не приводя, однако, ни к каким результатам. Немецкие дипломаты не лишали своих собеседников надежд, но и не давали никаких положительных обещаний. В официальном обзоре от 14 июня своих сношений с немцами Центр суммировал высказанные ими положения: «В Германии — в правых и военных кругах — имеется сильное течение в пользу установления в будущем добрососедских отношений к России, в результате — восстановление ее единства и мощи... Возможен поэтому пересмотр Брестского договора... Однако успех подобной политики зависит от того, насколько широко и авторитетно будет течение в самой России за прекращение недоброжелательного отношения к Германии. Представители посольства явных признаков такого течения не различают. Большинство общественных кругов... продолжает видеть спасение России в победе союзников и отрицает возможность какого-либо соглашения с немцами».

В сухом и бесстрастном циркуляре Центра как будто звучал укор столь непрактичному проявлению общественного настроения. Составители циркуляра не подметили того бездонного цинизма, с которым представители страны, ввергнувшей Россию в бездну и не сделавшей еще ни одного шага к облегчению ее трагического положения, смели ожидать доверия и расположения к себе, уподобляя великий народ побитому псу, лижущему ноги господина в надежде на милость его и крохи с господского стола.

Кроме тех «неофициальных» разговоров, которые весьма часто вели с немцами члены Правого центра в порядке дружбы и знакомства, президиум уполномочил вести переговоры бар. Б. Нольде и кн. Г. Трубецкого. Последний должен был посетить Дон и Добровольческую армию, в поисках русской военной силы, а также Киев, где, как предполагалось, достаточно подготовлена почва для соглашения с немцами — правыми кругами и... неожиданным союзником Правого центра Милюковым.

Милюков во время господства на Дону большевиков скрывался в Ростове. После освобождения города немцами он жил там еще около месяца. Нас — в Мечетинской¹ — глубоко поразила статья, появившаяся в «Приазовском Крае» за подписью Оргина. Если не в авторе, то в главном персонаже ее, от имени которого шла речь — маститом вожде — мы узнали без труда П. Н. Милюкова, проповедующего... соглашение с немцами. Эту идею Милюков настойчиво и страстно стал проводить и в письмах к ген. Алексееву. Они производили тяжелое впечатление. Мы дважды приглашали его приехать в Мечетинскую, приобщиться хоть немного к нашей жизни и уяснить себе психологию добровольчества и его вождей. Почему-то, однако, Милюков к нам не приехал, а в конце мая отправился в Киев.

Интересно, что такой крутой перелом в мировоззрении Милюкова произошел на протяжении всего только двух недель. 3 мая еще он писал ген. Алексееву: «Я был страшно огорчен появлением в Ростове добровольцев (отряд полковника Дроздовского) вместе с германцами, развернувших трехцветный национальный флаг рядом с германской каской. На словах можно сколько угодно отрицать связь с германцами, но связь сотрудничества фактического остается и подкрепляет всю ту ложь и клевету, которая распространяется по поводу Добровольческой армии»... Единственный выход из создавшегося положения он видел в том, чтобы ген. Алексеев «как можно скорее и резче отгородил свой и наш почин от их неудачного продолжения», для чего необходимо «формально распустить Добровольческую армию, объявив для всеобщего сведения, что сражаться рядом с германцами даже против большевиков Вы не пойдете». «Дальнейшее размышление» привело Милюкова к другому заключению: на случай «невмешательства немцев в наши внутренние дела» необходимо, чтобы ген. Алексеев и его сотрудники «не покидали Добровольческой армии и чтобы сама она не расходилась и продолжала существовать как часть армии Донской области»... А 19 мая Милюков перешел к третьему варианту и убежденно доказывал: «Закон самосохранения для нас теперь — высший закон... Никакие договоры не могут сохранять силы при таком изменении обстановки... Союзники несут долю ответственности, вследствие своей переоценки значения и излишней снисходительности к тенденциям наших левых течений... Германцы хозяева положения и заинтересованы в том, чтобы государство было восстановлено... Они дорожат нашим единством и царем»... И как вывод: «Нужно вступить в переговоры с немцами, принять их поддержку и спешно освободить Москву»; при этом немцы «должны перевезти армию до крайнего возможного пункта.., отказавшись (сами) от вступления в Москву».

История эволюции Милюкова и переговоров с немцами изложена в записке его Правому центру от 29 июля (11 августа). Политический удельный вес автора и то большое впечатление, которое произвела в свое время его позиция в русско-немецком вопросе, заставляют меня привести этот доклад полностью.

«Из сообщения кн. Гр. Ник. я вижу, что не только в общих чертах, но и почти во всех подробностях наши взгляды на способы вывести Россию из настоящего положения совпадают. Подобно ему, я считаю восстановление государственности и объединение России первой и главной задачей, нахожу, что необходимо скорейшее осуществление этой задачи, чтобы не увеличить ее трудности; считаю, что такого скорейшего разрешения нельзя достигнуть без контакта с германцами и что предметом такого контакта должно быть создание в Москве не местного только «северного» правительства, а правительства национального, способного объединить Россию и для этого заручившегося согласием Германии на пересмотр теперь же, а не по окончании войны Брестского договора.

Для выяснения возможности этого я — не по моей, а по германской инициативе — вступил в «необязательные» сношения с представителем Oberkommando (главнокомандования. — *Ред.*) и имел (впрочем, очень поверхностный) разговор с Муммом. В их лице я встретился с двумя течениями, которые и в Германии борются по вопросу об объединении России. Одно из них, представленное дипломатами и считавшее себя до сих пор в согласии с рейхстагом, стояло за разъединение России, создание *Randstaaten* (лимитрофов. — *Ред.*) и сближение с Англией. Другое, представленное влиятельными военными кругами, но теперь распространяющееся и в либеральных и даже в социалистических кругах, стоит за создание из России сильной союзницы в будущем для борьбы с Англией и с этой целью, а также по принципиальным соображениям (на левом фланге) склоняется к пересмотру Брестского

договора. Первое до сих пор считалось официальным, но перестает им быть после отставки Кюльмана. Второе имеет серьезные шансы сделаться официальным. Его успех сказывается уже теперь в том, что имеется течение компромиссное — самое опасное для нас — соглашающееся на частичный пересмотр Брестского договора и на неполное объединение России.

Германцы, искавшие до сих пор способа создать «северное правительство» без всякого пересмотра Брестского договора, будут, конечно, теперь добиваться соглашения на наиболее выгодных для себя условиях — с наиболее сговорчивыми. Но они понимают, что должны считаться с возможно широким фронтом общественного мнения, включая и неприятных для них к. д. Этим надо воспользоваться, чтобы наш фронт объединить на одной определенной программе, из которой уж ничего не уступать к моменту, когда переговоры начнутся серьезно. Я предлагал бы для такой программы следующие положения:

1) Правительство должно быть национальным и объединительным с самого начала, с первых шагов. Для этого необходимо, чтобы оно явилось на свет сразу как монархическое и могло бы говорить от имени некоторого ядра объединенной теперь же, а не в будущем России. А для этого нужно:

а) Теперь же остановиться на определенной личности кандидата на престол и вступить с этим кандидатом в непосредственные отношения, получив его санкцию — действовать его именем. Я лично предлагал бы отыскать в. кн. Михаила Александровича, местопребывание которого должно быть известно его близким в Москве.

б) Так как при создавшемся положении вопрос территориального объединения не может быть предметом одностороннего акта нового правительства, а должен быть решен предварительными переговорами с отдельными образовавшимися теперь правительствами — успех же переговоров может быть обеспечен лишь при определенном отношении к ним Германии, — то я считаю необходимым ввести уже в наши переговоры с германцами условие, что до создания Правительства будут выяснены благоприятные ответы, по крайней мере, главнейших из создавшихся правительств и будет выработан акт объединения, который мог бы быть опубликован новым правительством как национальным в первые же дни его существования.

2) Исходной точкой переговоров должна быть неприкосновенность всей прежней территории России, за исключением Финляндии² (но со стратегическими гарантиями со стороны последней) и Польши (в границах прежнего Царства Польского, без Холмщины и с этнографическим обменом севера Августовской губ. на части уездов Сокальского и Бельского). В моих («необязательных») переговорах трудность представляла лишь Курляндия, относительно которой я соглашался на «исправление границ». Не знаю, как мы можем уступить Либаву. Вопрос о Крыме и Закавказье не был затронут, и я опасаясь, что за умолчанием могут скрываться особые виды Германии на эти опорные пункты в будущей борьбе с Англией. Но этих территорий, конечно, мы пожертвовать не можем. При прежнем взгляде трудность представлял также вопрос об особых правах Украины, которую германцы хотели наделить правами Баварии. Я не отрицал возможности идти относительно Украины несколько далее простой автономии, с тем чтобы это не служило образцом для других объединяемых частей, но не соглашался ни на особую армию, ни на остатки дипломатического представительства, ни на расширенные права относительно железных дорог, почт и телеграфа и т. д. Основным требованием объединения я считал суверенитет центральных органов, единство территории и гражданства, а также создание верхней палаты по типу Bundesrat'a (бундесрата. — *Ред.*).

3) Так как при такой постановке вопроса Германия должна искать своих преимуществ не в территориальных приобретениях, а в экономических выгодах, то необходимо теперь же привлечь наших промышленников к пересмотру этой части договора и просить их указаний, до каких пределов могут простираться здесь наши уступки, — вообще необходимые. Я обращался с этой просьбой к профессору Савину в Киеве и к А. И. Каминке в Петрограде, но надо, чтобы эта работа была предпринята в Москве — и немедленно.

4) Помимо общих уступок по торговому договору, придется сделать (или санкционировать) и временные — для территорий, ныне занятых германцами. Но при этом необходимо, во-первых, ввести в определенные правовые границы не предусмотренную, кажется, в учебниках международного права власть германцев в обла-

сти администрации и суда, теперь безграничную даже на Украине, не говоря о Литве, и, во-вторых, оговорить для ближайшего же времени полную свободу сообщений и товарообмена для объединяемых областей, единство валюты и помощь как вооружением (у нас же отобранным), так и денежным займом, при немедленном восстановлении нашей армии.

5) Признание нейтралитета, по необходимости благожелательного относительно германцев, но с прекращением всяких враждебных действий на территории восстанавливаемой России. Национальное правительство, кроме единства, должно дать России действительный мир и выход из войны, чего не могли дать большевики: в этом будет его санкция в глазах населения.

Быть может, в Москве считают преждевременным говорить о началах будущей внутренней политики, но, мне кажется, необходимо было бы заблаговременно сговориться: без этого трудно было бы приступить к группировке сочувствующих «Правому центру» элементов на местах. Поэтому предлагаю на обсуждение несколько пунктов, которые кажутся наиболее существенными:

1) Устройство коалиционной власти на основе программы «Правого центра», но с устранением из ее состава сторонников самодержавия, с одной стороны, и сторонников ориентации «Левого центра»³ и прежнего Учредительного Собрания, с другой стороны.

2) В интересах поддержки демократических слоев (крестьянство и кооперация) и восстановления социального мира — немедленный приступ к аграрной реформе, восстанавливающей все нарушенные права, но имеющей целью найти решения, возможно близкие к сложившемуся хаотическому положению землевладения. Восстановление свободы земельных сделок до реформы без нарушения ее принципов и с принятием немедленных мер против перехода земли в собственность иностранцев.

3) Пересмотр избирательного закона для городских и земских органов самоуправления: введение возрастного ценза и ценза оседлости, двустепенность выборов в деревне, пересмотр вопроса о волостном земстве, но не возвращение к куриальной системе и не восстановление старых земств.

4) Установление переходного периода до начала функционирования правильного национального представительства. Созыв, в случае надобности, для переходного периода совещательного органа, вроде «Совета республики» из общественных элементов, стоящих на государственной точке зрения, и выработка при его содействии закона о политическом представительстве.

Способов санкции основного закона, октроированного монархом, я не касаюсь здесь, но обращаю Ваше внимание на то, что долженствующий быть опубликованным от имени монарха основной закон должен быть готов ко времени создания нового правительства, и было бы очень печально, если бы он оказался похож на временные основные законы Скоропадского и Краснова. Надо теперь же засадить за эту работу наших юристов (Нольде, Лазаревского, К. Н. Соколова, В. М. Гессена)».

К мыслям, изложенным в этой записке, остается добавить более интимные, высказанные в письмах⁴ к ген. Алексееву: ...Что с предложенным планом необходимо спешить, потому что в Киеве в других кругах переговоры идут полным ходом и можно очутиться перед совершившимся фактом... Что необходимо создать хоть фикцию освобождения Москвы руками Добровольческой армии — не немецкими... Наконец, что приятие Милюковым конституционной монархии произошло не без борьбы... «было бы несравненно приятнее, если бы его об этом не спрашивали и неизбежное совершилось само собой»...

Общие положения Милюкова вошли в основание и анонимной записки, составленной послом Правого центра кн. Г. Трубецким и отправленной немцам с одобрения Милюкова и Кривошеина.

Можно отнести различно к германофильским течениям в русских интеллигентских кругах в 1917—1918 годах, с точки зрения национальной и этической. Но одно бесспорно, что они были беспочвенны и в смысле государственном — бесполезны.

Жизнь шаг за шагом разбивала иллюзии. Немцы неожиданно и резко порвали сношения с Милюковым, и гетман, очевидно, под их давлением, поставил перед своим правительством категорически вопрос о высылке Милюкова из Киева.

Совет министров почти единогласно отказался выполнить это требование, но Миллюков, не желая быть причиной министерского кризиса, уехал добровольно в деревню, в Черниговскую губернию. Никакого ответа не последовало и на записку кн. Г. Трубецкого.

Были и другие симптомы, более внушительные. 16 июля произошла Екатеринбургская драма, и глубоко возмущенная общественная совесть винила в этом злодеянии германскую власть, имевшую неограниченное влияние на совет комиссаров и не пожелавшую воспользоваться им для спасения царской семьи...

В Москве и Центральной России свирепствовал жестокий террор, обрушившийся с особенной силой на голову несчастного офицерства. В разгроме некоторых московских военных организаций ясно было сотрудничество немцев с большевиками. Конспирирующая Москва волновалась, возмущалась, называла имена⁵... Когда гетманское правительство сочло необходимым заявить в Берлине протест против большевистского террора, германский министр иностранных дел Гинце ответил: «Императорское правительство воздержится от репрессивных мер против советской власти», так как то, что делается в России, «не может быть квалифицировано как террор»; происходят лишь «случаи уничтожения попыток безответственных элементов..., провоцирующих беспорядок и анархию»⁶. Да и как было вступить немечькому правительству, когда в Москве его представители — старший советник посольства Рицлер и начальник контрразведки Мюллер — находились в тесном сотрудничестве с Караханом¹ и Дзержинским и снабжали их «списками адресов, где должны были быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики... против советской власти»⁷... При свете этих поздних откровений какая жуткая роль приходится на долю руководителей противобольшевистских организаций, работавших в контакте с немцами!..

Убийство Мирбаха и Эйхгорна¹¹ не вызвало охлаждения в отношениях немцев к большевикам. Наоборот, 16 августа Германия заключила с советской Россией «дополнительное соглашение» к Брест-Литовскому договору. Это соглашение, как известно, окончательно закрепило распад России и экономическую кабалу ее ценою признания Германией советской власти, политического и военного сотрудничества с нею.

Большевизм, переживавший тогда тяжелые дни, был спасен. Государственные деятели Германии не могли отрешиться от своей роковой политики в отношении России даже в ту пору, когда стало очевидным, что над их страной нависает катастрофа, война кончается, и пора подумать о будущих связях соседних народов, так безумно, так нерасчетливо напоенных несмываемой обидой и органической ненавистью. Ибо тогда уже вожди германской армии заявили открыто императору и правительству, что войной нет более никаких надежд добиться мира⁸.

Как ни предусмотрительна и сурова была немецкая цензура и благопритствующая ей большевистская, сведения об истинном положении дел на фронте мировой борьбы проникали в Россию, отражаясь на общественных настроениях и способствуя значительно ослаблению германфильских течений. И кн. Г. Трубецкой, принявший на себя не без внутренней борьбы неблагодарную и лично для него тяжелую роль, побывав на Украине, на Дону и приехав в Добровольческую армию, доносил Правому центру⁹: «Эта тенденция — невозможность каких-либо соглашений с немцами — настолько бесповоротна, что об этом не стоит начинать разговора ни с одним вождем Добровольческой армии. Но я этого не делал и по другим причинам... Не опасаясь упреков, которые навлекли на себя, мы останавливались и на возможности соглашения с Германией как на самом безболезненном решении вопроса. Наша совесть чиста, но упорствовать дальше на комбинации неосуществимой невозможно»...

В Киеве, обособленно от правых организаций, стояла группа В. Шульгина. Не политическая партия, не организация — именно группа единомышленников, имевшая, однако, серьезное влияние в киевских буржуазных и военных кругах¹⁰. Едва ли не с наибольшей страстностью, с пылом и прямолинейностью группа Шульгина проповедовала три основных своих лозунга — борьбу с большевизмом, верность союзникам и монархию. Монархию безоговорочную, немедленную, открыто исповедуемую.

Для Шульгина и его единомышленников монархизм был не формой государственного строя, а религией. В порыве увлечения идеей они принимали свою веру

за знание, свои желания за реальные факты, свои настроения за народные. На Юг шли послания, доклады, сводки, в которых яркими красками изображался рост монархического движения в стране. Шульгин осуждал постоянно политику руководителей Добровольческой армии, убеждал друзей, что «скоро в России не будет никаких республиканцев», и просил «разъяснить руководителям армии, что никакие воззвания с Учредительным собранием и народоправством не привлекут в армию никого»... Вместе с тем Шульгин настаивал на сосредоточении в руках его организации распределения в Киевском центре пополнений для всех противобольшевистских армий.

Эти послания получали распространение на Юге, оказывая известное влияние на офицерство и на самого генерала Алексеева. В письме его к Шульгину я нашел впоследствии следующие фразы: «Относительно нашего лозунга — Учредительное собрание — необходимо иметь в виду, что выставляли мы его лишь в силу необходимости. В первом же объявлении, которое нами будет сделано, о нем уже упоминаться не будет совершенно. Наши симпатии должны быть для Вас ясны, но проявить их здесь открыто было бы ошибкой, т. к. населением это было бы встречено враждебно. От прежнего лозунга мы отказываемся. Для объявления же нового нужны соответствующие обстоятельства и прежде всего подвластная только нам территория. Это будет, как только мы перейдем к нашим активным планам»¹¹...

Шульгин видел в соглашении с немцами — новое и окончательное закрепощение России, а в восстановлении монархии немецкими руками — национальное бедствие: «Монархия и династия будут тогда окончательно скомпрометированы»... Шульгинская группа твердо настаивала на легитимном принципе¹², но тотчас же под давлением чрезвычайных условий жизни вступала с ним в резкое противоречие: акты 2 и 3 марта¹³ непререкаемы, говорили они, отсюда связанность Михаила Александровича словом в отношении Учредительного собрания. Тяжкая болезнь и вообще неопределенность судьбы цесаревича Алексея Николаевича... «Личные качества» других законных преемников... Как выход Шульгин предлагал весьма сложную систему «добровольных (?) отказов менее подходящих кандидатов, пока престол не перейдет к лицу, более или менее известному населению или, во всяком случае, не возбуждающему нежелательного противодействия»...

В качестве технического аппарата группы Шульгин основал конспиративный орган, под названием «Азбука». Вначале этот орган черпал средства для своего существования исключительно из частных источников; в июле 18 года, порвав с Правым центром, ввиду его немецкой ориентации, Шульгин вошел в тесную связь с Национальным центром, и «Азбука» получила при посредстве последнего крупное пособие из сумм, отпускаемых союзниками; перенеся впоследствии свое ядро в Екатеринодар, «Азбука» стала одним из осведомительных органов Добровольческой армии, и с февраля 19 года содержание ее было отнесено на кредиты штаба.

В киевский период своей деятельности «Азбука», по словам Шульгина, ставила себе весьма широкие задачи: политическую и военную разведку в отношении большевиков, немцев и Украинской республики; вербовку в противобольшевистские армии; участие в организации вооруженных восстаний и выступлений против большевиков; связь и информирование лиц императорской фамилии, московских центров и Добровольческой армии.

Действительно, «Азбука» давала армии весьма большой и ценный разведочный материал, преимущественно о политическом и военном положении на Украине. Но, вместе с тем, страстная проповедь ее «немедленного поднятия монархического флага» нарушала душевное равновесие киевского и добровольческого офицерства и, как увидим ниже, сильно затрудняла позицию командования.

Что касается общей ориентировки, выходившей за пределы Украины, осведомленность «Азбуки» не шла далее слухов. Это обстоятельство в связи с поисками обстановки, наиболее отвечающей политическим убеждениям членов шульгинской группы, лишало ясности и определенности ее ближайшие задачи. Так в июне — июле Шульгин задумал перебрасывать офицеров и переезжать со своей организацией в Архангельск к ген. Пулю, который, по сведениям «Азбуки», был назначен главнокомандующим всеми союзными войсками Восточного фронта; потом собирался и за Волгу — причем во главе направляемых туда сил должен был стать «выдающийся киевский генерал», а Шульгин — его «помощником по гражданской части»; писал и в Сибирь адмиралу Колчаку, считая его главою сибирского прави-

тельства¹⁴ и предлагая перебросить туда свою организацию и 20—25 тысяч офицеров для борьбы против немцев и большевиков, но непременно «под открытым монархическим знаменем»; наконец, в конце июля в штабе Добровольческой армии получена была телеграмма, что организация Шульгина переезжает на Дон, в распоряжение ген. Алексеева «вследствие невозможности пробиться в другие районы, стеснений, чинимых на Украине, и требования немцев гетманскому правительству образовать на Украине концентрационные лагеря»...

Все группы и организации вместо материальной помощи присылали нам горячие приветствия — и письменно и через делегатов — и все пытались руководить не только политическим направлением, но и стратегическими действиями армии. Планы предлагались самые разнообразные. Так, например, Шульгин писал в конце мая: «Мое мнение — нужно узнать, чем дышит армия Дутова, и, если там лозунг монархический и союзнический, открыто провозгласить у себя в армии Алексеева лозунг за монархию и союзников и идти на соединение с Дутовым». Потом прислал другое предложение: «Добровольческая армия должна покончить со всякими колебаниями, оставить мысль об Учредительном собрании и народоправстве, которым из мыслящих людей никто уже не верит, и сконцентрировать все свои силы на одной задаче — вырвать русский императорский дом из физического обладания немцев и поставить его в такое положение, чтобы, опираясь на наступающую Японию, от имени вступившего на престол законного государя объявить священную войну против немцев, завладевших родиной».

Национальный центр звал нас за Волгу. Правый центр — по пути, который должны были пробить для нас немецкие корпуса, через Воронеж на Москву... Представитель союзников — французский генерал Лаверн — на Царицын.

Было предложение и совсем другого рода, характеризующее среду и деятелей, основанное на полном непонимании характера и взглядов руководителей добровольчества.

Представитель киевских крайних правых, герцог Г. Лейхтенбергский высказывал мысль: «Главная опасность Заволжского фронта¹⁵ (в том), что прежние наши союзники придут в Россию, опираясь на демократические, социалистические элементы, и приведут страну к республике». Во избежание этого «было бы хорошо, если бы ген. Алексеев взял на себя командование Заволжским фронтом»... Роль, предназначавшаяся при этом ген. Алексееву, была довольно неприглядная — провести союзников: «Чтобы не было неосновательных подозрений, — говорил герцог, — необходимо, хотя бы на словах, намекнуть об этом немцам... Я беру на себя намекнуть немцам об этой комбинации и тогда не опасюсь их противодействия»¹⁶...

Организации и деятели в переписке между собой скорбели, что Добровольческая армия лишена их политического руководства; мы же всеми мерами старались избежать опеки, налагающей партийный штамп и политические путы на деятельность армии. Генерал Алексеев относился к работе всех политических организаций с нескрываемым осуждением. Обобщая свои впечатления от многочисленных личных и письменных докладов, он писал мне 26 июня: «Фактического единения в мыслях, целях, задачах... между «центрами» не существует. Не меняются только жажда власти, стремление получить в свои руки денежную помощь от союзников и тяготеть над работой и существованием Добровольческой армии».

Другой вопрос, лично касавшийся ген. Алексеева, также доставлял ему немало огорчений... Правый центр предполагал поставить во главе вооруженных сил одного из следующих генералов: Брусилова, Лукомского, Юденича или Лечицкого. В связи с предположением о создании Восточного фронта вопрос о верховном главлении русской армии поднят был и в других организациях. Киевские монархисты хотели видеть на этом посту в. к. Николая Николаевича или Михаила Александровича, которого молва настойчиво связывала с чехо-словаками. Союз возрождения называл имена ген. Алексеева, адмирала Колчака и ген. Болдырева¹⁷. Первые два — очевидно, только в качестве уступки Национальному центру. Этот последний хотя и высказывал опасение, что «под влиянием» Милюкова «и киевской заразы у ген. Алексеева меняется настроение», однако горячо и настойчиво проводил кандидатуру его как Верховного главнокомандующего и главы «триумvirата». В этом направлении Центр влиял и на союзников. Между прочим, ген. Алексеевым получено было предложение и через французского генерала Лаверна прибыть в

Самару, когда откроется возможность «для руководства всеми войсками, действующими против большевиков». Ген. Алексеев еще ранее на обращение Национального центра и некоторых союзных представителей ответил согласием, при условии, однако, что ему будет обеспечена полная свобода распоряжений и не «будет разделения власти»¹⁸...

Любопытно, что, получив сведения о предположении союзников выдвинуть на руководящие роли Керенского, ген. Алексеев писал в Москву: «Передайте представителям союзников, что... (в таком случае) я почти своим прямым долгом совершенно отказаться от всякой военной и политической деятельности и никоим образом не допущу сотрудничества с разрушителем моей Родины»¹⁹... Ген. Алексеев обещал выехать за Волгу, как только будет подготовлен технически переезд.

Вообще имя ген. Алексеева, в особенности в военных кругах, продолжало пользоваться высоким авторитетом и популярностью, что давало нам надежды на объединение вокруг него борющихся сил. Свидетельства этого отношения — письменные и устные — получались со всех сторон: от организаций, политических деятелей и военных вождей. Одни хотели видеть в нем главу движения, другие — слева, в том числе и будущая директория — «использовать его государственную мудрость и военный опыт», официально — «для блага России», неофициально — для укрепления своего авторитета...

Между прочим, адмирал Колчак, приехав в Омск, писал 1 октября ген. Алексею о своем предположении ехать в Европейскую Россию, с целью «вступить в Ваше распоряжение в качестве Вашего подчиненного... Вы, Ваше Высокопревосходительство, являлись все это время для меня единственным носителем Верховной власти, власти Высшего военного командования, для меня беспорной и авторитетной»²⁰.

Получалась, впрочем, нами и другая оценка деятельности ген. Алексеева — справа, на почве монархических лозунгов. В письме, адресованном ген. Алексею и широко распространенном в копиях²¹, граф Келлер говорил: «Ваш начальник политического отдела уверял меня, что Ваше имя везде популярно и что Вам верят все. Если он и Вам докладывал то же, то ввел Вас в заблуждение. Верят Вам кадеты и, может быть, и то отчасти, группа Шульгина. Но большинство монархических партий, которые последнее время все разрастаются, в Вас не уверены, что вызывается тем, что никто от Вас не слышал столь желанного, ясного, определенного объявления, куда и к какой цели Вы идете и куда ведете Добровольческую армию»...

Но время шло, образование Восточного фронта все откладывалось, в политических центрах велась сложная и не вполне понятная для нас работа, в печати появлялись новые имена Верховных и новые комбинации власти. Игра вокруг имени ген. Алексеева сильно огорчала его, иногда больно ударяя по самолюбию. Молодые люди алексеевского политического отдела волновались и убедительно советовали генералу ехать немедленно за Волгу в «центр политических событий», чтобы своим личным влиянием и авторитетом предупредить «возможные ошибки»... „Выразив раз свое согласие, — отвечал Алексеев одному из них²², — поставив свои условия, я не втянусь в ход интриги. Я ничего не предприму для достижения цели, ибо я ничего не искал и не ищу лично для себя. Найден другой, достойнейший, ему и книги в руки; а я или уйду в частную жизнь или остаюсь при Добровольческой армии... Словом, готовый делать дело, я уклоняюсь от излюбленной интриги, борьбы «центров» и «групп»... Вопрос о переезде ген. Алексеева за Волгу так и остался открытым.

История противобольшевистских политических организаций есть история русской общественности. Нет сомнения, что наряду с элементами беспринципными, явно эгоистическими, лично или социально заинтересованными — во всех, решительно во всех организациях было много людей самоотверженных, людей высокого патриотизма, работавших идейно и бесстрашно в тяжелой обстановке сыска, провокации и большевистского террора.

Но общее направление деятельности их шло по эксцентрическим линиям, отражая глубокое расхождение не только в политических взглядах, но и социальное, партийное и моральное. Расхождение — не отмеченное общим национальным сознанием, не смолкнувшее пред лицом смертельной опасности, нависшей над страной.

Тем не менее противобольшевистские организации имели и общие, совершенно аналогичные черты. В них мы видим, во-первых, вождей без народа. Они решали важнейшие задачи бытия русской государственности на основании своих верований и умозаключений, учитывая в качестве элементов борьбы политику врагов и союзников, материальную помощь извне, иностранные штыки и т. д. Но сила сопротивления или содействия народной массы в их расчеты входила мало. Русский народ, между тем, все еще пребывал в состоянии неустойчивого равновесия, разбивая в прах все прогнозы, все социально-исторические теории. Во-вторых, все организации — правые и левые, не исключая отчасти и советских, — единственную внутреннюю реальную силу, способную на подвиг, жертву и вооруженную борьбу, видели в русском офицерстве и стремились привлечь его всеми мерами к служению своим целям.

Офицерство, между тем, стояло на распутьи. Целый ряд старших генералов, в первые же месяцы поступивших на службу к большевикам, своим примером давали оправдание малодушным или заблудившимся. Эти люди создавали теории о народе, «имеющем такое правительство, какое он желает», и о «моральной допустимости служения народу при всяком правительстве»... Они — слепые или сознательные слуги деспотии — говорили о служении народу...

В Москве, Петрограде и Киеве — Правый центр звал офицеров для спасения монархии — прежде всего монархии — и Родины в свою организацию, покровительствуемую теми, кого офицерство считало заклятыми врагами России — немцами; савинковский Союз — в свои отряды «для защиты Родины и свободы» — свободы, олицетворяемой идеалами Савинкова; Союз возрождения — в свои московские и местные организации для спасения революции и страны; Заволжские с.-р. — для защиты Учредительного собрания...

В Киеве гетман собирал офицерство под желто-голубым знаменем для защиты Украины; Шульгин звал за Волгу, в Архангельск, в Сибирь и в Добровольческую армию — для спасения династии и России, судьбы которой всецело и безраздельно отождествлялись с судьбами династии. В то же время старший генералитет, возглавляемый Веселовским и кн. Долгоруковым²³, найдя спокойный приют в оккупационной зоне генерал-фельдмаршала Эйхгорна, взывал к обществу, приглашая его «поддержать, помочь офицерам пережить невзгоды революционного времени и оберечь офицеров, жаждущих подвига на благо Родины, от втягивания их... во всевозможные авантюры под ложными лозунгами спасения отечества». Рекомендовалось, впрочем, «быть в полной готовности», ввиду «скорого воссоздания неделимой России... под скипетром законного монарха... силами самого русского народа»²⁴... Формула, принятая впоследствии создателями «новой тактики», имеет, как оказывается, старое и довольно неожиданное происхождение...

Среди всех этих расходящихся путей к спасению страны — русское офицерство вконец заблудилось.

Г л а в а XII. *Противобольшевистское движение на Востоке: чехо-словаки, «Комитет членов Учредительного собрания» и «Народная армия»*

В то время, когда происходили описанные события на территории России, вовлеченной в той или иной форме в сферу германского влияния, за Волгой, на Урале и в Сибири разгоралась в свою очередь борьба против советской власти — широко, в масштабе, соответствовавшем необъятным восточным просторам.

Главный толчок к ней дало выступление чехо-словаков. Роль, которую сыграл первоначально 30—40-тысячный чехо-словацкий корпус в чисто военном стратегическом отношении, служит наглядным показателем полной беспомощности советского правительства весной и летом 18 года и той легкости, с которой возможно было свержение его при условии надлежащего использования противобольшевистских сил. И если этого не случилось, то историческая ответственность за продолжение кровавого опыта лежит не только на беспринципной и близорукой политике германцев и Согласия, но еще в большей степени на совести русских противобольшевистских деятелей.

Углубленные и обостренные революцией социальные, классовые, племенные, даже областные расхождения набросили вскоре густой туман на пробудившуюся

было русскую национальную идею. Рожденное революцией, питавшееся ее извращениями в большей степени, чем тяжестью иноземного нашествия, противобольшевистское движение дало поэтому Архангельск, Киев, Новочеркасск, Екатеринбург, Самару, Омск; но оно бессильно было возвыситься до создания своего Пьемонта^{IV}.

Чехо-словацкий корпус после Брест-Литовского мира двигался к Владивостоку, откуда Согласие предполагало перебросить его на европейский театр войны. К весне 1918 года чехо-словаки были разбросаны на огромном протяжении — 7 1/2 тысяч верст — от Пензы до Владивостока. В мае, по требованию Мирбаха, Троцкий отдал приказ об их разоружении. По настоянию Масарика, всемерно уклонявшегося от «вмешательства во внутренние русские дела», чехи подчинились этому распоряжению, потребовав лишь оставления на каждый эшелон 150 винтовок и нескольких пулеметов. Но вслед за сим последовало из Москвы новое распоряжение — остановить на местах все чешские эшелоны, разоружить чехов окончательно и водворить их в концентрационные лагеря. Эта мера советского правительства привела к последствиям, для него совершенно неожиданным: чехи восстали.

Без какого-либо плана, без руководящих указаний свыше, спасая свою свободу и существование, чешские войска вступили в борьбу с большевиками, захватывая железнодорожные линии и станции, разгоняя советы и разоружая или уничтожая красную гвардию. Силы большевиков за Волгой были по численности и боевой пригодности ничтожны; действия чехов сопровождалось поэтому быстрым, ошеломляющим успехом. Повсюду их выступления вызывали местные восстания и организацию добровольческих отрядов — по преимуществу офицерских, отчасти возникавших стихийно, отчасти созданных местными военными и политическими центрами. Эти отряды добровольно присоединялись к чешским войскам, увеличивая их силу и значение и придавая выступлению чехов, вызванному стремлением открыть себе путь на восток, смысл и характер идейного движения.

Почти одновременно, в конце мая, произошел ряд важных событий: полковник Чечек во главе почти безоружных эшелонов взял Пензу, захватил большое количество вооружения и боевых припасов и, пробиваясь далее за Волгу, занял последовательно Сызрань и Самару. В Челябинске полковник Войцеховский²⁵, после столкновения с местным советом, разгромил его и затем овладел железнодорожным узлом Екатеринбурга. В Западной Сибири первое восстание чехов произошло в Ново-Николаевске (западнее Томска), где капитан Гайда, совместно с одним из главных организаторов вооруженной силы в Западной Сибири, подполковником Гришиным-Алмазовым, свергли советскую власть, после чего Гайда двинулся на восток, освобождая попутные города и направляясь в Забайкалье, где за Иркутском прочно засели большевики, прервав сибирский путь и сообщение с Владивостоком.

К концу июля чехо-словацкий корпус был расположен следующим образом: бригада Чечека в Самаре, прикрывая направления от Саратова и Пензы; бригада Войцеховского в Екатеринбурге — на Казанском и Пермском направлениях; бригада Гайды — по пути в Забайкалье; пробившаяся ранее четвертая бригада располагалась во Владивостоке, находясь в ведении начальника штаба корпуса, ген. Дитерихса.

«Восточного фронта» в общепринятом смысле этого слова не существовало вовсе. Положение менялось чуть ли не ежедневно, находясь в зависимости от передвижения чешских эшелонов и успеха возникавших постоянно местных восстаний. С грубым приближением линии, разграничивавшую сферы влияния советской власти и противобольшевистских сил, можно провести с севера по р. Тагилу на Кунгур и по Каме и Волге на Сызрань — Хвалынский, далее на Николаевск и Уральск. Каждый из командиров бригад действовал в оперативном отношении совершенно самостоятельно, не выполняя какого-либо общего стратегического плана и первоначально не имея никакой политической задачи, кроме негативной, поставленной Национальным советом и уже отброшенной жизнью — «невмешательства во внутренние русские дела». Штаб корпуса, во главе с командиром корпуса генералом Шокоревым, находился в г. Челябинске, управляя войсками лишь номинально и притом только в административном отношении.

Состав корпуса, пополненного военнопленными чехо-словаками, разбросанными по Сибири, доходил до 40—60 тысяч²⁶, т. е. по 10—15 тысяч в бригаде. Вполне

боеспособный и дисциплинированный во время внешней войны, корпус этот к лету 18 года значительно изменил свою физиономию. Под давлением большевиков и под влиянием Национального совета социалистического состава, он воспринял некоторые основы «демократизации» и керенщины, вроде комитетов, выборного начала, «революционной дисциплины» и проч. Русский командный состав был вскоре удален²⁷, и места его были заняты людьми, нередко энергичными и способными, но обыкновенно имевшими служебный стаж не выше лейтенанта запаса и потому малограмотными в вопросах тактики и стратегии. Военный авторитет их стоял невысоко, и случаи неповиновения были обычными. На этой почве произошло, между прочим, произведшее большое впечатление самоубийство одного из достойных начальников, капитана Швеца. Только жуткое чувство затерянности среди русского бушующего моря заставляло чехов держаться своих частей и своих начальников, восполняя тем в известной степени упадок воинской дисциплины.

Были и другие темные стороны в деятельности чехо-словаков, о которых в докладе ген. Гришина-Алмазова²⁸ говорится: «...Начальники — все зеленая молодежь, которую нельзя было убедить, что надо обращаться к городским самоуправлениям и к русским властям за своими нуждами; что неприемлемо, чтобы они на каждый город смотрели, как на военную добычу. Исчезали целые поезда, тысячи сапог, чешская армия одевалась за счет сибирской»... Поезда с «добычей» являлись повсюду неизменными спутниками чешского движения, развращая морально войска, стесняя их оперативную деятельность и вызывая в русском населении горечь и недоумение. Тем не менее на всем пространстве от Волги до Владивостока это была вначале единственная прочная сила, импонировавшая и советским войскам, и местному населению, в большинстве смотревшему на чехов как на избавителей.

Большевики поняли, наконец, свою ошибку и стали вести широкую пропаганду среди чехо-словаков, обещая им свободный пропуск с полным вооружением и снаряжением, при условии отказа от помощи «белогвардейцам». Как это ни странно, подобную же роль взяла на себя американская железнодорожная миссия и генеральный консул Гаррис²⁹, уговаривавшие чешские эшелоны ехать во Владивосток. Старшие чешские начальники стремились стянуть свои части к железнодорожным центрам... Местные русские организации обращались с мольбой о помощи к начальникам эшелонов, встречая зачастую полное сочувствие чехов, проявлявших широкую частную инициативу, в ущерб распоряжениям свыше. Положение запутывалось до крайности и только к середине лета разъяснилось: державы Согласия, осуществляя план создания противонемецкого Восточного фронта, пожелали использовать создавшееся так неожиданно для них благоприятное положение, возложив на чехо-словацкий корпус задачу авангарда, образующего по Каме и Волге заслон, под прикрытием которого должна была начаться перевозка союзнических сил. Эшелоны, пробившиеся на восток, потянулись вновь на запад.

Какими бы мотивами не руководились чехо-словаки, их выступление сыграло чрезвычайно важную роль в истории развития противобольшевистского движения. В этот первый период их заслуги в деле освобождения России неоценимы, их тогдашние вины поблекнут перед судом истории.

В начале мая 18 года собрался 8-й совет партии социал-революционеров, на котором постановлено было перейти к открытой борьбе с советской властью и в то же время при помощи союзной интервенции «свергнуть германское насилие». Работа в этом направлении велась с большой энергией, в особенности в Заволжье и в Сибири. Повсеместно образованные комитеты с.-р. брали на себя инициативу подготовки восстания. И так как все другие политические организации оставались бездейственными или склонялись к соглашательству с большевиками, то вокруг с.-р.-ов начали группироваться противобольшевистские элементы, зачастую им совершенно чуждые. Тем более, что симпатии чешского Национального совета были явно на стороне с.-р.-ов, и в частности Чернова. Это сказалось в особенности, когда в июле совет был переизбран, и во главе его стали социалисты — Павлу, Потейдло, Благош и др. лица, сыгравшие затем весьма прискорбную роль в судьбах Сибири. Чешский совет воспринимал русскую действительность исключительно в освещении черновцев и испытывал болезненный страх, чтобы не прослыть «контр-революционным».

На этой почве возникали бытовые курьезы. Так, наиболее консервативное, монархически настроенное Уральское войско³⁰, чрезвычайно бедное интеллиген-

цией, под влиянием с.-р.-ов упразднило вековой институт атаманской власти, вручило ее выбранному правительству во главе с с.-р.-ом Фомичевым и вступило с областным комитетом с.-р.-ов в тесный союз для борьбы против большевиков. Одним из договоров предусматривалось «перенесение наступления на другие территории», причем в этом случае там должен [был] быть создан «руководящий движением орган на паритетных началах со стороны Уральского войскового правительства и организации партии (с.-р.) данной территориальной единицы»... Своеобразная коалиция для управления Россией!.. Ген. Гришин-Алмазов, организовавший офицерство на территории Сибири, встретил огромные затруднения, вследствие невозможности приобщить его к политическим лозунгам господствующей партии: «Пришлось поэтому сойтись на поддержании самой идеи власти, хотя бы данное содержание ее и представлялось неприемлемым»³¹.

С.-р. воспользовались широко восстанием чехо-словаков. И когда бригада Чечека 8 июня овладела Самарой, было объявлено, что власть переходит к «Комитету членов Учредительного собрания» («Комуч»). Демократический покров, популярный еще в русской общественности, прикрывал новую диктатуру — партии с.-р.-ов, безраздельно овладевшей властью и вдохновляемой Черновым, который — потому ли, что имя его было слишком однозным, потому ли, что не очень верил в успех дела — руководил им из-за кулис. Для истории противобольшевистской борьбы этот единственный опыт чисто социалистического правления³² представляет большой интерес. Опыт, наиболее краткий — всего 107 дней — и, как кажется, наименее удачный.

«Комуч» объявил себя эмбрионом Всероссийской верховной власти, которая должна была утвердиться при наличии 30 членов бывшего Учредительного собрания. В состав его вошли Вольский (председатель), Климушкин, Брушвит, Нестеров, Филипповский и другие, — имена весьма мало известные русскому обществу. О «правомочности» этого органа говорить не приходится. Точно так же не стоит «сводить успех или неуспех отдельных восстаний, падение или укрепление власти исключительно к личным качествам вождей и лидеров»³³... Гораздо интереснее то общее направление деятельности с.-р.-ского правительства, которое при успехе движения должно было проявиться во всероссийском масштабе.

Основные декреты советской власти — о национализации земли и предприятий, о рабочем контроле и др. — остались в силе; местные советы были сохранены. Часть комитета и Чернов, ставя главной целью своей создание единого социалистического фронта, уже с первых дней борьбы искали путей соглашения с большевиками, и только решительный протест Чешского национального комитета остановил эти попытки. Тем не менее «Комуч» проявлял широкое попустительство в отношении большевистствующего населения и организаций.

Не имея ни правительственного авторитета, ни реальной силы, «Комуч» стремился к подчинению своей власти областных новообразований мерами, подчас весьма решительными, вызывавшими противодействие, рознь и разделение сил. Так, Уральское и Оренбургское казачьи войска стали в зависимость от «Самары» из-за боевого снабжения и материальных средств, попавших в руки комитета. При этом большая часть Оренбургской губернии отделилась (северо-восток), присоединившись к Сибири и поставив тем в весьма щекотливое положение выборного атамана Дутова, поторопившегося признать «Комуч» и даже вступить в его состав. В конце июля, впрочем, Дутов съездил в Омск и завязал сношения с Сибирским правительством, что вызвало некоторые репрессии со стороны «Комуча», как лично против атамана, так и против области: Дутов был исключен из состава комитета, а область весьма ограничена в пополнении снабжением и деньгами.

В отношении Сибирской области «Комуч» применял «таможенную войну» и широкую интригу при посредстве печати (черновской), сибирских партийных ячеек и с.-р.-ской областной Думы. В отношении прочих, слабее организованных территорий меры принимались проще. Так, когда г. Златоуст с уездом «отложился» к Сибирской области, «Комуч» повелел уфимскому гарнизону идти войною на непокорный город. Войска, однако, не послушались и не пошли. Когда же назрела возможность вооруженного столкновения «Самары» с «Омском», то офицерство «Народной армии» решило категорически в нем не участвовать, не останавливаясь перед «давлением на правительство» и массовым уходом из армии. В результате территория, подведомственная «Комучу», ограничилась губернией Самарской,

частью Уфимской, двумя уездами Оренбургской и — условно — Уральской областью.

К государственному строительству «Комуч» фактически не приступал, ограничившись общими декларациями и посылкой на места своих комиссаров («генерал-губернаторов»!). Но зато внешний антураж власти и ее приемы оставляли далеко позади практику всех «новообразований». Огромные штаты «министерств» были наполнены исключительно партийными людьми, без всякого стажа и элементарного опыта. Широко разросшийся «институт по охране государственного порядка» («охранка»!) и контрразведка, с обычными их приемами, висели над жизнью буржуазии и офицерства, зачисленных поголовно в стан контрреволюционеров... Десятки миллионов народных денег расходовались щедрой рукой на поддержку с.-р.-овской печати³⁴, распространявшей широко официальный оптимизм, сеявшей нетерпимость и возбуждавшей социальную ненависть; на пропаганду, направленную против Сибирского правительства, потом против Директории, на насаждение партийных ячеек в войсковых частях, на создание опричнины под видом русско-чешских «отрядов для защиты Учредительного собрания» и т. д.³⁵. В то же время оренбургское и уральское правительства испытывали крайнюю нужду в денежных средствах, необходимых для самых насущных потребностей беспримерно тяжелой народной войны.

Если в активе Самарского правительства окажется мало элементов государственного творчества, то без сомнения оно войдет в историю как самое расточительное. Уже в Уфе, после образования Директории, переименовавшись в «Совет управляющих ведомствами», быв. «Комуч» продолжал распоряжаться миллионами настолько широко, что потребовалась правительственная ревизия. Директория командировала с этой целью члена Директории ген. Болдырева и вице-директора мин. финансов Крестовского. Отчет комиссии нарисовал удивительную систему расходования огромных государственных средств, при которой «кредиты отпускались без указания предмета расхода, проводились всегда в спешном порядке и немедленно по получении из банка ассигнованные суммы бесследно исчезали»...

Таким же пустоцветом оказалась созданная комитетом «Народная армия». Первые сведения о ней мы получили в начале августа — наиболее полные от командированного за Волгу для связи с чехо-словаками полк. Моллера, побывавшего в Самаре, Челябинске и Екатеринбурге.

Во главе армии поставлен был «военный штаб» — коллегия в составе начальника штаба — совершенно случайного человека — капитана Галкина³⁶ и «членов штаба» — штатских людей с.-р.-ов. Привезенные нам приказы, уставы, военные узаконения исходили от трех лиц — Галкина, Боголюбова и Фортунатова; утверждались они в порядке прежних «Высочайших утверждений» столь компетентными лицами, как Климушкин, Брушвит и Нестеров. Из-за недоверия к русскому генералитету командующий армией не был назначен, а войска в оперативном отношении подчинены были чеху — полковнику Чечеку.

Порядки в армии напоминали совершенно времена Керенского: дисциплинарная власть начальникам дана была только на походе и в бою; в остальное время действовал «товарищеский дисциплинарный суд». «Вне службы все равны, — гласил устав. — Служба начинается с отдачи приказа и команды и кончается с выполнением приказа и команды». Комитеты были сохранены. В частях организовывались с.-р.-ские ячейки, имевшие характер «глаз и ушей» правительства. В области внешних взаимоотношений — отменены погоны, и «гражданин-солдат» обязан был отдавать честь только прямому начальнику, притом один раз в день и т. д.³⁷.

Вначале вооруженная сила создавалась по частной инициативе, исключительно на основе добровольчества. Это были те малые числом, но сильные духом добровольческие, главным образом офицерские части, которые совместно с казаками и чехо-словаками нанесли первые удары красным войскам и освободили Симбирск, Самару, Казань... Которые потом, осенью, после отказа чехов от борьбы и развала Народной армии отступали с боем последними, прикрывая уходившие на восток комфортабельные поезда чехов...

По иронии судьбы, под флагом Учредительного собрания, так же как и под трехцветным знаменем Корнилова, создавалась классовая армия. Народ не шел добровольно к поборникам «Земли и Воли». Пошли, главным образом, офицер-

ство — скрепя сердце, в надежде на изменение политической обстановки — и буржуазная молодежь.

Численность этих отрядов была невелика; и «Комуч», не организовав ни приемников, ни местного военного управления, наряду с призывом добровольцев, приступил к принудительной мобилизации возрастов 1917 и 1918 гг., т. е. наиболее развращенных революцией, и всех офицеров — элемента, если не враждебного, то во всяком случае чуждого правительству. Мобилизация производилась, однако, по системе воззваний и уговариваний; при этом только в тех районах, где, по предположениям, «она могла произойти без применения силы»... Из этих контингентов начато было формирование трех дивизий: в Самаре, Сызрани и Уфе, причем три слабых отряда действующих войск работали на фронте: подполковника Каппеля^V — на Казанском направлении, подполковника Бакича — на Пензенском и полковника Махина — на Николаевском. Народная армия не внушала доверия ни правительству, ни чешскому командованию.

Предполагая, что во главе чехо-словацкого корпуса стоит ген. Дитерихс, ген. Алексеев послал ему в начале июля письмо, в котором, указывая, между прочим, на необходимость «скорейшего объединения всех здоровых сил страны и дружественных элементов», сообщал: «Ближайшей задачей Добровольческой армии ставится выход на Волгу», для чего необходимо «содействие чехо-словацких частей... и казачьих отрядов, действующих на нижней Волге». Запрашивал, в какой мере чехи могут содействовать нашему движению. Моллер, не найдя Дитерихса, ознакомил с этим письмом ген. Шокорева и полк. Чечека³⁸. Первый уклонился от прямого ответа. Второй выразил живейшую радость по поводу возможного соединения с Добровольческой армией и желание видеть во главе всех сил — ее командование. Начальник штаба «Волжской армии» Чечека, полк. Щепихин прислал горячий привет ген. Алексееву «и всем (его) сотрудникам, прибытия коих мы ожидаем с самым живым нетерпением, которое вызвано не только военной, но пожалуй в большей степени политической конъюнктурой»³⁹.

Офицерство Народной армии, тяготившееся своим положением, выражало те же чувства. Иначе отнесся, однако, капитан Галкин. В беседе с Моллером, выразившим отрицательное отношение Добровольческой армии к политике с.-р.-ов, он сказал: «Соединяться нам поэтому не следует, так как у нас работа идет очень хорошо и в скором времени народная армия будет насчитывать 80 тысяч штыков. А Добровольческая армия внесет нам раскол».

Иллюзии исчезли очень скоро. Мобилизация Народной армии потерпела полную неудачу, встретив на местах явно враждебное отношение, местами сопротивление. К 1-му августа номинально было призвано 8 485 добровольцев и 21 888 мобилизованных. Но мобилизованные оставались в частях только до получения оружия и мундирной одежды, после чего большинство уходило домой. Позднее, когда неудачи на фронте заставили армию отходить, целые полки отказывали в повиновении, оставались на месте или расходились по своим деревням. Уходило понемногу и офицерство, преимущественно в Сибирскую армию.

И уже в половине августа, когда Моллер, возвращаясь из Челябинска, посетил вновь Самару, настроение в штабе Народной армии радикально изменилось. Галкин — тогда уже полковник — просил передать ген. Алексееву, «чтобы он приехал к ним ранее, чем придет Добровольческая армия, дабы вперед уничтожить всю резкую разницу армий». При этом он добавил, что «Комитет Учредительного собрания решил пойти на все уступки, кроме земельного вопроса (?), и что они сами поняли, что нужно вести твердую политику, но что в данное время не имеют силы, которой могли бы ее провести».

Придя к власти на штыках чехо-словаков, комитет Учредительного собрания — филиал центрального комитета партии с.-р.-ов — явился отображением советского правительства, только более тусклым и мелким, лишенным крупных имен, большевистского размаха и дерзания.

Кроме чехо-словаков опоры у него не было. Заволжское крестьянство, не испытывавшее в достаточной степени большевистского гнета, занятое еще ликвидацией помещичьей земли и не видевшее никаких новых «завоеваний» в декретах «Комуча», отнеслось к его призывам по меньшей мере равнодушно. Городской пролетариат оказался враждебным новому правительству, и собравшаяся в Самаре рабочая конференция, признав это правительство «врагом народа», высказалась за

подчинение советской власти. Буржуазия и несоциалистическая демократия были отстранены с.-р.-ами от государственного строительства и усилили собою стан их противников. Что касается Народной армии, то надежность ее, как опоры власти, определилась тем фактом, что в Самаре и потом в Уфе — пунктах квартирования дивизий — «Комуч» счел себя вынужденным формировать особые отряды для своей личной охраны...

«Жестокая действительность разбила самые прекрасные сны... Восстание, поставившее на своих знаменах принципы чистой демократии (?); власть, руководящая этими принципами, должны быть разбиты, если нет прочной опоры в самой демократии»... Такой эпитафией почтило впоследствии московское бюро центрального комитета с.-р.-ов попытку возглавления своей партией русской державы. Попытку освободить страну чужими руками: отмеченной ими и им враждебной буржуазной демократии и офицерства.

Г л а в а XIII. *Власть и армия в Сибири и на Урале*

В Сибири и на Урале большевизм нашел еще менее благоприятную почву, распространяясь главным образом от центра к периферии чисто механическим путем, вдоль железнодорожных магистралей. Его заносила, главным образом, волна солдат, отчасти казаков, хлынувших с фронта, пронесшаяся вначале бурно и потом стихавшая, по мере рассасывания солдатчины по необъятным сибирским равнинам. Большевизм нашел искренний отклик только в городском пролетариате и в крестьянской бедноте — «новоселах», не успевших прочно осесть и окрепнуть на богатой сибирской почве. Коренное крестьянство Сибири весьма мало интересовалось земельным вопросом.

Не находя сочувствия, но и не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, большевизм начал утверждаться в Сибири только в январе — феврале 18 года. Организуя его центром стал Иркутск. Собравшийся в нем в ноябре 17 года «Всесибирский съезд советов» избрал «Центральный исполнительный комитет советов Сибири»; последний в середине декабря, после восьмидневных уличных боев между большевистским гарнизоном и отрядом из офицеров, юнкеров и незначительного числа казаков, захватил власть, образовав затем сибирский совет народных комиссаров.

Утверждение большевизма сопровождалось обычными явлениями: сосредоточением власти в местных советах, упразднением земско-городских учреждений, правительственных и судебных установлений, разгромом кооперации и т. д. Но террора, который заливал кровью Европейскую Россию и Кавказ, в Сибири не было. Города, конечно, несколько пострадали; но сибирская деревня, за исключением пригородных сел, не успела испытать ни prodразверстки, ни «отнятия излишков», ни карательных отрядов. Поэтому народ в широком смысле этого слова, когда в июне началась борьба против советского правительства, оставался равнодушным к ней. Ясно ощутимого стимула для нее не было. Только известная инерция, законопослушность — быть может, более привитая в сибирском быту, чем в центре — побуждали народ исполнять в известной мере требования менявшихся потом, как в калейдоскопе, правительств, давать им солдат и платить подати.

Сменившая большевиков сибирская власть, как и все рожденные революцией, не могла претендовать на демократичность происхождения. Очевидно, в пожаре революции, в ожесточении борьбы применение истинно демократических методов построения власти невозможно психологически и невыполнимо технически...

Во второй половине прошлого столетия впервые началось движение, известное под именем сибирского областничества. Движение идейное, вызванное мертвящей централизацией Петербурга и тем невниманием, с которым центр относился к экономическим и культурным нуждам Сибири. Наиболее ярким представителем его был — ко времени революции уже глубокий старец — Потанин^{VI}. С началом революции движение это ожило, и целый ряд совещаний и съездов Сибири занимался вопросом об ее государственной автономии. Но так как центральная власть была в то время или слишком слабой (Временное правительство), или слишком одиозной (Совет комиссаров), и, с другой стороны, в состав этих съездов входила почти исключительно революционная демократия, то идейная сторона вопроса

вскоре отошла на задний план, уступив место чисто политической борьбе. Борьбе за власть.

«Чрезвычайный Сибирский областной съезд», состоявшийся в г. Томске в декабре месяце, объявил об автономии Сибири и постановил созвать «общесибирскую социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей, власть в лице Сибирской областной Думы».

Советы отнеслись к факту созыва Думы, как к контрреволюционной попытке. И потому, когда в конце января с большим трудом собралось в Томске около полутора десятков депутатов, большевики арестовали виднейших из них и не допустили открытия Думы. Более смелые депутаты, по инициативе пришедшего человека, еврея Дербера^{VII}, собирались тайно, избрав на одном из таких заседаний «Временное правительство». Гинс так описывает процедуру избрания⁴⁰: «На частной квартире, собравшаяся исподтишка небольшая группа членов Думы, человек около двадцати или полутора десятков, «избрала» шестнадцать министров с портфелями и четырех без портфелей. Шесть человек присутствовавших самоизбрали себя в совет министров». Большинство министров было избрано без их ведома и согласия. Все — социалисты или ошибочно считавшиеся таковыми.

«Председатель правительства» Дербер от имени Думы издал декларацию⁴¹, заключавшую обычные не большевистские положения группы Чернова, впоследствии воспроизведенные самарским «Комучем» — с добавлением милостивого разрешения «всем народам, проживающим на своей территории, в разное время присоединенным к Российскому государству», путем «свободного волеизъявления... отделиться от Российской федеративной республики»...

Десять министров (с.-р.-ов) с Дербером во главе стали затем пробираться тайно на восток, пытались безрезультатно обосноваться в Чите, долго мутили политическую жизнь Харбина, добиваясь там признания, и, наконец, с падением большевиков во Владивостоке в конце июня, объявили себя там всесибирской верховной властью. Перед отъездом Дербер наметил для Западной Сибири комиссариат в составе членов Учредительного собрания П. Михайлова и Линдберга.

Когда в июне военные организации совместно с чехо-словаками капитана Гайды свергли большевиков на всем протяжении от Челябинска до Иркутска, Западносибирский комиссариат выступил явно как власть, установленная «Временным сибирским правительством»; повсеместно появились явочным порядком «уполномоченные правительства», и Сибирь спокойно приняла новую власть.

Но личный состав комиссариата, его политика, черпавшая свои откровения из декларации Думы и постановлений областного комитета с.-р.-ов, уронила совершенно престиж комиссариата. До такой степени, что через несколько недель (1 июля) комиссариат почти без сопротивления сдал власть по требованию группы случайно оказавшихся в Омске пяти министров Дерберовского правительства, во главе с Вологодским⁴². Новое правительство (коалиция с.-р.-ов и либералов) объявило себя, так же как и Дерберовское, носителем верховной власти и в первые же дни обнародовало указ об отмене советских декретов, об упразднении всех местных советов и о восстановлении частной собственности. Этот акт расположил к правительству Вологодского умеренные элементы общественности и армии.

Край отнесся спокойно и к новому перевороту, но сибирская общественность не успокоилась. Борьба за власть продолжалась, находя отражение и в недрах самого правительства. Я не буду останавливаться на всех перипетиях этой борьбы, отмечу лишь характерные стороны ее. Боролись на авансцене политической жизни только социал-революционеры и либералы. С одной стороны, комитет Учредительного собрания, Сибирская областная дума, областной центральный комитет партии с.-р. и с.-р.-овская фракция правительства, с другой — правительственная группа Вологодского, так называемый «деловой аппарат»⁴³ (позднее — «Административный совет»), и командование. Все остальные политические и общественные группы, кроме коммунистов и левых с.-р., поддерживали в той или другой мере одну из сторон, расширяя внешне масштаб участвующих — до борьбы между социалистической и либеральной демократией.

Борьбу запутывали и усложняли чехо-словаки, принимавшие в ней деятельное участие — до арестов членов правительства включительно, и союзные представители. Кроме генеральных консулов Франции и Англии (Гаррис и Буржуа), все это

были мелкие консульские агенты или офицеры для связи. Не разбираясь в русской жизни, не имея ни полномочий, ни даже возможности снестись со своими правительствами, они играли, однако, совершенно неподобающую роль, вмешиваясь непрерывно во внутренние русские дела, не раз влияя на важные решения и внося в область политики элемент хлестаковщины и интриги.

Мало-помалу во внутренней борьбе двух центров — Самары и Омска — успех стал клониться на сторону последнего. Умеренная политика Вологодского, все возрастающая сила Сибирской армии и установившийся в крае внешний порядок привлекали в орбиту сибирской государственности Оренбургское, Уральское казачества и новую Уральскую область⁴⁴, которая вопреки давлению Самары вошла в связь с Омском и приняла общее направление его политики и единство командования. Наконец, Омск привлекал к себе симпатии и офицерства Народной армии.

Соперничество двух центров отражалось болезненно во всех областях государственной жизни. Такое положение длиться не могло. В общественном сознании идея необходимости государственного объединения и создания общероссийской власти пустила глубокие корни, не встречая противодействия и среди идейных сибирских областников.

Под давлением общественного мнения, иностранных представителей и чехословаков, запутавшихся в противоречиях внутренней русской жизни, и под влиянием умеренных членов Союза Возрождения⁴⁵, вопрос об объединении власти был наконец поставлен на очередь.

В Челябинске 15 июля состоялась встреча представителей Самары и Омска, обнаружившая непримиримое противоречие во взглядах на построение власти. «Самара» считала всероссийскою верховной властью Учредительное собрание 1918 года и себя временным носителем ее; «Омск» отверг категорически это положение, заявив, что общерусская власть может быть создана только путем соглашения новообразований.

«На каких условиях вы нам подчиняетесь?» Это был первый вопрос, с которым делегаты «Комуча» обратились к послам «Омска». Первое совещание не дало положительных результатов. В августе состоялось второе — там же, в Челябинске, приведшее к Уфимскому государственному совещанию. Нет сомнения, что на уступчивость самарских правителей повлияло угрожающее положение Волжского фронта, которое ставило их перед перспективой — в ближайшем будущем остаться «без народа» и без армии.

С начала 18 года, после захвата власти большевиками, по сибирской магистрали от Челябинска до Канска начали формироваться тайно офицерские дружины. Большая часть из них возглавлялась коллективом из местных с.-р.-овских ячеек и находилась в известной зависимости от Дерберовского правительства, получая от него весьма, впрочем, ничтожные пособия. Военным министром считался подпоручик Краковецкий, один из произведенных Керенским, за выслугу лет в ссылке при царском правительстве, в подполковники. Начальником штаба всей организации, распространявшейся от Челябинска до Байкала, состоял артиллерийский подполковник Гришин (псевдоним «Алмазов»). Я познакомился с ним в конце 18 года, когда судьба заставила его покинуть Сибирь и появиться в Екатеринодаре. Молодой, энергичный, самоуверенный, несколько надменный, либерал — быть может, более политик, чем воин, с большим честолюбием и с некоторым налетом авантюризма — он, несомненно, сыграл бы большую роль в сибирском движении, если бы в самом начале своей карьеры не переоценил свой вес и влияние.

Офицерство было в большом смущении. Имена Краковецкого и Гришина-Алмазова не говорили ему ничего. Существовавшее в потенции, в конспирации какое-то Временное Сибирское правительство не могло внушить ему доверия. Но ни признанного вождя, ни другого объединяющего центра не было; не было и материальных средств, которых не хотел давать верный себе, закоснелый в эгоизме торгово-промышленный класс, не доверявший к тому же возглавлению революционной демократии. Средства предоставляла сибирская кооперация, но под условием признания с.-р.-овского «правительства». Эти обстоятельства и обусловили внешние формы взаимоотношений между офицерскими отрядами и с.-р.-овскими ячейками и всю подготовку движения. К тому же руководитель его Гришин-Алмазов «понимал, что власть будет иметь тот, у кого реальная сила»⁴⁶, и внушал эту мысль колебавшемуся офицерству.

Были, впрочем, местами и так называемые «беспартийные» организации, возникавшие по инициативе внепартийной интеллигенции и скудно субсидируемые мелкими представителями сибирского торгово-промышленного класса.

Составленные из однородных элементов, преимущественно офицерских, дружины, находясь подчас в одном городе, не были объединены и зачастую не знали о существовании друг друга. Более сильные отряды сформировались в Омске, Томске и Иркутске.

Еще в январе от Добровольческой армии за Волгу и в Сибирь была послана делегация во главе с ген. Флугом — по инициативе Корнилова и при более чем сдержанном отношении к ней Алексеева. Военная задача, возложенная на делегацию, заключалась в том, чтобы организовать на местах элементы, способные к борьбе с большевизмом, обеспечить их местными средствами и связать в той или другой форме с Добровольческой армией⁴⁷; политическая — завязать сношения с местным правительством и войти с ним в соглашение по вопросу формирования добровольческих частей. «При наличии правительства..., желающего помочь (нам), все мероприятия проводить через его посредство, всячески поддерживая краевую власть, а при возможности заключить с нею договор для совместных действий по воссозданию России»⁴⁸...

Связь с Сибирью не наладилась. Мы получили только одно донесение от ген. Флуга в июне, которое шло из Омска два с половиной месяца и сильно отстало от быстро текущих событий. Он не получил ни одного распоряжения из армии. По этому поводу ген. Алексеев писал мне: «Расходы льются широкой рекой. Выделить из своих сумм «хотя бы 100 тысяч рублей» (представление Флуга)... это такая разброска средств, которая непосильна для маленькой организации, живущей изо дня в день и тяжкими усилиями добывающей средства... Я считаю необходимым закрыть отдел и держать лицо только для связи и осведомления... Что важнее — содержание армии или политическая работа за тридевять земель, до которых армия не дойдет и где есть свое правительство, свои задачи, свои цели, свои средства?»⁴⁹ Без всяких денежных средств, с одним только авторитетом имени генералов Алексеева и Корнилова, Флуг проехал через всю Сибирь, посетил важнейшие центры и вошел в связь с местными политическими деятелями и тайными военными организациями. Деятельность его, носившая поневоле совершенно личный, самостоятельный характер, сводилась к ознакомлению с тайными организациями, освобождению их от исключительной опеки с.-р.-овских ячеек и подчинению политическому влиянию местных несоциалистических групп, преимущественно кадетских, путем извлечения средств от буржуазии; к установлению вместо штабных коллективов — единоначалия. Наконец, в объединении «беспартийных» и с.-р.-овских дружин в некоторых центрах под общим командованием. Так, например, по его настоянию был назначен начальником дружин в Омске полковник Иванов (псевдоним «Ринов»), командир одного из сибирских казачьих полков, ставший позднее атаманом Сибирского войска и командующим Сибирской армией.

Участие в деле «делегатов генералов Алексеева и Корнилова» несомненно придавало ему большую серьезность в глазах офицерства. Офицерские дружины, пополненные добровольцами-интеллигентами, сибирские казаки, местами присоединившееся городское и сельское население, при помощи чехо-словаков повсюду легко разбивали красную гвардию и свергали Советы. Ставший командующим Сибирской армией и управляющим военным министерством сначала в комиссариате, потом в правительстве Вологодского Гришин-Алмазов⁵⁰ с большой энергией стал приводить в порядок эти разношерстные ополчения, освобождая их от случайного элемента, пополняя добровольцами, вводя организацию и дисциплину. К августу Сибирская армия состояла из трех корпусов: Уральского (ген. Ханжин), Степного (ген. Иванов-Ринов) и Средне-Сибирского (полк. Пепеляев^{VIII}). В состав их входили части офицерско-добровольческие, сибирские и оренбургские казаки, киргизские и башкирские. Кроме того, на территории Сибири действовало несколько партизанских отрядов, во главе с «атаманами», никому не подчинявшимися и являвшимися бедствием для населения и власти.

Состав Сибирской добровольческой армии весьма показателен для народных настроений: «Общая численность ее, — говорит отчет, — 40 тысяч человек, казаки составляют половину этого числа. Если принять во внимание, что в строй на положение рядовых добровольно стало до 10 тысяч офицерской молодежи, призванной

по мобилизации, то оказывается, что добровольцев невоеннообязанных всего 10 тыс. человек, причем добрую половину этого числа составляет интеллигенция, главным образом учащаяся молодежь. Таким образом, «народ» дал всего 5 тыс. добровольцев»⁵¹.

В оперативном отношении, так же как и Народная армия, Сибирская была подчинена чешскому командованию: Уральский корпус и часть Степного — Войцеховскому, Средне-Сибирский — Гайде; только дивизия, действовавшая в направлении на Верный, подчинялась командующему Сибирской армией. Русские части были разбросаны между чешскими полками, иногда батальонами, лишая возможности старший командный состав оказывать влияние на свои войска, мешая их внутренней спайке. На этой почве Гришин-Алмазов вел безрезультатную борьбу с чешским командованием. «Поручики в генеральских мундирах» — по его выражению — вошли во вкус неограниченного самовластия — они по существу были господами положения. Гришин-Алмазов рассказывал, как капитан Гайда, например, объявил своею властью Иркутскую и Енисейскую губернии на военном положении и ввел на железнодорожных станциях военно-полевые суды из чехов, «с необязательным участием одного русского»; как Гайда награждал русских офицеров Георгиевскими крестами и т. д. Позднее самовластие и русских войсковых начальников стало явлением обычным, внося большое расстройство в гражданское управление краем.

В армии введена была старая дисциплина, с некоторыми изменениями устаревших положений, и в угоду революционной демократии отменено ношение погон; последняя мера принята была в армии как унижение офицерского звания и вызывала недовольство. Говоря о «старой дисциплине», я должен оговориться: ни в одной армии, ни в один период революции восстановить ее в надлежащей мере не удалось. Всеобщий моральный распад отозвался болезненно в жизни армии, поразив верхи еще в большей степени, чем низы. Можно говорить лишь об установлении сверху правильных взглядов на дисциплину и о большем или меньшем приближении к их осуществлению в войсках. К этому вопросу я вернусь, говоря о Добровольческой армии.

В общем, офицерство оставалось вполне лояльным в отношении власти, более интересуясь условиями армейской жизни, чем общей политикой правительства. То обстоятельство, что правительство не вмешивалось в организацию армии, предоставив это дело военачальникам, побуждало армию «терпеть» социалистический комиссариат и относиться спокойно к полусоциалистическому правительству Вологодского. Что касается казачьих войск, то, оставаясь в общем лояльными к выборной казачьей власти и к высшему военному командованию, ведя самоотверженную борьбу с большевиками, они переживали иногда периодически и сами приступы большевистской болезни...

К августу приток добровольцев в Сибирскую армию прекратился совершенно. Командование решило приступить к мобилизации, призвав два возраста 19 и 20 годов, не бывших еще на фронте. Тщательно подготовленный набор, произведенный в конце августа, дал до 200 тысяч человек: сибирские крестьяне без подъема, но покорно шли в армию, а сопротивление, оказанное в двух-трех уездах, было жестоко подавлено вооруженной силой. Невзирая на большой недостаток командного состава (генералов и штаб-офицеров), крайнюю бедность в обмундировании и снаряжении, молодая армия организовалась, училась, сколачивалась, возбуждая большие и обоснованные надежды в сибирском обществе. Прикрытый чехо-словаками и Народной армией Волжский фронт давал возможность Сибири собраться с силами.

Результатов своих трудов Гришину-Алмазову не пришлось увидеть. С.-р.-ы совместно с левой частью правительства, к которой примкнул и Вологодский, питавший личное нерасположение к надменному и слишком самостоятельному, по мнению правительства, генералу, добились его устранения. Слепой страх перед призраком отечественного Бонапарта побудил революционную демократию устранить человека, сумевшего как бы то ни было примирить армию с фактом существования полусоциалистического правительства, и передать власть другому лицу — сугубо правому по политическим убеждениям, одиозному в глазах социалистов по характеру его прежней деятельности (начальник уезда), но не обладавшему, как казалось им, опасными качествами Бонапарта... Во время командования этого дру-

гого — ген. Иванова-Ринова — по иронии судьбы состоялся впоследствии переворот 18 ноября.

Удалив Гришина-Алмазова самым непристойным образом, правительство Вологодского особым «рескриптом» отдало ему «заслуженную щедрую дань глубокого уважения и признательности». Генерал Гришин-Алмазов уверял впоследствии, что все «предложения офицерства и войск стать на его сторону он отверг», чтобы не подрывать авторитета власти... Есть другие данные, свидетельствующие, что подобная попытка была, но встретила противодействие со стороны старших начальников (соревнование Иванова-Ринова) и полное равнодушие со стороны армии. Армия считала Гришина-Алмазова социалистом, а социалисты — реакционером. Таких недоразумений история русской смуты знает немало.

Г л а в а XIV. *Дальний Восток. Военное положение на Восточном фронте.* *«Интервенция»*

Дальний Восток был долго отрезан от остальной Сибири, не имея с ней никакой связи. Только в начале сентября капитан Гайда, взяв Читу, открыл сквозное движение по сибирскому пути.

В конце ноября 18 года курьер привез на Юг письмо адмирала Колчака и доклад ген. Степанова (лица, близкого к адмиралу)⁵², адресованные на имя покойного тогда уже М. В. Алексеева. Доклад Степанова, рисующий положение дел на Дальнем Востоке, представляет большой интерес в том отношении, что он составлен с ведома адмирала⁵³. Привожу этот доклад, составленный по данным к половине сентября 18 года, в подробном извлечении, исключив лишь часть чисто личную и переставив некоторые абзацы в интересах последовательности изложения.

«В середине мая положение было таково. В Иркутске и Забайкальи господствовали большевики, захватившие Благовещенск, Хабаровск и затем Владивосток. Часть чехо-словацких эшелонов (что-то около 15 тысяч человек) в это время успела добраться до Владивостока с ген. Дитерихсом и французским полковником (ныне генералом) Парисом. В Манчжурии, вернее в так называемой полосе отчуждения Китайской Восточной жел. дороги, я застал полный хаос.

Бунтовавшие запасные батальоны товарищей были разогнаны и сменены китайскими войсками (в декабре). Русская милиция заменена также китайской. Администрация жел. дор. сохранилась русской, во главе с Управляющим дорогой ген. Хорватом^{IX}.

Затем, пользуясь свободой от большевизма, в Харбине и на более крупных ж. д. станциях (Хайлар, Манчжурия) собралось несколько тысяч русских офицеров, большею частью из войск бывшего Заамурского округа пограничной стражи, а также из войск, ранее квартировавших в Приамурском округе. Масса эта оказалась по достоинствам своим не очень-то высокой и мало способной организовать в регулярные, прочные единицы. Это — с одной стороны, а с другой — у высших чинов отсутствовала необходимая воля и организаторские дарования, при наличности мелкой зависти и готовности к интригам.

Союзники, т. е. японцы и отчасти французы (знакомые Вам ген. Накасима и лейт. Пелио), сразу же своим участием внесли много зла в попытки создать здесь русские войска. Так как сверху уклонялись от объявления формирования войсковых частей, то таковые стали сперва возникать самостийно. Забайкальского войска есаул Семенов^X выпорол на ст. Манчжурия нескольких ж. д. агентов за их симпатии к большевизму и объявил сам себя атаманом. Ему дали сейчас же денег японцы и французы. Начался набор добрых малых, готовых на все, кроме установления у себя хотя бы тени необходимого воинского порядка. Небольшие удачи в мелких стычках с отдельными большевистскими бандами создали, с одной стороны, ложную славу Семенову, а с другой — непризнание им самим какой-либо иной, кроме него самого, высшей объединяющей власти, что особенно культивировалось господами японцами.

Нечто подобное создано, но в значительно более мелком масштабе, и на востоке, на ст. Пограничная, с самозванным Уссурийским атаманом есаулом Калмыковым^{XI}, который, как оказывается, даже и не приписан ни к одному казачьему войску, а просто значится харьковским мещанином. «Атаман» этот также состоит

под покровительством японцев, которые и субсидируют его денежными подачками. Наконец, в самом Харбине возникла была офицерская организация полк. Орлова на более регулярных началах.

Еще в январе возникла на Д. В. мысль о формировании в полосе отчуждения Китайской ж. д. правительства из числа русских деятелей, собравшихся в Харбине, Владивостоке, Китае и Японии, причем, главою такого правительства большинство избирало Управляющего Китайскою ж. д. ген.-лейт. Хорвата, лица, популярного особенно в Китае. Однако эта мысль встретила среди наших дипломатических представителей в Пекине ряд сомнений в успехе ее осуществления, и было а priori предложено ген. Хорвату сперва создать некоторую вооруженную силу из числа хотя бы прибывших на Д. В. офицеров и, только заручившись этой необходимой данной, реализовать свое выступление.

А так как ген. Хорват всю службу провел вне строя и по медлительному, нерешительно-эластичному характеру своему и недоверчивости к сотрудникам мало гарантировал возможность определенной организации воинских частей, то для этой цели и был вызван Путиловым и кн. Кудашевым А. В. Колчак и, так сказать, навязан ими, чего однако тогда же никто А. В. не высказал. Решено было, что ген. Хорват озаботится подбором хороших политических деятелей, а адмирал Колчак сформирует для него войска на основах дисциплины и строгой иерархии, в чем была обещана союзниками широкая помощь деньгами и оружием. Когда же и то и другое будет готово, то только тогда ген. Хорват и выступит.

Честный, открытый, с сильной волей, глубоко и искренне любящий родину, А. В. Колчак принял это предложение и в конце апреля приехал в Харбин. Но здесь его сразу же враждебно встретили и японцы, определившие в нем крупного, стойкого, чисто русского деятеля, и старшие чины наши, и господа самозванные атаманы. В течение мая и июня разыгралась грустная и гнусная с точки зрения русских интересов драма, авторами которой были, конечно, японцы, режиссировали же свои. А. В. травили в Харбине все, а атаман Семенов отказался даже его принять, когда адмирал сам к нему приехал на ст. Манчжурия. О каком-либо воинском единовластии никто и слышать не хотел: оно казалось опасным японцам, подозрительным для высших властей, стеснительным для младших чинов и контрреволюционным для массы.

В результате так никаких войск и не сформировали. Культивировались, как бы наперекор основной идее, лишь разные небольшие отдельные отряды, никого выше себя не признающие и составленные главным образом из китайцев, монгол и бурят. Затем возникло несколько высоких штабов и много генеральских должностей до главнокомандующего фронтом включительно⁵⁴. Завелась переписка, канцелярии, делопроизводители, а воителей состояло к 1 июля, и то «по спискам»: в отрядах, признающих адмирала, всего 740 человек, у атамана Семенова — грубо не подчинявшегося ни адмиралу ни ген. Хорвату — что-то около 1800 человек (китайцы, монголы, буряты, японцы, 100 сербов, 400—500 забайкальских казаков и немного русских офицеров), у атамана Калмыкова — 70 человек. Вот и весь боевой состав, друг друга не признающий и даже угрожающий один другому.

Вследствие всего этого 30 июня н. ст. адмирал Колчак выехал в Токио, чтобы лично выяснить там, являются ли поступки ген. Накасима и некоторых офицеров японского Ген. штаба, заключающиеся в подговаривании начальников русских отрядов не признавать адмирала и не исполнять его приказаний, их личными выступлениями против него или это делалось с ведома и одобрения начальника японского Генерального штаба. В Токио, в присутствии нашего посланника В. Н. Крупенского и моем, адмирал имел по этому поводу беседу с ген. Танака — помощником начальника Ген. штаба, фактически — его главой. Ген. Танака против обвинений, высказанных адмиралом, не протестовал, но просил его «временно» оставаться в Японии, обещая призвать к высокой военной деятельности впоследствии, по выяснении условий интервенции союзников. Так А. В. и остался в Японии.

В июне весь Харбин был полон воплями о необходимости для спасения России призвать союзников, а главное японцев. Больше всех в этом отношении агитировал образовавшийся здесь еще ранее Дальне-Восточный Комитет⁵⁵, при участии бывшего члена Государственной думы Ст. Вас. Востротина (кадет). Господа эти сочинили целое молебное послание от лица «лучших русских людей» и через ген. Хорвата отправили его в Токио и другим союзникам.

Вскоре (9 июля н. ст.) после отъезда адмирала из Харбина, ген. Хорват объявил себя Всероссийским правителем, принявшим на себя и «всю полноту государственной власти», для чего выехал на ст. Гродеково, находящуюся на русской территории в Уссурийском крае. Хорват организовал так называемый «Деловой кабинет», в состав которого вошла часть членов Дальневосточного комитета; председателем его был избран Востротин. Пост военного министра принял недавно перед этим прибывший от Вашего имени ген. Флуг».

Генерал Флуг по своей инициативе принимал участие и в политической борьбе Сибирских центров. Так, в апреле в Омске он участвовал в подготовке на случай свержения большевиков «диктатуры во главе с П. Ивановым»... В начале июля, как сказано выше, вступил в состав «Всероссийского» правительства ген. Хорвата вместе со своим помощником Глухаревым. При этом — не персонально, а в качестве «делегации генералов Алексеева и Корнилова», что уже совсем не входило в его полномочия. Тотчас по вступлении в должность Флуг обратился по телеграфу к Гришину-Алмазову и Иванову-Ринову, объявляя об образовании генералом Хорватом государственной власти, в состав которой вошла «возглавляемая им миссия»; сообщал, что новая власть приступила к воссозданию боевых сил, «в состав коих имеют войти и организованные в Сибири боевые отряды». Сибирские военачальники ответили приветствиями и пожеланием соединения армий, но от признания над собою «всероссийской власти» Хорвата уклонились.

Возвращаясь к письму ген. Степанова. «Адмирал Колчак в состав кабинета приглашен не был ввиду того, что «в бытность свою в Харбине он всех восстановил против себя». По-видимому, и это выступление было произведено не без настояний японцев, гарантировавших свою несильную поддержку. Хотя незадолго до этого из японских субсидий было выдано некоему Краковецкому — военному министру еврейско-сибирского дерберовского правительства 50 тысяч рублей и само правительство предупредительно перевезено во Владивосток, где оно и объявило себя истинным правительством Сибири.

Таким образом, в Уссурийском крае сразу же появилось два правительства: во Владивостоке — находившемся во власти большевиков — якобы выбранное населением Западной Сибири во главе с Дербером, и на пограничной с Манчжурией ст. Гродеково — всероссийское ген. Хорвата. Кроме того особую чисто большевистскую позицию заняли земства Приморской области и Владивостокское городское самоуправление во главе тоже с евреем Медведевым. В Хабаровске властвовал большевик, еврей Краснощеков. Но в конце концов эти господа сговорились с Дербером.

Чехо-словаки, находившиеся во Владивостоке, сперва хранили нейтралитет, но затем, под угрозой выступления против них германо-австрийских пленных, обезоружили во Владивостоке и Никольске-Уссурийском большевиков. Роль при этом М. К. Дитерихса до сих пор для меня не ясна (лично мне с ним еще не пришлось увидеться). Официально он заявил, как офицеру, командированному к нему адм. Колчаком, так и представителям ген. Хорвата (между прочим, ген. Флугу), что он теперь не является русским, а только чехо-словаком, что считает Россию совершенно развалившейся, что никакого русского правительства ранее, чем через два года создать нельзя и что все русские военные организации подлежат немедленному роспуску. Ввиду этих суждений он категорически отказал в разрешении ген. Хорвату переехать во Владивосток. В подобных переговорах прошел июль.

2 августа ген. Хорват, опять-таки, по-видимому, не без совета японцев, воспользовавшись отсутствием ген. Дитерихса, проехал во Владивосток. Поезд его пропустили, но следовавшие сзади эшелоны с офицерскими ротами чехами не были пропущены. Вследствие этого 5 августа произошла стычка на ст. Голенки. Чехи взорвали путь перед русским бронированным поездом, выстрелами из которого затем были убиты два чеха.

В августе начали прибывать во Владивосток, в Харбин и на ст. Манчжурия войска, присланные союзниками согласно интервенции. Японцы ввезли пока (к 20 сент. н. ст.) в общем около двух дивизий, остальные союзники строго по условиям интервенции. Главное командование и на так называемом Хабаровском фронте, и на Забайкальском, и общее всеми союзными силами взяли в свои руки, конечно, японцы (фельдмаршал Отани). Американцы привезли свои войска из Филиппин, французы и англичане из ближайших азиатских колоний. Разумеется, по срав-

нению с японцами войска остальных союзников в боевом смысле представляют во всех отношениях величину незначительную.

Русские отряды союзниками совершенно игнорируются, даже в их штабы не приглашены русские офицеры, хотя бы для облегчения сношений с местным населением. Только отряд атамана Семенова, вероятно, потому, что еще с самого начала существования этого отряда, с первой пачкой японских денег, — фактическим начальником штаба отряда был посажен японский Ген. штаба капит. Куроки (сын покойного маршала).

Весь август правительства ген. Хорвата и Дербера провели во Владивостоке, высиживая друг друга на измор, при более чем недвусмысленном отношении дипломатических и военных представителей союзников. Наши послы в Токио и Пекине заняли в этом вопросе позицию невмешательства, причем, однако, кн. Кудашев, не делая никому исключения, передает официально все обращения, воззвания и манифесты каждого возникающего правительства, не считаясь с его сгедо, кроме ярко большевистских. Что касается вопроса об организации русской армии, то ген. Флуга об этом даже и слушать не хотят союзники.

Сперва союзников представляли во Владивостоке их коммерческие консулы и старшие войсковые начальники. Но недавно вместо первых образован «Высокий совет комиссаров» из специальных представителей: от Англии сэр Эллиот (бывший советник английского посольства в Петрограде), от Франции г. Реньо (только что покинувший пост посланника в Токио), от Америки назначается также посланник в Японии и от Японии г. Масаджеро. Между высоким советом консулов (?) и старшими военными начальниками союзных войск, по-видимому, нет солидарности во взглядах.

Находящиеся во Владивостоке русские офицеры, сперва организованные (т. е. попросту нанявшиеся) революционно-большевистским земством, пытались было признать ген. Хорвата, но за это вследствие навета Дербера были публично разоружены по постановлению совета союзных консулов, приведенному в исполнение приказом ген. Накасима. Акт этот был настолько позорно обставлен, что присутствовавший русский артиллерийский чиновник (завед. оружием) застрелился. Событие это вызвало много сочувственных и даже патриотических разговоров. Союзники удивлялись, они никак не могли представить себе, чтобы у русских сохранилось еще столь сильно выраженное чувство национальной чести. Но, однако, все это не помешало в день похорон многим русским дамам и господам принять приглашение и веселиться на благотворительном чае, устроенном как бы нарочно англичанами на палубе крейсера Суффольк...

В первых числах сентября происходит новое важное событие. Чехо-словаки, задержанные в дороге большевиками в Западной Сибири, прорвались под начальством чеха Гайды в Забайкалье, взяли Читу и вошли в соприкосновение с только что начавшим наступление Забайкальским отрядом, состоящим из японцев, чехов и войск Семенова. Гайда заявил себя во время борьбы с германо-большевиками в Сибири человеком решительным, расстрелявшим массы и перепоровшим еще большее число лиц.

Гайда объявил себя главнокомандующим всеми русскими и чехо-словацкими войсками и, как только добрался до ст. Оловяная Забайкальской ж. д., вызвал к себе ген. Хорвата и Дитерихса. С прибытием Гайды открылся ж. д. проезд в Иркутск и далее, чуть ли не до Самары, явилась, наконец, давножданная возможность войти в сношения с Западной Сибирью и ее правительством. 20 сентября н. ст. во Владивостоке собрались играющие доминирующую роль старшие представители союзников, правительства Хорвата и Дербера, Вологодский и «диктатор» Гайда, третирующий пока всех и каждого... Усилия Вологодского увенчались успехом. Дерберовское правительство, оказавшееся в критическом финансовом положении, и Хорват отказались от власти в пользу Сибирского правительства. Хорват был назначен «наместником на Дальнем Востоке».

«В общем все более и более выясняется, что союзники вступили в пределы России не ради спасения ее, а вернее ради своих собственных выгод. России никому не нужно. Установление у нас определенной твердой правительственной власти вредно для интересов господ союзников, желающих хозяйничать самостоятельно. Но особенно для них нетерпима организация русской военной силы. Наглее всех это высказывают японцы, вносящие всюду интриги через своих агентов и закуплен-

ных ими русских пособников. Вступление японцев равносильно военной оккупации занятой ими территории. Например, в Хабаровске они присвоили себе амурские канонерки и их дорого стоящую базу, под предлогом военной добычи, отнятой у большевиков. Для своих расплат с русским населением они ввели особые бонны, меняемые только на иены.

Соперниками японцев являются только американцы, сильные с промышленной и финансовой стороны, но слабые в военном отношении. Соперничество это уже обозначается явно: японцы порой как бы издеваются над американцами. Недавно, например, на протест американцев по поводу ввода японцами значительно больших сил, нежели это было оговорено в условиях интервенции, японцы насмешливо ответили, что они ничего не имеют, если и американцы введут сюда большее число своих войск, даже «большее, чем это может сделать Япония». Тот же ген. Накасима и другие японские офицеры не стеснялись публично бранить американцев..., по-азиатски стараются натравить на американцев других союзников, и особенно нас русских, всюду и везде подчеркивая, что американцы — явные сторонники большевиков.

Что касается американцев, то эти господа в политическом отношении скорее наивны и до сих пор еще продолжают смотреть на Россию и на наш большевизм по внушениям своей еврейской клики, которая и являлась в С. Штатах до последнего времени единственным источником познания России. Есть сведения, что в настоящее время эта ориентировка уже подверглась критике и американцы хотят сами, помимо евреев, познакомиться с Россией, ее населением, укладом его жизни и экономическими нуждами. Но когда все это случится! Англичане, как всегда, третируют нас свысока, а французы почему-то пока находятся под видимым влиянием Японии.

О китайцах я и не говорю, — Китай сам все еще переживает революцию, при дружелюбном содействии японцев, ссужающих деньги и оружие одновременно и северянам, и южанам, как это уверяют, делали они и у нас, субсидируя также одновременно и Семенова (не признающего ген. Хорвата), и самого Хорвата, и Дербера, а весной даже хабаровских большевиков. Нельзя умолчать и о высказываемых союзниками чаяниях в отношении вознаграждения от нас за их «бескорыстную помощь». Еще с адмиралом Колчаком по этому поводу заводил разговор ген. Накасима, но А. В. довольно определенно уклонился от этого вопроса как стоящего вне его компетенции. Пока выясняется, что Япония, обездоленная железом, возьмет себе: 1) наши побережные районы, богатые железной рудой, 2) нашу часть Китайской В. ж. дор. и, видимо, еще с придачей, 3) Владивостокского порта и Уссурийского края. Пока же японцы скупают пароходы на Амуре и занимают своими командами наши речные канонерки.

Американцы часто много говорят о необходимости обеспечить за собой право на постройку жел. дор. через Камчатку на Иркутск (кажется) с эксплуатацией прилежащего района. Вопрос этот не новый и возникал уже до войны».

Письмо заканчивалось обращением к генералу Алексееву: «А как здесь жаждут многие получить от Вас, глубокоуважаемый Михаил Васильевич, хотя бы какие-нибудь указания, что надо делать и как поступать, чтобы спасти родину от грядущего рабства ее под игом не только Германии, но и тех же союзников, вступающих ныне в наши пределы якобы из бескорыстных побуждений».

В письме своем от 1 октября адмирал Колчак высказал также глубоко пессимистический взгляд на общее положение Дальнего Востока: «Я считаю (его) потерянным для нас, если не навсегда, то на некоторый промежуток времени: и только крайне искусная дипломатическая работа может помочь в том безотрадном положении, в котором находится наш Дальний Восток. Отсутствие реальной силы, полный распад власти, неимение на месте ни одного лица, способного к упомянутой работе, создали бесконтрольное хозяйничанье японцев в этом крае, в высшей степени унижительное и несправное положение всего русского населения».

Интересно первое впечатление, которое вынес адмирал в Директории, приехав в конце сентября в Омск⁵⁶: «Я не имею пока собственного суждения об этой власти, но, насколько могу судить, эта власть является первой, имеющей все основания для утверждения и развития». Адмирал Колчак не питал, как видно, никакого предубеждения к идее «демократического правительства».

В то время, когда на огромном пространстве от Волги до Великого океана шла

непрерывная политическая борьба взаимно ненавидящих, свергающих друг друга советов, комитетов, правительств и правителей, на бесчисленных внутренних фронтах лилась кровь. Политика всецело полонила стратегию, внося своими чрезвычайными противоречиями элемент авантюры в операции, хаос в снабжение и начало деморализации в дух армий.

В начале августа стратегическое положение было следующим: под номинальным командованием ген. Шокорева находилось около 120 тысяч русско-чешских войск, из которых более половины входило в состав Западного фронта, 15—20 тысяч Южного, 15—20 тысяч Забайкальского и 10—15 тысяч расположилось во Владивостоке.

Против этих сил действовали войска Красной армии, насчитывающие на фронте Камы и Волги 80—100 тысяч, и совершенно не поддающиеся учету многочисленные красногвардейские отряды, так называемого «Ташкентского фронта», внутреннего сибирского⁵⁷, Забайкалья и Приморской области.

Операции развивались почти исключительно вдоль жел.-дор. линий. В Прикамском районе, на Пермском направлении в первой половине августа большевики произвели сильный нажим на Екатеринбург, подойдя к городу на полперехода и вызвав там сильную панику. Полковнику Войцеховскому удалось, однако, отбросить наступающих.

На Волжском фронте, без разрешения командования, по инициативе частных начальников (полковник Каппель, чешский капитан Швец) неожиданным налетом 7 августа была взята Казань. Операция эта, стратегически необоснованная, имела, однако, чрезвычайно важные последствия: в Казани был захвачен и поступил в ведение Самарского правительства золотой запас Российского государства в 651 1/2 миллион рублей золотом⁵⁸ и кроме того 110 миллионов кредитными билетами и на большую сумму ценных бумаг. Это обстоятельство давало прочную финансовую базу для развития Восточного фронта и сильно подрывало положение советской власти.

На Саратовском направлении, с марта месяца, проявляя огромное напряжение, мобилизовав все мужское население с 19 до 55-летнего возраста, выставив 20 полков, вело непрерывную героическую борьбу Уральское войско. В каких условиях — об этом один из участников говорит⁵⁹: «Пусть будет известно, что в отношении вооружения в начале нашей борьбы дело обстояло так, что многие старики несли с собой в бой пехи, пики, ломы и даже цепи; и после боя бывали найдены на поле брани с этим оружием самозащиты в руках». Только в начале июня, когда самарской группой чехов и добровольцев был взят Бузулук, войску открылась возможность получить оружие и боевые припасы. Под давлением превосходных сил большевиков, уральский фронт все время менял свое очертание, дважды (апрель и июнь) подходя почти вплотную к столице войска — г. Уральску.

До конца августа на Камском и Волжском фронтах было сравнительно спокойно; уральские казаки, отбросив большевиков на всех направлениях, дрались у Николаевска, Новоузенска и Красного Яра (под Астраханью); капитан Гайда подошел к Байкалу; на прочих направлениях шли небольшие бои с переменным успехом.

В сентябре обстановка круто изменилась под влиянием двух новых факторов: подвинувшейся значительно вперед организации Красной армии и начавшегося брожения в Чехо-словацком корпусе, который продолжал еще перебрасывать свои части с востока на запад. Предпринятое большевиками в начале сентября наступление — главными силами на Уфимском направлении — увенчалось успехом: они взяли 9-го Казань, 12-го Симбирск, а 9-го октября овладели и Самарой, продвигаясь затем дальше на восток.

Чехи, избалованные легкими успехами над красной гвардией весной и летом, теперь, когда начались более серьезные бои, драться не хотели. Тем более, что к тому времени путь к Великому океану был уже свободен... Глухо прозвучал выстрел, которым доблестный чех — капитан Швец — покончил свою жизнь, не будучи в силах перенести те явления, которые он считал предательством... — Прозвучал — не разбудив ничьей совести. Только добровольческие части, отступая последними, оказывали слабое сопротивление преследующему противнику. С фронта на восток потянулись массы беженцев.

В оправдание свое чехи приводили мотивы достаточно веские: неустойчивость

русских частей, вызывавшую у них сомнение, «желает ли русский народ действительно у себя порядка, народовластия, свободы... или предпочитает советскую власть»⁶⁰... «Внутреннюю смуту и неурядицу», в силу которой наблюдалось «не взаимодействие отдельных областей, но что-то вроде глухой вражды... Эгоизм и непонимание государственных задач доходили до границ недопустимого»⁶¹... Приводились и стратегические соображения — неправильность первоначальной разброски сил и необходимость сосредоточиться в районе Челябинска, чтобы начать серьезную операцию в одном главном направлении — на Вятку — Котлас для соединения с англичанами⁶²...

Образ действий чехов в этот второй период их участия в русской смуте не нуждается в оправдании. Они вольны были решить по внутреннему своему убеждению трагическую для нас дилемму: проливать ли кровь за спасение России или уходить. Они стали уходить. Это обстоятельство дает нам, однако, нравственное право отнестись критически к ореолу героизма и самоотверженности, в который облачают движение чехо-словаков, и, во всяком случае, не чувствовать себя в долгу перед ними. С осени 1918 года, в особенности с ноября, когда последние их части вышли из боевой линии, Чехо-словацкий корпус стал чужеродным и большим наростом в организме Сибири, поглощая большие материальные средства ее, столь необходимые для русской армии, загромождая и подчас парализуя подвижность сибирской магистрали. Бесславное участие в драме адмирала Колчака завершило впоследствии дело, так славно начатое чехо-словаками на Волге...

На других фронтах обстоятельства складывались значительно благоприятнее: на южном — наступление большевиков не получило развития; «внутренний фронт» был ликвидирован частями Сибирской армии; пал окончательно и восточный, со взятием Гайдой Читы. Все внимание и силы можно было, следовательно, обратить на Западный фронт.

К концу октября военное положение на территории, подчиненной «всероссийской власти» в лице созданной в Уфе Директории, представлялось в следующем виде:

I. Западный фронт шел по линии Верхотурье — Красноуфимск — Бугурус-лан — станция Неприк. Войсками его командовал чех, ген. Сыровой, сменивший Шокорева, имея штаб-квартиру в Челябинске. В трех группах генералов Гайды (Екатеринбург), Люпова (Бирск) и Войцеховского (Уфа) числилось русских войск 42 тысячи⁶³, чешских — 20 тысяч при 182 орудиях.

II. Уральский фронт шел в направлении от станции Неприк к берегу Каспийского моря, западнее Гурьева. Силы — 5 1/2 тысяч уральских казаков при 16 орудиях; во главе их стоял командующий войсками Уральской области, ген. Акутин.

III. Юго-западный фронт прикрывал направление от Самары и от Ташкента на Оренбург — в районах Бузулука и Актюбинска. Фронт занимали оренбургские казаки и остатки Народной армии силою в 15 1/2 тысяч при 54 орудиях, под начальством Оренбургского атамана ген. Дутова.

IV. Юго-восточный фронт — в направлении Семиречья; передовые части занимали Копал и Лепсинск. Силы — 6 тысяч, 11 орудий из состава Сибирской армии — находились в непосредственном подчинении командующего армией ген. Иванова-Ринова, жившего в Омске.

Резервом могли служить полувооруженные и полуобученные три дивизии ген. Ханжина, расположенные в Екатеринбургском районе, силою около 30 тысяч. Всего, следовательно, сибирские армии насчитывали около 90—120 тысяч при 263 орудиях. Войска — устойчивые на севере и юге и морально подавленные на важнейшем, Самарском направлении.

Против них наступали шесть красных армий⁶⁴ Восточного фронта под начальством полковника Каменева^{XII} силами до 100 тысяч при 300 орудиях⁶⁵; более двух третей этих сил было сосредоточено против Западного фронта (ген. Сыровой), который медленно катился назад под их давлением.

С августа месяца начала как будто сбываться мечта многих русских людей, видевших спасение России в союзнической интервенции. Мечта, положенная в основание планов большинства политических партий, поддерживавшая морально впавшую в отчаяние буржуазию и дрогнувший фронт...

В августе и сентябре стали прибывать во Владивосток транспорты с долгожданнами союзными войсками. Высадилось... три дивизии японцев, 5 батальонов

американцев, по батальону англичан⁶⁶, французов и итальянцев. Численность войск явно не соответствовала той огромной задаче, которая ставилась им пышными декларациями правительства и «высоких комиссаров». Еще более странным показалось применение этих войск... Японские дивизии расположились во Владивостоке, Харбине и вдоль линии Забайкальской ж. д. до Читы; при этом японский командующий, маршал Отани, заявил, что никакой другой задачи от своего правительства он не имеет. Американцы стали на охрану пути между Иркутском и Верхнеудинском и по Уссурийской ж. дор., английский батальон двинулся в Омск — резиденцию «высокого комиссара», очевидно, для представительства.

Этот высокий комиссар, сэр Эллиот, прибыв раньше других полномочных представителей союзников на екатеринбургский фронт, торжественно заявил: «Союзники употребляют все усилия, дабы оказать помощь возрождающейся России, как вооружением, снаряжением, так и людьми. Уже находятся в пути к Сибири их части, которые скоро будут сражаться на фронте. Помощь подвигается и с другой стороны от Котласа... Нельзя упрекать нас в медлительности... Связь только что налажена, и теперь делается все, чтобы ускорить помощь».

Официальная ложь союзников будила надежды, сменившиеся скоро глубоким разочарованием. Сибирь не получила от иностранцев ни одного штыка; они ограничились позднее присылкою материальной помощи вооружением и снабжением.

Порт и многомиллионные склады Владивостока были обеспечены, путь для чехо-словаков открыт, австро-германские контингенты военнопленных временно локализованы, а военно-политическая обстановка на европейском театре войны давала надежду на скорое и победное ее окончание. Какие же еще мотивы могли побудить «реальных» политиков Запада принять более деятельное участие в судьбах опасной своим бурным брожением страны, в несчастьи непонятного для них народа?

Г л а в а XV. *Внешние затруднения Добровольческой армии: немецкая оккупация. Астраханская и Южная армии*

С приходом германских войск на Дон положение Добровольческой армии стало весьма затруднительным. Декларации наши, свободно обращавшиеся, не могли создать никаких иллюзий в немецком командовании в вопросе об отношении к нему армии. Правда, первоначальная формула этих отношений, исходившая некогда от «совета» при триумвирате⁶⁷, теперь была заменена более мягкой: «Никаких сношений с немцами»... Но и эта формулировка не могла примирить немецкое командование с фактом существования бок о бок силы, безусловно им враждебной. Началось зондирование почвы.

Киевская главная квартира через третьих лиц — немецкой ориентации — предлагала нам войти в «дружеские сношения»; гр. Альвенслебен искал свидания с адъютантом ген. Алексеева, ротмистром Шапроном, бывшим в Киеве по делам армии; ген. Арним в Ростове на официальных собраниях высказывал свое уважение к Добровольческой армии и сожаление, что «она не идет вместе с нами». На Украине свободно работали вербовочные бюро, и команды добровольцев — в форме, с отличительными знаками армии — направлялись беспрепятственно на Дон, встречая даже известную предупредительность со стороны немецких комендантов. Это обстоятельство, наряду с появившимися в киевских газетах сведениями о «союзнической ориентации» армии, возбуждало даже в наших киевских друзьях сильнейшее беспокойство — «не готовят ли немцы ловушки...».

Попытки эти остались безрезультатными: командование Добровольческой армии, избегая каких бы то ни было активных действий в отношении немцев, категорически отказалось войти с ними в сношения. Создалось весьма оригинальное «международное» положение, которое с некоторым приближением можно назвать «вооруженным нейтралитетом».

Любопытно, как расценивала правая общественность наши побуждения в этом вопросе. Кн. Г. Трубецкой в своем донесении Правому центру писал⁶⁸: «Генералы, стоящие во главе Добровольческой армии, мыслили возрождение России и армии в прямой преемственности от той идеологии, которую они принесли с фронта бывшей русской армии. Немец был враг, и притом нечестный враг, придумавший удуш-

ливые газы, а потом и самих большевиков. С этим врагом могла быть только борьба на жизнь и смерть, и невозможны и недостойны никакие разговоры. Изменить союзникам было бы недостойным малодушием, и на всех, кто были заподозрены в германской ориентации, ложилось пятно. Определение это, верное в отношении офицерской массы, слишком, однако, элементарно в отношении старших начальников: они руководствовались кроме этого мотивами государственной целесообразности и некоторым предвидением...

Истинные намерения германцев нам не были известны. Возможность дальнейшего движения их к востоку и югу ставила в крайне тяжелое положение Добровольческую армию и вызывала неоднократные сношения по этому поводу ген. Алексеева и мои с донским правительством. Ген. Богаевский, управляющий отделом иностранных дел, предупреждал, что ручаться ни за что нельзя, но что во всяком случае «с ведома и согласия войскового правительства никакого передвижения немцев быть не может». Одновременно, однако, приходили сведения, что ген. Краснов помимо своего правительства ведет переговоры с немецким командованием о совместном наступлении на Азов и Ейск.

15 июля сведения эти получили существенное подтверждение. Атаман пригласил к себе моего представителя ген. Эльснера и убеждал его в необходимости сдвинуть Добровольческую армию с Кубани на Царицын. В качестве неопровержимого довода Краснов просил передать мне со слов будто бы немецкого майора (Стефани?), что немцы сосредоточили «крупные силы против большевиков» и «предъявили им требование очистить Азов, Ейск, Новороссийск и всю жел.-дор. линию от Ростова до Новороссийска»; ее немцы займут тотчас же, оккупируя таким образом Кубань⁶⁹. С другой стороны, все чаще поступали донесения по поводу возможного движения немцев на Царицын совместно с донскими казаками. Об этом писал и ген. Алексеев. И я, учитывая большое значение для нас Царицына как единственного выхода на север, просил М. В. «предъявить атаману требование..., чтобы не только с его стороны не последовало приглашения немцев, но наоборот — были бы устранены все предлоги для их движения туда».

Немцы, однако, против красной гвардии и советов больше не пошли. Только однажды, в конце мая, они вынуждены были вступить в бой с большевиками, предпринявшими без ведома Москвы нелепую и безрассудную десантную операцию из Азова к Таганрогу, окончившуюся страшным поражением большевиков, но вместе с тем вызвавшую потери и у немцев до 700 человек.

Берлин все это время вел переговоры о «дополнительных соглашениях» с Москвой, которая настаивала на очищении немцами Ростова и Таганрога или, по крайней мере, пропуска по Юго-Восточной и Владикавказской дорогам большевистских войск для борьбы с Югом. Позднее, 23 июля, Чичерин предъявил преемнику Мирбаха Гельфериху желания более определенные: «Активное выступление против Алексеева и никакой дальнейшей поддержки Краснову». Очевидно, как отголосок этих переговоров, в начале июня ген. Кнерцер получил распоряжение из Киева о заключении перемирия с большевиками на всех фронтах, в том числе на Таганрогском и Батайском... Все немецкие силы, следовательно, можно было направить против Восточного фронта, когда он представит действительную опасность.

С половины июня отношения немцев к армии резко изменились. 13 июня, как я говорил выше, имело место обращение их через Тундутова к Донскому атаману о репрессиях в отношении Добровольческой армии... Вскоре, через местные воинские части, последовало требование немцев о сборе всех военнопленных австро-германцев, относившееся и к чехо-словакам, находившимся в рядах армии и сделавшим с ней Первый кубанский поход⁷⁰... На обращенный ко мне тревожный вопрос представителя их Краля я ответил, что избегаю тщательно всяких столкновений с немцами, но защита наших соратников чехо-словаков — это вопрос нашей чести, и я не остановлюсь в случае нужды перед боем...

В Киеве немецкая контрразведка, пополненная русскими офицерами, в том числе дезертирами Добровольческой армии, разгромила местный добровольческий центр и арестовала полковников Кусонского и Ряснянского⁷¹... Начали поступать сведения о задержке и аресте следовавших в армию офицерских эшелонов из целого ряда городов... Задержание эшелонов и офицеров германские власти объяснили тем, что «Добровольческая армия находится в состоянии войны с Германией,

так как содержится на средства французов». Добровольческие «центры» стали переходить на конспиративное положение, приток пополнений сократился.

В июле стали получаться весьма тревожные сведения со всех сторон — от Шульгина, Милюкова, московских организаций, из кругов, стоявших в оппозиции к Донскому атаману, — об опасности, угрожающей нам со стороны немцев. Непосредственно из «Всероссийского» (советского) Генерального штаба пришло тайно донесение, что «решено сильным отрядом не допустить продвижения Добровольческой армии к Царицыну, а разоружить ее и разогнать как будущее ядро Русской национальной армии».

Обстановка разъяснилась окончательно только к сентябрю, когда от лица, стоявшего во главе одного из центральных советских учреждений, получено было подробное освещение положения⁷²: «После заключения договора — дополнительного к Брестскому, Гинце⁷³ (середина августа) обратился к советским властям с нотой, которая является... новым дополнением к договору... В конце ее имеется указание о необходимости сохранения ее в тайне. В одном из пунктов немецкое правительство настаивает на принятии советскими властями решительных мер к немедленному прекращению чехо-словацкого движения, к удалению союзников с Мурмана и Архангельска... и подавлению мятежа ген. Алексеева. Если советская власть окажется не в состоянии достигнуть указанных выше задач собственными силами, то она не должна противодействовать продвижению для... этих целей немецких сил по территории России... Немцы видят наибольшую для себя опасность именно в Добровольческой армии и в генерале Алексееве... Из сопоставления всех этих данных с передачей советским властям вооружения, снаряжения и боевых запасов, захваченных немцами на наших фронтах, а также формированием на немецкие средства... Астраханской и Южной армий — для меня ясно, что немцы принимают все меры к ослаблению численности Добровольческой армии и к поселению розни между ними (армиями), так и по возможности к полному ее уничтожению... Что касается Дона, то немцы, по-видимому, предали его большевикам, обязавшись дополнительным к Брестскому договором очистить жел.-дор. линию Воронеж — Ростов, а также не признать его самостоятельности... По-видимому, и советские власти пришли к убеждению, что немцы не будут поддерживать Дон в его борьбе с большевиками»...

Что же помешало выполнению этих планов? Стратегическое положение Добровольческой армии не было таким безотрадным, как представлялось ее друзьям в Москве и Киеве. Это хорошо понимали в штабе ген. Кнерцера и умеряли воинственное настроение своих московских дипломатов. Корпус Кнерцера, состоявший из трех пехотных дивизий и кавалерийской бригады, занимал обширный район Таганрог — Ростов — Миллерово — Бахмут и не мог выделить достаточных сил для скорой ликвидации Добровольческой армии. Вооруженное выступление против нас, несомненно, охладило бы симпатии германфильской части русской общестственности, всколыхнуло бы национальное чувство, в частности донского офицерства, вызвало бы раскол в Донской армии, падение Краснова и большой хаос в тылу наступающих. Углубление германских войск на Северный Кавказ, в связи с большой подвижностью Добровольческой армии, грозило надолго затянуть операцию, ставя под удары партизанских отрядов все сообщения немцев. До фактического создания союзниками Восточного противонемецкого фронта и до движения армии на север такой риск не оправдывался бы обстановкой.

В свою очередь, я, совершая Второй Кубанский поход, принял некоторые меры обеспечения. На линии Киев — Ростов Киевский железнодорожный комитет и некоторые организации подготавливали жел.-дор. забастовки, нападения, порчу и разрушение пути — на случай движения на восток немецких подкреплений.

Краснов, по мере движения Добровольческой армии, спешил с открытием жел.-дор. линии от Ростова на Торговую и Тихорецкую и просил ген. Алексеева о подчинении ему всех путей сообщения Кубанской области и Ставропольской губернии⁷⁴. Так как это обстоятельство угрожало существованию армии, облегчая удар по ней немцам, я вынужден был препятствовать этим намерениям, мирясь с огромными трудностями подвоза нам снабжения по грунтовым путям. Линия Ростов — Батайск — Торговая была во многих местах основательно разрушена ранее, и инженеры, которым по приказанию Донского атамана надлежало восстанавливать путь, в мере возможности саботировали работу. Наконец, 10 июля, после взятия

нами станции Кущевки, полковником Кутеповым по моему приказанию взорван был кущевский ж. д. мост, чем прервано было движение от Ростова.

Взрыв у Кущевки вызвал гнев Донского атамана и произвел большое впечатление на немцев, не оставляя уже никаких сомнений в отношении к ним армии. Тем не менее «вооруженный нейтралитет» не нарушался. Только в конце сентября произошел небольшой эпизод: в первый раз ко мне официально обратился от имени своего правительства майор фон Кофенгаузен, прося ускорить восстановление проходившей по занятой нами территории линии индо-европейского телеграфа и предлагал дать для исправления и обслуживания ее свой персонал. Кофенгаузену было отвечено через ген. Эльснера⁷⁵, что вообще все телеграфные линии на территории армии восстанавливаются и чужой помощи не требуется. Через 2—3 недели я получил новую ультимативную уже ноту — о предоставлении германскому командованию указанной линии, с требованием определенного ответа в пятидневный срок... Ответил тем же порядком, что телеграфные линии по мере восстановления поступают в общественное пользование на точном основании российских законов.

Было ли предъявление этого ультиматума желанием создать повод для открытия военных действий, не знаю — ближайшие дни совершенно изменили обстановку: над Германией стряслась неслыханная катастрофа, а «высокий представитель» ее фон Кофенгаузен тайно исчез из Ростова, долго еще потом пугая воображение союзных миссий, безуспешно разыскивавших его на территории Юга.

Я должен добавить еще одно: оставаясь неизменно нашим врагом, немецкое командование на Юге России относилось всегда с большим уважением к Добровольческой армии. Не выступая против Добровольческой армии с оружием в руках, немцы старались разложить ее другими путями. К числу их относится создание ими так называемой Астраханской армии⁷⁶. В Киеве, в начале июля, образовалась организация для вербовки в эту армию, формировавшуюся на Дону, в районе ст. Великокняжеской. Во главе ее стал совершенно ничтожный человек, полковник Тундутов, в качестве политического руководителя — Иван Добрынский, в окружении чрезвычайно темные элементы (немцы и русские) германской контрразведки.

Астраханская армия, приняв внешние отличия, служебный распорядок и «лозунги» — монархические, тем самым должна была отвлечь офицерство от армии Добровольческой — армии «с неопределенной политической физиономией», «признающей Учредительное собрание», даже «в скрытой форме... республиканской» — как говорили создатели Астраханской армии. Первое время набор, открыто поощряемый немцами, имел известный успех. Немцы дали Тундутову несколько миллионов рублей и отпустили в небольшом размере русское боевое снабжение. Правые круги Киева, во главе с гр. В. Бобринским, оказывали армии моральное содействие, московский Правый центр «вступил с ней в контакт». Шли в армию и офицеры: одни — из числа обиженных, не нашедших удовлетворения своему честолюбию в рядах Добровольческой армии; другие — из-за двойного в сравнении с добровольческим оклада; третьи — действительно искренне привлекаемые монархическим лозунгом. Большинство же шло просто «на борьбу с большевиками», не разбираясь ясно в задачах нового формирования и в удельном весе его руководителей.

Организаторы искали долго генерала с популярным именем для возглавления армии. Гр. Келлер отказался, как «открытый противник германской ориентации»... Ген. Н. И. Иванов — также. «Я всегда ставил безусловно необходимым полное согласование всех действий этих войск, — писал мне Иванов 10 августа, — с Вашей армией и самым настойчивым образом отвергал возможность каких-либо моих сношений с германцами». Характерно для психологии русского генералитета: Н. И., допуская снабжение «Астраханцев» запасами, оставшимися на Украине, «что требовало согласия немцев», был, однако, глубоко оскорблен тогда «тяжким обвинением, возведенным (на него) агентурой⁷⁷, об (его) не имевших места в действительности сношениях с представителями германского командования», и «убедительно просил (меня)... расследовать источник этих обвинений»...

Остановились «Астраханцы» на Павлове — лихом кавалерийском генерале, в политической идеологии которого был только монархизм и никаких осложняющих дело «предрассудков». Павлов побывал у меня в Тихорецкой, осведомился об отрицательном отношении моем к новому формированию, но должность принял.

В результате вся эта попытка немцев потерпела полную неудачу. К августу

был сформирован только один батальон в 400 штыков и до конца существования «армии» (начало 19 года) численность ее не превышала 3 тысяч бойцов, из которых в феврале 19 г. только 1753 могло быть на фронте. Втайне от руководителей организации армейский штаб Астраханцев⁷⁸ считал себя в распоряжении Добровольческой армии, получая временами указания от ген. Эльснера, и заявлял, что «сформированные части готовы перейти в состав Добровольческой армии по первому требованию»...

Добровольческий штаб относился, однако, несочувственно к такому распылению сил и к темной политической игре. В результате штаб Астраханской армии рисовал ген. Эльснеру такие сцены: «Офицеры по прибытии в Ростов узнают от специально поставленных на вокзале (ваших) агентов об ориентации Астраханского войска, источниках его содержания, и до 60—80% эшелонов желают с места перейти в Добровольческую армию»... «Затем, когда эшелон идет по линии Батайск — Торговая, рьяную агитацию ведут (ваши) коменданты станций. В результате значительная часть эшелонов переходит в Добровольческую армию. Но мало того, переходящие начинают все время корить и упрекать остающихся, издеваться над ними. Проявляется взаимная обида и обозление»... Астраханский штаб просил ген. Эльснера самого по-братски распределять пополнения⁷⁹. Ген. Эльснер от содействия укомплектованию Астраханской армии отказался, но и не препятствовал ему.

В августе немцы, разочаровавшись в своем формировании, прекратили отпуск денег Тундутову. Донской атаман давал скудные пособия. И Тундутов в поисках материальной поддержки обратился в киевскую организацию крайних правых — «Совет монархического блока»⁸⁰. Между ними был заключен 7 сентября договор⁸¹, в силу которого ничего не ведавшее офицерство было поставлено перед фактом неожиданного применения его патриотических побуждений: «Войсковой атаман передает всю политическую работу Совету монархического блока» (ст. 7-я)... «Астраханская армия должна быть использована для борьбы со всеми противниками восстановления законопреемственной монархии и воссоздания России» (ст. 2).

Но казна «блока», черпавшая средства также из берлинского источника, скоро иссякла, и Астраханская армия все время не выходила из тяжелого кризиса. Осенью Тундутов явился на поклон в Екатеринодар. Пороча всячески Донского атамана, он просил разрешения «отложиться» от Донской армии и присоединиться к Добровольческой. Не считая возможным обострять отношения, я категорически отказал. По тем же побуждениям и не желая подрывать принципа дисциплины, я отклонял многократные ходатайства Астраханских частей о переходе их в полном составе к нам.

Тундутов и его окружение вели праздный и разгульный образ жизни, а «армия» постепенно таяла; таяла от отсутствия пополнений, от ухода из ее рядов многих неудовлетворенных и от потерь, понесенных в небольших, но непрерывных боях с большевиками — на крайнем правом фланге Донцов, в Манычских степях.

Почти одновременно с этой неудачной попыткой немцы предприняли другую, казавшуюся им более солидной, ввиду общественного положения лица, ставшего во главе дела.

Из всех членов императорской фамилии, оставшихся в живых, только двое — герцоги Н. и Г. Лейхтенбергские — приняли всецело «германскую ориентацию». Герцог Н. Лейхтенбергский взял на себя роль посла атамана Краснова к германскому императору и, не будучи принят Вильгельмом, устранился в дальнейшем от политической деятельности. Герцог Г. Лейхтенбергский стал во главе формирования на немецкие деньги — при фактическом участии в штабе организации немецких офицеров — так называемой Южной армии.

Герцог был «флагом». Душою организации являлся некто Акацатов, член Союза русского народа. Возглавлялась организация созданным Акацатовым союзом «Наша Родина», в состав которого кроме герцога и Акацатова (председатель) входило еще несколько членов (9), имена которых по интимным соображениям опубликованы не были. В качестве народной и общественной базы назывались такие полумифические организации, как «Всероссийский национальный клуб», «Всероссийский национальный союз», «Союз русской молодежи Юга России», «Гимнастическое общество Богатырь», «Крестьянские кооперативы», «некоторая часть Союза русского народа» и т. д.⁸².

Организация встретила отрицательное к себе отношение в среде киевского генералитета, но зато с большим увлечением отнеслась к ней группа гр. В. Бобринского. Монархический лозунг был поставлен ясно и определенно. Политическая же ориентация была известна в точности только верхам. Рядовому офицерству сообщалось, что Южная армия не имеет никаких обязательств в отношении немцев и «создается на деньги, занятые у русских капиталистов и у монархических организаций». Территория для формирования была представлена ген. Красновым, неизменно поощрявшим эти предприятия, «русская» (не донская) — южная часть Воронежской губернии, на которой Акацатов стал водворять администрацию и «исконные начала».

Ни один из крупных генералов, к которым обращался союз «Наша Родина», не пожелал стать во главе армии. Так до конца своего «самостоятельного» существования армия оставалась без командующего; его заменял временно начальник штаба, ген. Шильдбах, а наличным составом формируемых частей командовал фактически ген. Семенов. Выбор — весьма показательный: Семенов был до того удален из отряда Дроздовского, ввиду полной неспособности в боевом отношении, потом из Добровольческой армии — за то, что, будучи начальником нашего вербовочного бюро в Харькове, вступил в связь с немцами и... отговаривал офицеров ехать в Добровольческую армию.

На небольшом клочке Воронежской губернии Акацатов с Семеновым восстанавливали порядки, давно отошедшие в область истории. Оттуда распространялась нездоровая литература, отравлявшая души офицерства реакционным изуверством и человеконенавистничеством. Оттуда же шла лютая травля Добровольческой армии. «В последних номерах газеты «Наша Родина», — сообщала киевская «Азбука», — нет ни слова о большевиках. Вся газета посвящена грубому поношению ген. Алексеева, Шульгина, Родзянко и т. д. О ген. Алексееве газета пишет, что это он предал царя, устроил ему ловушку, и что он разложил армию. О всех вообще, кто, движимый любовью к несчастной Родине, собрались в Екатеринодаре, газета говорит, что на лицах их «ясно виднеется улыбающийся Азеф»...

Любопытно, что организатор армии, герцог Лейхтенбергский, все же счел нужным обратиться ко мне с письмом, в котором выражал надежду на совместные наши военные действия в будущем. Я ответил весьма сдержанно, что это будет зависеть от той политики, которую поведут руководители Южной армии.

Как бы то ни было, но расхождение в политических лозунгах армий воспринималось в Киеве, по-видимому, очень остро. Митрополит Антоний, хорошо осведомленный о настроении правых и принимавший в работе их деятельное участие, с одним офицером — общим знакомым, приехавшим в Екатеринодар в начале августа, передавал мне о крайнем своем беспокойстве: «Как бы русские армии не вступили в междоусобную брань»...

В приказе Донского атамана от 26 августа указывалось, что Южная армия, равно как Астраханская и «Русская народная армия»⁸³, «в будущем обеспечат пределы Дона», а «политическими программами их войско не интересуется и их не разделяет, имея одну цель — создание сильного государства — Всевеликого войска Донского». Эта тирада звучала особенно странно, принимая во внимание, что южные части Саратовской и Воронежской губерний были «временно» подчинены Дону и незадолго перед тем военными губернаторами там были назначены атаманскими приказами начальники формирувавшихся войск — ген. Семенов⁸⁴ (Воронежской) и подполковник Манакин (Саратовской)⁸⁵...

И эта вторая попытка немцев и русских германофилов окончилась неудачей. Тем более, что немцы, достигнув основной своей цели — посеяв рознь, не думали вовсе о создании из Южной армии прочной силы: уже в сентябре финансирование ими герцога Лейхтенбергского почти прекратилось, снабжение ограничено было до ничтожных размеров. К октябрю в «армии» было до 3¹/₂ тысяч штыков и сабель, без обоза, почти без артиллерии, и много небоевого элемента. В войсках создавалось тяжелое настроение.

Искусственно вызванное взаимное отчуждение и озлобление между «южанами» и Добровольцами сменялось понемногу явным тяготением к Добровольческой армии отдельных лиц и целых частей Южной армии. Оно усилилось еще более после произведшего большое впечатление обращения Шульгина «к руководителям Астраханской и Южной армий»⁸⁶. «Ваша тяжкая жертва была принесена напрас-

но, — писал он. — Теперь, после того, как Германия запросила мира, вы, конечно, сознаете, что она никого спасти не может». Указывал выход — «соединиться с людьми, которые, как и вы, любят Россию, но которые шли к ее спасению другими путями»... В Екатеринодаре появились вновь делегации от Южной и Астраханской армий с просьбой о присоединении к Добровольческой. «В скором времени, — обобщал свои впечатления Шульгин⁸⁷, — следует ожидать массового бегства офицеров из Южной армии в Добровольческую, так как офицерство потеряло надежду на то, что верхи Южной армии перестанут его делать пугалом в глазах народа».

Но с 30 сентября Южная армия поступила уже в полное подчинение ген. Краснову, и потому, чтобы не создавать затруднений атаману, на основании моих указаний ген. Драгомиров сообщил Шульгину⁸⁸: «Нужно успокоить офицеров Южной армии и убедить их не уходить из ее рядов, так как в скором времени все равно они попадут под наше начальство и послужат остовом при формировании общерусской армии»... Влились они в нашу армию действительно, но... слишком поздно — после окончательного развала.

Г л а в а XVI. *Внешние затруднения Добровольческой армии: отношения с Донским атаманом*

Наиболее тяжелые отношения установились у нас с Донским атаманом. На небольшом клочке освобожденной от большевиков русской земли двум началам, представленным, с одной стороны, ген. Красновым, с другой — ген. Алексеевым и мною, очевидно, оказалось тесно. Совершенно неприемлемая для Добровольческой армии политическая позиция атамана, полное расхождение в стратегических взглядах⁸⁹ и его личные свойства ставили трудно преодолимые препятствия к совместной дружной работе. Утверждая «самостоятельность» Дона ныне и «на будущие времена», он не прочь был, однако, взять на себя и приоритет спасения России. Он, Краснов, обладающий территорией, «народом» и войском — в качестве «верховного вождя Южной Российской армии»⁹⁰, брал на себя задачу — ее руками — освободить Россию от большевиков и занять Москву⁹¹... На этом же пути стояла другая сила — пока еще «бездомная», но с непререкаемым общерусским авторитетом бывшего Верховного — ген. Алексеева и с большим моральным весом и боевой репутацией Добровольческой армии.

Обе стороны, понимая непреложные законы борьбы, считали необходимым объединение вооруженных сил, и обе не могли принести в жертву свои убеждения или предубеждения. На этой почве началась длительная внутренняя борьба — методами, соответствовавшими характеру руководителей... В то время, когда командование Добровольческой армии стремилось к объединению вооруженных сил Юга — путями легальными, атаман Краснов желал подчинить или устранить со своего пути Добровольческую армию; какими средствами — безразлично.

Началось еще в мае, когда неожиданно атаманским приказом все донские казаки были изъяты из рядов Добровольческой армии, что расстроило сильно некоторые наши части, особенно Партизанский и Конный полки. Мне пришлось поблагодарить Донцов и отпустить их, чтобы не обострять положения и не создавать картины развала... В краткий период кризиса, пережитого Добровольческой армией⁹², отдельные лица, иногда небольшие части, дезертировали из армии на службу на Дон, встречая там радушный прием. Был даже случай, что целый взвод с оружием и пулеметами под начальством капитана Корнилова⁹³ бежал в Новочеркасск; с ним ушел также офицер штаба армии лейтенант флота Поздеев и... мой конный вестовой — текинец; характерная мелочь — последний ушел одвуконь, украв, кстати, мою лошадь. Штаб вел по этому поводу переписку, но безрезультатно. Все проходило совершенно безнаказанно.

Между тем переход в Добровольческую армию, хотя бы и легальный, расценивался совершенно иначе. Помню, какой гнев вызвало впоследствии формирование донским генералом Семилетовым после долгих переговоров партизанского отряда в Черноморской губернии из донских граждан, не обязанных службой на Дону⁹⁴... Отряд не представлял из себя сколько-нибудь серьезной силы и, конечно, не мог иметь никакого политического значения — по крайней мере я не допустил бы этого. Но ген. Краснов считал, что цель Семилетова, «находящегося всецело в руках

кадетской партии..., поднять казаков против правительства и свергнуть его, атамана, с должности»⁹⁵... В июне ген. Эльснер просил разрешения ген. Краснова привлечь на службу в армию иногородних Донской области и получил отказ, мотивированный тем, что «неокрепшие еще местные власти не в состоянии будут заставить иногороднее население выполнить приказ»⁹⁶. Через несколько дней атаман, однако, отдал приказ о наборе иногородних Дона, формируя из них полк, кадром для которого послужили... следовавшие в Добровольческую армию офицеры лейб-гвардии Измайловского полка. Он откровенно высказывал ген. Алексееву⁹⁷ надежду, «что получит гвардейских офицеров ото всех полков гвардии»⁹⁸. Но Измайловцы не пошли, а инициатор этой затеи, полковник Есимантовский, формировавший полк (потом бригаду) при помощи нескольких офицеров лейб-гвардии Финляндского полка, через два месяца, подчиняясь общему настроению, писал уже покаянное письмо ген. Алексееву⁹⁹: целью его было только «привести в Добровольческую армию готовый полк без расходов от нее». Есимантовский испрашивал указаний, «когда и как сделать переход в армию»...

Наиболее осложнений доставил нам вопрос с отрядом полковника Дроздовского. Прибыв в Новочеркасск 25 апреля, Дроздовский в тот же день донес мне, что «отряд прибыл в мое распоряжение» и «ожидает приказаний». Но время шло, назревал 2-й Кубанский поход, а начало его все приходилось откладывать: более трети всей армии — бригада Дроздовского — оставалась в Новочеркасске. Это обстоятельство препятствовало организационному слиянию ее с армией, нарушало все мои расчеты и не давало возможности подготовить операцию, о которой было условлено с ген. Красновым 15 мая¹⁰⁰.

По просьбе Краснова, отряд Дроздовского разбрасывался частями по области: конница дралась в Сальском округе, пехота употреблялась на «очистку от большевиков» Ростова и Новочеркасска, на карательные экспедиции по крестьянским деревням севера области. Я требовал присоединения бригады; Дроздовский ходатайствовал об отсрочке для отдыха, организации и пополнения. Краснов упрашивал Дроздовского не покидать Новочеркасск — публично, на параде перед строем, и более интимно в личных разговорах с Дроздовским. Атаман порочил Добровольческую армию и ее вождей и уговаривал Дроздовского отложиться от армии, остаться на Дону и самому возглавить добровольческое движение под общим руководством Краснова¹⁰¹.

Слухи об этих переговорах и якобы колебаниях Дроздовского¹⁰² дошли до офицеров его отряда и вызвали среди них беспокойство. По просьбе офицеров, командир сводно-стрелкового полка, полковник Жебрак, обратился по этому поводу к Дроздовскому и получил от него успокоительное заверение. Позднее Дроздовский так писал мне о новочеркасских интригах: «Считая преступным разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного самолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы Вы»...

Я ждал присоединения отряда, без чего нельзя было начинать операцию, атаман всемерно противился этому и в то же время... «настаивал на немедленном наступлении — надо использовать настроение казаков, их порыв, надо воспользоваться растерянностью комиссаров»... После беседы с Жебраком Дроздовский приехал в Мечетинскую, отряд его был зачислен в качестве 3-й бригады в Добровольческую армию и 23 мая выступил на соединение с ней.

Все эти неудачи не останавливали, однако, атамана перед попытками создания подчиненной ему «Российской армии». Свое недоумение он высказал однажды в письме к ген. Алексееву¹⁰³: «На земле войска Донского, а теперь и вне ее я работаю совершенно один. Мне приходится из ничего создавать армию..., снабжать, вооружать и обучать ее. В Добровольческой армии много есть и генералов, и офицеров, которые могли бы взять на себя работу по созданию армий в Саратовской и Воронежской губерниях, но почему-то они не идут на эту работу»... Краснов не хотел понять, что его попытки обречены на неуспех просто в силу психологии русского генералитета и офицерства, глубоко чуждой основным положениям атаманской политики. Попытки — вместе с тем неизбежно, даже независимо от чьей-либо злой воли, ослаблявшие и расстраивавшие Добровольческую армию.

Ввиду явной неудачи формирования «Южной армии», руководители ее выну-

ждены были передать ее в полное подчинение генералу Краснову¹⁰⁴. 30 сентября состоялся атаманский приказ о создании «Особой Южной армии», в составе которой должны были формироваться три корпуса: «Воронежский» (бывшая «Южная армия»), Астраханский (бывшая «Астраханская армия») и Саратовский (бывшая «Русская народная армия»). На новую армию возлагалась «защита границ Всевеликого войска Донского от натиска красногвардейских банд и освобождение Российского государства».

Возник вопрос о возглавлении армии генералом с общероссийским именем, чтобы привлечь таким образом офицерство. Но такого найти не удавалось. С ген. Щербачевым, жившим в Яссах, атаман не смог войти в связь. Ген. Драгомиров, проезжая в августе из Киева через Новочеркасск, «умышленно уклонился от встречи с Красновым», ибо, как он писал мне впоследствии¹⁰⁵, «мы стояли на столь различных точках зрения в вопросе о дружбе с немцами, что наш разговор мог бы иметь результатом только крупную ссору, с чего мне вовсе не хотелось начинать свою деятельность на Юге России». Тем не менее 30 сентября Краснов обратился к Драгомирову¹⁰⁶ с предложением принять новую армию. Горячий Драгомиров ответил, что в этом формировании он «видит продолжение той же немецкой политики — *divide et impera* (разделяй и властвуй (лат.). — *Ред.*) — которая привела нашу Родину к пропасти», и потому «предложение этого поста равносильно (для него) оскорблению»¹⁰⁷...

Остановился Краснов на Н. И. Иванове. К этому времени дряхлый старик, Н. И., пережив уже свою былую известность, связанную с вторжением в 1914 году армий Юго-западного фронта в Галицию, проживал тихо и незаметно в Новочеркасске. Получив предложение Краснова, он приехал ко мне в Екатеринодар, не желая принимать пост без моего ведома. Я не противился, но не советовал ему на склоне дней давать свое имя столь сомнительному предприятию. Однако, вернувшись в Новочеркасск, Иванов согласился. 25 октября мы прочли в газетах атаманский приказ о назначении Н. И., заканчивавшийся словами: «Донские армии восторженно приветствуют вождя их новой армии — армии Российской»...

Бедный старик не понимал, что нужен не он, а бледная уже тень его имени. Не знал, что пройдет немного времени и угасшую жизнь его незаинтересованный более Краснов передаст истории с такой эпитафией: «Пережитые им (ген. Ивановым) в Петербурге и Киеве страшные потрясения и оскорбления от солдат, которых он так любил, а вместе с тем и немолодые уже годы его отозвались на нем и несколько расстроили его умственные способности»... Ген. Иванов умер 27 января, увидев еще раз крушение своей армии, особенно трагическое в войсках Воронежского корпуса¹⁰⁸.

Я шел с армией походом, вел ежедневно кровавые бои, требовавшие большого нравственного напряжения и известного душевного равновесия... А из нашего тыла, из Новочеркаска все чаще шли вести — возмущающие и волнующие. Это были не просто слухи, а факты, документы, основанные на словесных и письменных излияниях не в меру злобствовавших ненавистников Добровольческой армии.

Атаман в заседаниях правительства, в речах и беседах..., командующий Донской армией ген. Денисов публично в офицерских собраниях поносили и Добровольческую армию, и вождей ее. Поносили все — нашу стратегию, политику, нравственный облик начальников и Добровольцев. «Достоверные сведения» о полном развале Добровольческой армии были любимой темой донских руководителей¹⁰⁹.

Даже самый поход наш был заранее опорочен. В заседании 26 июня Краснов заявил¹¹⁰, что Добровольческая армия «оставила без всякого предупреждения Донского правительства в ночь на 11 июня линию Мечетинская — Кагальницкая, чем Донская армия поставлена в крайне тяжелое положение, ибо получилось обнажение фронта». Этот упрек брошен был армии, двинутой во Второй Кубанский поход, имевший одной из ближайших задач освобождение Задонья и тот общий результат, который в отчете Кругу Денисова выражен был следующими словами: «Быстрое движение войск и начало очищения Сальского округа обозначились после успехов Добровольческой армии, взявшей Торговую... Освободились (также) от противника южные части Ростовского и Черкасского округов, отпала угроза Новочеркаску с юга и вместе с тем мы смогли за счет Азовского и Тихорецкого направлений усилиться на других фронтах, а с прибывшими подкреплениями перейти к более активным действиям»...

Отношения верхов отражались в низах — особенно в буйном, несдержанном новочеркасском тылу. На этой нездоровой почве пьяный скандал разрастался в событие, перебранка подгулявших офицеров — в оскорбление «Донского войска» или «Добровольческой армии». Были, конечно, и чисто бытовые причины недоразумений между «хозяевами» и «пришельцами». «Хозяева» были замкнуты в кастовых перегородах, несколько эгоистичны и не слишком приветливы. Но, если правы были Добровольцы, жалуясь неоднократно на дурное отношение к ним казаков, то и те имели не раз основание для такого отношения в поведении части добровольческого офицерства: в их нескромной самооценке, в полупрезрительном отношении к донским частям, наконец, в «назойливой бравате монархическими идеями». Правда, эти отношения складывались резко только в тыловых гарнизонах, а если и отражались в армии, то в гораздо более умеренных формах. Вообще же в массе своей добровольчество и донское казачество жили мирно, не следуя примеру своих вождей.

Очевидно, в этой распре были не совсем правы и мы. Ген. Алексеев писал мне 26 июня: «Отношения (между атаманом и Добровольческой армией) не хороши и вредят нам сильно... В особенности, принимая во внимание, что и ген. Денисов совсем не принадлежит к числу наших друзей. Примеру главных деятелей следуют исполнители. Полагаю, что в некоторых случаях нужно изменить тон наших сношений, так как в создавшейся атмосфере взаимного раздражения работать трудно. И только когда мы окончим счеты, можно будет высказать все накипевшее на душе за короткое время с 15 мая». М. В. упустил из виду одно — что почти вся ориентировка с Дона исходила от него¹¹¹. Только что он умел обыкновенно облекать эти отношения во внешние дипломатические формы, я же не постиг этого искусства. Каждое его письмо дышало недоверием и осуждением общей политики атамана и Денисова и их отношений к Добровольческой армии. Насколько глубоко было это недоверие, видно из переписки между ними, имевшей место в августе:

10 августа ген. Алексеев, находившийся тогда в Екатеринодаре, под влиянием донесений из Новочеркасска, телеграфировал Краснову¹¹²: «Негласно до меня доходят сведения, что предполагаются обыски и аресты моего политического отдела¹¹³. Если это правда, то такой акт, ничем не вызванный, будет означать в высокой мере враждебное отношение к Добровольческой армии. Разве кровь армии, (пролитая) за Дон, позволяет такой унижительный шаг [?]».

Ген. Краснов, вероятно, искренно, ответил: «Я удивляюсь, что Ваше Высочайшее превосходительство допускаете думать, что такой акт к дружеской нам Добровольческой армии возможен. Прошу арестовать как злостных провокаторов лиц, распускающих такие слухи. Враги Дона ни перед чем не стесняются, чтобы вызвать вражду и недовольство в той армии, которой Дон так многим обязан и в которой видит будущее России»¹¹⁴. Как жаль, что в то же время у атамана и Денисова не находилось для этого «будущего России» иного эпитета, чем — Странствующие музыканты. Или: — Банды!

В случайном признании атаманом значения армии было, вероятно, и некоторое отражение донских настроений... Ведь не только пафос и правила вежливости или «кадетская интрига» руководили Большим Войсковым Кругом — тем самым «мудрым» кругом, который переизбрал атамана Краснова — когда Круг, собравшись осенью 18 г., обратился к армии с ответным приветствием: «...С чувством глубокой радости (мы) выслушали братский привет и пожелания успеха в нашей работе. Слухи, доносившиеся к нам даже в самые отдаленные хуторские углы о нарушенных сердечных отношениях с вами, тревогой и скорбью отзывались в наших сердцах. Но теперь тревога рассеяна... У Тихого Дона нет достаточно сильных слов для выражения своих чувств преклонения перед вашими подвигами, но есть горячая любовь и искреннее желание не словами, а делом служить вам в вашей тяжелой, святой работе»¹¹⁵.

Было два человека — Богаевский и Эльснер — оба люди спокойные и уравновешенные, которые больше других работали над тем, чтобы сгладить трения между Новочеркасском и ставкой Добровольческой армии, но им это решительно не удавалось. Что касается меня лично, то, чтобы не терять душевного равновесия и не создавать самому каких-либо поводов для осложнений, я с конца июня 1918 г. прекратил совершенно переписку с ген. Красновым; возобновилась она ненадолго, в силу необходимости, только после объединения командования в 1919 году. Но

атаман продолжал писать пространно моим помощникам, вызывая в них не раз глубокое недоумение.

Так, в октябре 1918 года он писал ген. Драгомирову¹¹⁶: «У Вас, после тяжелых боев, прорвался Сорокин с отрядом, и Ваши и мои враги пустили слух, что ген. Деникин нарочно выпустил его, чтобы не дать Краснову взять Царицын. Судите сами, Абрам Михайлович, такими слухами, такими грязными сплетнями, на чью мельницу мы льем воду»...

Возмущенный ген. Драгомиров 13 октября отвечал: «...Вашим вопросом — «на чью мельницу мы льем воду», Вы как будто возлагаете вину на нас за эти сплетни... Неужели не ясно, что Добровольческая армия из сил выбивается, чтобы сдержать напор большевиков, значительно превышающих (ее) в силах и неизмеримо обильнее снабженных боевыми припасами... Неужели последние кровопролитные и упорнейшие бои, в коих гибли с несравненным героизмом офицерские части армии, дают кому-либо право сколько-нибудь серьезно останавливаться на приведенной Вами грязной сплетне о выпуске Сорокина. Неужели по своей доброй воле Добровольческая армия два месяца дерется изо дня в день все на тех же позициях, а города и станицы периодически переходят из рук в руки при всех ужасах, которыми сопровождаются для жителей эти переходы»...

Любопытно, кто же, однако, распространял «такие грязные сплетни»? В те же дни¹¹⁷ Краснов писал в Екатеринодар донскому представителю, ген. Смагину: «... Мы ведем борьбу с восемью советскими армиями, в то время как против Добровольческой армии только одна армия — Сорокина и та более, чем на половину выпущена против нас... Прибытие отряда Сорокина¹¹⁸ и дивизии Жлобы^{XIII}, не преследуемых по пятам добровольцами, и удар их в тыл нашим войскам у Царицына произвели на казаков угнетающее впечатление»... «...Конечно, это письмо только тема для Вас. Оно не для огласки», — заканчивал ген. Краснов.

Я чувствую, что посвятил слишком много строк и внимания розни «белых генералов». Но это было. Внося элемент пошлости и авантюризма в общий ход кровавой и страшной борьбы за спасение России и отражаясь роковым образом на ее исходе.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Стоянка штаба Добровольческой армии.
2. Если будут настаивать на выходе ее к Ледовитому океану, я предлагал бы (не трогая, конечно, Мурман) обмен ближайшей к Норвегии полосы на Выборгскую губернию (Примечание Милюкова).
3. «Союз Возрождения России» (Автор).
4. 19 и 21 мая.
5. Отголоском разгрома правой организации было дело ген. Дрейера на Юге России, обвиненного офицерством в выдаче организации немцам, преданного полемому суду и оправданного за недостатком улик.
6. Телеграмма украинского посла барона Штейнгеля из Берлина от 28 сентября.
7. «Красная книга». Офиц. большев. издание.
8. Конференция в Спа 2 августа.
9. Доклад от 29 августа.
10. На выборах в украинское Учредительное собрание группа Шульгина получила в Киеве 25 428 голосов.
11. Ответ на письмо от 5 июня.
12. Крайняя правая и Правый центр считали необходимым восстановить на престоле императора Николая II, часть Правого центра, Национальный центр и Милюков склонялись к кандидатуре в. к. Михаила Александровича.
13. Отречение императора Николая II и условный отказ в. к. Михаила Александровича.
14. Письмо от 8 июня 18 г.
15. Восточный фронт.
16. Отчет о разговоре герц. Лейхтенбергского и А. Ладыженского 2 авг. 18 года в Киеве.
17. Командовал 5 армией, был посажен большевиками в Трубецкой бастион, там вошел в близкие сношения с вождями революционной демократии и связал с ними свою судьбу^{III}.

18. Записка Ладыженского и письмо от 27 июня ген. Казановичу. Алексеев ставил категорически вопрос об единоличной диктатуре, не признавая Директории.
19. Письмо Ладыженскому от 13 июня, № 103.
20. Письмо было получено в ноябре, уже после смерти ген. Алексеева.
21. Письмо от 20 июля. Копии были разосланы генералом Келлером герцогу Лейхтенбергскому, мне и др.
22. Письмо от 17 июня.
23. Так называемая «военная секция съезда консервативных деятелей в г. Киеве».
24. Резолюция от 7 июля.
25. Офицер русского Генерального штаба.
26. Точной цифры не знали и в штабе корпуса.
27. В том числе и ген. Шокорев, которого заменил Сыровой.
28. Военный министр Сибирского правительства.
29. Впоследствии Гаррис изменил свою тактику.
30. Большинство казаков — староверы.
31. Доклад 30 ноября 18 года.
32. Грузия находилась в особенных условиях.
33. Так оправдывало впоследствии в своем обращении московское бюро Центр. комитета партии с.-р. слабый состав «Комуча».
34. Газеты «Комуча» — «Народ», «Народное дело».
35. Из доклада ревизионной комиссии. См. ниже.
36. Возведен затем «Комучем» в течение двух месяцев в генералы.
37. Для характеристики революционной демократии небезынтересно, что в «Комуче» возбужден был вопрос об обязательном отдании чести почетным караулом у дома его заседаний всем членам Учред. собрания. Министры-социалисты сибирского правительства назначали себе офицеров-адъютантов и т. д.
38. В середине июля.
39. Письмо от 3 августа.
40. «Сибирь, союзники и Колчак».
41. Декларация 27 января.
42. Вологодский, Патушинский, И. Михайлов, Шатилов и Крутовский.
43. Вследствие полного безлюдья среди революционной демократии, с.-р.-овский комиссариат вынужден был создать аппарат управления из либеральных общественных деятелей и служилого элемента.
44. Часть Пермской губ. с гор. Екатеринбургом, где образовалось самостоятельное правительство из кадет[ов] и умеренных социалистов с П. Ивановым во главе.
45. Авксентьев, Аргунов и др.
46. Из доклада ген. Гришина-Алмазова.
47. Инструкция Корнилова.
48. Наказ Алексеева.
49. Письмо от 30 июня 18 года, № 65.
50. Произведен был в генерал-майоры.
51. Из доклада полковника Хартулари.
52. Письмо адмирала от 1 окт. (вероятно, нов. стиля) и доклад Степанова от 17 сент. 18 года.
53. В письме адмирала говорится: «Ген. Степанов в своем письме излагает довольно детально положение вещей, создавшееся на Дальнем Востоке».
54. Ген. Плешков был назначен «главнокомандующим Российских войск». Авт.
55. Полное название — «Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания». Состав — главным образом правый до кадет включительно. Авт.
56. Из того же письма.
57. Отступившие летом от ж. д. магистрали крупные банды в Верхнеуральске, на Алтае и в северном Семиречьи.
58. Золотой запас переходил затем преемственно к Директории и к правительству адмирала Колчака.
59. «Уральцы». Е. Коновалов.
60. Воззвание Чечека.
61. Председатель Чешского национального комитета Павлу.
62. Объяснения Войцеховского.
63. Сибирские корпуса, Оренбургский корпус и остатки Народной армии.
64. 1, 2, 3, 4, 5 и армия Ч. В. К., действовавшая против восставших рабочих Ижевско-Воткинского района.

65. По данным штаба Добровольческой армии к 1 ноября; большевистские силы в Семиречьи не вошли в расчет.
66. По другим данным около бригады.
67. Триумвират: Алексеев, Корнилов, Каледин; зима 1917—18 г. Первая декларация Добровольческой армии определяла цели ее «борьбой с надвигающейся анархией и немецко-большевистским нашествием». Т. II, гл. XVII.
68. От 28 августа 18 года.
69. Доклад ген. Эльснера от 15 июня, № 223.
70. Около 300—400 человек в составе инженерного батальона, отчасти Корниловского полка.
71. Через некоторое время были освобождены.
72. От 25 сентября 18 года.
73. Министр иностранных дел Германии.
74. Сношение от 13 июля, № 262.
75. Мой представитель на Дону.
76. Такое странное название формирование получило от теоретического предположения Тундутова комплектовать армию астраханскими казаками и калмыками, по мере освобождения Астраханской губернии.
77. Сделавшимся ему случайно известным.
78. Начальник штаба подполк. Рябов-Решетин, ген.-квартирм. подполк. Полеводин.
79. Доклады ген. Эльснера № 1499 и 1661, от 3 и 10 августа 18 года.
80. «Блок» возник в результате соглашения между крайними правыми и националистами групп Балашова и В. Бобринского.
81. Подписали договор: 1) Войсковой атаман Астраханского войска кн. Тундутов. 2) Командир Астраханского корпуса ген.-лейт. Павлов. 3) Управляющий внешним отделом Астрах. каз. войска И. Добрынский. 4) Председатель Совета Монархического Блока Соколов. 5) Член Совета кн. А. Н. Долгоруков.
82. Доклад офицера штаба Южной армии, полковника Хондзынского.
83. Фактически формировалась самим атаманом Красновым в южной части Саратовской губернии.
84. Приказ 6 августа, № 669.
85. Вице-губернатором был назначен известный Аладьин, который и осуществлял «политическое руководство армии» во главе с набранной им «группой земских деятелей Саратовской губ.». Численность этой «армии» была ничтожна.
86. Открытое письмо в № 36 «России» в конце сентября.
87. Записка от 12 октября.
88. Резолюция от 23 октября.
89. См. главу XX.
90. Соединенные «Южная», «Астраханская» и «Народная».
91. Речь в Таганроге. Приазовский Край 18 года, № 178.
92. Май. См. ниже.
93. Однофамилец генерала.
94. Такой набор разрешался всем армиям, кроме Добровольческой. Приказ войску Донскому № 921.
95. Отчет о разговоре ген. Краснова и Эльснера 18 октября.
96. Доклад ген. Эльснера 7 июня № 144.
97. Письмо ген. Алексеева мне от 26 июня № 59.
98. Гвардейцы собирались тогда при 1-м офицерском полку Добров. Армии.
99. От 31 августа.
100. Свидание в Манычской. См. ниже.
101. Доклад полковника Дроздовского.
102. Долго еще Краснов в заседаниях правительства, немцам и вообще при всяком удобном случае повторял, что «отряд полк. Дроздовского покинет Добровольческую армию и перейдет на службу к Донскому или Астраханскому (?) войску». Протокол заседания 26 июня.
103. От 8 сентября № 172.
104. С ноября, после падения немцев, средства — 76 миллионов — обязался доставить гетман. Но до своего падения отпустил только 4 1/2 миллиона.
105. Письмо от 3 августа 1922 года в опровержение слов ген. Краснова о личных переговорах с ним («Архив рус. рев.», статья «Всеобщее войско Донское»).
106. Тогда уже помощнику Главнокомандующего Добровольческой армией.
107. Письмо от 12 октября № 148. Я ознакомился с его содержанием только после отправки.
108. Б[ывш.] «Южная армия».
109. Письма ген. Алексеева и отчеты о заседаниях.

110. Из протоколов заседаний.
111. Ген. Алексеев жил тогда в Новочеркасске.
112. № 187.
113. Отдел оставался еще в Новочеркасске.
114. 13 августа № 551.
115. Телеграмма № 10 от 18 августа 1918 года.
116. № 02 без даты.
117. 13 октября № 010.
118. Сорокин никогда не выходил к Царицыну. Как увидим ниже, в октябре против Добровольческой армии было большевистских войск 93 тыс. при 124 орудиях.

Примечания редакции

- I. *Карахан (Караханян) Лев Михайлович* (1889—1937) — советский государственный деятель. В революционном движении с 1904 г., член партии большевиков с 1917 года. Участник Октябрьской революции (секретарь Петросовета, член ВРК). Секретарь советской делегации на переговорах о Брестском мире. В 1918—1920, 1927—1934 гг. заместитель наркома иностранных дел. В 1921 г. полпред в Польше, в 1923—1926 гг. — в Китае, с 1934 г. — в Турции. Член ЦИК СССР. В 1937 г. репрессирован, погиб в заключении.
- II. *Эйхгорн Герман, фон* (1848—1918) — германский генерал-фельдмаршал (1917 г.). В 1917 г. — начале 1918 г. командовал группой армий в Прибалтике и Белоруссии, с конца марта 1918 г. группой армий «Киев», оккупировавшей Южную Белоруссию, Украину и Юг России. Убит 30 июля 1918 г. в Киеве Б. Донским по решению партии левых эсеров.
- III. *Болдырев Василий Георгиевич* (1875 — после 1932) — генерал-лейтенант (1917 г.). В 1918 г. в руководстве Союза возрождения России, член «Национального центра», Уфимской директории и главнокомандующий ее войсками. После колчаковского переворота в декабре 1918 г. выслан в Японию. С января 1920 г. во Владивостоке; с апреля по декабрь командовал вооруженными силами Приморской областной земской управы, с мая по декабрь — управляющий ее военно-морским ведомством в Совете управляющих ведомствами. Подписал с Японией соглашение 28 апреля 1920 г. о «нейтральной зоне»; с июня 1921 г. по июль 1922 г. председатель Русско-японской согласительной комиссии, член Президиума и товарищ председателя «Народного собрания». 5 ноября 1922 г. арестован, в тюрьме заявил о своем желании сотрудничать с Советской властью. В 1926 г. амнистирован. Служил в советских учреждениях.
- IV. *Пьемонт* (входил в состав Сардинского королевства) — наиболее развитая в экономическом и культурном отношении область Италии, сыгравшая важную роль в Рисорджименто — начавшемся в конце XVIII в. национально-освободительном движении итальянского народа против иноземного господства, за объединение раздробленной Италии, завершившемся образованием в 1861 г. Итальянского королевства и присоединением к нему Рима в 1870 году.
- V. *Каппель Владимир Оскарович* (1883—1920) — генерал-лейтенант (1919 г.). В 1918 г. командовал войсками Комуча. В 1919 г. в армии Колчака командующий 1-м Волжским корпусом, затем возглавлял «Московскую группу войск», командовал 3-й армией, в декабре 1919 г. был назначен главнокомандующим Восточным фронтом. Погиб 25 января 1920 г. при отступлении к Иркутску.
- VI. *Потанин Григорий Николаевич* (1835—1920) — исследователь Центральной Азии и Сибири; принадлежал к группе общественных деятелей — сторонников самостоятельного экономического и культурного развития Сибири (областничество).
- VII. *Дербер Петр Яковлевич* (1888—1929) — представитель правого крыла партии эсеров, левого течения сибирских областников. В 1917 г. член Сибирской областной думы. В декабре на Чрезвычайном общесибирском областном съезде (Томск) вошел в состав первого правительства областников — Сибирского областного совета. С января (февраля) 1918 г. возглавлял Временное сибирское правительство. Опасаясь ареста, бежал в марте (с некоторыми министрами) в Харбин. 29 июня во Владивостоке, захваченном чехо-словаками, объявил себя главой Временного правительства автономной Сибири (с 30 июля — министр иностранных дел); после его самороспуска в октябре эмигрировал.
- VIII. *Пепеляев Анатолий Николаевич* (1891—1938) — в мае 1918 г. возглавил антисоветский мятеж в Томске, поддержанный чехо-словаками, в августе командовал Средне-Сибирской армией, генерал-лейтенант. В декабре 1919 г. предпринял попытки вооруженных антиколчаковских выступлений в Томске, Ново-Николаевске, Красноярске. Боролся против Советской власти на Дальнем Востоке. В 1921 г. эмигрировал в Харбин. В конце 1922 г. во главе Сибирской добровольческой дружины участвовал в Якутском мятеже. В июне 1923 г. в порту Аян сложил оружие перед советскими войсками. Был приговорен к расстрелу, замененному 10-летним заключением.

- IX. *Хорват Дмитрий Леонидович* (1858—1937) — в 1902—1918 гг. управляющий Китайско-Восточной железной дорогой, генерал-лейтенант. Один из организаторов контрреволюции на Дальнем Востоке. В 1919 г. — верховный уполномоченный адмирала Колчака в Маньчжурии. С 1924 г. председатель Русского общевоинского союза на Дальнем Востоке.
- X. *Семенов Григорий Михайлович* (1890—1946) — один из руководителей контрреволюции в Забайкалье, генерал-лейтенант (1919 г.). С июня 1917 г. комиссар Временного правительства по формированию добровольческих частей в Забайкалье. С августа 1918 г. установил там режим военной диктатуры («семеновщина»). В начале 1919 г. при поддержке японских интервентов Семенов объявил себя атаманом Забайкальского казачества. 30 июля назначен Колчаком помощником командующего войсками и главного начальника Приамурского края генерала С. Н. Розанова, а 24 декабря — главнокомандующим всеми белогвардейскими силами в тылу. 4 января 1920 г. Колчак передал Семенову всю полноту военной и государственной власти «на территории восточной окраины»; в сентябре Семенов объявил о своем подчинении Правительству Юга России как всероссийскому. К ноябрю его вооруженные отряды были изгнаны из Забайкалья. Отступив в Приморье, Семенов в сентябре 1921 г. эмигрировал. В сентябре 1945 г. был захвачен советскими войсками в Маньчжурии, по приговору Верховного суда СССР казнен 30 августа 1946 года.
- XI. *Калмыков И. М.* — есаул, атаман Уссурийского казачества. В 1918—1920 гг. установил в Приморье режим военной диктатуры («калмыковщина»). Его отряд (из офицеров и казаков) с марта 1918 г. выступал на Гродековском направлении. В июне — августе с помощью японских интервентов захватил железную дорогу от Никольска до Хабаровска, в начале сентября — Хабаровск. В период колчаковщины его отряд (при покровительстве японцев) действовал в районе Хабаровска и близлежащих городах и районах. В феврале 1920 г. (перед занятием Хабаровска партизанами) бежал, захватив 36 пудов золота, в Маньчжурию, где калмыковцы были разоружены китайскими властями, а он арестован и расстрелян по обвинению «в уничтожении китайских канонерок».
- XII. *Каменев Сергей Сергеевич* (1881—1936) — советский военачальник, член ВКП(б) с 1930 года. Окончил Академию Генерального штаба. Участник первой мировой войны. После Октябрьской революции избран начальником штаба 3-й армии. В начале 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, был военным руководителем Невельского района Западного участка отрядов завесы; с июня — начальник 1-й Витебской пехотной дивизии; с августа помощник военного руководителя Западного участка завесы и военрук Смоленского района. С сентября 1918 по июль 1919 г. (с перерывом в мае) командующий Восточным фронтом. С июля 1919 г. до апреля 1924 г. главнокомандующий Вооруженными силами Республики и член Реввоенсовета Республики. С 1924 г. член РВС СССР, начальник Штаба РККА, заместитель наркома по военным и морским делам, заместитель председателя РВС СССР, член Военного Совета Наркомата обороны, командарм I ранга. Член ВЦИК, ЦИК СССР.
- XIII. *Жлоба Дмитрий Петрович* (1887—1938) — командир Красной Армии, в 1917 г. вступил в РСДРП(б). Участник первой мировой войны, унтер-офицер. Во время Октябрьской революции в Москве возглавлял красногвардейский отряд. В ноябре 1917 г. направлен в Донбасс военкомом для организации защиты шахт от калединцев; в 1918 г. командир Ясиноватского красногвардейского отряда на Дону, 2-го Революционного северо-кавказского полка, Отдельной конно-пешей бригады. В сентябре — ноябре 1918 г. начальник 1-й Стальной дивизии, с декабря командир Особого партизанского отряда 11-й армии, в январе 1919 г. — феврале 1920 г. — 1-й Партизанской кавалерийской бригады, в феврале — июле 1920 г. — 1-го конного корпуса, в июле — начальник 20-й кавалерийской дивизии, в марте — мае 1921 г. — 18-й кавалерийской дивизии. С июня 1922 г. на хозяйственной и советской работе на Северном Кавказе. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Арктическая комиссия

В. Н. Булатов

31 июля 1928 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление об усилении научно-исследовательских работ в арктических владениях СССР¹. Для этого, в частности, была образована Арктическая правительственная комиссия (АПК). Ее возглавил С. С. Каменев, а в ее состав вошли видные ученые А. Е. Ферсман, Р. Л. Самойлович, В. Ю. Визе и И. И. Месяцев, полярные летчики Б. Г. Чухновский и М. С. Бабушкин, представители ВСНХ, Осоавиахима, Совторгфлота, Комитета по исследованию Севера, советской группы общества «Аэроарктика», других организаций. К компетенции комиссии относились вопросы, связанные с созданием новых полярных станций, строительством самолетов, дирижаблей и судов для использования в северных широтах, организацией арктических экспедиций. АПК возглавила, объединила и координировала работу всех организаций, связанных с исследованием и освоением Арктики.

Каменев известен как командующий войсками Восточного фронта во время гражданской войны и главком вооруженных сил Республики. Его деятельность в качестве председателя АПК мало известна. С арктическими вопросами он столкнулся еще на посту заместителя председателя созданного по его инициативе военно-патриотического общества Осоавиахим. Особым его вниманием пользовался стрелковый спорт. Его дочь Н. С. Каменева вспоминает: «У Сергея Сергеевича тогда родилась идея заинтересовать стрелковым делом людей Дальнего Севера. Почин был подхвачен. С тех пор в шестой день каждого месяца в Архангельске проводились занятия по повышению стрелковой техники промысловиков Новой Земли и Арктики». А с 1925 г. Каменев возглавлял Комиссию по большим перелетам. В тот год летчики Чухновский и О. А. Кальвица на двух гидросамолетах совершили первый перелет по маршруту Ленинград — Петрозаводск — Архангельск — Колгуев — Маточкин Шар. С 1926 г. началось обслуживание самолетами зверобойных компаний в Белом море. Пионером здесь явился Бабушкин². Когда в мае 1928 г. дирижабль итальянской экспедиции Нобиле потерпел аварию в районе Шпицбергена, арктический опыт Каменева был использован в созданном при Осоавиахиме Комитете помощи.

Главным в работе АПК стала разработка пятилетнего плана научных исследований. На первом заседании комиссии 6 сентября 1928 г. Каменев говорил: «Первоначальная проработка по всем выдвинутым вопросам должна быть проведена в 2-недельный срок, за исключением работ по Северной Земле, которые могут быть представлены позднее. Пятилетний план в этой первоначальной основе должен быть представлен в совершенно схематичной форме: 1-й же год должен быть конкретизирован с расчетом, чтобы работы, которые пред-

Булатов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, ректор Поморского педагогического университета (Архангельск).

стоит провести в следующем году, были бы внесены в смету 1928—1929 годов для обеспечения требуемыми средствами»³. Этот план был представлен на утверждение в феврале 1930 года.

То был первый в мире план комплексных научно-исследовательских работ в Арктике. В виде отдельной главы он вошел в первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР⁴. Предусматривалось создание на побережье и островах Арктики сети новых радио- и гидрометеорологических станций на о-ве Врангеля, о-ве Большой Ляховский, побережье п-ова Таймыр, северной оконечности Новой Земли и одном из островов архипелага Франца-Иосифа. Составной частью плана являлось участие Советского Союза во 2-м Международном полярном годе (1932/33)⁵. Планировалось также исследование Земли Франца-Иосифа, Северной Земли и Таймыра. С 1929 г. стали организовываться экспедиции по созданию полярных станций. С той же деятельностью связаны походы в высокие широты ледокольного парохода «Г. Седов» в 1929—1930 годах.

5 марта 1929 г. СНК СССР ассигновал средства на поход «Г. Седова» к Земле Франца-Иосифа. «Мы были настолько заинтересованы в этой экспедиции, — отмечал О. Ю. Шмидт, — что правительство не только не пожалело средств на ее организацию, а сочло за благо назначить члена правительства командиром этой экспедиции, чтобы придать ей тот напряженный политический дух, которого требовала экспедиция в данный момент»⁶. Капитаном «Г. Седова» был назначен потомственный помор В. И. Воронин. 30 августа состоялось торжественное открытие самой северной научной станции. В тот день радист Э. Т. Кренкель передал в эфир: «Слушайте все, весь мир!.. Говорит первая советская радиостанция на Земле Франца-Иосифа. Завтра открывается самая северная полярная колония»⁷. На станции была оставлена семерка полярников во главе с П. Я. Илляшевичем.

4 октября 1929 г. на заседании АПК был заслушан доклад Шмидта о походе на Землю Франца-Иосифа, после чего принято решение о посылке в следующем году экспедиции на Северную Землю⁸. В июле 1930 г. «Г. Седов» вновь вышел в Арктику. Уже через неделю Каменев приветствовал экспедицию «с исключительным по скорости достижением островов Франца-Иосифа». Полярники сообщали ему: «Трудами семерых человек, проводивших зиму на самой северной в мире научной станции,.. всему миру дано доказательство высокого качества и широкого размаха научной работы»⁹.

«Г. Седов» тем временем спешил к Северной Земле. Был открыт новый остров, и полярники назвали его именем «Сергея Каменева в честь нашего зам. наркомвоенмора и бывшего главнокомандующего в гражданскую войну, оказавшего исследованиям Арктики незаменимые услуги в качестве председателя Арктической комиссии Совнаркома»¹⁰. Спустя несколько лет эти острова стали называться о-вами Седова, а имя Каменева перекочевало на пролив между ними. На Северной Земле была оставлена четверка исследователей во главе с Г. А. Ушаковым. Они в течение двух лет при минимальных технических средствах составили карту архипелага площадью 37,5 тыс. кв. км, что считается крупнейшим на Севере открытием XX века.

Для смены зимовщиков на о-в Врангеля отправился ледорез «Ф. Литке». На косе у бухты Роджерса были построены радиостанция, жилой дом, другие объекты. 15 декабря 1929 г. на очередном заседании АПК был заслушан доклад начальника полярной станции (зимовки) о-ва Врангеля Г. А. Ушакова. Комиссия признала большой вклад полярников в хозяйственное и научное изучение острова и послала «горячий привет очередной зимовке, которая осталась для продолжения работы»¹¹. Высокую оценку арктическим переходам дал президент АН СССР А. П. Карпинский: «Не могу не отметить с особым удовлетворением, что два первых этапа в осуществлении «полярной пятилетки» — устройство научной станции на Земле Франца-Иосифа и установление радиостанции на острове Врангеля — успешно выполнены нынешним летом»¹².

С деятельностью АПК связан и новый этап Карских экспедиций. Прежнее импортно-экспортное направление перестало отвечать задачам дня. Возникший в Сибири емкий внутренний рынок поглощал сырье и продукты сельского хозяйства, ранее вывозившиеся в Западную Европу. Теперь Карские экспедиции оправдывали себя за счет экспортных операций крупных партий лесоматериалов. АПК выработала новую тактику этих операций с использованием ледоколов и авиации.

Каменев поместил в «Известиях» статью «Новые методы работы», в которой отмечал: «Карское море для нас должно быть морем, по которому мы будем в состоянии совершать морские рейсы. По этому морю мы вывозим сырье за границу. Теперь лес, завтра предвидится и многое другое. До сих пор этим морем приходилось пользоваться, организуя каждый раз особые экспедиции для прохода лишь единичных кораблей. В этом году мы дерзнули про-

пустить 26 кораблей, а на следующий год число кораблей будет наверняка удвоено, если не утроено».

В следующей статье, «Внимание гражданской авиации», Каменев писал: «Сейчас с исключительной ясностью выдвигается вопрос об использовании авиации в порядке нашего 5-летнего строительства. Предстоящий год выдвигает с категоричностью ряд требований, где аэроплан явится решающим средством для дальнейшего продвижения в осуществлении арктической пятилетки»¹³. АПК рекомендовала также, наряду с прочими мероприятиями, использование радиозонда проф. П. А. Молчанова для изучения верхних слоев атмосферы¹⁴.

Осенью 1929 г. вынужденно зазимовала в Арктике американская шхуна «Нанук» с грузом пушнины. Американские летчики Б. Эйельсон и О. Борланд, вылетевшие с Аляски на Чукотку, пропали без вести. В том же году у мыса Северный зазимовал пароход «Ставрополь», на котором находились больные и дети. Спасательные работы возглавила АПК. Каменев повернул на Север только что вернувшийся во Владивосток ледорез «Ф. Литке», чтобы он доставил самолеты на Чукотку. Весной 1930 г. полярные летчики М. Т. Слепнев и В. А. Галашев нашли погибших американских летчиков и оказали помощь пассажирам «Ставрополя»¹⁵.

Всего с сентября 1928 до 1930 г. состоялось 17 заседаний комиссии, большое количество совещаний. Работали подкомиссии по проблемам исследования Арктики. «Комиссия С. С. Каменева, в которой участвовали ученые, моряки, летчики, сыграла огромную роль, — писал позднее Шмидт. — Впервые арктическая работа была поставлена планомерно, впервые были объединены исследования и на суше, и на море, и в воздухе»¹⁶.

Первый период исследования Арктики закончился в 1932 г. переходом по Северному морскому пути ледокольного парохода «А. Сибиряков» за одну навигацию. Итогом стало создание Главного управления Северного морского пути при Совнаркомe СССР, принявшего на себя руководство работами в Арктике. А на следующий день после того, как льды Чукотского моря раздавили пароход «Челюскин» и 104 человека оказались на дрейфующем льду, была создана Комиссия по спасению челюскинцев, и Каменев вошел в ее состав. Одна из радиограмм Шмидта была направлена именно ему: «Чувствую в организации нашего спасения заботливую и энергичную руку. От лица всех челюскинцев горячо благодарю, шлю сердечный привет нашему председателю Арктической комиссии, отцу советской арктической работы»¹⁷.

Примечания

1. Постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 15 апреля 1926 г. была подтверждена принадлежность к СССР всех земель и островов к северу от его побережья в пределах между меридианами 32 градуса 4 минуты 32 секунды восточной долготы и 168 градусов 49 минут 30 секунд западной долготы (Известия, 17.VIII.1928).
2. БЕЛОВ М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 3. Л. 1959, с. 279.
3. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 3316 (ВЦИК СССР), оп. 21, д. 13, л. 1; БЕЛОВ М. И. Ук. соч., с. 348.
4. ШМИДТ О. Ю. Избранные труды. М. 1960, с. 133.
5. Советский Север, 1930, № 2, с. 113.
6. БЕЛОВ М. И. Ук. соч., с. 349; Государственный архив Архангельской области, ф. 621, оп. 1, д. 2, л. 43.
7. Цит. по: ГРОМОВ В. Поход «Седова». М. 1930, с. 77.
8. ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 21, д. 13, л. 35.
9. Морской флот, 1980, № 8, с. 22; МУХАНОВ Л. В страну ледяного молчания. Архангельск. 1932, с. 46.
10. МУХАНОВ Л. Ук. соч., с. 149.
11. ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 21, д. 13, л. 38.
12. Известия, 11.X.1929.
13. Известия, 11, 23.X.1929; ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 21, д. 13, л. 1.
14. ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 21, д. 13, лл. 17, 36.
15. БЕЛОВ М. И. Ук. соч., с. 393.
16. Советский Север, 1930, № 2, с. 114; ШМИДТ О. Ю. Ук. соч., с. 100.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1929—1940 гг. Т. 2. М. 1967, с. 408; ПОПОВ С. В. Берега мужества. Красноярск. 1982, с. 80.

Зимний дворец до и после 25 октября 1917 года

В. Т. Сушко

Эпицентром событий 25—26 октября в Петрограде был Зимний дворец, но далеко не все с ним связанное в литературе получило отражение. До Февральской революции этот дворец являлся одновременно и резиденцией российских императоров, и крупнейшей сокровищницей мирового искусства. Со второй половины июля он стал резиденцией Временного правительства вплоть до его ареста 26 октября 1917 года. Значительное количество комнат Зимнего дворца занимали охранявшие Временное правительство воинские части, лазарет, гауптвахта, различные общественные организации.

В июне 1917 г. были образованы и начали свою деятельность три Художественно-исторические комиссии при городских и пригородных дворцах — Петроградская (при Зимнем дворце), Гатчинская и Царскосельская. Их первоначальная цель состояла в «подробной проверке всего дворцового инвентаря и в выделении из него имеющих особое художественное и историческое значение предметов с подробным, на особых карточках научным описанием сих предметов»¹. Поскольку существовала угроза захвата Петрограда германскими войсками, в сентябре последовало распоряжение Временного правительства об эвакуации из петроградских и пригородных дворцов всего имущества в музеи Москвы². Художественно-исторические комиссии понимали, что выполнить это распоряжение в короткий срок «представлялось крайне затруднительным, если не невозможным»³. Поэтому выделяли для эвакуации предметы, представлявшие наибольшую ценность в художественном и историческом или материальном отношении.

Художественно-историческая комиссия при Зимнем дворце являлась центральной и объединявшей деятельность остальных. В ее состав входили: В. А. Верещагин (председатель), Н. Г. Пиотровский, Б. А. Надеждин, С. Р. Эрнст, делопроизводитель А. А. Труханов, переписчица М. К. Ясинская. Большую помощь комиссии оказывал смотритель комнатного имущества Зимнего дворца Н. Н. Дементьев⁴. Решением Российской Академии наук от 9 августа 1917 г. было поручено принять участие в работе комиссии по приемке имущества Петроградского Дворцового управления академикам А. С. Лаппо-Данилевскому и М. И. Ростовцеву⁵.

Первый вагон с ценным имуществом Зимнего дворца был отправлен в Москву в ночь с 15 на 16 сентября: 34 ящика с серебряными блюдами (из бриллиантовой кладовой) и два ящика с тронами. Сопровождать вагон было поручено служащему Зимнего дворца К. Александрову и служителю-носильщику О. Павловскому, а также семи сторожам — А. Акимову, В. Дородневу, И. Терентьеву, Р. Новикову, Ф. Кириченко, В. Стрельцову и Я. Золотову⁶.

Сушко Василий Тихонович — кандидат исторических наук, преподаватель Санкт-Петербургского санитарно-гигиенического медицинского института.

Второй вагон с ценным имуществом дворцов Петрограда и его пригородов был отправлен в Москву в ночь с 6 на 7 октября 1917 года. Это были: часы разные, канделябры, вазы — 17 ящиков, каминные украшения, ковры — 9 тюков, 20 гобеленов — 10 пакетов, скульптура и изделия из бронзы и драгоценных металлов до 200 предметов — 61 ящик, драгоценности с икон часовни Спасителя на Петроградской стороне — 1 ящик; в особом ящике венчик и риза, украшенные драгоценными камнями, к образу Спасителя при первоначальном дворце Петра I и вещи, пожертвованные к образу Спасителя; альбомы с рисунками и семейными фотографиями — 5 ящиков, по отделу музея Эрмитажа — 26 ящиков, по библиотеке Эрмитажа — 10 ящиков; по архиву Эрмитажа — 10 ящиков; по отделу гравюры и рисунка — 10 ящиков; несколько десятков предметов художественной мебели.

134 ящика направлялись в Оружейную палату Кремля, 56 — в Исторический музей⁷. Вагон с эвакуированным имуществом распоряжением начальника Петроградского Дворцового управления генерал-лейтенанта В. А. Комарова от 2 октября 1917 г. сопровождали служащий Зимнего дворца К. Александров и служитель-носильщик Н. Варганов, а также семь сторожей В. Абрамов, А. Куликов, И. Седых, К. Алябьев, И. Коротеев, П. Румянцев, Н. Иванов⁸.

16 октября последовало распоряжение бывшего Министерства двора о срочной эвакуации в Москву двух вагонов с предметами убранства Зимнего дворца⁹. Но они не были отправлены из-за разыгравшихся 25—26 октября событий в Петрограде.

Уже 26 октября члены Художественно-исторической комиссии при Зимнем дворце Верещагин и Пиотровский попытались проникнуть во дворец, но не были допущены туда воинскими караулами. 27 октября члены комиссии Надеждин и Пиотровский были вызваны комендантом дворца для выяснения ущерба, нанесенного дворцу.

Вместе с председателем комиссии Верещагиным и библиотекарем В. В. Гельмерсеном в присутствии комиссаров Совета рабочих и солдатских депутатов Г. С. Ятманова и Б. Д. Мандельбаума и особо приглашенного известного русского художника А. Н. Бенуа они произвели осмотр помещений дворца и результаты изложили в «Журнале Художественно-Исторической комиссии при Зимнем Дворце»¹⁰. Обследование продолжалось и в последующие дни. Вот извлечения из этого «Журнала» (ранее не публиковавшиеся):

«Картина разгрома представляется в следующем виде:

1) В приемной Александра II, занятой под личную канцелярию А. Ф. Керенского, разбросаны канцелярские бумаги, выдвинуты ящики из письменных столов, разбиты канцелярские шкафы; в учебной — взломаны столы, комоды и шкафы и вскрыты три ящика, приготовленные для эвакуации, причем содержимое из них вынута и разграблено, частью же в обломках разбросано на полу; весь пол усеян оберточной бумагой, среди которой виднеются рисунки В. А. Жуковского, куски шелковой материи от мебели Марии-Антуанеты, миниатюры, фотографические карточки и всевозможные изломанные мелочи; на спинке одного из стульев повешен кусок разорванного мундира императора Николая I, хранившегося в особой витрине; портрет Елизаветы Алексеевны Виже Лебрэн опрокинут и валяется у письменного стола.

В кабинете Александра II разгром носит еще более ужасающий характер: все столы взломаны, верхняя часть исторического бюро Александра I превращена в щепы, на столе брошен исковерканный серебряный оклад Евангелия, причем само Евангелие вырвано из оклада; один головной убор Николая I похищен, другой изорван; взломан киот, из которого похищены мелкие золотые и серебряные образки и тельные кресты; венчики, украшенные бриллиантами и драгоценными камнями, сорваны и похищены; на полу валяются изодранные исторические заметки, записные книжки, письма и бесчисленные осколки разбитого стекла.

В уборной Александра II открыты, а частью взломаны гардеробные шкафы и комоды, разбросаны на полу десятки пустых футляров от ювелирных вещей и туалетных и дорожных принадлежностей; серия картин, приготовленных художественной комиссией для эвакуации, — работы Греза, Мурильо, Франческо Франча и др. опрокинуты (картины в целостности с незначительными лишь повреждениями на некоторых из них).

Следы такого же беспощадного разгрома были обнаружены в малой библиотеке и покоях императрицы Марии Александровны: битое стекло, пустые футляры, вынутые из рам и частью порванные акварели, разбитые на мелкие куски ящики, между прочим и ящик, заключавший собрание исторических медалей, из которых все медали похищены, сорваны драпри, занавеси и обивки, опрокинута мебель и т. д.

2) Так называемые собственные покои императора Николая II и Александры Федоровны, а равно Малахитовый, Концертный, Арабский залы и Ротонда были в начале июля

заняты Временным правительством. Более ценная в художественном отношении обстановка этих комнат была своевременно изъята, за исключением некоторых картин, закрытых покрывалами, и обстановки кабинета императора Николая II. Погром этих помещений носил характер такого же ожесточения, которое проявилось с особенной наглядностью в беспощадном истреблении всех изображений царской семьи: картин, портретов, фотографий. Так, в приемной изодрана картина, изображающая коронацию Александра III, исколоты штыками портреты родителей императрицы, похищен и оказался впоследствии разорванным в клочья портрет б. Государя работы Серова, такая же участь постигла все фотографии Александра III и т. д. В биллиардной похищены биллиардные шары; в библиотеке, служившей кабинетом А. Ф. Керенского, взломан книжный шкаф; в уборной разбиты дверные филенки; в кабинете разбросаны изорванные гравюры и фотографии, письменный стол вскрыт и сдвинут с основных тумб, кожаная обивка с мебели снята, похищен овальный портрет Александра II в шинели и кавалергардской фуражке. Взломаны равным образом столы и шкафы всех остальных комнат, бумаги и книги вынуты и полы покрыты разорванными и смятыми делами Временного правительства.

3) Подобному разгрому подверглись флигель-адъютантская комната и кабинет императора Николая I. Некоторые картины сняты со стен, овальный портрет вел. кн. Михаила Павловича изорван, все опрокинуто, изломано, кощунственно осквернено и в общей свалке валяется на полу.

4) Помещения большой библиотеки Александра II и запасной библиотеки Николая II, в которых было приготовлено 10 ящиков для эвакуации с историческими альбомами, оказались случайно в полной неприкосновенности.

28 октября Художественно-историческая комиссия и лица Дворцового управления во главе с генералом В. А. Комаровым и при участии смотрителя комнатного имущества Н. Н. Дементьева вновь приступили к осмотру отдельных помещений Дворца, начав таковой с № 42 и церковных хор, где была устроена кладовая для разного дворцового имущества, как то: бронзы, фарфора, мебели и проч. И здесь все шкафы, ящики и столы оказались вскрытыми и многие мелкие вещи похищенными; на полу разбросаны пустые футляры, ящики и выброшенные грабителями из карманов боевые патроны и пачки.

Большие или меньшие следы разгрома носят равным образом все помещения фрейлинского коридора: расхищены вещи камеристки императрицы; полы комнат покойного В. В. Щеглова покрыты изорванной бумагой; разграблено помещение фрейлины Озеровой; в красочном и живописном беспорядке разбросаны по полу бальные и придворные платья, вынутые из взломанных сундуков графини Гендриковой¹¹; на столах оставлены патроны и социалистические брошюры (Плеханов. Основные вопросы марксизма и др.).

Апартаменты, в которых проживали адъютанты Военного Министра, Министра Председателя Керенского, а также «бабушки русской революции» Брешко-Брешковской¹² с ее секретаршей, тоже подверглись разгрому: сорваны драпри, занавеси, обивки и похищены мелочи; в Лобановской библиотеке вскрыты некоторые книжные шкафы.

В № 23, где были сложены личные вещи императора Николая II, произведены лишь отдельные хищения. Так, на первый взгляд, замечается отсутствие некоторых серебряных солонок, вазочек и т. п. В № 8, с такими же вещами, грабители, по-видимому, не были, хотя некоторые вещи, по мнению участников комиссии, сдвинуты со своих мест.

Незабываемую картину погрома представляют комнаты Александра III, где жил А. Ф. Керенский со своим адъютантом Винером. Разрушение и грабеж производились, по-видимому, в этих комнатах с еще большим ожесточением, чем в царских покоях. Все опрокинуто стихийно. Кабинет Александра III, превращенный Керенским в спальню, усеян изорванными бумагами важного государственного значения; тут же во множестве валяются книги, обломки мебели, осколки стекла, фотографические снимки Керенского за приемным столом императора. Окна почти во всех комнатах пробиты пулями; в кабинете Марии Федоровны пробиты орудийным снарядом не только окно, но и противоположная ему стена с зияющим в ней громадным отверстием; снаряд разорвался в коридоре за стеной, превратив находившиеся там вещи в бесформенную груду мусора и щеп.

В гардеробной императрицы вскрыты все хранилища; платье и белье беспорядочно разбросаны на полу и на столе.

В высшей степени характерны следы беспощадной борьбы во всех парадных комнатах 1-й запасной половины (в числе 6), в которых помещались караулы, охранявшие Временное правительство. Окна изрешетены пулями, на полах разбросаны десятки тюфяков, на которых спал караул, часть их разорвана, солома рассеяна, мебель беспорядочно свалена в кучи, служившие, по-видимому, баррикадами, развинчены части фарфоровых ваз, похищены отдель-

ные бронзовые украшения канделябр и часов, картины пробиты пулями, одна из них уничтожена орудийным снарядом.

Комиссией, затем, осмотрены квартиры князей Долгорукова и Ратиева, в которых разгромлено и разграблено все, что представляло какую бы то ни было материальную ценность.

В таком же виде представились Комиссии и внутренние комнаты той же запасной половины — покои императора Александра I и Елизаветы Алексеевны...

С 7 ноября Художественная Комиссия приступила к фотографированию всех подвергшихся разгрому помещений, а с 9 ноября — к разбору и восстановлению покоев императора Александра II. Особого внимания заслуживает обнаружение комиссией среди оставленных грабителями вещественных доказательств двух штыков австрийского образца, которыми производился взлом хранилищ и запертых помещений, 17 социалистических брошюрочек соч. В. Либкнехта «Пауки и Мухи», изд. 2-е, Книгоизд. «Друг», двух погонов защитного цвета с одной звездочкой, черновики социал-революционной резолюции села Россоши Воронежской губернии на имя А. Ф. Керенского, части красного знамени с нашивной надписью: «да здравствует революция» и литературно написанного письма из Корсуни, датированного 13 октября 1917 года, оно начинается словами «Здравствуй Венка» и кончается подписью «Аня».

В заключение комиссией произведен обход двух кладовых серебра и фарфора, находившихся в ведении Гофмаршальской части, причем обнаружено полное расхищение 20 ящичков обиходного столового серебра и мелких предметов из золота, а также 10 ящичков фарфора и изделий из бронзы.

Исчерпывающая опись всех награбленных вещей может быть составлена лишь после усидчивой кропотливой работы. В настоящее же время комиссия принуждена ограничиться прилагаемым при сем списком тех из означенных вещей, отличительные признаки которых могут облегчить случайную возможность их нахождения.

Таковой представляется, в общих чертах, картина произведенных 25 и 26 октября 1917 года в Зимнем дворце разгромов и хищений. По материальной своей ценности разграбленные дворцовые вещи неизмеримо уступают вещам, уже отправленным комиссией в Москву. По приблизительному подсчету, основанному на стоимости 25 ящичков серебра и всех без исключения золотых вещей, драгоценных камней и бриллиантов покоев Николая I, Александра II и Марии Александровны, — стоимость всего похищенного не превышает миллионов двух или трех.

Несравненно, в этом отношении, ощутительнее утрата целого ряда исторических реликвий... Все эти незаменимые мелочи придворной и общественной жизни девятнадцатого века, отмеченные таким своеобразным бытовым отпечатком, такими яркими следами наклонностей и вкусов целого поколения исторических личностей, безвозвратно для истории утрачены.

По свидетельству дворцовых служителей, толпа вооруженных грабителей состояла из матросов, из солдат, военная форма которых изобличала их принадлежность к Павловскому, Финляндскому и Преображенскому полкам, и из разных лиц неопределенного звания. Грабеж был произведен основательно. Все грабители выходили из ограбленных ими помещений перегруженные вещами. Разбросанные же в разных местах социалистические брошюры, забытые погоны чиновничьего образца и обрывки «грамотных» писем дополняют это свидетельство указанием на участие в разгроме таких лиц, культурное развитие которых значительно превышает умственный уровень обыкновенных погромщиков».

28 декабря 1917 г. смотритель комнатного имущества Зимнего дворца Дементьев направил рапорт начальнику Петроградского Дворцового управления с приложением 66 фотоснимков ряда комнат Зимнего дворца и помещений кладовых, особенно пострадавших 25 и 26 октября¹³. В нем была дана общая характеристика и оценка ущерба, нанесенного художественно-культурному достоянию Зимнего дворца во время пребывания там Временного правительства и событий 25—26 октября.

После Октябрьской революции эвакуация ценного имущества дворцов Петрограда и его пригородов прекратилась. Но Художественно-историческая комиссия продолжила свою работу. Результаты ее были изложены председателем Комиссии Верещагиным в докладе «Опись, эвакуация и разгром Зимнего Дворца» на заседании Петроградского общества архитекторов 19 декабря 1917 года. Доклад был иллюстрирован фотографиями и чертежами¹⁴.

Художественно-исторической комиссии приходилось отстаивать ценности Зимнего дворца и в дальнейшем. В январе 1918 г. германское правительство обратилось к советскому с требованием о передаче Германии ряда картин, вывезенных в 1806 г. Наполеоном из г. Касселя в Париж и подаренных им своей супруге Жозефине. После ее смерти они были приобре-

тены в 1914 г. Александром I за 940 тыс. франков и входили в собрание картинной галереи Эрмитажа¹⁵.

Летом 1918 г. была создана русско-германская согласительная комиссия, которая постановила передать упомянутую коллекцию картин Германии¹⁶. По настоянию Художественно-исторической комиссии Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Комитете по народному просвещению 7 сентября 1918 г. обратилась с просьбой возбудить перед Советом народных комиссаров ходатайство, чтобы приобретенные Александром I картины галереи Мальмезона как «законная собственность русского народа были оставлены в Эрмитаже»¹⁷.

Резэвакуация художественных ценностей, вывезенных из Зимнего дворца, началась в ноябре 1921 года. Была возвращена большая часть коллекций и отдельных произведений, принадлежавших Эрмитажу, а также некоторые художественные произведения других дворцов Петрограда и его окрестностей. О возврате же похищенных 25—26 октября ценностей достоверных сведений практически нет за исключением одного: в мае 1918 г. в Зимний дворец Петроградским уголовным розыском были переданы 42 медали, похищенные из дворца 25—26 октября.

Примечания

1. Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ) Санкт-Петербурга, ф. 36, оп. 1, д. 1-в, л. 3.
2. Там же.
3. Там же, оп. 2, д. 5, л. 54.
4. Там же, оп. 1, д. 1, лл. 8, 17, 76.
5. Там же, л. 12.
6. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 475, оп. 1, д. 690, лл. 2, 3, 6—6 об., 11, 14.
7. Там же, лл. 39, 40; ЦГАЛИ Санкт-Петербурга, ф. 36, оп. 1, д. 129, лл. 20—21, 42—50.
8. ЦГИА СССР, ф. 475, оп. 1, д. 690, л. 27.
9. Там же, лл. 75—76.
10. ЦГАЛИ Санкт-Петербурга, ф. 36, оп. 1, д. 1, лл. 22—25 об.
11. *Щеглов В. В.* заведовал дворцовым хозяйством и библиотекой Зимнего дворца; *Озерова Е. С.* — камер-фрейлина имп. Марии Федоровны; *графиня Гендрикова А. В.* — фрейлина имп. Александры Федоровны.
12. *Брешко-Брешковская (урожд. Вериги) Е. К.* (1844—1934) — дворянка, одна из организаторов и лидеров партии эсеров, активно поддерживала Временное правительство.
13. ЦГИА СССР, ф. 475, оп. 2, д. 67, лл. 45—46 об. Материал этот частично опубликован (Ленинградская панорама, 1991, № 1, с. 29—31).
14. ЦГАЛИ Санкт-Петербурга, ф. 36, оп. 1, д. 1, л. 74.
15. Там же, оп. 2, д. 5, лл. 95 об., 95 а.
16. Там же, л. 114.
17. Там же, л. 95 об.

Подолинские и Бердяевы (родственные связи)

В. С. Чесноков

18 сентября 1924 г. акад. В. И. Вернадский, посылая из Франции только что опубликованный там свой труд «Геохимия» во Всеукраинскую Академию наук, сообщал ее члену А. Е. Крымскому: «На с. 334—335 Вы найдете известия об украинце Подолинском, как видно, забытом научном новаторе. К сожалению, я не знаю, когда он умер, может Вы знаете?»¹

Вот что писал позднее Вернадский о роли Сергея Андреевича Подолинского (1850—1891): «История идей, относящихся к энергетике жизни, взятой в рамках космоса, указывает на почти непрерывный ряд мыслителей, ученых и философов, приходивших более или менее независимо к одним и тем же идеям, но не углублявших поставленных ими проблем. Кажется, будто давно уже царила благоприятная современным идеям атмосфера. Мы находим краткие, но совершенно ясные указания, мысли и факты на энергетическое отличие живого от мертвого уже в работах основателей термодинамики — у Р. Майера, В. Томсона (лорда Кельвина), Г. Гельмгольца. Эти указания не были поняты и оценены. Уже позже и самостоятельно, рано умерший С. А. Подолинский понял все значение этих идей и старался их приложить к изучению экономических явлений»².

Дед Подолинского Иван Наумович, воспитанник Киевской духовной академии, служил председателем Киевской палаты Уголовного суда и скончался 75 лет от роду в Одессе в 1858 г. в чине действительного статского советника. Отец ученого, поэт пушкинской плеяды Андрей Иванович (1806—1886), родился в Киеве, первоначальное воспитание получил в частном пансионе Графа, в 1821—1824 гг. учился в Благородном пансионе Петербургского университета, затем работал секретарем директора столичного почтового департамента, в 1831 г. получил место помощника начальника VII почтового округа в Одессе.

Там он познакомился с херсонским предводителем дворянства князем С. Д. Кудашевым (1796—1862), женатым на М.-Ж. О. Кудашевой (в девичестве Шуазель-Гуффье, 1806—1867), и был радушно принят у него в доме. У Кудашевых было трое детей: Мария (будущая мать ученого), Александра (будущая мать философа Н. А. Бердяева) и Алексей. Старшая дочь, красавица, обладавшая высокими душевными достоинствами, очаровала поэта, который сразу полюбил ее. В 1838 г. была отпразднована их свадьба в имении Кудашевых. Молодые супруги, потеряв еще ребенком одного из родившихся у них сыновей, всю свою привязанность перенесли на оставшегося в живых первенца Сергея.

В 1867 г. он поступил на естественное отделение физико-математического факультета

Чесноков Вячеслав Степанович — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института географии Российской АН.

Киевского университета, где сблизился с революционно настроенной молодежью. По окончании университета в 1872 г. уехал за границу, чтобы продолжить занятия медициной. В Париже слушал лекции известного физиолога К. Бернара. Впоследствии в литературно-политическом журнале «Дело» (1879, № 2) Подолинский опубликовал интересную статью «Клод Бернар». В Цюрихском университете он слушал лекции физиолога Л. Германа и занимался в гистологической лаборатории Фрея (псевдоним В. К. Гейнса (1839—1888), проповедника «религии человечества» и основателя коммуны в США)³.

В Бреславле в Физиологическом институте под руководством Р. Гейденгайна Подолинский выполнил научную работу «О расщеплении белков ферментами поджелудочной железы» и в 1876 г. защитил там же диссертацию на степень доктора медицины. Будучи студентом Военно-медицинской академии, И. П. Павлов, работая летом 1877 г. в лаборатории Гейденгайна, использовал научные результаты Подолинского⁴. В Париже Подолинский познакомился с П. П. Лавровым, материально и лично участвовал в организации его журнала «Вперед!» и в 1873—1874 гг. опубликовал в нем «Очерк развития Международной ассоциации рабочих».

В Лондоне Подолинский в августе 1872 г. через Лаврова познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом, между ними установились дружеские отношения, завязалась переписка. Подолинский присутствовал как гость на Гаагском конгрессе I Интернационала 2—7 сентября 1872 г., информируя Лаврова о ходе его работы. Впоследствии он разошелся с Лавровым во взглядах, осудив вырождение ряда народников в либералов, а также тактику индивидуального террора.

Увлечение Подолинского украинским национальным движением тоже отдалило его от лавристов. В Вене он участвовал в организации издания книг социалистического направления, а после разгрома издательства возвратился в Россию. В родном селе изучал условия жизни крестьян и их болезни⁵, организовал лечебницу, вел педагогические занятия с молодежью, писал социалистические брошюры. В 1877 г. он женился на Н. А. Андреевой и в том же году уехал с нею за границу. После путешествия в Швейцарию супруги поселились в Монпелье, и в 1878 г. у них родился сын Владимир. 29 августа 1879 г. Подолинский выступил с докладом «Санитарное состояние населения Киевской губернии» на медицинском конгрессе в Монпелье, 19 апреля 1881 г. — в г. Алжир с докладом «Дифтерия на юге России». Весной 1881 г. он совершил поездку по Испании. В очерке о путешествии им дан содержательный анализ состава населения страны, его образа жизни и культуры⁶.

Одно из наиболее важных произведений Подолинского — статья «Труд человека и его отношение к распределению энергии» (Слово, 1880, № 4—5), сокращенные варианты которой были опубликованы на французском, итальянском и немецком языках. Ее автор был первым, кто предложил рассматривать труд как средство увеличения энергетического бюджета общества. Он раскрывал также термодинамические особенности органической жизни. Анализируя развитие общества, Подолинский писал о роли орудий труда и их усовершенствования для умственного развития людей и более эффективного использования солнечной энергии. Войну, войска и вооружения он характеризовал как расхищение энергии, находящейся в распоряжении человечества. К расхищению энергии он относил также производство предметов роскоши и непроизводительное потребление.

Идеи Подолинского об энергетике жизни и возможностях измерения в физических величинах экономических процессов в обществе получили дальнейшее развитие в трудах В. И. Вернадского, А. Е. Ферсмана, Н. М. Федоровского и других ученых. А в указанной статье Подолинский поставил проблему непосредственного синтеза продуктов питания из неорганических веществ, вне зависимости от окружающей природы. Эти идеи об автотрофности (о возможности человечества пропитать себя синтетическими продуктами, не используя живого) аналогичны последующим взглядам К. А. Тимирязева и Д. И. Менделеева. В 1925 г. на французском языке появилась статья В. И. Вернадского «Автотрофность человечества», в которой он развивал эти взгляды.

Подолинский, прожив всего 41 год, последние девять лет был прикован к постели тяжелой болезнью, не позволявшей ему трудиться. Но до 1882 г. он успел опубликовать около 30 научных работ. Установить родственные связи его и Бердяева нам удалось лишь в последнее время, когда по-настоящему открылись для нас биография и труды последнего.

Бердяевы — старинный русский дворянский род. Дед философа (при Николае I генерал-лейтенант) Михаил Николаевич Бердяев (1792—1861) в 1820 г. был назначен командиром Арзамасского конно-егерского полка, которым командовал около девяти лет. Этот полк считался тогда одним из образцовых, и в него посылали на исправление «отъявленных негодяев», которые «вскоре становились хорошими людьми. Секрет такого быстрого перевоспитания заключался не в мордобитии и палках, а в осмысленной дисциплине и безукоризненной справедливости, согретой любовью к ближнему». В 1831 г. М. Н. Бердяев, командовавший бригадою в Поль-

ше, получил от солдат Арзамасского полка пакет с медалью, изготовленной по их заказу, в форме сердца, на одной стороне которого вырезано распятие, а на другой — надпись: «Боже храни за твою к нам добродетель». Генерал считал эту медаль высшей наградой своей жизни и никогда не снимал ее с груди. Погребен он в своем имении Обухово на берегу Днепра. Его сын врезал медаль в надгробную плиту.

Отец философа Александр Михайлович (1837—1916) был уволен со службы поручиком и женился в 1859 г. на княжне Александре Сергеевне Кудашевой. Н. А. Бердяев писал: «Мать моя была рожденная княжна Кудашева. Она была полуфранцуженка. Ее мать, моя бабушка, была графиня Шуазель»; «мать моя была очень красивой женщиной»⁷.

А кто такие Шуазель-Гуффье? Шуазель — старинный род Франции. В 1752 г. родился Мари-Габриэль-Флоран-Огюст Шуазель, прапрадед С. А. Подолинского и Н. А. Бердяева. Вторую половину к своей фамилии он прибавил после женитьбы на наследнице рода Гуффье. По окончании коллежа он продолжал учебу дома под руководством близкого ко двору Людовика XVI аббата Бартоломи, который привил юноше любовь к истории, науке и искусству. Бросив военную службу, Шуазель-Гуффье изъездил Грецию и часть Азии, изучал тамошние народы и их нравы, разыскивал древние памятники. В Париже он издал результаты своих изысканий и 29 лет от роду был избран членом Академии надписей и словесности, а в 1784 г. стал членом Французской Академии.

Когда в 1789 г. разразилась Французская революция, Шуазель-Гуффье был послом в Константинополе. Там он продолжал заниматься наукой и многое сделал для укрепления дружественных отношений между Францией и Турцией. Потом его положение стало затруднительным, так как он объявил себя сторонником Бурбонов. Узнав, что его заочно осудили, Шуазель-Гуффье эмигрировал в Россию, где был известен как дипломат и путешественник. Екатерина II приняла его с почетом, а Павел I сделал своим советником, назначил президентом Академии художеств и директором императорских библиотек, даровал ему чин тайного советника и имение в Ковенской губернии. Прожив 10 лет в России, Шуазель-Гуффье вернулся во Францию, где и умер в 1817 году. Коллекция собранных им памятников хранится ныне в Лувре.

Граф Октавий, прадед С. А. Подолинского и Н. А. Бердяева, старший из детей Шуазеля-Гуффье, родился в 1773 г., службу начал королевским телохранителем, вместе с отцом эмигрировал в Россию и был принят 1 июля 1793 г. на службу в Измайловский полк. 9 мая 1795 г. произведен А. В. Суворовым, при котором состоял, в подполковники. Октавий был женат дважды. От первого брака (1801 г.) с фрейлиной графиней Викторией Феликсовной Потоцкой родились Эдуард, Александр-Октавий-Феликс, Артур-Людовик-Станислав и вышеупомянутая Матильда-Жозефина, вышедшая впоследствии за князя С. Д. Кудашева. Второй брак состоялся с фрейлиной графиней Софьей Тизенгаузен. Скончался Октавий во Флоренции в 1840 году.

Теперь о Кудашевых. Это русские княжеские роды, происходящие от татарских мурз. В «Сборнике биографий кавалергардов 1724—1908 годов» (СПб. 1908) помещены сведения о князе Алексее Сергеевиче Кудашеве (1825—1879): из дворян Киевской губернии, сын киевского губернатора камергера князя С. Д. Кудашева и дочери кавалергарда графа Октавия Шуазель-Гуффье, графини Матильды-Жозефины, уволен от службы по домашним обстоятельствам штаб-ротмистром 24 января 1853 г., женился 9 мая 1852 г. на Екатерине Ивановне, урожденной Хлоповой, брак остался бездетным, умер в 1879 г. в Одессе, где и погребен.

Примечания

1. СЫТНИК К. М., АПАНОВИЧ Е. М., СТОЙКО С. М. В. И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. Киев. 1988, с. 107—108.
2. ВЕРНАДСКИЙ В. И. Избр. соч. Т. 1. М. 1954, с. 18.
3. О нем см.: ВЕРНАДСКИЙ Г. В. Братство Приютино. — Новый журнал, Нью-Йорк, 1968, кн. 93, с. 154—159.
4. ПАВЛОВ И. П. Полн. собр. соч. Т. II, кн. 1. М.—Л. 1951, с. 48.
5. ПОДОЛИНСКИЙ С. А. Здоровье крестьян на Украине (санитарный очерк). — Дело, 1879, № 5.
6. ПОДОЛИНСКИЙ С. Из поездки в Испанию. — Русская мысль, 1882, кн. X.
7. БЕРДЯЕВ Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. 1991, с. 15—16.

Актуальные теоретические проблемы современной исторической науки

В последнее время в печати, в письмах читателей, на различных научных и читательских конференциях поднимается вопрос о кризисе отечественной исторической науки, особенно ее теоретической базы. В то же время интерес историков к разработке теоретических проблем своей науки заметно ослабевает.

29 октября 1991 г. в редакции журнала «Вопросы истории» проходил «круглый стол», посвященный указанной проблеме.

Дискуссию открыл главный редактор журнала, чл.-корр. Российской АН А. А. Искендеров. Он отметил, что, хотя все признают наличие глубокого кризиса нашей науки, недостаточно внимания обращается на то, что кризис этот сильнее всего поразил именно теорию исторического познания. Сейчас нужен прямой и четкий ответ на вопрос: насколько методология, которой придерживалось большинство отечественных историков, отвечает современным требованиям, позволяет ли она получить полную и объективную информацию о прошлом. Многие положения марксистской теории («история — есть борьба классов», «революции — локомотивы истории» и т. п.) делали упор на противостояние и борьбу социальных сил. Путь общественного прогресса выглядел при этом как череда войн, революций, социальных и национальных конфликтов. Выработывалось предвзято негативное отношение к эволюционному пути развития и реформам вообще. В результате огромные пласты истории, целые общественные движения и течения общественной мысли оказывались вне поля зрения историков. Утвердилось во многом схематизированное восприятие прошлого, в котором преобладали две краски — черная и белая, исчезало богатейшее многоцветье, многообразие общественной жизни прошлых эпох.

В этой же связи следует выяснить, насколько оправдали себя попытки подогнать российскую действительность под схемы западного развития, что неизбежно влекло за собой во многом искаженные представления о прошлом России, ее историческом опыте, специфике ее общественного развития.

Поскольку подходы и концепции исторической мысли, складывавшиеся в России, нередко не совпадали с марксистскими схемами и догмами, достижения крупнейших русских историков XIX — начала XX в. игнорировались, а часто третировались, замалчивались или извращались. Это было прямым насилием над отечественной историографией. Вот почему кризис нашей исторической науки корнями своими уходит к тем далеким годам, когда все ее исследования, по существу, замкнулись на одной — «единственно верной» — концепции.

Для того чтобы совершить теоретический прорыв в исторической науке, нужно, по-видимому, прежде всего приступить к выработке принципиально новых подходов к прошлому, опирающихся на критическое осмысление всего опыта исторической науки — отечественной и зарубежной, в том числе и практики использования историками формационного

принципа, опыта цивилизационного подхода к истории общества. Во всяком случае нельзя допустить, чтобы действительно насущная проблема цивилизационного подхода была сведена к простой смене названий и терминов.

Надо четко определить те сферы исторической науки, где несоответствия между методологией и результатами конкретно-исторических исследований обнаруживаются особенно резко, где поиск объективной истины подменялся мифотворчеством.

Наша отечественная наука — часть мировой исторической науки. Вот почему необходимо ответить и на такой вопрос: в какой мере и что могут наши историки использовать для совершенствования своего методологического арсенала из мировой исторической науки и при этом не оказаться в положении нерадивых учеников, повторяющих зады западной историографии.

Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН И. Л. Фадеева отнесла к числу важных теоретико-методологических проблем уточнение категорий и терминов исторической науки, совершенствование методики сравнительно-исторических исследований. Она отметила, что многие наши историки знают лишь ту трактовку марксизма, которая была дана российскими социал-демократами. Между тем марксизм сложился на основе усвоения достижений мировой общественной мысли и сам представляет этап в ее развитии. Конечно, наследие марксизма неоднозначно, но, думается, еще не раз придется возвращаться к таким трудам Маркса и Энгельса, как «Формы, предшествующие капиталистическому производству», работы о семье и государстве, о специфике общественных движений на Востоке. Уже дискуссии обществоведов в 30-х и 60-х годах об азиатском способе производства показали ограниченность пятичленной формационной схемы. Истоки цивилизационного подхода к истории коренятся очень глубоко, причем это относится не только к западной, но и к восточной историографии. Если бы удалось разработать достаточно емкую теорию цивилизации, она позволила бы объяснить, почему те или иные общества, пережив сильнейшие социальные потрясения, стремятся вернуться к формам, существовавшим до этого.

По мнению акад. В. Л. Янина, необходимо выяснить, насколько теория марксизма способна выполнять роль инструмента познания. Сложилась практика смотреть на марксизм, как на резервуар, откуда всегда можно почерпнуть «руководящие указания» для своих штудий. Возможно, этот подход мог быть уместным для специалистов, изучающих ближайшие к нашему времени эпохи. Что же касается истории Древней Руси, то здесь у историков было больше свободы. Собственно марксистская наука мало что дает для понимания российского феодализма, которому никто из исследователей так и не смог пока дать четкого определения. Янин отметил, что современный историк не сможет и в дальнейшем обойтись без трех положений марксизма, которые вполне оправдали себя: учение о развитии человечества по восходящей линии; учение о классовой борьбе (но, разумеется, не как о всеобъемлющей форме развития общества); и, наконец, тезис о примате экономики над политикой. Так, исследование новгородской государственности подтвердило, что реформы управления проводились здесь именно тогда, когда происходило очередное обострение классовых противоречий или когда с особой силой проявляло себя самосознание того или иного класса.

У исследователей русского средневековья крайне бедна источниковая база, если иметь в виду, конечно, первоисточники, синхронные происходившим событиям, а не летописи, которые принадлежат к источникам скорее литературным. Самые ранние летописи, передающие в исправленном виде не дошедшие до нас источники XII в. (они, как правило, сгорели во время пожаров), датируются концом XIII — началом XIV века. Но летопись — это одновременно и документ и литературное произведение, в котором события описываются сквозь призму авторского восприятия, изложение пропитано последующей историей, да к тому же еще мифологией и элементами из западных хроник. И так продолжалось до Н. М. Карамзина, который сам называл свою «Историю государства Российского» исторической поэмой. Это блестящее литературное произведение, в котором главный герой — сама история.

В России история как наука начинается примерно с П. М. Строева (1796—1876), когда она отделяется от литературы и возникает потребность в том, чтобы отразить разные версии событий прошлого. Однако мы до сих пор живем представлениями, сложившимися еще в XVIII веке. Поскольку отсутствуют древнейшие памятники письма, синхронные событиям, наша лингвистика длительное время питается богослужебной литературой, написанной в основном на старославянском языке, в который местами врывается и язык древнерусский. Книги эти одинаковы и в Киеве, и в Новгороде. Отсюда — представление о единстве вос-

точнославянского языка, а также о том, что расселение восточных славян шло из одного центра — из Приднепровья. И только во времена монгольского нашествия, в эпоху феодальной раздробленности начинается кристаллизация диалектов. Такое представление заложено и в учебниках. Слова Олега в отношении Киева «се буди мати градомъ русьскимъ» трактуются именно в этом смысле, между тем как на самом деле эта фраза означает: здесь будет теперь моя резиденция.

Основываясь на подобном представлении, некоторые наши исследователи берут немногочисленные киевские свидетельства, явно недостаточные для реконструкции целостной системы мифологических представлений языческого периода; к ним добавляются сведения, почерпнутые из новгородских, смоленских, рязанских, а также из словацких, югославянских, болгарских и других источников, и конструируется некое общее представление о славянском язычестве, не имеющее ничего общего с действительностью. А между тем север и юг Восточной Европы резко отличаются по своим природным условиям: на севере, где солнца было мало, преобладали солнечные культы, а на юге, где его хватало, но не доставало воды, — купальские культы, которые в дальнейшем соединяются друг с другом.

Новейшие исследования показали, что в Новгороде в XI в. существовал особый диалект, отличавшийся от южнорусского 30 признаками, аналоги которым находят в Южной Балтике. Складывается совершенно иное, нежели прежде, представление о процессе расселения славян в Восточной Европе. На севере существовала особая славянская ветвь и расселение славян здесь происходило с берегов Балтики. И у этих ветвей восточного славянства были разные традиции — на севере республиканский, вечевой строй, а на юге — великокняжеское правление. Тогда и процесс возникновения Киевского государства выглядит по-иному: сначала было объединение Севера и Юга, потом единое государство подчиняет себе эти регионы, после чего Древнерусская держава начинает распадаться.

Мы сталкиваемся с неправильным использованием сравнительно-исторического подхода, усугубленным к тому же марксистским постулатом об общих законах развития общества. На этом основании о событиях на Руси в XII в. судят по западным источникам, цитатам из Маркса, Энгельса и Ленина, относящимся к другим народам, регионам. С 30-х годов историческая наука чрезмерно увлеклась теорией, что, в частности, привело и к тому, что на длительное время ослабили интерес и внимание к источниковедению. После Великой Отечественной войны эта отрасль стала подниматься, но мы пока многого не знаем, не освоили еще массу архивных материалов. Думается, сейчас главное — даже не развитие теории, а накопление знания. Пока мы будем бедны источниками, никакая теория нам не поможет, мы все равно будем оставаться в плену мифов.

По мнению директора Института этнологии и антропологии РАН, доктора исторических наук В. А. Тишкова, наша историческая наука была одержима абсолютизацией методологических конструкций и «историческим синтезом», что являлось своеобразной формой академического тоталитаризма. Сейчас надо быть крайне осторожным и осмотрительным, чтобы одна система догм не сменилась другой, отличающейся от первой только знаками.

Историческая наука очень серьезно больна. Мы пропустили колоссальный прорыв, происшедший за последние 20—30 лет в мировом общественном сознании. Сейчас у нас публикуются западные работы, которые должны были быть усвоены нашими историками еще на вузовской скамье и которые по современным мировым меркам — вчерашний день исторической эпистемологии. Конечно, все эти труды останутся в арсенале нашей науки, но главное все же состоит в том, чтобы подойти к современным гуманитарным знаниям с позиции постмодернистской философской антропологии, эпистемологического анализа, в развитие которых большой вклад внесли и наши соотечественники. Без этого нам не выйти на современный научный уровень.

История — это не только прошлое людей, но и конструкции, созданные историками. К тому же нельзя забывать, что общественная практика зачастую выступает как воплощение определенных теоретических конструкций. В свое время были, например, сконструированы определенные схемы взаимоотношений народов Закавказья, а потом на этой основе разыгрались кровавые конфликты. Независимые государства Средней Азии образовались на основе определенной политики конструирования социалистических наций. А между тем в этом регионе только после провозглашения Конституции СССР 1936 г. начался мощный процесс этнической консолидации, охвативший и массовое сознание. Итак, мы имеем ту историю, которую сами творим. Вот почему диалог, который историк ведет с прошлым, гораздо богаче и глубже, чем мы это подчас себе представляем.

Высказываются разные суждения насчет возможности воссоздания исторической правды. По мнению В. А. Тишкова, многие беды нашей историографии связаны не только с издержками марксистского догматизма, но и с влиянием позитивизма. Политический режим, существовавший в стране, благоприятствовал утверждению механистического ньютоновского видения мира, недостаточность которого сейчас ощущается особенно остро. Мы не можем адекватно восстановить события прошлого, просто повернув часы в обратную сторону. Часть информации исчезает безвозвратно — по законам энтропии. Последствия сегодняшней деятельности людей в более или менее отдаленном будущем непредсказуемы, непредвидимы. Они могут даже повернуть ход истории целых народов (Чернобыльская катастрофа несравнима, например, по своим последствиям ни с каким нашествием).

Современному историку должен быть присущ здоровый релятивизм, известная само-рефлексия, и это отнюдь не означает отказа от научности истории. История никогда не порывала с литературой — в историческом сочинении всегда есть литературный текст. Историк не может заявлять претензии на то, что он добился единственно правильного, объективного отражения прошлого, не подлежащего критике. И такие категории, как формации, нации и классы, — это прежде всего создаваемые нами умственные конструкции. Историк работает в определенном интеллектуальном поле, и здесь особое значение приобретает язык, сама форма коммуникации, связывающая между собой историков. В ряде случаев этот язык (например, в этнографии) принял совершенно закрытый характер; общение исследователей друг с другом происходит на уровне принятых ими дефиниций, зачастую уродующих и искажающих конкретно-исторический материал.

Мы болезненно относимся к необходимости пересмотра существующих концепций, хотя нормальная научная этика предполагает, что в любом академическом сообществе такой пересмотр происходит периодически и представляет собой совершенно естественное явление. Историк должен, конечно, стремиться к тому, чтобы достичь адекватности написанного им текста реальному ходу истории, но мысль о том, что этого можно достигнуть на самом деле, — заблуждение. Более того, такой результат означал бы смерть истории как науки. В этом смысле каждое поколение пишет свою историю.

Доктор исторических наук А. Я. Гуревич (Институт всеобщей истории РАН) заметил: вопрос «что есть истина?» постоянно встает перед историком. И в истории, как и в других науках, мы знаем лишь то, что можем познать. Всякая историческая реконструкция (восстановление прошлого — «как это было на самом деле») есть не что иное, как определенная конструкция видения мира, относительно которой историки достигли определенного консенсуса. Сама постановка вопроса об объективности исторических знаний некорректна. Вот почему одной из важнейших в методологии истории является проблема самосознания историка, его гносеологического статуса.

Школа «Анналов» совершила, как известно, переворот в познавательном статусе истории как науки: в 60—70-х годах была признана активная роль историка как познающего субъекта. Впрочем, сами исследователи далеко не всегда осознают роль собственной интеллектуальной активности. Сплошь и рядом они пребывают в наивно-позитивистской убежденности, что все зависит от источника, хотя сами они осмысливают прошлое в категориях, унаследованных от предшественников.

Говорят, что в последнее время история была слишком теоретизирована. Марксизм действительно привил нам вкус к теории и теоретическому подходу (даже если мы не хотим признавать его необходимости). Но надо четко разграничить философию истории и системный анализ социальной действительности. Постулированная Марксом системность стала неотъемлемым элементом многих современных подходов к истории, в том числе и очень далеких от марксизма. Многие в развитии мировой исторической мысли прошло мимо нас, но нельзя сразу подняться на высшую ступень, не пройдя предыдущие, не освоив позитивный опыт, накопленный современной наукой в разных странах.

Термины отражают сложившуюся систему понятий. Вот почему, когда говорят о понятийном арсенале историков, надо исходить прежде всего из применимости того или иного термина к реальной исторической ситуации. Это относится и к таким понятиям, как «общество», «цивилизация», «личность», имеющим конкретное историческое содержание. Каждая эпоха имела свою систему понятий, по-своему отражавшую картину окружающего мира. Исторический источник, будь то колесо, грамота, трактат, — это продукт сознательной деятельности людей. Но это не окно, через которое очень просто увидеть прошлое, а сложно-преломляющая призма, и если мы хотим ослабить эффект ее преломления, следует использовать целую систему источников.

Доктор исторических наук В. А. Дьяков (Институт славяноведения и балканистики РАН) подчеркнул, что современное поколение историков унаследовало от своих предшественников убежденность в том, что исторический процесс имеет объективный характер. Его ход, разумеется, не predetermined заранее данными закономерностями, но обусловлен сочетанием биологических, географических, социальных факторов. Равнодействующая этих факторов и воплощена в направленности исторического процесса. Задача историка, не навязывая этому процессу свои концепции, проследить его объективное движение.

Однако нельзя игнорировать и другую сторону проблемы: взаимоотношение между историком и источником, исследователем и происходящим событием, прошлым и современностью. Польский ученый Е. Топольский писал о внеисточниковом знании, содержание которого формируется под воздействием господствующего в обществе менталитета, существующих научных теорий и т. п. Речь, таким образом, идет о правильном понимании соотношения субъекта и объекта в историческом познании.

Сейчас мы переживаем полосу теоретического безвременья, а задача состоит в том, чтобы научиться жить и работать в условиях плюрализма и в сфере методологии. Нельзя выбросить из нашего арсенала такие категории, как «класс», «нация», «общественно-экономическая формация», «социальный организм». Содержание этих категорий не могло не измениться, и они поэтому требуют новых дефиниций. Классы, например, и рабочий класс в том числе, приобрели сложную, многослойную структуру, которой не имели в прошлом.

Марксизм однозначно отводил приоритет социальному фактору в его взаимоотношениях с национальным, игнорируя при этом такие ситуации, когда решающая роль принадлежала именно последнему, например в условиях национально-освободительных движений, национальных революций, оборонительных войн, когда складывалось единство разных социальных слоев. Пребывая в плену марксистского догматизма, историки отказывались признавать существование наций с неполным социальным составом (то есть таких, в которых отсутствуют — в силу определенных причин — либо буржуазия, либо дворянство, либо крестьянство).

Дьяков остановился на характеристике и значении категории «социальный организм». Такой категорией является государство, которое нельзя связывать только с диктатурой и насилием одного класса над другими. Оно выполняет важные позитивные функции, сплачивая, объединяя различные части общества, разрешая возникающие в нем противоречия. Этот социальный организм выполняет многообразные функции — и управление обществом, и регулирование производства, и обеспечение функционирования культурной сферы; он вырабатывает свой менталитет. Имеется много примеров таких социальных организмов, которые в условиях научно-технической революции и демократии обеспечивают баланс внутренних противоречий общества, снимают их антагонистический характер. Эта теоретическая конструкция позволяет исследователю сбалансировать действие материальных факторов, культурных интересов, менталитета в изучаемом им целостном объекте, не разделяя его на отдельные составные — материальную, социальную, политическую, культурную.

По мнению Дьякова, противопоставление формационного и цивилизационного подходов неоправдано. Они не исключают, а дополняют друг друга. Цивилизационный подход дает возможность лучше понять взаимодействие материальных, духовных и иных компонентов истории. Но и в формационном подходе первоначально была заложена идея соединения различных элементов исторического процесса, а не только соотношения производительных сил и производственных отношений.

Доктор исторических наук Е. Б. Черняк (Институт всеобщей истории РАН) сказал, что в основе исторической науки (как и обществоведения в целом) лежит определенная система аксиом, которые, однако, не всегда самоочевидны. Если начать оспаривать познаваемость социального процесса и делать акцент на ограниченных возможностях человеческого сознания, то историю как науку можно загнать в тупик. Материалистическое понимание ее нельзя сводить к взглядам Маркса и постулатам исторического материализма. Это наследие западного обществознания, всей науки XIX—XX веков. Прямой гносеологической связи между историческим материализмом, теорией научного социализма и политической экономией не существует. Фактически исторический материализм — это освоение того же материала, которым занимается политэкономия и теория социализма, только на более высоком уровне абстракции — на уровне глобального исторического процесса.

Опыт истории, и особенно истории второй половины XX в., подтвердил, по мнению

Черняка, что именно способ производства — важнейший критерий исторического развития. В XIX в. задача общественных наук состояла в том, чтобы свести к одной, базовой, причине плюралистическое по своей сути развитие общества. А сейчас мы достигли такого уровня, когда можем и должны видеть всю многогранность исторического процесса. Это надо учитывать и при попытках определить взаимоотношение понятий «общественно-экономическая формация» и «цивилизация». Формация включает в себя и материальные и духовные аспекты общественного развития, а цивилизационный подход переносит нас на более высокий уровень, включающий и такие автономные к главной линии развития и обычно недооцениваемые нами элементы, как этнические и природные. Собственно, учитывая формационные ступени, мы получаем возможность рассматривать цивилизационное развитие как процесс.

К сожалению, пока вместо разработки целостной теории цивилизаций ученые ограничиваются призывами изучать культуру, менталитет и т. п., не имея при этом достаточно ясного представления о сущности цивилизационного процесса. Для того чтобы добиться какого-то консенсуса, надо, очевидно, понять соотношение между различными факторами цивилизационного развития, субординацию и систему категорий, отражающих цивилизационный уровень исторического процесса. Возможно, правомерно и такое понятие, как «межцивилизационная революция», какой, например, была в свое время победа ислама. Следует изучить и разный уровень и типы цивилизационного развития — континентальные, региональные и др., разработать методику и принципы сравнительного изучения цивилизаций. На этой основе можно было бы переосмыслить важнейшие события всемирной истории, характер и значение разных эпох. Дальнейший прогресс исторической науки связан с изучением исторического процесса на цивилизационном уровне.

Тогда, в частности, станет еще более очевидной недостаточность классового анализа, который фактически обращен только к отдельным периодам, отмеченным резким обострением противостояния классов. Мало еще используются методы, выражающие человеческое измерение исторического процесса. Революционный процесс нового времени в большинстве случаев рассматривается исключительно как переход от одного господствующего способа производства к другому, между тем как на самом деле происходила смена одного баланса укладов другим их балансом. Реальный исторический процесс имел более сложный характер, чем нам до сих пор представляется.

Профессор МГУ доктор исторических наук В. И. Кузицин подчеркнул, что сейчас происходит дискредитация истории в общественном мнении, которая сопровождается разгулом непрофессионализма и дилетантизма. Профессиональным историкам предстоят тяжелые годы, когда будет идти выработка современных научных концепций. Сложность этой задачи связана во многом с тем, что решать ее приходится под мощным прессом сильно политизированного общественного мнения. Кризис нашей исторической науки связан прежде всего с крушением системы основополагающих марксистских догм.

В ходе нашего «круглого стола», отметил Кузицин, уже проявились два подхода: разумный релятивизм и релятивизм абсолютизированный. По его мнению, предпочтителен первый, поскольку историк должен все же придерживаться некоторых положений, истинность которых доказана временем. Вместе с тем нужны новые подходы. Необходим пересмотр достаточно глубоко укоренившегося положения о монизме исторического процесса, который оправдывал однопартийный подход к нему, будь то с позиций марксизма, или той же школы «Анналов», или, скажем, идей М. Вебера.

Новые подходы будут плодотворными, если историки откажутся от односторонней ориентации. Любая теоретическая схема открывает только часть истины. Следует разумно сочетать, после соответствующей переработки, наиболее оправдавшие себя методологические положения. Думается, сейчас вполне уместна разумная эклектика, она в какой-то мере поможет выбраться из того теоретического хаоса и создать теорию, обладающую определенной устойчивостью.

Кузицин остановился также на вопросе о пересмотре некоторых положений марксистской теории общественно-экономических формаций применительно к истории античности. Сам этот термин — общественно-экономическая формация — представляется сегодня устаревшим, хотя понятие формации как особого качественного состояния общества и следует сохранить. Выдвижение во всех случаях на первый план способа производства, как решающего социально-экономического фактора, противоречит результатам конкретно-исторических исследований. Вот почему стоит подумать о новом термине — «историческая формация», — который бы учитывал важную роль образа жизни — личности, отдельных социальных групп, всего общества — вне производственной сферы. Представ-

ляется, что категория «историческая формация» вполне соответствует и требованиям цивилизационного подхода.

Следует также отказаться от примитивной схемы «надстройка — базис», ориентирующей на то, что последний всегда главный, а первая — второстепенная в развитии общества. Действительный исторический процесс неизмеримо более сложен. Достаточно напомнить, что в отдельные периоды на первый план выходят, например, политические факторы.

Думается, нужен новый подход и к теории прогресса, в первую очередь с позиции общечеловеческих ценностей, достигнутых в процессе всего общественного развития и имеющих абсолютное значение, таких, например, как демократия, основные принципы которой были сформулированы еще в древнегреческом полисе, или собственность на землю, которая получила юридическое оформление уже в римском праве. Эти и подобные им понятия и принципы формировались в узловых пунктах исторического прогресса и приобретали в дальнейшем абсолютную значимость.

Кандидат исторических наук Т. Д. С е р г е е в а (Российская театральная академия) говорила о междисциплинарных связях истории и призвала, учитывая опыт западной историографии, расширять систему этих связей, включая в них лингвистику, психологию, географию. Преодолению кризиса отечественной исторической науки во многом способствовало бы дальнейшее развитие достижений культурно-исторической школы (Н. И. Стороженко, Л. Н. Карсавина, М. С. Корелина, А. Н. Веселовского и др.). Она подчеркнула плодотворность эстетического начала в творчестве историков. Для формирования современного массового исторического сознания очень важно сотрудничество историков с деятелями литературы, театра, кино, изобразительного искусства.

Кандидат исторических наук А. И. М и л л е р (Институт славяноведения и балканистики РАН) заявил, что многие факторы, обусловившие современный кризис исторической науки, все еще действуют. Мы по-прежнему мало знаем о тех теоретических концепциях, которые разрабатываются в западной исторической науке.

Слабость марксистской методологии особенно наглядно проявилась в неспособности объяснить, что же произошло с Россией. Западные работы по истории России и СССР разбирались по определенному шаблону: излагалась — в более или менее извращенном виде — концепция западного автора, затем шла разоблачительная критика и в заключение делался вывод, что данная концепция к подлинному научному исследованию не приложима. К сожалению, эта парадигма до сих пор фигурирует в некоторых изданиях Института научной информации по общественным наукам РАН.

Обычно лейтмотивом подобных изданий является мысль, что Россия-де — страна особая и изучение ее с помощью теорий, рожденных западной исторической мыслью, невозможно. Эвристический потенциал тезиса об особом характере русского пути, по мнению Миллера, очень невелик, уже по той причине, что для осмысления самой этой специфики надо рассмотреть историю России с позиций теорий «модернизации», «догоняющего или зависимого» развития и др.

История нового времени вообще может быть понята как история уже сложившейся мировой системы. В свое время этим пытался заниматься Б. Ф. Поршнев, задававший вопрос: «Мыслима ли история одной страны?» Теория «модернизации» освободила бы нас от жесткого формационного подхода и позволила объективно рассмотреть влияние, оказываемое передовыми странами на полупериферийные и полностью периферийные. Только тогда можно дать убедительный ответ на вопрос, что же действительно специфического было в российской истории.

По мнению Миллера, такие категории, как феодализм, капитализм, социализм, во многом исчерпали свои эвристические возможности, которые и прежде были весьма ограниченными. Но кризис исторической науки будет еще более углубляться, если историки начнут пользоваться разными категориями и терминами и перестанут вообще понимать друг друга. Преодоление этого кризиса вряд ли возможно в ближайшие годы. Надо обрести какую-то устойчивость, восстановить научные связи, а главное — освоить опыт мировой науки, накапливавшийся на протяжении всего XX века. Только после этого возникнут предпосылки для серьезного продвижения вперед.

Доктор исторических наук А. В. К и в а (Институт востоковедения РАН) высказал мнение, что наши историки не могут еще мыслить иначе, как по-марксистски, поскольку не располагают другим категориальным аппаратом. Между тем некоторые положения марксизма оказались по существу несостоятельными. К ним можно отнести идею об отмирании государства, положения о разделении труда, о негативной роли частной собственности.

Ложной оказалась и абсолютизация какого-нибудь единственного подхода к истории — национального, религиозного или классового. К тому же она дополнялась обычно ставкой на насилие, стремлением использовать самые примитивные методы для решения возникших перед обществом вопросов. Фактически марксизм, пришедший к нам от народников и с помощью большевиков, явился реакцией традиционного общества на капиталистическую модель развития.

Но нельзя отрицать и того, что марксизм как работающая утопия сыграл свою роль в истории — на этой теории выросла социал-демократия и организованное рабочее движение. Маркс и Энгельс, гениально уловившие момент, когда в современном им обществе назревал протест против капиталистической реальности, сами попали в философско-психологическую ловушку, начав сравнивать реальную жизнь (с органически присущими ей конфликтами) с искусственно сконструированным идеалом. Они предложили свою упрощенную модель действительности, выдвинув давно ожидаемые массами лозунги. Наше сознание подверглось сильному влиянию этой утопии.

Итоги обсуждений подвел А. А. Искендеров, который указал на полезность состоявшегося обмена мнений, на высказанную участниками «круглого стола» неудовлетворенность состоянием разработки теоретико-методологических проблем исторической науки. Необходимо продолжать поиски выхода из нынешнего кризиса исторической науки, не уходя при этом от методологических проблем. Редакция журнала «Вопросы истории» имеет в виду подготовить к публикации серию соответствующих материалов и рассчитывает на помощь участников «круглого стола» и всех заинтересованных в этом историков.

Либерализм как проблема современной западной историографии

А. Н. Медушевский

Одним из магистральных направлений современных историко-политических исследований становится комплексный анализ всего спектра сил, классов и партий, участвующих в общественно-политической жизни. Ведь их соотношение определяет в конечном счете исход всякого фундаментального социального конфликта. Объединение всех сил, порой имеющих несовпадающие или даже противоположные интересы, становится возможным на основе признания демократических идеалов и политических свобод, достижение которых призвано обеспечить переход от авторитарного к конституционному, или правовому, государству. Ведущую роль в этом процессе играют те силы, которые непосредственно заинтересованы в преобразовании политической системы возможно более мирным путем, а потому составляют более или менее устойчивый политический центр. В исторической перспективе к ним относятся все социально-политические течения, стоящие на позициях демократии, либерализма и конституционализма.

Понятия «демократизм», «либерализм», «конституционализм» сформировались исторически, отражают общественное сознание определенной эпохи. «Демократизм», будучи самым широким понятием, означает приверженность интересам народа, стремление (действительное или мнимое) наиболее полно выразить волю большинства. Однако достижение этой цели в разные эпохи и в различных странах виделось по-разному, что находило выражение в зачастую противоположных идеологических доктринах и политической практике. Кроме того, реальное содержание понятия «демократия», как известно, значительно менялось на протяжении процесса развития общества, включая в себя исторический опыт человечества, оказавшегося к концу XX в. перед выбором между взаимным уничтожением и отрицанием насилия как способа решения социальных конфликтов. Неправомерно поэтому перенесение современных трактовок демократизма в прошлое.

Понятие «либерализм», возникшее и получившее широкое распространение лишь в новое и новейшее время, отличается от предшествующего большей конкретностью содержания. Достижение общества социальной справедливости, или демократии, возможно, по мнению представителей данного социально-политического течения, лишь при обязательном условии — сохранении свободы в экономике, социальной сфере, политических отношениях. Само понятие «свобода», ставшее центральным для либеральной политологии со времен Канта, Фихте и Гегеля, приобретает вполне реальный смысл в эпоху преобразования традиционного (феодального) социального строя в гражданское (буржуазное) общество нового времени.

Медушевский Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории России Российской АН.

Наконец, понятие «конституционализм» охватывает еще более конкретную реальность, представляя собой не что иное, как политическую (или правовую) идеологию либерализма определенного периода. Понятие «конституционализм» особенно приемлемо для интерпретации политической истории тех стран, где, как, например, в России, либерализм как самостоятельное социальное течение не получил значительного развития, а имело место скорее распространение либеральной (то есть конституционной) идеологии западного происхождения среди интеллигенции.

Вопрос о содержании категорий «либерализм» и «конституционализм» продолжает оставаться предметом самых разноречивых трактовок¹. В историографии стран Европы существует по крайней мере три основных подхода к проблеме. Либерализм понимается, во-первых, как социально-политическое движение определенной эпохи, представленное повсюду однотипными социальными силами; во-вторых, как идеологическое (философское) течение, отражающее в различные периоды интересы разных социальных сил, но сохраняющее приверженность исконным принципам; наконец, в-третьих, как совокупность известных институтов, процедур и принципов управления, обеспечивающих функционирование всей системы в соответствии с принципами демократии, создающих возможность проведения соответствующей государственной политики². Следует, разумеется, учитывать и трансформацию самого либерализма, особенно с конца XIX — начала XX в. и до наших дней, в результате которой он превращается в неолиберализм³, пересматривающий многие традиционные основания либеральной доктрины. Идеи противники либерализма как слева так и справа также вносят свой вклад в интерпретацию данного идейного течения. Указанные подходы к интерпретации как западноевропейского, так и восточноевропейского (в том числе русского) либерализма в принципе не противоречат друг другу.

Первый из них исходит из представления о либерализме как буржуазном по своей социальной природе идейно-политическом течении, возникшем в странах Западной Европы в период кризиса феодальных порядков. В труде Г. Ласки либерализм рассматривался как общеевропейский феномен при переходе от средневековья и феодальных порядков к новому времени⁴. Поэтому предпосылки либерализма он усматривал в социальных и идейных течениях эпохи Возрождения, Реформации, Великих географических открытий, связывая их с секуляризацией мышления, распространением рационалистических философских доктрин, этикой индивидуализма, сменившей религиозные догматы. Однако особое развитие либеральная доктрина получила, согласно Ласки, в период, когда буржуазия непосредственно вышла на историческую арену и заявила о своих правах. Это произошло в ходе Английской революции XVII в., крупнейшим выразителем идей которой стал Дж. Локк, во взглядах просветителей — Вольтера, Руссо и Монтескье, а также в течениях Французской революции, наконец, в учениях XIX в., которыми отмечен в Европе «золотой век либерализма», — Д. С. Милля в Англии, А. Токвиля — во Франции, В. Гумбольдта — в Германии.

Говоря о социальной сущности данного явления, Ласки подчеркивал: «Доктрина либерализма была побочным продуктом усилий среднего класса завоевать свое место под солнцем»⁵. Данный вывод, сделанный еще в предвоенные годы, во многом определил разработку проблемы в последующий период, по крайней мере в западной науке. Основными проявлениями либерализма стали признаваться: в области экономики — невмешательство государства в рыночные отношения и организацию хозяйства, наградой за что стали колонии; в политической сфере — конституционное правление, зарождение политических партий и кабинетной системы, а также всестороннее развитие права; в религии — терпимость к инакомыслию; в нравственности — торжество утилитарных принципов. Важнейшим достижением либерализма явилось новое гражданское и политическое мышление, основу которого составило представление о правах человека как естественных, гарантируемых демократической организацией политической системы (конституционализм, свобода совести, индивидуализм)⁶.

Трактовка либерализма как продукта социального развития нового времени признается и представителями неолиберализма, которым, однако, свойственно более четкое подразделение двух основных типов либерального движения — классического, являющегося предшественником современной западной демократии, и производного от него либерализма, подвергнувшегося ревизии с позиций рационализма — предшественника современного социализма. Представитель неолиберализма послевоенного периода Ф. Хайек понимает либерализм как «концепцию желательного политического порядка, которая первоначально получила развитие в Англии со времени старых вигов в конце XVII в. до эпохи

Гладстона в конце XIX века. Давид Юм, Адам Смит, Эдмунд Бёрк, Т. В. Маколей и лорд Актон могут рассматриваться как его типичные представители в Англии. Именно эта концепция индивидуальной свободы при господстве права в первую очередь вызвала либеральное движение на континенте и стала базисом американской политической традиции. Несколько ведущих политических мыслителей в этих странах, как Б. Констан и А. Токвиль во Франции, Фридрих фон Шиллер и Вильгельм фон Гумбольдт в Германии и Джеймс Медисон, Джон Маршалл и Даниел Вебстер в Соединенных Штатах, принадлежат целиком к данному направлению»⁷.

Указанное направление четко отличается от другого, связанного с традицией континентальной Европы и также получившего наименование «либерализм». Этот последний, хотя и возник как попытка имитировать первую традицию, интерпретировал ее в духе «конструктивного рационализма», преобладавшего во Франции, тем самым сделал из нее нечто совершенно другое и в конце концов вместо идеала ограничения власти правительства создал идеал неограниченной власти большинства. Это, как указывает Хайек, традиция Вольтера, Руссо, Кондорсе и Французской революции, которая стала предшественником современного социализма.

Сущность классического либерализма выражается в требовании неограниченных возможностей для развития рынка, свободной конкуренции, невмешательства (или ограниченного вмешательства — в случае необходимости) государства в экономику, всемерном отстаивании права частной собственности как необходимого условия экономического роста и политической свободы. С этим связана другая важнейшая особенность либеральной доктрины — ее правовой характер. Согласно ряду авторов, либерализм вообще может быть определен как требование правового порядка, при котором использование государством своих функций принуждения сведено до минимума, определяемого правилами общественной справедливости⁸.

Другой подход к либерализму — рассмотрение его главным образом как идеологического, философского течения, сохраняющего приверженность исконным принципам, — делает вполне естественной постановку вопроса об универсальности либерализма, если не как социального, то, по крайней мере, как интеллектуального течения, а также тех практических оснований, которые, постепенно сложившись, обусловили его возникновение в новое время. Согласно данной концепции, понятие «либерализм», получившее широкое распространение только в середине XIX в., было лишь новым выражением традиционно существовавшего умонастроения, возникшего еще в древности и обладающего рядом стабильных признаков, к числу которых относится убеждение в силе разума, ставящее под сомнение любые догматические воззрения, а также определенный характер решения проблем общества и государства⁹. В этом смысле к сторонникам либерализма могут быть отнесены Сократ, Абельяр или Мильтон, а история конституционализма (если понимать его как участие народа в управлении) начинается с эпохи античной государственности, проанализированной в сочинениях Аристотеля, Платона и Полибия, в которых есть некоторые положения, послужившие исходной точкой теории разделения властей Монтескье.

Таким образом, все то, что некоторые мыслители, прежде всего К. Маркс, считали высшим достижением буржуазного общества, следует, вероятно, признать высшим достижением общества вообще. Одним из первых в XX в. к этому выводу пришел Х. Ортега-и-Гассет, изучая вторжение широких масс на арену истории. «Этот поразительный факт, — писал он, — приводит нас по законам логики к следующим заключениям: 1) либеральная демократия, снабженная творческой техникой, представляет собою наивысшую из всех известных нам форм общественной жизни; 2) если эта форма и не лучшая из всех возможных, то каждая лучшая будет построена на тех же принципах; 3) возврат к форме низшей, чем форма XIX в., был бы самоубийством»¹⁰. Свобода и индивидуализм не просто важнейшие постулаты идеологии либерализма, но и идеал всего человечества. При всех различиях между либерализмом различных эпох и регионов (скажем, англо-американским и континентальным), главным всегда и повсюду остается одно — движение за демократическое правовое регулирование общественной жизни, которое в новое время (в XVII—XIX вв.) получило в различных странах название «конституционализм», что было связано с борьбой за ограничение абсолютизма и создание представительного образа правления¹¹.

Либерализм предстает в такой трактовке не столько продуктом новой социальной действительности, порожденной кризисом старого порядка, сколько результатом практического опыта представительных учреждений с древности до настоящего времени. Этот

опыт, накапливаясь, порождает ту демократическую среду, в недрах которой возможным становится появление идеологии либерализма в чистом виде. В настоящее время указанные традиции сохраняются в идеологии неолиберализма, социал-демократизма, христианского демократизма и т. д. Общим для них и социально значимым элементом как раз и является развитие принципов демократии, составляющей единую основу современного конституционализма. Путь от Токвиля, через Милля к Макс Веберу, по словам Т. Шидера, лучшим образом выражает духовное движение всего либерализма вперед¹².

Однако в полной мере торжество либерализма как определенной системы представительных учреждений, правового порядка и господства принципа индивидуализма стало возможным лишь в новое время, когда возникли социальные движения, политические партии и доктрины, ставящие своей задачей трансформацию общества в соответствии с принципами либерализма. Появилась реальная возможность создания такого общественного порядка, главной задачей которого становится сохранение прав индивида. Гарантией этого является демократическое (правовое) государство, для которого характерно «господство законов, но не людей»¹³. Отсюда своеобразная политическая идеология либерализма, отрицающая возможность чьей-либо (класса, партии, церкви, личности) монополии на власть. С этим связано то большое внимание, которое в рамках либеральной традиции уделяется вопросам конституционного строительства, парламентаризма, правовых гарантий свободы личности и общества¹⁴.

Важно также, что именно либерализм поставил в новое время проблему соотношения права и нравственности, воспитания общества, и прежде всего подрастающих поколений, в духе уважения к демократии, праву и вообще гуманистическим принципам. В данном контексте либерализм, действительно, должен рассматриваться не столько как экономическая система или социальное движение, сколько как интеллектуальное течение, представляющее собой современную интерпретацию наиболее характерных черт европейской политической традиции, точнее ее доминирующего направления. Конец либерализма означал бы, поэтому, «конец политической традиции западного мира»¹⁵.

Третий подход к либерализму — как системе политических институтов и принципов управления — ставит во главу угла определение его практической эффективности как в прошлом, так и в современности. На нынешнем этапе в развитых странах Западной Европы и США происходит своеобразный ренессанс принципов либерализма, прежде всего в экономической и политической сферах¹⁶. С этим связана острая дискуссия по таким вопросам, как ценность традиционных принципов либеральной идеологии для современного мира, теоретическая и практическая целесообразность их применения при решении сегодняшних проблем, а также развитие самих этих принципов. В современных условиях, считают критики, все более очевидной становится утопичность многих либеральных воззрений прошлого, в частности центрального положения их доктрины — индивидуализма. Такие проблемы, пишет Н. Смит, как экономический рост и его последствия, расовая проблема, рост народонаселения и контроль над ним, проблемы быстро развивающейся науки и технологии, неизвестные либералам прошлого, не могут быть решены без активного вмешательства государства¹⁷.

Для современного либерализма, или неолиберализма, центральное значение приобретает вопрос о доминирующих тенденциях социально-экономического развития, монополизации, степени возможного вмешательства государства в экономику — предмет дискуссии между Хайеком и Кейнсом, отстаивавшим необходимость такого вмешательства в область рыночных отношений, ценообразования и монетного дела¹⁸. В ходе подобных дискуссий раскрывается суть либерализма как учения, отстаивающего принцип экономической свободы против монополии всякого рода, а также государственного вмешательства, допускаемого лишь в определенной степени (защита общества, протекционизм, общественные работы). Влияние неолиберальной теории М. Фридмана и Хайека отмечается в экономической политике ряда ведущих капиталистических стран.

Многие современные неолиберальные теории в области экономики, социальных отношений, государства восходят к классическому либерализму XIX века. В них нет размышлений о планировании в какой-либо форме, попыток решить экономические проблемы с помощью государства, организации рыночных отношений, регулирования цен и т. д. Весьма характерны также споры об отношении к монополии или олигополии (объединению нескольких монополий, делящих рынок). В либеральной мысли получила распространение, например, точка зрения, что государство не должно вмешиваться в деятельность монополий, так как по сравнению с ними оно представляет несравненно большую угрозу для свободного рынка¹⁹. Само государство должно ограничиться выполнением чисто поли-

тических функций (международные отношения, внутренняя стабильность, борьба с терроризмом) без вмешательства в социальную среду.

В большинстве работ по истории либерализма он выступает как довольно цельное социальное движение, имеющее ряд характерных признаков: в экономике — это сторонник промышленного капитализма и экономической свободы; в социальных отношениях — выразитель интересов среднего класса; в политике — парламентарная демократия; в культурной жизни — свобода мысли и слова; в религии — антиклерикализм; в морали — индивидуализм; в национальном вопросе — национализм. Однако наиболее типичны для либерализма борьба за демократию и право, создание соответствующих инструментов их претворения в жизнь²⁰. Экономические и социальные принципы либерализма уже в силу самой своей природы не могут быть реализованы вне правового государства, без четко разработанных правовых норм, регулирующих отношения собственности, производства и распределения, взаимоотношения индивидов между собой и с государством. Классическим примером такого права является кодекс Наполеона, интерпретировавший многие идеи римского права применительно к требованиям нового времени. Новое правосознание или даже шире — правовая культура и этика — служили делу создания гражданского общества и правового государства²¹.

Характерной чертой современного общественного сознания явилось возрождение либерализма, причем прежде всего именно в тех странах, которые традиционно были наиболее далеки от классической западноевропейской модели социально-политического устройства. Либерализм обрел новую почву в странах, развивающихся по пути модернизации. Она порождает существенные изменения в социальной стратификации традиционалистских обществ, вынужденных вступить на путь догоняющего развития²². Происходящая в них трансформация социальной структуры, во-первых, ведет к росту взаимного несоответствия различных элементов сложившейся социальной организации, возникновению на этой основе противоречий в их статусе, престиже и благосостоянии. Во-вторых, усиливается несоответствие существующих социальных слоев и институтов новым функциям, которые им приходится выполнять в изменившихся условиях. В-третьих, меняются роль и целевая ориентация различных групп в обществе, что связано с активным поиском более прочных позиций в формирующейся новой социальной иерархии.

На этой базе возникает пестрая гамма противоречий — порожденный модернизацией социальный конфликт, внешним проявлением которого становится растущее отчуждение общества от политической власти. Если таким конфликтом охвачено все общество, то это выражается в принципе в его расколе — на сторонников преобразований и их противников. Данное противоречие имеет объективный характер, поскольку в обществе всегда существуют социальные слои, заинтересованные и в сохранении традиционной системы и, наоборот, в ее изменении, отчасти даже разрушении. В этих условиях, чтобы предотвратить дестабилизацию всей системы, государство вынуждено брать на себя роль активного реформатора прежних социальных структур и институтов.

В свете мирового и особенно европейского опыта прежде всего обращает на себя внимание специфика новых и новейших модификаций либерализма в условиях модернизации. Если в Западной Европе либерализм глубоко уходит корнями в прошлое, имеет социальную опору в виде растущей буржуазии и выступает длительное время как активная (а то и господствующая) политическая сила, то в модернизирующихся странах нет ничего подобного. Здесь либерализм не имел глубоких корней в прошлом, возник очень поздно и не опирался на сколько-нибудь широкие слои населения, был тесно связан с правящим классом и государством, а потому не мог претендовать на активную политическую роль.

Особый интерес в этом отношении представляет германский либерализм. Специфика его в сравнении с «классическим» западноевропейским усматривается во времени возникновения (он сформировался гораздо позже); большей неопределенности социальной базы в силу отсталости и слабости буржуазии; связанных с этим особенностей идеологии, прежде всего — правовой программы (историческая школа права в отличие от традиционных установок естественного права в духе Просвещения); воззрениях на роль государства в развитии общества (апелляция к государству в отличие от провозглашения борьбы со старым абсолютистским режимом); и, соответственно, способах достижения поставленных целей (поддержка реформ сверху вместо революционного переворота)²³.

Решая проблему соотношения двух процессов — формирования буржуазии и становления либерализма, — Д. Лянгевише²⁴ в отличие от традиционной и весьма распространенной концепции, связывающей либерализм с борьбой буржуазии за свои права, развивает мысль о необходимости более широкой трактовки либерализма. В этом плане он рас-

смачивает выработанные германской философско-правовой мыслью понятия «гражданское общество» и «правовое государство». По его мнению, в Германии и других странах Восточной Европы, развивающихся по пути модернизации, либерализм, а точнее — либеральная идеология, получили широкое распространение именно потому, что не были четко связаны с каким-то одним социальным слоем, а выражали стремление всех передовых элементов общества к модернизации. В этом смысле «либерализм» шире «буржуазности», подобно тому, как понятие «гражданин» шире понятия «буржуа».

Среди социальных носителей либеральной идеологии в разных странах мы находим не только и не столько буржуазию, сколько аристократию, интеллигенцию и бюрократию²⁵. Отсюда возникает проблема соотношения модернизации, либерализма и бюрократии в процессе трансформации традиционалистского общества стран Восточной Европы в направлении правового государства. Выделяют, в частности, такие разновидности либерализма, как «буржуазный», «дворянский», «чиновничий», «национальный», а также «традиционный» и «новый», «ранний» и «поздний». Иначе говоря, либерализм выступает как определенное идейное течение, идеалы и принципы которого могут разделять представители различных социальных слоев. В. Моммзен, сравнивая немецкий и британский либерализм XIX в., пришел к выводу: «Либерализм был чем-то большим, нежели только буржуазной идеологией; он выступал за динамичное, ориентированное на социальный прогресс, общество, в котором бы на первом плане находились не наследственные привилегии, а заслуги и результативность»²⁶.

Тот факт, что либерализм в Восточной Европе эпохи модернизации не был жестко связан с определенным сословием, а выражал более обобщенную концепцию лучшего, более справедливого общественного устройства, заставляет предположить, что в сфере его интересов оказывались именно те вопросы, которые были актуальны для общества в целом. Действительно, с позиций либерализма давались наиболее объективные ответы на вопросы о национальных отношениях, религии и свободе совести, парламентских и внепарламентских методах решения социальных проблем, оптимальных формах политического устройства²⁷.

Практически для всех стран Восточной Европы нового времени одной из важнейших оказывалась проблема образования или сохранения национального государства²⁸. Именно поэтому либерализм в этом регионе с самого начала оказался тесно связанным с широким общественным движением и идейной работой в данном направлении. Особенно хорошо это прослеживается в Германии периода правления Бисмарка, Австро-Венгрии, само образование которой было связано с попыткой решения национального вопроса, Италии²⁹. Решение национального вопроса в государствах Восточной Европы сказывалось на подходе либералов к вопросу о свободе совести и отношении к религиозному сознанию³⁰. В концепции либерализма в принципе отстаивались правовые, парламентские формы достижения социальных преобразований, отвергались методы насильственного, террористического характера³¹. Интересно, что эти взгляды развивались и отстаивались либералами даже в тех странах, где господствовали абсолютистские режимы и отсутствовал подлинный парламентаризм³².

В центре внимания либералов оставались, однако, проблемы оптимального государственного устройства, по существу являвшегося главным условием осуществления всех этих целей. Поэтому в либеральной традиции стран Восточной Европы столь заметно выступает «монархический принцип» — апелляция к государству как необходимому и достаточному условию социальных преобразований³³. Этот подход к государству и его роли в социальных реформах, столь нетипичный для классического западноевропейского либерализма, нашел свое наиболее полное выражение в учении о конституционной монархии как идеальной форме правления, позволяющей совместить интересы общества и государства³⁴. Именно в рамках германской правовой традиции возникла та концепция отношений гражданского общества и правового государства, которая оказалась очень эффективной для многих модернизирующихся стран — от Испании до России³⁵. Ее идейное влияние на правовую мысль и практику конституционализма прослеживается в Испании, Италии, Латинской Америке и Азии³⁶.

На переломном этапе общественных преобразований конца XX в. понятен интерес к истории российского либерализма и конституционализма. Он отвечает, во-первых, стремлению лучше понять русское освободительное движение вообще и либерализм как один из составляющих его элементов; во-вторых, особому вниманию к русской интеллигенции как самостоятельному общественному слою, активно участвующему в выработке теории и практики освободительного движения; в-третьих, поиску определенных традиций и преем-

ственности по отношению к старой русской историографии, имевшей в значительной степени либеральный характер. При этом в западной науке подробно рассматривается в свете теории модернизации социальная природа русского либерализма, ее специфика по сравнению с западными аналогами, наконец, такое необычное социальное явление, как просвещенная бюрократия и ее место в ходе преобразований.

В русле данных подходов находится и традиционное противопоставление России и Запада как двух в корне различных типов цивилизации, их взаимодействие в ходе глобального исторического процесса. Существенная роль в этом процессе принадлежала европеизации — перестройке многих сторон жизни общества на европейский манер, отказу от традиционных ценностей. Особый интерес вызывает при этом интеллигенция, которая является ферментом в процессе рецепции западных влияний именно потому, что в силу своего социального положения, образования, общей культуры наиболее связана с Западом³⁷. Этим во многом определяется социальная сущность таких понятий, как «либерализм», «конституционализм» и «конституция».

Сама постановка вопроса о русском конституционализме достаточно необычна, поскольку речь идет о самодержавной России. Тем не менее было бы неверно распространять данное понятие лишь на Западную Европу и США. Применительно к России XIX — начала XX в. понятие «конституционализм» означает не установление конституции и парламента, а общественное движение, представленное главным образом интеллигенцией и направленное на достижение гражданского общества и правового государства.

Специфика русского либерализма во многом проясняется интерпретацией истории России с точки зрения теории модернизации. Как и всякий вообще процесс изменений консервативных социальных установлений, ценностей и воззрений, модернизация не может идти повсюду одинаково гладко, без конфликтов и противоречий всякого рода. Таков именно путь стран с догоняющим характером развития со свойственной для них скачкообразностью и противоречиями исторического процесса. Модернизация в них могла нести не только позитивные перемены, но иметь деструктивный характер. Указанные особенности русского исторического процесса оказали, конечно, влияние на формирование и развитие либерализма и конституционализма в России.

Если русский либерализм представляет собой определенную разновидность европейского, то важно определить, как далеко идет их сходство. В свое время Г. Фишер предложил весьма интересное решение данной проблемы³⁸. Он высказал мысль о необходимости различать два типа либерализма: классический либерализм развитых стран и «недолиберализм», которые имеют существенные черты сходства и различия. Специфика второго варианта либерализма состояла не столько в идеологии (которая была во многом сходна с западноевропейской), сколько в социальном положении формирующегося либерализма, который представляет собой «движение меньшинства в развивающемся обществе». Кроме того, вторая модель отмечена наличием резкого расхождения умеренного и радикального крыла; первое стремится достичь поставленных целей путем сотрудничества с существующим и постепенно либерализующимся правительством, а второе — рассматривает его свержение или радикальную трансформацию как важнейшее исходное условие преобразования общества.

Современные западные исследователи подходят (вполне оправданно) к русскому либерализму с учетом последующего опыта революционного процесса, стремясь, по словам М. Раева, определить, насколько жизненной и реальной была та альтернатива революции и диктатуре, которую представляли либералы³⁹. Ставя проблему таким образом, ученые вынуждены признать, что либерализм в России в отличие от стран Западной Европы был в силу объективных условий не способен эффективно противостоять давлению как правых, так и левых сил, оказался в изоляции и вынужден был уступить свое место радикальному движению, ставшему единственной силой, способной в кратчайшие сроки и не считаясь с потерями провести модернизацию страны⁴⁰. К такому выводу приходит Т. фон Лауз, который подчеркивает, что в условиях отсталой страны, какой была Россия XIX — начала XX в., борьба за свободу (конституцию) была деструктивным фактором не только для самодержавия, но и для самих либералов, так как массы крестьянства и рабочих были не готовы к самоопределению в какой-либо форме⁴¹. Программа всеобщего освобождения, выдвигаемая либерализмом, была в этих условиях утопией, а сами представители либеральной интеллигенции оставались крайне далеки от народа.

В данном контексте вполне понятен интерес, который вызывают работы М. Вебера, посвященные ситуации в России в период революции 1905 г., в частности «К положению буржуазной демократии в России»⁴². Обращает на себя внимание главный вывод Вебера

об отсутствии социальных корней у русского либерализма. Придавая большое и даже несколько преувеличенное значение земскому движению (что связано отчасти с его источниками информации), Вебер отдавал себе отчет в возможности поражения либеральной интеллигенции.

С выводом о слабости русского либерализма в отличие от западного согласуются наблюдения о социальном составе и происхождении представителей либерального движения в России⁴³. Большая их часть принадлежала к верхним слоям так называемых образованных классов, была, как правило, выходцами из дворян и даже аристократических фамилий, хорошо знакомыми с образом жизни Западной Европы и основными достижениями мировой философской, научной и политической мысли. С этим связана, между прочим, традиционная ориентация русских либералов на европеизацию. Подходя таким образом к русскому либерализму, мы должны будем признать его скорее интеллигентским, чем классовым движением. Действительно, русские ученые и юристы меньше всего исходили из стремления выразить чьи-либо классовые интересы. В их задачу, напротив, входило создать разумный общественный порядок, способный мирным, ненасильственным путем преодолеть существующие в стране социальные противоречия или, во всяком случае, примирить их таким образом, чтобы интересы общества в целом не были принесены в жертву эгоистическим устремлениям отдельных классов или социальных слоев. Русский либерализм поэтому стремился максимально заимствовать и практически применить все лучшие достижения европейской цивилизации, нейтрализуя в то же время деструктивные силы, делающие ставку на эскалацию социальных конфликтов.

К числу сильных сторон русского либерализма относятся глубина теоретической мысли, стремление к объективному анализу социальных явлений, высокие культурные, этические и правовые идеалы движения; к числу слабых сторон — отрыв от масс, практическая беспомощность, отсутствие необходимой политической гибкости в экстремальных условиях. Для низших классов он был непонятен или недостаточно радикален, воплощая господство «помещиков и капиталистов», для дворянства он был неприемлем как течение, выступающее за отмену сословных привилегий, и, следовательно, являлся слишком радикальным, для буржуазии, как это ни парадоксально, неприемлем был лозунг свободного рынка, так как она не выдерживала конкуренции с иностранным капиталом и была зависима от государственных монополий; наконец, само государство в лице правящей бюрократии было совершенно неспособно к реформам в направлении либерализации.

Отличие политического строя Восточной Европы от классической демократии Запада не могло не найти отражения в соответствующей концепции: она включала создание конституционного образа правления в качестве необходимого условия социальных преобразований. Не случайно сами представители данного течения часто предпочитали понятие «конституционализм», а в России оно стало одновременно самоназванием ведущей либеральной партии. А понятие «либерализм» было непопулярно, потому кадеты предпочитали обходиться без него⁴⁴. Оно являлось объектом нападков как справа, так и слева: правительство рассматривало либералов как закамуфлированных радикалов, а революционеры считали их соглашателями, выразителями интересов правящих классов, о чем свидетельствуют такие характерные термины, как «дворянские либералы» и «буржуазные либералы». Русские либералы предпочитали поэтому определять себя как «общество», а свое движение как «общественное». Это давало возможность представлять данное движение более широким и имеющим более солидную социальную базу. Именно с этим связан тот факт, что кадеты, признававшие себя либералами по образцу западных, предпочитали называть свою партию «Партией народной свободы».

Для западного понимания либерализма традиционно отнесение к нему всех сил, борющихся со старым порядком, феодализмом, за торжество демократических идеалов. При таком подходе к либералам относят самых различных мыслителей и деятелей от весьма умеренных и даже консервативных до представителей революционного авангарда. Констатируя различия в воззрениях левого и правого крыла либерализма, западная традиция не противопоставляет их диаметрально друг другу (как это делает отечественная историография, создавая особый статус для революционеров-демократов), подчеркивая единство их целей (ликвидация феодальных отношений и абсолютизма) при различии в средствах их достижения (насильственные или мирные). Если применить западное толкование либерализма в России, то оно охватит практически всю историю освободительного движения за исключением марксистского этапа.

Исходя из этого, в качестве либералов рассматривают просвещенных монархов (Екатерина II, Александр I и Александр II), а также просветителей, декабристов, революционе-

ров XIX века⁴⁵. Руководствуясь той же логикой, сходство русского и западного либерализма, если о нем вообще можно определенно говорить, следует искать не в родстве их социальной опоры и сущности (которая была различна), а скорее в сходстве их идеологии, программы и объективных целей. В России, в отличие от Запада, либерализм имел другую форму и располагал иными (несравненно более слабыми) средствами, основывался на рецепции западноевропейских идей. Поэтому либерализм здесь — это реальный вклад либеральной идеологии в создание нового общества и его политических институтов. Ведь либералы повсюду имеют одну цель (защита прав человека, индивидуализм), а потому везде выступают за ликвидацию всех ограничений свободы личности, исходящих от общества, государства, церкви и т. д. Средством достижения этой цели везде служит определенный правовой порядок, суть которого определяется понятием «конституционализм».

В теории государственно-правового строительства существуют различные понятия для обозначения такого типа правления, как либеральная демократия. Это прежде всего доктрина политического плюрализма, восходящая к учениям Локка и Монтескье, Английской, Американской и Французской революциям, а в последующее время — к идеям Милля, Токвиля, Гумбольдта и других мыслителей⁴⁶. Плюралистическое направление мысли, возникнув в англо-американской традиции политической культуры с ее неприятием государства как единой монистичной и централизованной организации, противостоящей обществу, вообще предпочитает использовать вместо термина «государство» такие понятия, как «правительство», «система правления» и пр. Государство же предстает как сумма учреждений (суды, гражданская служба, публичные предприятия) или обобщается термином «бюрократия», под которой понимается часть правительства, не входящая в политическую или выборную его структуры. Плюралисты взяли на вооружение два основных веберовских тезиса: публичная бюрократия может быть подчинена демократическому давлению, осуществляемому через парламент; политика должна быть отделена от администрации. Сторонники плюрализма отстаивают конституционную модель бюрократии, которая рекрутируется «по заслугам» (меритократия), но обучена и дисциплинирована в традициях конституционного правления при соблюдении «публичного интереса» и «интересов государства».

Эти принципы стали идейной программой конституционализма стран с догоняющим характером развития. Конституционализм выступает при этом как средство модернизации и европеизации этих стран, стремления обеспечить легитимность правления и правовое воспитание масс⁴⁷. Это хорошо понимали ведущие русские ученые А. Д. Градовский, С. А. Муромцев, В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский, М. Я. Острогорский и другие, вообще представители так называемой юридической школы, заложившие теоретический фундамент конституционного движения в России. Элемент заимствования здесь был особенно значительным в силу отсталости страны, скачкообразности перемен в условиях революции, вообще догоняющего характера развития. Именно в области явлений идеологического порядка и, в частности, конституционализма, процесс заимствования опыта передовых государств дает себя знать в наибольшей степени. Особенно быстро и бурно модернизация идет как раз в странах с традиционными социальными отношениями, а носителем ее является интеллигенция (как главный посредник передачи в общество «европеизирующего» влияния).

С этой точки зрения, русский конституционализм есть, по мнению К. Фрюлиха, «соответствующее политическое движение, происходящее из процесса модернизации, провозглашенная цель которого состояла в установлении парламентарной системы политических решений и общественного контроля, стремящееся достичь этой цели с помощью организованной деятельности». Применительно к русским условиям более подходящим оказывается поэтому понятие «конституционализм»: оно в отличие от термина «либерализм» охватывает только часть объединяемых им явлений, а именно — парламентские гарантии участия в управлении, ставшие программным положением определенных партий в России; оно позволяет лучше ориентироваться в лабиринте различных партий, политических программ и моделях поведения⁴⁸.

В период, непосредственно предшествующий революции 1905 г., когда отчетливее стала поляризация сил и активно шел процесс консолидации политических партий, конституционализм все более превращается из идейного течения в политическую организацию, выдвигает своих лидеров. В ходе революции и после нее, вплоть до 1918 г. (разгон Учредительного собрания), конституционализм представляет собой очень значимую общественную силу, ставящую своей задачей постепенную трансформацию самодержавного строя в правовое государство парламентским путем. При изучении итогов революции не

прекращается, поэтому, спор о роли конституционализма вообще и кадетской партии, в частности, в политической борьбе. Вывод о бесперспективности конституционализма в России объясняет быструю последующую ликвидацию его как социально-политического течения. Однако более оправдан другой подход: рассмотрение русского конституционализма с точки зрения заложенных в нем универсальных принципов политического мышления, которые оправдали себя в глобальной исторической перспективе.

Анализ социального движения в России позволяет констатировать присущие ему фундаментальные противоречия — между реальным положением вещей и целями, с одной стороны, целями и средствами — с другой. Главное противоречие состоит в сочетании предельно строгого и трезвого взгляда на социальную действительность и нереальных, утопических выводов, которые делаются из этого, представлений о путях достижения справедливого общественного устройства. Констатируя слабость, или (как народники) даже отсутствие капитализма в России, интеллигенция в основной своей массе, вместо того, чтобы стимулировать развитие буржуазных отношений, приходила к заключению о необходимости построения социализма, который избавит Россию от издержек западного пути. Вообще интеллигенции стран, вставших на путь модернизации, свойственны подобные воззрения.

Действительно, проведение модернизации в отсталой стране, осуществляемое путем резкой ломки традиционных социальных установлений, в кратчайший промежуток времени, а часто и в экстремальных условиях, практически никогда не происходит только эволюционным путем, без конвульсий и применения насилия. Острота социального конфликта и степень общественного возбуждения объективно диктуют потребность в быстрых и решительных действиях, способных дать немедленные и ощутимые для масс результаты или, как минимум, видимость таких результатов. С этим связана важная особенность русского политического процесса и умонастроений интеллигенции — стремление к достижению поставленной цели, не считаясь с потерями и средствами их достижения, которые рассматривались как нечто второстепенное. Исключительно важным следствием этого является правовой нигилизм — негативное отношение к праву как инструменту социального регулирования⁴⁹.

В этом плане русский конституционализм оказывается единственным носителем правовой идеологии, которая должна рассматриваться как его подлинная политическая философия. Деятели кадетской партии, крупнейшие юристы и публицисты, считали своей основной задачей проведение принципов этой идеологии в жизнь. Русский конституционализм можно определить как программу построения правового государства в условиях догоняющего развития. В силу объективных причин (отсталости страны, отсутствия легальных форм политической деятельности, груза патриархальных традиций и т. д.) эта программа носила ярко выраженную печать идеализма. Глубоко научно обоснованная, продуманная во многом на опыте западноевропейского политического развития, а также учитывающая специфику национального развития, она не была претворена в жизнь из-за отсутствия стабильного политического процесса, институтов и конкретных инструментов воздействия на массы, которые оставались пассивным орудием реакционной политики самодержавного правительства или деструктивной агитации революционных радикалов.

Главным противоречием политической программы русских конституционалистов оказывалось противоречие между целями и наличными средствами их достижения. В связи с этим находится существование в рамках одной общей программы конституционалистов собственно двух программ — социальной и политической, разрыв между ними, связанный с представлением о большей важности правовых гарантий по отношению к социальным запросам населения. Решение конкретных социальных проблем — аграрного и рабочего, национального и других вопросов, — вполне обоснованно полагали русские конституционалисты, возможно лишь при наличии отработанного механизма социального регулирования: отсутствие такого механизма в виде правового государства делает все прочие реформы — даже в случае их реализации — пирровой победой.

Однако острота противоречий выдвигала на первый план именно социальный вопрос, решение которого стало рассматриваться современниками как важнейшее призвание эпохи. Констатируя данную ситуацию, именно в ней видят причину растущей нетерпимости и радикализма интеллигенции. Основой данного взгляда служило, по-видимому, представление о невозможности мирного, конституционного процесса в России. В результате конституционализм вынужден был отступить. Будучи побежденным как политическое течение, он, однако, сохранил свое значение социального идеала.

В Восточной Европе борьба с феодализмом и абсолютизмом протекала в значительно более поздний исторический период, а ряд ее аспектов не утратил актуальности и в новей-

шее время. Рассмотрение либерализма этого («восточноевропейского») типа в свете теории модернизации направлено на то, чтобы, с одной стороны, понять общие черты, присущие либерализму вообще, а с другой — его специфику, обращая при этом особое внимание на такие страны, как Германия, Австро-Венгрия, Испания XIX — начала XX в. и особенно Россия того же времени.

Дискуссионным остается вопрос, является ли либерализм единым и более или менее постоянным социальным явлением или дело обстоит как раз наоборот и следует говорить о множественности «либерализмов» для разных эпох, регионов и социальных слоев. Последняя точка зрения имеет довольно большое число сторонников. Суть проблемы состоит в определении социальной природы либерализма. Главная трудность при ее решении традиционно состояла в таких объективных свойствах либерализма, как неопределенность его социальной базы, разнообразие политических программ, изменчивость позиций либералов.

Однако есть свойство, всегда присущее либерализму. Это — жизненно необходимый минимум прав личности. Именно в этом состоит фундаментальное единство либерализма и причина его возрождения во все новых и новых условиях и обличьях. В соответствии с тем, дефицит каких прав (экономических, социальных, религиозных, политических, демографических и т. д.) особенно осязателен для данного общества, меняется и программа либерализма и отчасти его социальная база. В лице либерализма мы имеем очень чувствительный индикатор состояния общества и прежде всего основной его массы — средних слоев, для которых характерно, с одной стороны, стремление к изменениям в лучшую сторону, а с другой — неприятие крайних методов, грозящих потерей и тех прав личности, которыми она уже обладает.

Примечания

1. Liberalismus. Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 3. Stuttgart. 1982.
2. Liberalismus. Köln. 1976; Constitutionalism. N. Y. 1979; Liberalismus im 19. Jahrhundert. Göttingen. 1988.
3. BERNSTEIN G. L. Liberalism and Liberal Politics in Edwardian England. Boston. 1986, pp. 120—121.
4. LASKI H. J. The Rise of European Liberalism. Lnd. 1963.
5. Ibid., p. 258.
6. BRANCIARD M. Les libéralismes d'hier à aujourd'hui. Lyon. 1987.
7. HAYEK F. A. The Principles of a Liberal Social Order. — Studies in Philosophy, Politics and Economics. Lnd. 1967, p. 160.
8. Hegels Rechtsphilosophie im Zusammenhang der europäischen Verfassungsgeschichte. Stuttgart. 1986; Der soziale Liberalismus John Stuart Mills. Baden-Baden. 1987; La pensée politique et constitutionnelle de Montesquieu. P. 1988.
9. Liberalismus. Köln, 1976, S. 20.
10. ОПТЕГА-И-ГАСЦЕТ X. Восстание масс. — Вопросы философии, 1989, № 4, с. 136.
11. GRIMM D. Entstehungs- und Wirkungsbedingungen des modernen Konstitutionalismus. — Akten des 26. Deutschen Rechtshistorikertages. Frankfurt a.M. 1987.
12. Liberalismus, S. 192.
13. WILLOWEIT D. Deutsche Verfassungsgeschichte. München. 1990.
14. Parlamentarismus und Demokratie im Europa des 19. Jahrhunderts. München. 1982.
15. Liberalismus, S. 57.
16. LUTZ D. S. The Origins of American Constitutionalism. N. Y. 1988.
17. SMITH N. A. The New Enlightenment. Lnd. 1976, p. 47.
18. The Emergence of the Welfare State in Britain and Germany. 1850—1950. Lnd. 1984.
19. BRANCIARD M. Op. cit., pp. 74—79.
20. British Liberalism. Lnd. 1986.
21. HAURIOU A. Droit Constitutionnel et institutions politiques. P. 1970.
22. WEHLER H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte. Göttingen. 1975.
23. Der europäische Liberalismus im 19. Jahrhundert. Bd. 1—3. Ullstein. 1981.
24. LANGEWIESCHE D. Deutscher Liberalismus im europäischen Vergleich: Konzeption und Ergebnisse. In: Liberalismus im 19. Jahrhundert.
25. LÖWE H. D. Bürgertum, liberale Bewegung und gouvernementaler Liberalismus im Zarenreich um die Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert. — Ibid.

26. MOMMSEN W. J. Deutsche und britische Liberalismus. Versuch einer Bilanz. — Ibid., S. 216—217.
27. STOLLEIS S. Staat und Staatsräson in der frühen Neuzeit. — Studien zur Geschichte des öffentlichen Rechts. Frankfurt a.M. 1990.
28. Politische Ideologien und Nationalstaatliche Ordnung. München. 1968.
29. GALL L. Bismarck, Der weisse Revolutionär. Frankfurt a.M. 1980; SOMOGYI E. Vom Zentralismus zum Dualismus. Wiesbaden. 1983.
30. PARRY J. P. Democracy and Religion. Cambridge. 1986.
31. Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- und Twentieth Century Europe. Lnd. 1989.
32. BEUME K. von. Die parlamentarischen Regierungssysteme in Europa. München. 1970.
33. BOLDT H. Deutsche Staatslehre im Vormärz. Düsseldorf. 1975, S. 19—25.
34. BÖCKENFÖRDE E.-W. Gesetz und gesetzgebende Gewalt. Brf. 1981.
35. Moderne deutsche Verfassungsgeschichte (1815—1918). Köln. 1972.
36. TORRE VILLAR E., LAGUARDIA J. M. Desarrollo Histórico del Constitucionalismo hispanoamericano. México. 1976; CLAVERO B. Evolucion histórica del constitucionalismo Español. Madrid. 1986; ATTARD E. El constitucionalismo Español: 1808—1978. Valencia. 1988.
37. BERLIN I. Russian Thinkers. Harmondsworth. 1979.
38. FISHER G. Russian Liberalism. Cambridge, 1958.
39. RAEFF M. Comprendre l'ancien régime russe. P. 1982.
40. SCHAPIRO L. Russian Studies. N. Y. 1986.
41. LAUE T. H., von. The Prospects of Liberal Democracy in Tsarist Russia. In: Essays on Russian Liberalism. Columbia University Press. 1972.
42. WEBER M. Zur Russischen Revolution von 1905. Tübingen. 1989.
43. FIELD D. Kavelin und Russian Liberalism. — Slavic Review, 1973, vol. 32, № 1; OFFORD D. Portraits of Early Russian Liberals. Lnd. 1985.
44. Essays on Russian Liberalism.
45. LEONTOVITSCH V. Geschichte des Liberalismus in Russland. Frankfurt a.M. 1957.
46. DUNLEAVY P., O'LEARY B. Theories of the State. N. Y. 1987, pp. 6—7.
47. Le constitutionalisme aujourd'hui. P. 1984.
48. FRÖHLICH K. The Emergence of Russian Constitutionalism. 1900—1904. The Hague. 1981.
49. WALICKI A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford. 1987.

П. Н. КУДРЯВЦЕВ. Лекции. Сочинения. Избранное. М. Наука. 1991. 344 с.

Публикация в серии «Памятники исторической мысли» трудов русского медиевиста П. Н. Кудрявцева (1816—1858) подготовлена крупным палеографом, кандидатом исторических наук С. А. Асиновской. Более 40 лет она настойчиво разрабатывает архивные материалы, удачно сочетая изучение западноевропейского средневековья и истории отечественной медиевистики.

В рецензируемое издание вошли: не публиковавшийся ранее курс лекций Кудрявцева по истории гуманизма и Реформации в Западной Европе; ставшие библиографической редкостью две его статьи — «О достоверности истории» и «О современных задачах истории», опубликованные в «Отечественных записках» в 1851 и 1853 гг.; а также два очерка из его книги «Римские женщины. Исторические рассказы по Тациту» (1856 г.). В «Приложениях» помещены статья Т. Д. Сергеевой «Кудрявцев как историк», историко-археографический обзор С. А. Асиновской автографа курса «Гуманизм и Реформация в Европе», научные комментарии и указатель имен к сочинениям Кудрявцева, подготовленные Т. Д. Сергеевой.

Продуманность отобранного для публикации материала позволяет оценить научные и методологические достижения и поиски Кудрявцева. Сергеевой удалось нарисовать портрет этого ученого — литератора и критика, преподавателя и историка, существенно дополняющий общую картину развития исторической мысли в России середины XIX века. Комментарии Сергеевой выходят за рамки скупой библиографической справки, содержат ценные сведения об использованных Кудрявцевым источниках и литературе, дают дополнительный материал из не вошедших в издание частей его лекционного курса и магистерской диссертации, а также уточняют позиции Кудрявцева по отдельным вопросам. Досадно, что в комментариях допущены следующие оговорки: Ян Гус не мог быть «сторонником» английского реформатора Уиклефа, как пишет Сергеева, но только его последователем (с. 326); Лютер отвергал не таинство причастия, а его материальное, вульгарное толкование (с. 327).

Наличие автографа курса, казалось, облегчало работу Асиновской. Однако потребовалась нелегкая расшифровка и работа по воссозданию

текста, свидетельствующая о высоком мастерстве С. А. Асиновской как палеографа. Представляется убедительным установление ею органической связи и преемственности курса с двумя сохранившимися в архиве лекциями по новой истории (текст, посвященный Макиавелли, и часть, озаглавленная «Элемент религиозный»), а также предположительного времени чтения курса. В историко-археографическом очерке Асиновская дает палеографический и источниковедческий анализ автографа с дополнительной информацией о тех его частях, которые не вошли в издание (V—VII разделы, содержащие характеристику Реформации во Франции, борьбы католического мира с протестантами и Реформацией на севере Европы).

Кудрявцев, стоявший вместе со своим учителем Т. Н. Грановским у истоков отечественной медиевистики и открывший, в частности, специализацию по истории раннесредневековой Италии, был незаслуженно обойден вниманием в отечественной историографии. Кудрявцев, как и многие другие русские ученые XIX в., стремился выйти за рамки отечественной истории. Его усилия питались не в последнюю очередь желанием поставить собственную страну в контекст общеевропейского развития, а отечественную науку — в мировой процесс развития исторического знания. Творчество Кудрявцева позволяет определить те новые потребности и подходы к истории, которые приведут к победе позитивизма в русской исторической науке 70-х годов XIX века.

Научная значимость автографа лекционного курса по гуманизму и Реформации определяется возможностью углубить наши представления о развитии в отечественной медиевистике культурологических исследований, которые оформились в специальное направление в конце XIX — начале XX века. Однако его успехи в то время заслоняли получившие признание за рубежом достижения преобладающего направления — социально-экономической истории (труды Н. И. Кареева, И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова). После революции представители культурологической школы, обвиняемые в идеализме, пережили гонения и эмиграцию (Л. В. Карсавин, П. М. Бицилли) или были вынуждены оставить свои занятия (И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рожественская). Современная наука возвращает их имена и труды. Теперь стало очевидным, что у истоков этого культурологического направления стоял Кудрявцев.

Некоторые особенности содержания опубликованных в издании трудов Кудрявцева, отразив состояние и достижения отечественной и зарубежной науки середины XIX в., в известной мере предопределили или предвосхитили ее будущее. В великолепной литературной форме автор рисует широкую панораму конкретно-исторического развития гуманизма и Реформации, оживляя

ее выразительными портретами деятелей той эпохи. Настоящими жемчужинами в этой галерее являются портреты Макиавелли и Лютера. Кудрявцев не случайно восхищается Лютером, деятельность которого, по его мнению, обеспечила успех Реформации. Будучи в общественной жизни сподвижником Грановского и разделяя его участь поднадзорного из-за своих передовых взглядов и протеста против политического и духовного деспотизма, он, как и его учитель, предпочитал в общественной жизни путь реформ. Крайности революционного переустройства общества, показанные им в анализе Мюнстерской коммуны (неопубликованная часть курса), были, как он считал, неизбежно сопряжены с политической диктатурой, подавляющей и уродующей человеческую личность.

Научные оценки и выводы Кудрявцева не потеряли, в известной мере, значения и поныне. Затрагивая дискуссионную тему о соотношении гуманизма и Реформации и отмечая принципиальную разницу в светской и религиозной направленности этих явлений, он вместе с тем подчеркивает огромную роль гуманизма в подготовке Реформации. Однако решающим условием перехода к новому времени он считает не гуманизм, имевший элитарный характер, а Реформацию как религиозное движение, затронувшее сознание и понятное самым широким слоям общества. Изменяя собственной исходной позиции, признающей решающее влияние сферы идей и духовной жизни в истории, он проецирует эту сферу на социальную жизнь. Этот подход, только намеченный в сочинениях Кудрявцева, в полной мере был реализован в «социальной истории» в XX веке.

Попытки Кудрявцева соотнести духовную сферу с социальной жизнью присутствуют и в оценке «женского вопроса». Материальная и нравственная судьба женщины, затронутая ученым в трех портретах женщин — Агриппины, жены Германика, Мессалины и Агриппины старшей — поставлены им в связь с социальными сдвигами в римском обществе. Благодаря им, по словам Кудрявцева, «семья перестала быть очарованным кругом» для женщины, которая включается в общественную жизнь и даже политическую деятельность.

В свете той ломки, которую переживает сейчас отечественная историография, особый интерес представляет высказанное Кудрявцевым в статьях «О достоверности истории» и «О современных задачах истории» суждение об истории как науке. Оно отражает общий для европейской историографии середины XIX в. порыв к превращению истории в науку, что, по мнению многих ученых, в том числе Кудрявцева, зависело от уровня критического анализа, способности не только к накоплению фактов, но их синтезу и познанию закономерностей общественного развития. Из истории исторической науки, по мнению

Кудрявцева, нельзя выбросить ни одной страницы, не нанеся ущерба целому. Сознавая недостижимость полной и совершенной, по его словам, истины и не исключая необходимости отторжения старых представлений, он осуждает историков, склонных к «голому отрицанию» предше-

ственников, разрушающему науку», и настаивает на том, что ученые неизбежно должны возвращаться к поставленным ранее проблемам для нового их решения.

Н. А. ХАЧАТУРЯН

М. А. БАРГ. Великая Английская революция в портретах ее деятелей. М. Мысль. 1991. 400 с.

Книга доктора исторических наук М. А. Барга стала его последней, итоговой работой. Труд этот можно назвать своеобразной энциклопедией Английской революции. Книга раскрывает экономическую, социальную, идеологическую и политическую сущность революции и ее предпосылок. Особое место занимает многосторонний и яркий показ деятелей, которые воплощали в себе основные социальные тенденции. Не случайно первая часть озаглавлена «Портрет времени», а вторая — «Портреты деятелей революции». Автор стремился связать многообразный исторический контекст с тем, как он преломился в жизни и деятельности конкретных исторических личностей.

История Английской буржуазной революции XVII в. была генеральной темой Барга на протяжении всей его жизни. Его работы по этой теме открывают «Кромвель и его время» (М. 1950). Затем последовала книга, написанная совместно с В. М. Лавровским, — «Английская буржуазная революция XVII века» (М. 1958). Это был крупный обобщающий труд, внесший много нового в разработку ряда проблем, особенно — в трактовку социальной и политической роли нового дворянства как гегемона революции. Международную известность приобрела монография «Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века» (М. 1967), в которой на широком историческом фоне рассматривалось движение «истинных левеллеров», деятельность Д. Уинстенли. Сходные идеи были выдвинуты в Англии — К. Хиллом, в Канаде — К. Макферсоном. Барг внес также существенный вклад в изучение средневековой Англии («Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв.» М. 1962) и британской культуры («Шекспир и история». М. 1976).

В центре внимания Барга постоянно находились судьбы исторической науки. Кроме статей и рецензий, им написаны три монографии: «Проблемы социальной истории в освещении современной западной историографии» (М. 1973), «Категории и методы исторической науки» (М. 1984), «Эпохи и идеи. Становление историзма» (М. 1987). Барг приложил много усилий к разработке теоретических проблем эпохи, переходной от феодализма к капитализму (этой теме, помимо

статей, посвящена написанная совместно с Е. Б. Черняком книга «Великие социальные революции XVII—XVIII веков в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму». М. 1990).

В своем последнем труде Барг, развивая взгляды советских и зарубежных историков (Б. Ф. Поршнева, Х. Р. Тревора-Ропера и других), вписывает Английскую революцию в широкий круг революционных движений середины XVII века, но при этом стремится рассматривать факты и события не только в социально-экономическом контексте, но и сквозь призму культурологических обобщений с параллельным анализом менталитета эпохи. Краткий историографический очерк полемически заострен против имеющих хождение на Западе трактовок революции, представляющих собой «еще сохранившиеся в англоязычной историографии реминисценции вигских концепций» (с. 33). Барг активно выступает против ревизии традиционно высоких оценок исторической значимости Английской революции и ее социально-классовой интерпретации, но в то же время отдает должное построениям К. Хилла и его школы, уже многие десятилетия развивающих нетривиальный подход к революции XVII века.

Читатель не пройдет мимо того, как Барг подходит к обоснованию роли пуританизма. Автор так резюмирует свою точку зрения: «Проповедь модифицированного в интересах широких масс кальвинизма пробуждала в этой среде сознание достоинства и общественной значимости каждой человеческой личности независимо от ее сословного статуса, равно как и сознание того, что существующий сословный строй лишен божественной санкции. Более того, эта проповедь лишала ореола святости и особу самого короля, чье высокое положение само по себе значило перед престолом господина не больше, чем положение последнего королевского подданного» (с. 98).

Значительная часть книги отведена истории казни короля Карла I как кульминации в развитии всей революции. Была ли казнь короля необходимой и оправданной? На этот счет имелись различные точки зрения, о чем подробно пишет Барг. Ведь не случайно генерал Т. Ферфакс, который был одним из ближайших сподвижников Кромве-

ля, отказался заседать в суде и подписать приговор. Что касается Дж. Лильберна, в антиабсолютистских взглядах которого нельзя сомневаться, то он отверг предложение войти в состав членов специально созданной для суда над королем высшей судебной палаты и вообще отрицал законность такого суда. Барг приводит доводы самого подсудимого: «Нет таких законов, на основании которых король может быть привлечен к суду своими подданными», «король выше закона, ибо он — его источник» (с. 204). Перечеркнула эти доводы цитируемая в книге речь председателя суда Бредшоу, который сказал: «Существует договор, заключенный между королем и его народом, и обязательства, из него вытекающие, обоюдосторонние: обязанность суверена защищать свой народ, обязанность народа — верность суверену. Если король однажды нарушил свою клятву и свои обязательства, он уничтожил свой суверенитет» (с. 219). Такими словами обвинитель выразил свою точку зрения и точку зрения главного «цареубийцы» О. Кромвеля.

В советской историографии изначально утвердилось однозначно положительное отношение к казни Карла I в ходе Английской, Людовика XVI и Марии Антуанетты в ходе Французской революции. Если же взять историографию не только марксистскую, но в более широком плане, то к этим акциям сложилось самое различное, чаще негативное отношение. И дело не в том, что историки стоят на позициях защиты отжившего феодально-абсолютистского строя, а в том, что они исходят из интересов самой революции. Известно, что казнь короля восстановила против республики и революции почти все государства Европы, значительную часть народа собственной страны, сохранявшую верность монархическим символам, морально дискредитировала Кромвеля и его окружение, а в конечном счете ускорила и облегчила реставрацию монархии.

Объясняя повороты в биографиях деятелей революции, Барг исходит прежде всего из социально-классовой обусловленности их поступков и решений. Так, Кромвель на всех этапах своей фантазмагорической карьеры предстает как наиболее адекватный, наиболее дальновидный представитель интересов имущих классов, буржуазии и нового дворянства. Что касается Лильберна, то в книге подчеркивается мелкобуржуазная природа его воззрений, что, по мнению Барга, определяет как сильные, так и акцентируемые им слабые стороны этого выдающегося деятеля революции. Переходя к Уинстенли, автор характеризует его как «гениального английского плебея», представителя интересов

своего социального слоя — деревенского плебса, а тем самым, по Баргу, и крестьянства.

У нас нет оснований не соглашаться с этими оценками, однако некоторая абсолютизация социально-классового подхода здесь, конечно, имеет место. Ведь Кромвель был не только выразителем чьих-то классовых интересов, но и полководцем, военным диктатором со всеми свойственными такому положению особенностями. Лильберн был не только мелкобуржуазным поборником формально-юридической законности, но, прежде всего, борцом против олигархически-диктаторского пути развития революции, что и предполагало его опору на действующую законность, попираемую тем же Кромвелем. Конечно, Уинстенли был выразителем интересов деревенского плебса, но роль и значение этой социальной группировки нет оснований преувеличивать. Устами Уинстенли Барг отрицает значение частной собственности, частного интереса, всецело становясь на позиции утверждения «общего интереса», как он его называет. На основании этого делается вывод о том, что Уинстенли гораздо глубже постигал суть понятия «свобода», нежели Лильберн. Однако правота, с исторической точки зрения, все же оказалась скорее на стороне последнего.

Между тем, уже в предисловии Барг отдает пальму первенства Уинстенли, считая его, а не Кромвеля или Лильберна «наиболее неординарной личностью». Вряд ли можно с этим согласиться. Отдавая должное самоотверженному стремлению Уинстенли, пусть утопическими средствами, что не отрицает и Барг, наметить программу улучшения жизни наиболее обездоленных слоев общества, нельзя, однако, не признать, что именно Кромвель стоял во главе революции, которую Барг называет «Великой». Именно Лильберн, действуя в интересах широких слоев народа и от его имени, заложил основы личной и политической свободы, того, что мы называем «буржуазной демократией». Таким образом, все три героя книги являются по своим свершениям в равной мере, хотя и по-разному, неординарными личностями.

Существенно, что в последней книге Барга намечены пути дальнейшего осмысления темы «революция и личность», выходящие за пределы того, что фактически уже стало традиционным. И хотя он сам не успел далеко продвинуться по этим путям, необходимость такого движения вытекает из ознакомления с его книгой.

М. И. БАЦЕР

ЛОТАР ГАЛЛЬ. *Буржуазия в Германии*

Интерес к истории немецкой буржуазии не случаен: ученые ищут ответ на вопрос о причинах политической слабости немецкой буржуазии, несоизмеримой с ее экономическим могуществом, что проявилось в борьбе за либеральные идеалы в 1848 г., в том, что она встала на сторону реакции в конце XIX — начале XX в., наконец, не сумела помешать Гитлеру прийти к власти в 1933 году.

В соответствии с авторским замыслом, предметом исследования Л. Галля является достаточно репрезентативная история одной бюргерской семьи. Автор остановил свой выбор на южногерманской купеческой семье Бассерманов, которая была обязана своим материальным успехом исключительно энергии, предприимчивости, личному труду. История этой семьи прослеживается на протяжении девяти поколений с XVII по начало XX в., преимущественно в Великом герцогстве Баденском, а именно вначале в Гейдельберге, затем в Мангейме. Она дала Германии ряд выдающихся деятелей в сфере политики и культуры: таких, как Ф. Д. Бассерман — один из видных либералов 1848 г., Э. Бассерман — председатель национал-либеральной партии накануне первой мировой войны, а также известный актер театра и кино А. Бассерман. Автора интересует не только политическое поведение членов этого семейства, но и то, как отражались в нем главные тенденции эпохи. Многие наблюдения Галля уточняют или даже исправляют сложившиеся стереотипы.

На примере Бассерманов Галль показывает положение первых представителей «нового бюргерства», то есть уже собственно буржуазии, переросших рамки сословного общества, но во многом еще связанных с ним. В порядке вещей было обогащение за счет поставок двору, предоставляемых князьям займов. Последующие поколения Бассерманов проявили себя в шелкоткацком деле, которое поощрялось княжеской властью. Скептическое и несколько презрительное отношение к князьям, придворным у последующих поколений этой семьи еще более укрепилось. На гербе Бассерманов были помещены строки из стихотворения поэта эпохи Просвещения М. Г. Лихтвера: «Будь сам себе слуга и господин — у среднего сословия всегда девиз один!» (с. 74). Этот девиз отражал рост самосознания буржуазии, в основе которого был упор на самостоятельность как главный жизненный принцип.

Одним из важных, хотя и рискованных источников приумножения состояния была выгодная

женитьба. Бассерманам тут неизменно сопутствовал успех. Но, конечно, в основе их богатства были энергия и предприимчивость, присущие «новому бюргерству». Бассерманы породнились с мангеймскими семействами Фронов и Рейнхартов, составивших капиталы: первые от торговли металлоизделиями, а заодно и вином, денежных операций, ипотечного кредита под векселя, а вторые — от скупки векселей, спекуляции государственными займами; но это были дополнительные источники доходов, основой их все же была торговля полотном, табаком, зерном и вином.

В то время, замечает Галль, деньги, капитал отнюдь не всеми считались фундаментом общественного положения. Главной ценностью оставалась земля. И Бассерманы тоже старались приобретать землю, чтобы обезопасить себя на случай разорения.

Цехи и в первой половине XIX в. продолжали оставаться важным хозяйственным фактором, с которым приходилось считаться «новому бюргерству». И. Л. Бассерман как старшина цеха и Рейнхарт как обербургомистр Мангейма проводили согласованную политику. Это был союз интересов, объединяющий старое цеховое бюргерство и «новое», выдвинувшееся в межрегиональной торговле. Конфликт между ними наступил здесь лишь три-четыре десятилетия спустя. Пока же и те и другие находились в оппозиции к экономической и финансовой политике государства, к системе континентальной блокады, к французской экономической и политической гегемонии. И тем не менее, поколение, сформировавшееся в XVIII в., все еще — в своих политических воззрениях — принадлежало к Старому порядку, несмотря на то, что исповедовало либеральные идеи. Оно стремилось к расширению прав буржуазии при сохранении монархическо-бюрократической, полукорпоративной системы, без коренного ее преобразования.

Следующее поколение ставило перед собой цели, идущие значительно дальше. Фридриху Даниелю, первому из Бассерманов, ставшему профессиональным политиком (главой конституционного комитета Франкфуртского парламента), которому в исследовании отведено одно из центральных мест, суждено было подняться в годы революции 1848—1849 гг. до фигуры общегерманского масштаба. Однако в первые же месяцы революции обнаружился весьма умеренный характер его программы: он был решительным противником всеобщего избирательного права и прямого участия народа в политической жизни, был против введения прогрессивного подоходного налога и т. д. Провозглашая себя защитником «общих интересов», он, считает Галль, похо-

же, понимал под ними «бескомпромиссную защиту интересов состоятельной буржуазии» (с. 258). Раскол в либеральном лагере, разделивший всю Германию, не миновал и Мангейм. Популярность Фридриха Даниеля в родном городе упала до нуля.

Рассматривая поведение Ф. Д. Бассермана, в революции 1848 — 1849 гг., Галль близко подходит к ответу на вопрос о причинах политической слабости немецкой буржуазии. Бассерман слишком полагался на мнение, что либеральная и национальная идеи неразделимы, и считал, что любой успех в деле объединения нации идет на пользу либерализму (с. 312). Он все более подчинял идеи свободы и равенства главной своей задаче — единству Германии, которая приобрела значение самооценности, и не замечал, что в таком случае это единство могло служить совсем другим целям. Поражение революции стало не только политической, но и личной трагедией Ф. Д. Бассермана. Хотя либеральная буржуазия спасла монархию от народа, либеральные деятели были всюду сняты со своих постов, оказались вынуждены оставить баденский парламент.

Политическая карьера и ориентация другого Бассермана, Эрнста, действовавшего в конце XIX — начале XX в., во многом сходна с карьерой Фридриха Даниеля. Их роднило больше, чем семейные связи и традиции — явное предпочтение «национальных» целей либеральным, одни и те же социальные и политические инстинкты. Э. Бассерман возглавил национал-либеральную партию и ее фракцию в рейхстаге. Твердо следуя «консервативному либерализму», он придерживался курса на союз с консерваторами («бюловский блок»), неизменно отклоняя коалицию с социал-демократией — «от Бассермана до Бебеля», как тогда говорили¹. Во внешней политике курс лидера национал-либералов отличался крайним экспансионизмом.

В 1975 г. В. Моммзен и Л. Галль сформулировали тезис о «грехопадении» либеральной идеологии в Германии в эпоху империализма: ее начальные принципы приносились в жертву империалистически понятой «национальной идее», «сильному государству» и т. п.² В лице Бассермана идеология и политика праволиберального лагеря нашли свое адекватное выражение. Отношения с рабочим классом вырастали в главную проблему для буржуазии, всего общества. Одностороннее формулирование «буржуазных интересов», «абсолютизация буржуазной идеи успеха» вне связи с целями, на которые их следует употребить (оценки Галля — с. 457, 508), конечно, не способствовали смягчению социальных антагонизмов. Можно предположить, что на Э. Бассермана оказывали влияние традиции семьи, занимавшейся преимущественно коммерцией, а также банковским делом.

Вообще деловая активность Бассерманов

постепенно, но неуклонно сокращалась. Усилилась тяга семьи к науке и искусству. Старый девиз «Будь сам себе слуга и господин!» был предан забвению. В конечном счете, пишет Галль, самостоятельно ведущий свое «дело» Бассерман стал скорее исключением, чем правилом (с. 449). Семейные связи ослабевали.

Галль стремится оценить роль семейных традиций, общего мировоззрения, семейного микроклимата как объединяющего начала в описываемой социальной группе. По его мнению, в период складывания буржуазного общества внутрисемейные и межсемейные коммуникации обладали немаловажной классообразующей функцией (с. 399—400). Положение изменилось в эпоху империализма: на место общества средних собственников, о котором мечтали представители «нового бюргерства», приходило общество, состоявшее из крупных собственников и неимущих. В более широком смысле, думается, ситуация может быть понята в рамках уже отмеченного в литературе явления — растущей дифференциации средних слоев.

Последний видный представитель рода Бассерманов — Альберт — стоял вне политики, хотя и был верен либеральным традициям семьи. Не приемля нацизма, он (к тому же будучи женат на еврейке) в 1934 г. эмигрировал в США и вернулся в Германию только после войны.

В целом политическое поведение Бассерманов представляется нам весьма типичным для немецкого либерализма: на первом этапе умеренная оппозиция княжескому абсолютизму вместе со стремлением нажиться за его счет; в 1848 г. — выступление во главе революции от имени всего народа, «нации» и тут же — страх перед движением низов, робость, колебания в борьбе с абсолютизмом, самоизоляция и как следствие — поражение революции; в 1866 и 1870—1871 гг. — переход на сторону консерваторов и монархии; в конце XIX — начале XX в. — союз с реакцией на основе национализма и экспансионизма, антидемократический внутривнутриполитический курс.

Содержащийся в книге богатый материал о чисто «семейных» и личных аспектах, образе жизни состоятельного немецкого торговца дает пищу для размышлений и в этом направлении. Знакомство с человеческими судьбами, характерами, деталями повседневной жизни составляет важное достоинство подобных трудов.

Понятно, что интересное и глубокое исследование Галля позволяет более предметно представить себе судьбу лишь определенной части германской буржуазии. Свои особенности и интересы были и у финансовой, и у промышленной буржуазии, а внутри последней — у магнатов тяжелой промышленности (уголь, сталь) и новых отраслей — химической и электротехнической, не говоря уже о региональных различиях.

В. Н. ВИНОГРАДОВ

Примечания

1. Ср. мнение Р. Райфа: «Ни Бассерман, ни Бебель не проявили интереса к этой идее, осуществление которой, возможно, позволило бы нам избежать трагедии

первой, а следовательно, и второй мировой войны» (Liberalismus und imperialistischer Staat. Göttingen. 1975, S. 25).
2. Ibid., S. 110, 147.

R. PERNOUD. *La Femme au temps des Croisades*. Mesnil-sur-l'Estrée. Éditions Stock — L. Pernoud. 1990. 405 p.

Р. ПЕРНУ. *Женщина во времена Крестовых походов*

Публикатор Лоранс Перну (Франция) выпускает серию работ, посвященных деятельности женщин в разные эпохи. Ранее увидели свет книги: Д. Дезанти «Женщина в безумные годы», Р. Перну «Женщина во времена церковных соборов», Э. Раву-Ралло «Женщина Венеции во времена Казановы», И. Книбилер и Р. Гуталье «Женщина во времена колониальных захватов», Ф. Тебо «Женщина в войну 1914 г.», К. Дерош-Ноблькур «Женщина во времена фараонов», М.-К. Ок-Демарль «Женщина во времена Гёте», Д. Елисеева «Женщина во времена китайских императоров», К. Бернар-Шейр «Женщина во времена Шекспира», С. Бертэн «Женщина Вены во времена Фрейда», К. Маран-Фуке «Женщина во время Французской революции». К этой серии принадлежит и рецензируемая книга. Перу ее автора, завоевавшей себе имя в медиэвистике вскоре после второй мировой войны, принадлежит свыше 30 монографий, в их числе — пять о Жанне д'Арк.

Рассматриваемая книга Перну выглядит как продолжение ее работы «Люди в крестовом походе» (1984 г.) с тем отличием, что здесь не только выделен материал именно об участии женщин в событиях, связанных с Крестовыми походами, но и дополнительно использованы малоизвестные источники, хранящиеся в архивах Кипра, куда, как известно, после гибели Иерусалимского королевства бежали многие его обитатели, потомки первых крестоносцев, продолжая активно влиять на историю Леванта. Если обычно специалисты описывают лишь восемь главных Крестовых походов (1096—1270 гг.), то Перну не только повествует еще и о IX—XII походах (не называя их таковыми) и их последствиях, но и доводит изложение до исчезновения Иерусалимской королевской династии в 1510 году. Зато она опустила события, относящиеся к Детским походам 1212 г., к которым женщины имели прямое отношение.

Автор поставила своей задачей рассказать о наиболее знаменитых женщинах из тех нескольких тысяч, чьи имена упоминаются в источниках. В ее книге встречаются горожанки — жены и дочери купцов и ремесленников, знатные дамы, монашки и маркитантки; уроженки Западной Европы, гречанки, арабки, армянки, сирийки и турчанки; возделывательницы садов, хранитель-

ницы святых даров, правительницы государств, путешественницы, обитательницы гаремов и сестры призрения. По прочтении книги возникает стойкое впечатление, что без участия характеризующих в ней персонажей вся история Крестовых походов вообще обрела бы иные очертания. Своеобразие позиции Перну состоит в том, что она избегает обычной нумерации походов, поскольку считает, что сам этот термин, вошедший в обращение с XVII в., лишь затемняет истину и был использован историками просто для удобства систематизации при сопоставлении совпадающих по обрамлению событий. Восемь главных Крестовых походов — такое же стандартное клише, как семь чудес света или девять античных муз (с. 17).

Преимущественное внимание уделено автором тому, как жены и спутницы известных завоевателей или защитников святых мест вдохновляли их на борьбу, нацеливали их устремления и потом управляли захваченным либо доставшимся в наследство. Крестовые походы, на взгляд Перну, не просто завоевательные экспедиции, какими их принято изображать независимо от отношения специалистов к их целям, но явление миграционного типа, близкое к социальным движениям эпохи Великого переселения народов, однако обладающее западноевропейской феодальной церковной и светской спецификой. Эти походы, как она считает, уходят корнями в раннехристианское паломничество. Постоянно имели место малые странствия к различным святым местам Европы. Крестовые же походы суть большие, массовые паломничества, принявшие военный характер потому, что иначе они не могли бы состояться.

Перну повторяет здесь точку зрения Б. Дансетт¹, возводит же она начало таких странствий в Святую землю к путешествию некой Эгерии в Иерусалим в 333 г., затем благочестивой Паулы с ее дочерью Евстохой в Палестину и Египет в 384 году. По их следам двинулись позднее многочисленные группы верующих дев, чьи путешествия в I тыс. н. э. создали прочную традицию (с. 21—25). После того как в 614 г. Иерусалим захватили персы, в 637 г. арабы и в 1078 г. турки-сельджуки, прежние паломничества были затруднены и Кре-

стовые походы стали неизбежными. Теперь женщины не только организовывали девичье паломничество или сопровождали крестоносцев, но и сами вели в Палестину войска, вроде маркграфини Иды Австрийской в 1101 году. Такие женщины играли в Средние века не меньшую роль, чем в конце XX в. — М. Тэтчер, Б. Бхутто и К. Акино (с. 28).

Перну детально описывает различные импозантные мероприятия, которые осуществляли во время Крестовых походов средневековые женщины. Чтобы читатель нагляднее представил себе масштабы проделанной при этом поисковой работы над источниками, назовем лишь основные персонажи книги: византийская принцесса Анна Комнен, супруга знаменитого воина Роберта Гискара Сикельгаита, дочь герцога Эда I Бургундского Флорина, жены графов Раймунда де Сен-Жиля и Бодуэна Булонского Эльвира и Годвера, графиня Адель Блуазская, герцогиня Анна Лотарингская, жена и дочь какого-то рыцаря Агнеса и Анзелина, безымянная супруга арабского шейха, королева Мелисанда Иерусалимская, княгиня Алиса Антиохийская, лазаритка Мария из Бейрута, королева Алиенора Аквитанская, графиня Беатриса де Куртнэ, некая Одиерна из Триполи,

Констанция де Пуатье, принцесса Мария Комнен, лазаритка Сибилла из Яффы, Этьеннетта де Керак, баронесса Изабелла Иерусалимская, графиня Бланка Шампанская, королева Алиса Кипрская, будущая королева Маргарита Прованская, принцесса Сибилла Армянская, королева Элеонора Кипрская, княгиня Маргарита Морейская, супруга шведского сенешаля Бригитта, безымянная английская паломница из Бата, миланка Валентина Висконти, венецианка Катарина Корнаро, множество других. Анализ их действий составляет основное содержание книги.

Написанная в научно-популярном стиле и колоритным языком, работа Перну впечатляет обилием малоизвестных деталей прошлого, выявленных в разнообразных источниках и скомпонованных в стройном изложении. Что касается социально-экономической базы походов, то она осталась за бортом книги.

Ф. Г. ФАНИН

Примечания

1. DANSETTE B. Les Pèlerinages occidentaux en Terre sainte aux XVe et HVe siècles. P. 1977.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Возвращаясь к напечатанному

Одномерна ли история?

Статья А. Я. Гуревича «О кризисе современной исторической науки» (Вопросы истории, 1991, № 2—3) как бы суммирует и повторяет все предыдущие выступления автора, посвященные актуальным проблемам современного исторического знания¹. Здесь у него, как и прежде, повторяются: и традиционная критика методологии марксизма, и панегирик школе «Анналов», и сетования по поводу кризиса исторической науки, и, в качестве главной альтернативы этому кризису, все так же предлагается социокультурная, антропологически ориентированная история.

Представляется, что тезис о кризисе исторической науки требует определенного уточнения. Если иметь в виду отечественную историографию, то этот кризис очевиден, и суть его достаточно полно раскрыта в статье. Что же касается западной исторической науки, то тут дело обстоит иначе. Только за последние несколько лет на страницах исторических журналов Великобритании и США были опубликованы материалы интереснейших дискуссий, посвященных этому вопросу². Западные историки понимают кризис современной исторической науки как прежде всего обострение противоречий между так называемыми новой и старой историей. Этот кризис связан со многими проблемами, которые для нас еще впереди. Но, естественно, нам следует знать эти проблемы, поскольку мы часть международного сообщества историков.

Одной из главных проблем является так называемая плюрализация, дробление предмета исторической науки, появление отдельных, обособленных историй: женщин, семьи, рабочих, жителей какой-то определенной местности и т. д. Другая проблема — это многообразие эпистемологий и философий истории, вызванное дроблением предмета истории. Все это привело к росту scientизма, наукообразности, усложнению языка исследований, что понизило интерес читающей публики к подобным работам, принадлежащим, как правило, перу представителей «новой исторической науки», которые зачастую разрушают традиционные представления об истории как о некоем идеологическом единстве, связывающем

традиции и современность, прошлое и будущее, механизме, служащем сохранению социокультурной преемственности.

Выход из кризиса исторической науки видится в «историческом синтезе» «новой» и «старой» истории. Что же касается нашей страны, то, видимо, у нас кризис этот будет усугубляться в условиях «национально-территориального» возрождения, смены господствовавшей марксистско-ленинской парадигмы истории историко-антропологической в духе французских «Анналов», как это предлагает сделать Гуревич, — или же националистически-позитивистскими штудиями в духе одномерных представлений о национальной исключительности.

Можно возразить Гуревичу и по поводу чрезмерной абсолютизации и преувеличения значения работ школы «Анналов» для современной западной историографии. Нельзя забывать и о традиционном влиянии на англо-американскую историографию XIX—XX вв. французской социальной истории Ж. Тьерри, Ж. Мишле и А. Пиренна, которая наряду с государственно-правовыми подходами немецкой историографии заложила основы своеобразия англо-американской социальной истории. Большинство исследователей подчеркивает опосредованный характер влияния «Анналов» на историческую науку США (в частности, через восприятие идей Э. Дюркгейма, М. Вебера или структурно-функциональной социологии Т. Парсонса). Многие американские историки обращают внимание на ограниченность исследовательских приемов школы «Анналов», представители которой сводят все многообразие развития человечества к истории повседневности, быта и т. п.³ Характерно, что ни один из «анналистов» не занимался исследованием таких важных событий в истории, как Рисорджименто, Великая Французская революция. Только 200-летний юбилей ее хоть как-то заставил их обратиться к проблемам политической истории.

Вызывает возражение и утверждение Гуревича о том, что «Февр и его последователи резко противопоставили традиционную «историю-повествование» «истории-проблеме»» (с. 30). «Исто-

рия-проблема» предполагает приоритет объяснения, интерпретации перед нарративом, рассказом о прошедших событиях. Если же внимательно изучить известные работы «анналистов» (а не исходить из отдельных теоретических деклараций М. Блока или Л. Февра), то обнаружим в них преобладание именно нарратива. Знаменитый труд Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» как раз и может служить ярким примером талантливо написанной, но все-таки нарративной истории, то есть «истории-повествования»⁴.

Не выдерживает критики и абсолютизация (причем с чисто европоцентристских позиций) антропоцентристских методов в истории. Если такие методы годятся, скажем, для изучения европейских, христианских цивилизаций, сознание и дискурс которых изначально ориентированы антропоцентристски, то их нельзя использовать при изучении так называемых системных обществ Востока, где и человек, и время, и история воспринимались совершенно по-другому, нежели в «субъектных» обществах Европы⁵. В противном случае, следуя за Гуревичем, мы по-прежнему, как и во времена К. Маркса, будем «европеизировать» историю Востока, но только с позиции не исторического материализма, а исторической антропологии.

Не случайно в современной исторической антропологии, наряду с «символической» антропологией, рассматривающей человека через призму культуры, то есть как систему символов, и «социоструктурной» антропологии, изучающей человека через различные социальные структуры, все больше крепнет так называемая космологическая антропология, которая рассматривает человека как часть космоса, а культуру как «адаптационный механизм»⁶. Кстати, в основе этого «постмодернистского космолизма» лежат идеи наших соотечественников, таких, как Н. Ф. Федоров, К. А. Циолковский и В. И. Вернадский.

Невозможно понять формирование и эволюцию «новой исторической науки», отрицая значение марксизма в этом процессе (как это делает Гуревич). А ведь «новая история» окончательно сформировалась благодаря леворадикальному, с элементами марксистской ориентации движению «новых левых», охватившему интеллектуальную молодежь Запада в 60—70-х годах. Леворадикальные историки представляли новое поколение исследователей, как правило, еще не интегрированных в систему «научного истеблишмента» по причине возраста, половой, расовой, этно-религиозной принадлежности. Эта социокультурная оппозиционность сказалась и на выборе тем и методов исследования, чаще всего нетрадиционных⁷. Именно благодаря «новым левым», с их интересом к демократически-ориентированным социологическим концепциям и методам исследования общества, в США и Англии стали популярны сюжеты и научные подходы историков «Анналов», изучающих роль «молчаливого большинства» в истории. Следует напомнить о популярности среди историков современности теории «культурной гегемонии» А. Грамши, идей Э. Хобсбаума об «ошибочной традиции» и т. п.

К сожалению, говоря о переходе от средневековья к новому времени, Гуревич как-то обходит леворадикальную концепцию «моральной экономики» английского историка Э. Томпсона, которую используют сегодня большинство «новых социальных» историков Великобритании и США. Она заслуживает особого разговора. Томпсон, рассматривая положение социальных низов и возникновение пролетариата в Англии, пока-

зал, что демографические трудности (резкий прирост населения в XVII—XVIII вв.) и классовые противоречия проявлялись и разрешались — на уровне культурных форм — в определенном коллективном ритуале. Социальные низы использовали различные традиции ритуального характера как средства защиты своего «традиционного» общества. Томпсон называет такое средство «моральной экономикой», при помощи которой простонародье защищалось от наступления капитализма. Работники доказывали законность обычаев и традиций в противовес частнособственническому праву и правилам рыночной логики.

Концепцию «моральной экономики» развивают американская исследовательница Дж. Эпплби в работе об экономической мысли в Англии XVIII века. «Моральная экономика» здесь трактуется, во-первых, как определенный тип экономики, сутью которого было производство не на продажу, а для непосредственного потребления в рамках относительно обособленного хозяйства (какой она видит экономику тюдоровской Англии); во-вторых, как определенная система идей, отвечающая такому типу экономики. В основе «моральной экономики», считает Эпплби, лежит общинная этика Библии, а целью ее было потребление само по себе, в то время, как «торговая или рыночная экономика» ориентирована на получение прибыли.

В монографии американского ученого Дж. Скотта понятие «моральная экономика» было не только применено к крестьянству Азии, Африки и Латинской Америки. При этом, как заметил А. И. Фурсов, «если у Томпсона «моральная экономика» скорее метафора, образ, чем строго определенная и самостоятельная категория, то у Скотта это — центральное понятие, главная концептуальная ось, вокруг которой строится исследование»⁸.

Некоторые современные историки говорят уже о «моральной традиции мелкого производителя», противостоящей капитализму и основанной на совокупности таких ценностей, как значимость труда, равенство, экономическая самостоятельность индивидуума и коллективизм общины. В Англии такая традиция была связана с «плебейским» христианством социальных низов, ассоциациями подмастерьев, с программой левеллеров времен Английской революции XVII века⁹.

Указанные концепции можно обнаружить не только у «левых радикалов», но и у достаточно умеренных авторов, например американского исследователя идеологии пуританизма М. Уольцера¹⁰.

Не упоминая о влиянии, оказанном леворадикалами на современную историографию, Гуревич фактически создает одномерную, а потому деформированную картину развития современной исторической науки.

Думается, что беда некоторых наших исследователей всеобщей истории состоит в их зависимости (зачастую неосознанной) от чужих теоретических схем и слепом следовании парадигмам западных историков. Не плодотворнее ли ориентироваться в первую очередь на объект конкретного исследования, который и будет определять во многом методы его изучения? Не следует бояться применять самые разнообразные социологические или антропологические схемы и подходы. История человечества многомерна, и методы ее исследования, подходы и интерпретации не должны быть одномерными.

С. И. Жук,
Днепропетровск

Примечания

1. Из статей последних лет см.: ГУРЕВИЧ А. Я. Социальная история и историческая наука. — Вопросы философии, 1990, № 4; его же. Уроки Люсьена Февра. В кн.: ФЕВР Л. Бои за историю. М. 1991.
2. AHR Forum: The Old History and the New. — American Historical Review (далее — AHR), 1989, Vol. 94, № 3; KLOPPENBERG J. Objectivity and Historicism: A Century of American Historical Writing. — Ibid., № 4; BEBBINGTON D. History and Theory. — History, 1990, Vol. 75, № 244; ROGERS B. Philosophy for Historians: The Methodological Writings of Quentin Skinner. — Ibid.
3. BAILY B. The Challenge of Modern Historiography. — AHR, 1982, Vol. 87, № 1; DEGLER C. In Pursuit of an American Dream. Ibid., 1987, Vol. 92, № 1.
4. MEGILL A. Recounting the Past: "Description", Explanation, and Narrative in Historiography. — AHR, 1989, Vol. 94, № 3.
5. Рассуждения в неомарксистском духе на эту тему можно найти в статье: ФУРСОВ А. И. Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта. — Французский ежегодник, 1987. М. 1989.
6. TOULMIN S. The Return to Cosmology. Post-Modern Science and the Theology of Nature. Berkeley (Cal.). 1982.
7. ISSERMAN M. The Not-So-Dark and Bloody Ground; New Works on the 1960s. — AHR, 1989, Vol. 94, № 4.
8. ФУРСОВ А. И. Проблемы социальной истории крестьянства Азии. В кн.: Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. Сб. ИНИОН АН СССР. Вып. 1. М. 1986, с. 9, 42, 50.
9. См. THOMPSON E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the XVIIIth Century. — Past and Present, 1971, № 50; APPLEBY J. Economic Thought and Ideology in Seventeenth Century England. Princeton. 1978, pp. 25, 53; SCOTT J. Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven. 1976; VICKERS D. Competency and Competition: Economic Culture in Early America. — William and Mary Quarterly, 3d ser., 1990, Vol. XLVII, № 1; SCHULTZ R. The Small-Producer Tradition and the Moral Origins of Artisan Radicalism in Philadelphia, 1720-1810. — Past and Present, 1990, № 127.
10. WALZER M. Puritanism as a Revolutionary Ideology. — History and Theory, 1964, Vol. 3, № 1.

Пора отойти от прежних оценок ленинизма

Нередко противоборствующие в сфере межнациональных отношений стороны свою позицию определяют как единственно правильную, подчеркивая при этом ее соответствие теории и практике ленинизма. К примеру, руководители Крыма и его русскоязычное население считают, что Крымская АССР 1921 г. создавалась на основе программного ленинского положения об областной (территориальной) автономии и что воссозданная сегодня автономия в Крыму является прямой наследницей прежней. Большинство же крымскотатарского населения считает прежнюю автономию национальной и требует воссоздания ее такой же, «какая была при жизни Ленина».

Возникает необходимость вернуться к оценке теоретических воззрений и практических действий В. И. Ленина в сфере межнациональных отношений.

Начнем с того, как обосновывалось программное положение партии о праве наций на самоопределение, впервые сформулированное II съездом РСДРП (1903 г.). На протяжении последующих 11 лет оно вызывало критику со стороны национальных социал-демократических организаций, считавших его абстрактным, неконкретным. Ленин отказывался признать эту критику справедливой, жизнь продолжала требовать ясных ответов на вопросы: что такое самоопределение наций, при каких конкретных условиях социал-демократы должны поддерживать право на него, кто является носителем воли нации к отделению, каков механизм разрешения вопроса об отделении?

В первое десятилетие после II съезда РСДРП Ленин часто говорил о преимуществах крупных централизованных государств перед мелкими с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Поэтому он выступал за преодоление отчужденности рабочих разных национальностей, за их классовую солидарность в рамках страны и в то же время отрицательно относился к федерации и национальной автоно-

мии¹. С этих позиций он рассматривал и содержание права наций на самоопределение, утверждая, что учет интересов народа в целом — постановка вопроса буржуазно-демократическая и не может устраивать социал-демократов².

В 1903 г. он писал: «Мы должны именно для успешной борьбы со всеми видами эксплуатации и гнета не раздроблять, а соединять силы наиболее угнетенного и наиболее способного к борьбе рабочего класса. Требование признания права на самоопределение за каждой национальностью означает само по себе лишь то, что мы, партия пролетариата, должны быть всегда и безусловно против всякой попытки насилия или несправедливостью влиять извне на народное самоопределение. Исполняя всегда этот свой отрицательный долг (борьбы и протеста против насилия), мы сами со своей стороны заботимся о самоопределении не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности»³.

В 1908 г. Ленин проводит мысль о том, «чтобы партия пролетариата своею пропагандистскою и агитационною деятельностью призвала к соединению, а не к раздроблению, к разрешению возвышенных задач централизованных государств, а не к захолустному одичанию и национальной ограниченности»⁴. В интересах развития классовой борьбы пролетариата против буржуазии он призывал социал-демократов не путать обязательность отделения наций с ее целесообразностью.

В дальнейшем взгляды Ленина на содержание программного положения партии о праве наций на самоопределение претерпели существенные изменения, о чем свидетельствуют работы, написанные им в 1913—1915 годах. На вопрос: «Что такое самоопределение наций?» в 1914 г. он дал такой ответ: «Если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не «сочиняя» абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разу-

меемся государственное отделение их от чужденациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства»⁵.

К этому времени Ленин ответил и на другие вопросы о самоопределении наций, в том числе и на такие: кто является носителем воли нации к отделению и каков механизм принятия решения о нем? В 1913 г., ссылаясь на отделение Норвегии от Швеции (1905 г.), он писал: „«Право на самоопределение»... означает решение вопроса именно не центральным парламентом, а парламентом, сеймом, референдумом *отделяющегося меньшинства*... «Право на самоопределение» означает *такой демократический строй*, в котором бы не только вообще была демократия, но специально не могло быть *не демократического* решения вопроса об отделении». Далее ставился вопрос «как быть... если демократическое голосование даст реакционерам большинство?» В этом случае, по мнению Ленина, возможны два исхода: либо решение реакционеров проводится в жизнь, что способствует привлечению масс на сторону демократов, либо конфликт разрешается гражданской войной»⁶.

В 1914 г. Ленин, возвращаясь к этим вопросам и снова ссылаясь на процедуру отделения Норвегии от Швеции (решение норвежского сейма и последовавшего за этим референдума), писал: «Ни один социал-демократ, если он не решится объявить безразличными для себя вопросы политической свободы и демократизма (а в таком случае, разумеется, он перестал бы быть социал-демократом), не сможет отрицать... *обязательность* для сознательных рабочих систематической пропаганды и подготовки того, чтобы возможные столкновения из-за отделения наций решались *только так*, как они были и разрешены в 1905 г. между Норвегией и Швецией»⁷.

Современным политикам, ратующим за следование ленинизму, необходимо определиться по отношению к ленинским суждениям о цивилизованных путях самоопределения народов. Если эти политики действительно преданы идеям Ленина, им придется признать, что нынешние события в Прибалтике, на Кавказе, в Молдове, на Украине соответствуют духу ленинизма. Несогласие же с этим тезисом означает по существу признание несостоятельности ленинизма в качестве идейно-теоретической основы для разрешения возникших в межнациональных отношениях проблем.

С правом наций на самоопределение связан вопрос об автономии. Программное положение российских социал-демократов о ней впервые было сформулировано Лениным и принято II съездом РСДРП. Звучало оно так: «Широкое местное самоуправление; областное самоуправление тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения»⁸. В 1908 г. Ленин, комментируя это положение, заявлял, что «политическая программа исключает всякое насилие и несправедливость, требуя широкой автономии для отдельных провинций (см. пункт 3-й программы партии)»⁹. Позднее Ленин отмечал принципиальную разницу между автономией национальной и областной (территориальной), выражая негативное отношение к первой и всячески защищая вторую.

В 1913 г. он объяснил, почему социал-демократы должны отрицательно относиться к лозунгу «культурно-национальной» (или просто «национальной») «автономии» и к проектам осуществления таковой; приводил доводы в пользу территориальной автономии¹⁰. Тогда же он кос-

нулся и конкретных условий создания последней: «Демократический централизм не только не исключает местного самоуправления с автономией областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т. п., а, напротив, необходимо требует и того и другого... Совершенно очевидно, что нельзя себе представить современного действительно демократического государства без предоставления такой автономии всякой области с сколько-нибудь существенными хозяйственными и бытовыми особенностями, с особым национальным составом населения и т. п.». «Но национальный состав населения — один из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других... Национальный состав поставлен здесь рядом с другими условиями (в первую голову хозяйственными, затем бытовыми и т. д.), которые должны послужить основанием к установлению новых границ»¹¹.

Как видим, Ленин не был сторонником создания государственных образований лишь по национальному признаку. Не являлись таковыми и Крымские республики 1918, 1919 и 1921 гг., созданные при личном участии Ленина. Нет также оснований считать их образованными в соответствии с доктринальным ленинским положением национальной программы большевиков об областной (территориальной) автономии. После прихода к власти это требование было ими «забыто», перестало упоминаться в официальных документах партии. Ничего не сказано о нем и в декретах ВЦИК и СНК РСФСР об образовании Крымских республик.

Пролить свет на эти «темные пятна» нашей истории могли бы материалы заседаний Политбюро ЦК РКП(б), предшествовавших образованию этих республик, но соответствующие архивные фонды до сих пор остаются недоступными для исследователей. Однако ключом к пониманию существа вопроса в определенной мере могут служить опубликованные тезисы выступления Ленина на майском пленуме ЦК 1921 года. Вопрос о создании Крымской АССР он рассматривал в связи с политической обстановкой. По его оценке, после окончания гражданской войны международное положение нашей страны характеризовалось временным равновесием сил между нею и капиталистическим миром. Нужна была максимальная гибкость, чтобы не допустить втягивания ее в новую войну. Этой цели должен был служить ряд приграничных новообразований, призванных сыграть роль «буфера» между нашей страной и недружественно настроенными по отношению к ней соседями. Другими словами, Крымская АССР и подобные ей образования были вызваны к жизни тактикой большевиков в сложной международной ситуации.

Почему же большевики во главе с Лениным не последовали провозглашенному ими в доктринальный период принципу областной (территориальной) автономии? Однозначного ответа на этот вопрос пока не дано. Полагаем, что это было связано с курсом большевиков на мировую социалистическую революцию, с их планами по созданию единой мировой социалистической республики. Одержимый идеей социалистической революции, Ленин на первый план ставил интересы классовой борьбы пролетариата и приносил значение общедемократических задач в национальном вопросе. Большевики не были последовательными демократами. Их доктринальные демократические призывы преследовали лишь тактические цели, связанные с развитием революции. По

достижении этих целей большевики предавали забвению свои программные положения. Разрыв между словом и делом допускал в своих действиях и Ленин, так поступали и «верные ленинцы». Поэтому ныне, когда мы стремимся к обеспечению приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми, следует, по крайней мере, быть

более осторожными со ссылками на ленинские положения как самый авторитетный аргумент при решении национального вопроса.

*Н. Е. Дементьев,
доктор исторических наук,
Симферополь*

Примечания

1. См. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 7, с. 233—242.
2. См. там же, с. 105, 233—242.
3. Там же, с. 105.
4. Там же. Т. 17, с. 166.
5. Там же. Т. 25, с. 259.
6. Там же. Т. 24, с. 227—228.

7. Там же. Т. 25, с. 290—291.
8. КПСС в резолюциях и решениях... Изд. 8-е. Т. 1, с. 63.
9. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 17, с. 166.
10. См. там же. Т. 23, с. 317—321.
11. Там же. Т. 24, с. 44—49.

Возродим Русское историческое общество

1917 год стал последним годом существования Русского исторического общества (РИО), оказавшего неоценимые услуги отечественной исторической науке. Осенью 1990 г. в Орле собрались люди, которые считали, что это общество должно быть возрождено. Эта идея не была лишь данью моде нашего времени, ведь восставшее из пепла РИО могло бы служить решению конкретных задач, которые назрели в исторической науке.

С 1917 г. она была поставлена в зависимость от политики и шла на поводу у идеологии, часто отмечая труды ученых с оригинальными, но отличными от общей линии концепциями. Популяризацией истории, просвещением масс в этой области науки занимались не столько профессионалы, сколько политики и публицисты. Возрожденное РИО могло бы взять на себя и просветительские функции.

Историческое общество — ассоциация, целью которой служит не только исследование истории, но и единение лиц, ею занимающихся. В содействии лучшей организации научно-исследовательской работы нуждаются прежде всего молодые историки. Им необходима как мораль-

ная, так и чисто практическая поддержка, и особенно в публикации своих работ. Наука от этого только выиграет.

Основной функцией РИО должно стать объединение всех сил, заинтересованных в процветании исторической науки. Сейчас эти силы ослаблены именно потому, что нет консолидирующего центра. Между тем разрушаются памятники культуры, погибают в библиотеках редчайшие книжные собрания, до сих пор недоступны многие архивные фонды.

Быть или не быть РИО — зависит от самих историков. Поэтому мы поддерживаем инициативу группы историков, обратившихся со страниц журнала «Вопросы истории» (1992, № 2—3) с призывом воссоздать Русское историческое общество как Российское.

*Участники орловской встречи
по проведению конференции
возрождения РИО
О. Я. Ноздрин, А. Б. Зеленев,
С. В. Машкин, Е. А. Тюрин,
А. А. Коробков, В. И. Ефремов*

Contents

The Political Archives of the 20th Century. Materials of the February-March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: P. W. Davis, P. Gatrell. From Tsarism to NEP; Reminiscences: Memoirs of Nikita Khrushchev. Historical Profiles: G. A. Dubovitsky. Andrew Jackson. History and Lives: General A. Denikin. From the History of Troubled Times in Russia. People. Events. Facts. V. N. Bulatov. The Arctic Commission; V. T. Sushko. Winter Palace Before and After October 25, 1917; V. S. Chesnokov. The Podolinskys and the Berdyaevs (Family Ties). Historiography. The Urgent Theoretical Issues of Contemporary History. A. N. Medushevsky. Liberalism as the Problem for Contemporary Western Historiography. Reviews on the Books: P. N. Kudryavtsev. Lectures. Works. Selected Works; M. A. Barg. The Great English Revolution in the Portraits of its Participants; Lothar Gall. Bürgertum in Deutschland, R. Pernoud. La Femme au temps des Croisades. Letters to the Editor.

Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»,
Российская Академия наук,
Издательство «Прогресс»

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Б. В. Орешин, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» № 8—9, 1992, 192 стр.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор И. В. Малюхина.

Сдано в набор 11.02.92. Подписано в печать 17.04.92. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 33,6. Уч.-изд. л. 20,6. Тираж 18 708 экз. Заказ 29. С-082. Индекс 70145.

А/О «Издательская группа „Прогресс“». 119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bul., 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**